

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ECONOMICS SCIENCE**

УДК 336.226.322

**НАЛОГОВЫЕ РИСКИ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО
МЕНЕДЖМЕНТА
TAX RISKS IN SYSTEM OF REGIONAL MANAGEMENT**

*Бескоровайна Н. С., Северо-Кавказский федеральный университет, профессор
кафедры налогов и налогообложения, доктор экономических наук, доцент*

*Beskorovaynaya N.S., North Caucasian federal university, professor of the department
«Taxes and taxation», doctor of Economics, docent*

e-mail: agb20047@rambler.ru

Аннотация: Рассмотрены особенности налоговых рисков регионов и муниципальных образований и методы территориального риск-менеджмента

Annotation: Features of tax risks of regions and municipalities and methods of a territorial risk management are considered

Ключевые слова: налоговый риск, налоговый менеджмент, налоговая политика

Keywords: tax risk, tax management, tax policy

В последнее время тема налоговых рисков вызывает большой интерес у специалистов, связанный с обсуждением возможностей стабилизации и повышения определенности условий ведения экономической деятельности. В Основных направлениях налоговой политики Российской Федерации на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов основным приоритетом в этой области названо создание эффективной налоговой системы, обеспечивающей бюджетную устойчивость в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Основными целями налогового регулирования продолжают оставаться поддержка инвестиций, развитие человеческого капитала, повышение предпринимательской активности, сохранение конкурентоспособности отечественной налоговой системы. В документе отмечается, что важнейшим фактором проводимой налоговой политики является необходимость поддержания сбалансированности бюджетной системы Российской Федерации, при сохранении неизменной налоговой нагрузки по секторам экономики, в которых достигнут ее оптимальный уровень.

Термин «налоговый риск» не упоминается в действующем законодательстве о налогах и сборах, однако широко используется в научной литературе и практике налогового администрирования. Чаще всего налоговые риски понимаются как вероятность финансовых

потерь налогоплательщика, связанных с действиями государства или самих налогоплательщиков. Другие авторы справедливо применяют понятие налоговых рисков по отношению ко всем субъектам налоговых отношений – как к налогоплательщикам, так и к государству [1, 3. 6 и др.]. Действительно, вводя новые налоги, усиливая налоговую нагрузку, государство может не получить ожидаемые доходы, так как часть хозяйствующих субъектов начинает уклоняться от уплаты налогов, другие стремятся минимизировать свои налоговые обязательства.

В. Г. Пансков подразделяет факторы налоговых рисков на внутренние и внешние. К первым относится собственная деятельность налогоплательщиков по налоговому планированию, а для государства – проводимая им налоговая политика. Внешние факторы не зависят от деятельности государства и налогоплательщиков. Для налогоплательщиков – это главным образом изменение условий налогообложения, а для государства – формирование и функционирование международных оффшорных зон, мировая конъюнктура цен на экспортируемую продукцию и др. Таким образом, при проведении налоговой политики, внесении изменений в законодательство государство должно оценивать степень налоговых рисков как самих налогоплательщиков, так и с точки зрения наполняемости бюджетов [3].

Заслуживает рассмотрения определение налоговых рисков О. С. Семеновой, в соответствии с которым они понимаются как вероятность наступления неблагоприятных последствий финансово-правового характера для государства и налогоплательщиков, возникающую при принятии управленческих решений в условиях неопределенности, связанной с поведением участников налоговых отношений [6]. Л.И. Гончаренко определяет налоговый риск, как возможное наступление неблагоприятных материальных (прежде всего финансовых) и иных последствий для налогоплательщика или государства в результате действий (бездействия) участников налоговых правоотношений [1].

В отношении государства к негативным последствиям налоговых рисков, кроме недополучения бюджетных доходов, следует отнести снижение инвестиционной активности, экономический спад и рост социальной напряженности. Считаем, что риски должны учитываться в процессе принятия управленческого решения, и не всегда являются результатом его реализации. Поэтому нельзя утверждать, что риски возникают в результате принятия субъектом управленческого решения. В связи с этим налоговые риски следует определить как вероятность финансовых потерь и иных неблагоприятных последствий для субъектов налоговых отношений.

Объективной причиной возникновения налоговых рисков является диалектическое противоречие, внутренне присущее фискальной функции налогов, а также взаимосвязи их фискальной и регулирующей функций. Если для государства ее успешная реализация находит проявление в обеспечении запланированных поступлений налоговых доходов в бюджет, то для налогоплательщика – это расходы, которые он стремится оптимизировать (минимизировать) в силу их неизбежности. Гармонизация интересов государства и

налогоплательщиков в этих объективных условиях выступает важным фактором минимизации налоговых рисков всех участников налоговых правоотношений [1].

Следует отметить, что в настоящее время задача согласования экономических интересов всех субъектов налоговой политики организационно сводится к задаче адаптации экономических интересов регионально-муниципального уровня и в гораздо большей степени уровня хозяйствующих субъектов к экономическим интересам федерального уровня [7].

По нашему мнению, следует расширить круг субъектов, которые должны управлять налоговыми рисками, имеющих свои интересы в этой сфере, выделяя региональные и муниципальные органы власти.

В настоящее время к недостаткам разграничения налоговых доходов между разными уровнями власти следует отнести:

- низкий финансовый потенциал региональных и местных налогов;
- ограниченные права органов власти субъектов Федерации и муниципальных образований по регулированию налоговых отношений [5].

Налоговые интересы различных уровней государственной власти затрагивают находятся в первую очередь в области разграничения налоговых полномочий и ответственности, а также распределения налоговых доходов, поступающих в распоряжение соответствующих бюджетов. При этом сама постановка вопроса о возможности не межбюджетных, а налоговых отношений между публично-правовыми образованиями, является дискуссионной [4].

Субъектами этих отношений выступают центральная власть, региональные и местные структуры управления, а также налогоплательщики. Объектом управления в этой области, по нашему мнению, являются: установление общих принципов налогообложения, отнесение налогов к определенному уровню бюджетной системы, распределение налоговых полномочий и ответственности. Налоговые же базы территорий определяются применительно к каждому налогу, не распределяются между публично-правовыми образованиями в рамках налоговых отношений, поэтому не могут быть их объектом.

Пределы компетенций различных уровней власти в организации налоговых отношений федеративного государства определяются в соответствии с основными принципами, обеспечивающими реализацию и соблюдение начал федерализма, к которым относятся:

- принцип единства налоговой политики;
- принцип единства системы налогообложения;
- принцип разделения полномочий в сфере налогообложения [2].

Сфера компетенции субфедеральных органов власти ограничивается довольно узкими рамками возможной «подстройки» экономических правил обложения региональными и местными налогами, главным образом – изменением налоговых ставок в определенных Налоговым кодексом РФ пределах, установлением налоговых льгот.

Организация налоговых отношений между публично-правовыми образованиями имеет значение не только с точки зрения наполнения их бюджетов, но и в аспекте регулирования их

социально-экономического развития. В связи с этим негативные последствия влияния факторов налоговых рисков могут заключаться как в недостаточности собственных (и налоговых) доходов бюджетов, так и в угнетении деловой активности хозяйствующих субъектов, увеличении масштабов нерегулируемой теневой экономики, в снижении уровня жизни населения, росте безработицы и социального недовольства. Причем территории с неразвитым налоговым потенциалом получают различного рода межбюджетные трансферты, что снижает уровень экономической самостоятельности и порождает в некоторой степени пассивную позицию регионов и муниципальных образований в отношении управления налоговыми рисками.

Вся совокупность налоговых рисков территорий может быть классифицирована по различным основаниям: по факторам (источникам) риска, по виду последствий, по размерам негативных последствий (табл. 1).

Налоговая политика на региональном и муниципальном уровне базируется на учете особенностей функционирования хозяйственного комплекса территории, экономических интересов и поведения налогоплательщиков. Таким образом, одной из целей управления налоговыми рисками субфедерального уровня является расширение влияния органов власти на налогоплательщиков, расположенных на определенных территориях.

На практике налоговые риски регионов имеют высокий оценочный уровень в силу того, что они в значительной степени зависят от решений федеральных органов власти, их налоговой и бюджетной политики. Особенностью территориальных налоговых рисков является их долгосрочный характер, связанный, с одной стороны, с необходимостью соблюдения принципа определенности в налогообложении, с другой – с инертностью происходящих в экономической системе изменений.

Таблица 1 – Классификация налоговых рисков субфедерального уровня

Основания классификации	Группа рисков	Виды рисков	Методы снижения рисков
по источникам риска	внешние	изменение федерального законодательства о налогах и сборах	Учет способности к уплате налогов при реализации налоговых полномочий Стимулирование инвестиций, инноваций, развития инфраструктуры Внутрирегиональное распределение налоговых доходов
		изменение распределения налогов и сборов по публично-правовым образованиям в соответствии с Бюджетным кодексом и региональными законами	
		состояние макроэкономики	
		неполнота налоговой информации	

	внутренние	неразвитость налоговых баз	на среднесрочной основе с учетом особенностей территорий	
		финансовая несостоятельность бюджетообразующих налогоплательщиков		
		низкая налоговая дисциплина налогоплательщиков		Реструктуризация налоговой
		несовершенство налогового контроля		задолженности по региональным и местным налогам
по виду последствий	финансовые	уменьшение налоговых поступлений в бюджеты	Контроль уплаты налогов	
		рост налоговой задолженности		
	экономические	структурные изменения экономики: негативные изменения отраслевой и территориальной структуры, рост теневой экономики, снижение инвестиций	Воспитание налоговой культуры у налогоплательщиков	
		увеличение числа банкротств		
		социальные		снижение уровня жизни населения
	рост безработицы			
	социальная напряженность			
	миграция населения			

Распределение налоговых потоков между публично-правовыми образованиями в соответствии с Бюджетным кодексом РФ и региональными законами имеет значение для организации налоговых отношений с точки зрения заинтересованности муниципальных органов власти в росте налоговых доходов региональных и местных бюджетов и таким образом побуждает их осуществлять контроль уплаты налогов хозяйствующими субъектами.

В Ставропольском крае имеется опыт положительной работы налоговых органов с муниципальными образованиями. В 2010 г. Управление Федеральной налоговой службы по Ставропольскому краю и Ассоциация «Совет муниципальных образований Ставропольского края» заключили соглашение о сотрудничестве в сфере экономического развития муниципалитетов. Соглашение определяет направления взаимодействия, среди которых основными стали: развитие системы местного самоуправления, оказание помощи населению края в области реализации положений налогового законодательства, администрирование имущественных налогов физических лиц, взыскание задолженности с физических лиц и другие.

Заключенное соглашение расширяет границы сотрудничества и придает совместной работе системный характер. Для местных бюджетов большое значение имеет работа с физическими лицами. Имущественные налоги граждан поступают большей частью в местные бюджеты, и муниципальные администрации имеют возможность повлиять на плательщиков разными путями: через работодателей, посредством личного общения.

Совершенствование методов налогового администрирования с участием местных администраций может осуществляться по следующим направлениям:

– установление оперативного контроля за соблюдением действующих законов и усиление мер, направленных на пресечение противозаконной деятельности и теневых экономических операций;

– реализацию мер по повышению собираемости налоговых платежей;

– осуществление налоговыми органами ежемесячного мониторинга поступления платежей в муниципальные бюджеты по всем категориям налогоплательщиков;

– проведение целенаправленной работы с организациями–недоимщиками по погашению накопленной налоговой задолженности, в том числе через осуществление реструктуризации задолженности юридических лиц по платежам в бюджеты всех уровней;

– списание безнадежной к взысканию недоимки, проведение процедур банкротства и исключение из единого государственного реестра налогоплательщиков ликвидированных организаций;

– контроль за целевым использованием земли, а также за использованием земельными участками без правоустанавливающих документов;

– контроль за вводом в эксплуатацию жилья и других строений, помещений и сооружений.

Одним из резервов увеличения доходов местных бюджетов является погашение задолженности по налогам и сборам. В соответствии с Постановлением Правительства РФ № 410 налоговые органы предоставляют в финансовые органы субъектов РФ и муниципалитетов информацию о суммах задолженности в целом по видам налогов и сборов. В целях сокращения недоимки следует внести изменение в указанное постановление, касающееся предоставления налоговыми органами в финансовые органы администраций информации о суммах задолженности в разрезе налогоплательщиков. Это позволит местным органам местного самоуправления оказать содействие налоговым органам в работе с недоимкой.

Определенную роль должны сыграть местные сообщества в преодолении отношения граждан к уплате налогов как к обременительной обязанности. Формирование отношения к уплате налогов как к гражданскому долгу в нашей стране возможно только через изменение общественного сознания и формирование гражданского общества.

Литература

1. Гончаренко, Л.И. Налоговые риски: теоретический взгляд на содержание понятия и факторы возникновения / Л.И. Гончаренко // Налоги и налогообложение. – 2009. – № 1.

2. Коровкин В.В. Основы теории налогообложения / В.В. Коровкин. – М. : Экономистъ. – 2006. – 576 с.
3. Пансков, В. Г. Налоговые риски: налогоплательщики и государство / В. Г. Пансков. // Налоговый вестник. – 2009. – № 1. – С. 3-7.
4. Пинская, М. Р. Сочетание налоговых интересов всех уровней власти / М. Р. Пинская. // Финансы, 2010. – № 6. – С. 34-38.
5. Родионова, В.М. Сбалансированность бюджетов: теоретический и правовой аспекты / В.М. Родионова. // Финансы. – 2012. – № 4. – С. 54-60.
6. Семенова, О. С. К вопросу о природе налоговых рисков / О. С. Семенова. // Финансы. – 2010. - № 7. – С. 36-42.
7. Юрзинова, И. Л. Концепция налоговой политики как механизма согласования экономических интересов государства и хозяйствующих субъектов / И. Л. Юрзинова. // Финансы и кредит. – 2007. - № 37. – С. 62-72.

УДК 338.2

**ПРИМЕНЕНИЕ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА К УПРАВЛЕНИЮ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКОЙ
THE CLUSTER APPROACH TO THE MANAGEMENT
OF THE REGIONAL ECONOMY**

Блудова С.Н., Северо-Кавказский Федеральный Университет доцент кафедры налоги и налогообложение, кандидат экономических наук, доцент

Bludova S.N., North-Caucasian Federal University, docent of the department of taxes, candidate of economy, docent

e-mail: bludo@inbox.ru

Аннотация: Рассмотрены вопросы применения кластерного подхода к управлению региональной экономикой. Проведен анализ методов оценки возможности формирования региональных кластеров.

Annotation: The problems of the cluster approach to the management of the regional economy. The analysis methods to assess the possibility of the formation of regional clusters.

Ключевые слова: кластер, региональные кластеры, количественный метод оценки, качественный метод оценки.

Key words: cluster, regional clusters, quantitative evaluation method, the qualitative evaluation method.

Необходимость повышения экономической эффективности региональных хозяйств ставит перед территориями новые задачи, прежде всего связанные с выбором конкурентоспособной модели региональной экономики, позволяющей максимально использовать существующий потенциал.

Сегодня кластерный подход признан одним из наиболее перспективных направлений развития региональной экономики. Во многом это связано с тем, что именно региональные кластеры позволяют одновременно сочетать все основные тенденции развития современной экономики. Эффективное функционирование кластера невозможно без новейших инновационных разработок, институциональной и инфраструктурной составляющих.

Современные кластеры существуют в различных формах и выполняют различные задачи: от обеспечения потребностей в качественной, стандартной продукции до производства новейших инновационных изделий. Глобализация мировой экономики привела к формированию не только региональных, но и глобальных кластерных инициатив.

В современной науке сформировалось целое научное направление, занимающееся изучением целесообразности создания кластеров на определенных теориях. Анализ показывает, что существует три основных подхода, оценивающих актуальность

формирования кластеров на определенных территориях: количественный, качественный и смешанный. Сторонники количественного подхода считают необходимым проведение точных экономических расчетов, позволяющих четко аргументировать целесообразность формирования кластеров. Основным инструментом приверженцев этого направления является расчет всевозможных коэффициентов локализации, сравнительных преимуществ и других, позволяющих дать количественную и качественную оценку социально-экономических процессов, происходящих в регионе. На данный момент не существует согласованного, экономически и логически выверенного алгоритма расчета таких показателей. Одни экономисты ограничиваются расчетом коэффициентов локализации, другие считают, что для полноты картины необходимо рассчитывать показатели сравнительных преимуществ, внутриотраслевой и межотраслевой специализации, внешнеторгового оборота, уровня инновационного развития экономики и т.д. За рубежом и в государственных органах используются методы анализа развивающихся кластеров и метод трех звезд [1], являющиеся более сокращенной версией количественного подхода, в которой рассчитываются в основном различные коэффициенты локализации и на основе их расчетов делаются все выводы. Преимуществом этих методик является возможность оценки количественных изменений, происходящих в регионе, в динамике. Такая оценка позволяет систематически оценивать правильность выбора территории для формирования кластера, а так же динамику его развития. Хорошие результаты дает и сочетание количественного подхода с другими методами оценки формирования и развития региональных кластеров. К недостаткам следует отнести большой объем расчетов, без которых достаточно сложно объективно оценить ситуацию с развитием региональных кластеров.

Качественные методы, к основным из которых относится метод экспертных оценок, так же имеют свои преимущества и недостатки. Преимущества этой группы методов связаны с относительно низкими издержками и оперативностью получения информации. К недостаткам относятся спорная компетентность экспертов, отсутствие системы в сборе информации для анализа, отсутствие конкретных количественных данных в динамике и, часто, спорная их интерпретация.

Существует и третий, смешанный подход, включающий в себя как количественную, так и качественную оценку. Безусловно это наиболее перспективный подход. В рамках этого подхода широко известен метод оценки привлекательности кластера Университета Толедо.

Использование различных критериев, возможность изменения категорий оценки, весовых коэффициентов позволяет изучать влияние каждого из рассматриваемых критериев. К недостаткам стоит отнести субъективный характер присвоения оценки подкатегорий. [1]

На протяжении последних десяти лет кластерный подход получил широкое распространение не только на федеральном, но, что более важно, на региональном уровне. К основным условиям стимулирующим формирование кластеров в регионах необходимо отнести наличие местной кластерной программы и промышленной политики; функционирование системы информационных связей между экономическими субъектами

региона; присутствие в регионе рационально расположенных предприятий и организаций, имеющих тесные производственные связи; природные и трудовые ресурсы; развитая региональная инфраструктура; инвестиции и достаточное финансирование региональных промышленных инициатив; наличие хорошо развитой сервисной инфраструктуры и многое другое.

Классическими примерами успешных кластеров являются группы компаний в области информационных технологий в Силиконовой долине, телекоммуникаций в Хельсинки, производства кинофильмов в Голливуде.

Предпосылки кластерной теории прослеживались еще в работах А. Смита и Д. Рикардо, посвященных анализу абсолютных и относительных преимуществ. В современной науке наиболее значительный вклад в развитие кластерной теории внес М. Портер.

Термин кластер стал популярен среди экономистов с конца 80-х годов. Концепция кластера представляет собой перспективный инструмент для анализа экономики региона, формирующий новый взгляд на роль региональных органов власти, предприятий, и других организаций, стремящихся к повышению своей конкурентоспособности.

Применение кластерного метода наиболее актуально именно на региональном уровне, вследствие необходимости тесного контакта между участниками кластера, что предполагает некоторое территориальное ограничение. Расположение в одном регионе или федеральном округе позволяет руководителям и специалистам быстро встретиться, обсудить общую задачу, оперативно решить любую возникшую проблему, а также определить приоритетные направления развития кластера. Одним из преимуществ кластерного управления экономикой является усиление роли экономических факторов при одновременном снижении административных. Особый интерес концепция кластерного управления региональной экономикой приобретает в свете усиления роли внешнеторговой деятельности в социально-экономическом развитии регионов, поскольку позволяет выявить факторы и элементы, воздействующие на развитие конкурентных преимуществ, через призму внешнеэкономической конкурентоспособности.

Роль региональных органов власти высока только на первых этапах формирования кластеров: в оценке внешнеэкономического комплекса региона, в выборе наиболее перспективных кластеров, создании выгодных условий для их формирования, и обусловлена учетом интересов регионального развития, не являющихся приоритетными для бизнеса. В дальнейшем, значение региональных властей сокращается и, главную роль начинают играть законы рыночной экономики, стимулирующие развитие наиболее выгодных производств, а роль региональных органов власти сводится к поддержке важнейших кластеров.

Управление внешнеэкономическим комплексом региона в случае применения метода кластеризации сводится к общему регулированию экономических процессов, протекающих в регионе. В этом случае региональное правительство может осуществлять функции по координированию развития внешнеэкономического комплекса региона посредством осуществления выставочно-ярмарочной деятельности, формирования положительного

имиджа региона, предоставления налоговых гарантий, льгот и субсидий, и этим стимулировать выпуск высококонкурентной готовой продукции или продукции с более высокой степенью переработки и не вмешиваться в решение проблем более низкого уровня.

Дополнительным аргументом в пользу формирования региональных кластеров с внешнеэкономической ориентацией являются положения классических теорий, в соответствии с которыми более высокие показатели объема производства продукции, занятости и производительности труда наблюдаются в отраслях, имеющих экспортную ориентацию. В соответствии с этим, для определения отраслевой специализации региона предлагается использование группы коэффициентов локализации: объемов производства, занятости, производительности труда, инвестиций в основной капитал, иностранных инвестиций, экспорта и импорта

Основными аргументами в пользу использования кластерного подхода в управлении региональной экономикой являются:

- быстрое распространение технологий, навыков и информации;
- возможности эффективного обмена идеями между специалистами а, следовательно, формирование конкурентной среды;
- возможность формирования промышленных объединений, обеспечивающих занятость населения региона, развитие инфраструктуры, и т.д.;
- возможность осуществления внутренней специализации и стандартизации;
- увеличение производительности труда;
- минимизация затрат на внедрение инноваций: наличие в структуре кластеров гибких предпринимательских структур – малых предприятий, способствующих формированию инновационных точек роста за счет высокой степени специализации при обслуживании конкретного промышленного производства;
- увеличение налогооблагаемой базы (центры управления малым и средним бизнесом, как правило, находятся на той же территории, что и сам бизнес, в отличие от вертикальных корпораций);
- возможность целенаправленной переориентации убыточных предприятий региона;
- возможность регулирования инвестиционных потоков и оценки эффективности их вложений на основе приоритетности развития региональных кластеров;
- повышение в регионе предпринимательской активности за счет создания благоприятных условий для развития экспортоориентированных и импортозамещающих производств.

Кластерный анализ может послужить основой для конструктивного диалога между предпринимателями и властью с целью выявления общих проблем, инвестиционных возможностей, корректировки промышленной и формирования инновационной политики региона.

Применительно к российским регионам существует ряд условий как способствующих, так и негативно влияющих на формирование кластеров. К позитивным условиям, несомненно, необходимо отнести существование технологической и научной инфраструктур, а так же психологическую готовность к кооперации, основанную на исторически сложившихся производственно-экономических связях.

К негативным факторам относятся низкое качество бизнес- климата и уровня развития ассоциативных структур (торговых палат, промышленных ассоциаций), которые не справляются с задачей выработки приоритетов в развитии региональной экономики; широко используемый краткосрочный горизонт планирования, в то время как в случае кластерного управления реальные выгоды от развития кластера появляются только через 5-7 лет.

Немаловажной проблемой является высокая стоимость кредитных ресурсов, нехватка долгосрочных прямых инвестиций, отсутствие инновационных разработок, морально и физически устаревшее оборудование. Региональные кластеры часто создаются не потому, что это рационально и созданы предпосылки для их формирования, по указу регионального или федерального правительства.

Литература

1. Дятлова Е.С. Методы оценки потенциала формирования кластеров // Современные проблемы развития предприятий, отраслей, комплексов, территорий: сб. научных трудов. Книга 2 / Е.С. Дятлова, под ред. М.М. Третьякова, М.В. Ивашкина, А.Н. Короля. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013.

УДК 339.9

**ВЕДУЩИЕ ЭКОНОМИСТЫ XIX- XX ВЕКА О РОЛИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИИ
LEADING ECONOMISTS XIX-XX CENTURY, THE ROLE OF FOREIGN TRADE IN THE
SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE TERRITORY**

Исакова О. С. , Северо-Кавказский Федеральный Университет, аспирант

Isakova O.S., North-Caucasian Federal University, applicant

e-mail: xomka06@inbox.ru

Аннотация: Рассмотрены взгляды ведущих западных и российских экономистов на вопросы осуществления внешнеэкономической деятельности и ее роль в социально-экономическом развитии территорий.

Annotation: The views of leading Western and Russian economists on issues of foreign economic activity and its role in the socio-economic development of the territories considered.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, теории внешней торговли.

Key words: trade, the theory of foreign trade.

Вопрос важности внешнеэкономической деятельности всегда широко обсуждался в экономической науке. Еще согласно теории свободной торговли, по мнению А. Смит, Д. Риккардо государство не должно было вмешиваться в структуру торговли. Этой позиции так же придерживались Д.С. Миль, М. Фридман и другие. [1]

В соответствии с теориями протекционистской направленности государство должно полностью контролировать все процессы в области торговли. Приверженцем этой теории, в числе многих, являлся У. Пети, считавший, что размеры пошлин должны способствовать увеличению стоимости импортных товаров по сравнению с отечественными аналогами. [2]

Идея государственного регулирования экономики характерна для всех представителей теории институционализма. Так Д. Гэлбрэйт считал необходимым осуществление контроля над экономикой со стороны государства, заключающееся, по его мнению, в регулировании общественных потребностей, государственном планировании основных пропорций народного хозяйства и т. д. [2]

Таким образом, можно сделать вывод, что почти все экономисты классического направления прямо или косвенно соглашались с тем, что экономические процессы должны регулироваться. Весь вопрос состоит в том, насколько велико должно быть такое вмешательство. По нашему мнению, регулирование экономических процессов, несомненно, необходимо, но оно должно осуществляться на основе глубокого, всестороннего изучения основных тенденций их развития и анализа объекта управления.

Большое внимание к внешнеэкономической составляющей экономики в России стало проявляться в начале XIX века. В научной полемике связанной с вопросами развития внешней торговли участвовали такие известные экономисты как Н. П. Румянцев, М. М. Сперанский, И. В. Вернадский, К. В. Нессельроде, Н. С. Мордвинов, М. Н. Соболев, Н.Н. Шапошников и другие известные государственные деятели и ученые. Анализ этих дискуссий показывает, что в основном, они сводились к определению наиболее выгодных географических направлений внешней торговли и выбору внешнеторговой политики.

Большую роль в полемике о роли внешнеэкономической и таможенной политики в социально-экономическом развитии России играл великий русский химик Д. И. Менделеев. Его перу принадлежит несколько фундаментальных трудов, посвященных проблемам внешнеторговой политики. Основные аргументы Менделеева в защиту протекционизма сводились к следующему: необходимость создания рабочих мест для местного населения, а не иностранцев; защита от конкуренции иностранных производителей. Д. И. Менделеев считал, что необходимо не столько сокращать импорт, сколько развивать собственное производство необходимых товаров. [3]

Анализ мероприятий русского правительства в сфере внешнеэкономической деятельности в XIX в. показывает, что в основном они были направлены на защиту отечественного рынка при помощи протекционистских мер. Все меры было принято обсуждать с широкой научной общественностью того времени. Роль регионов во внешнеэкономической деятельности практически не рассматривалась. Российская империя вообще не сильно уделяла внимание вопросам стимулирования самостоятельного развития отдельных регионов. Единственным различием, носившим региональную окраску, можно считать дифференцированное пошлинное обложение по европейской и азиатской границе России.

Во времена становления советского государства большое внимание проблемам развития внешней торговли уделял Григорий Яковлевич Сокольников (Бриллиант). Он отмечал, что необходимо сформировать «достаточно гибкий аппарат внешней торговли», который сможет оживить внутренний рынок. В целом по его мнению внешняя торговля должна укрепить советский рубль, а восстановление производства должно происходить одновременно с восстановлением рынка, так как именно посредством расширения экспорта возникает неограниченный рынок сбыта продукции, что ведет к расширению производства. Вследствие некоторого дисбаланса цен, в период НЭПа и индустриализации стоимость сельскохозяйственной продукции на мировом рынке была выше, чем на внутреннем, а промышленной наоборот ниже. Этим дисбалансом предлагалось воспользоваться, так как прибыль от экспорта зерна и другой сельскохозяйственной продукции позволяла импортировать сырье и оборудование для легкой промышленности. По мнению Г. Я. Сокольникова, крестьянское хозяйство, производящее экспортоориентированную сельскохозяйственную продукцию, должно было обеспечивать внутренний спрос на продукцию легкой промышленности и, вместе с тем, посредством кредитования, на основе

доходов от внешнеторговой деятельности, кредитовать ее. В свою очередь легкая промышленность совместно с сельскохозяйственным производством должна стать рынком и источником кредитования тяжелой промышленности. Приоритетные направления инвестиций, полученных от экспорта, он предлагал оценивать исходя из международного разделения труда. [4]

Таким образом, практически всеми экономистами подтверждалась важность осуществления внешнеэкономической деятельности для развития экономики. Но до XX в. влияние внешнеэкономического фактора рассматривалось, как уже отмечалось выше, с позиций неизменности набора факторов конкурентоспособности стран, статичности, а непосредственно понятия внешнеэкономического комплекса и его оценки не существовало вовсе.

В XX веке стало окончательно ясно, что объяснение международных внешнеторговых потоков только классическими теориями практически невозможно вследствие того, что они видят необходимость внешней торговли и экономического сотрудничества между странами в различной обеспеченности абсолютными и относительными преимуществами. С позиции классических теорий невозможно объяснить структуру современного экспорта и импорта, превращение технического прогресса в важнейший фактор международной торговли, рост встречных поставок подобных промышленных товаров, производимых в странах с примерно одинаковой обеспеченностью факторами производства, развитие внутрифирменного оборота, усиление роли информационных потоков и многих других особенностей, характеризующих международное сотрудничество. Кроме того, они не учитывают влияния на рыночные отношения концентрации производства, несовершенной конкуренции и многих других факторов, сдерживающих развитие свободной торговли. Таким образом, следует констатировать непреложный факт - реальная действительность все в большей степени не соответствует законам классических теорий. [5]

Неотехнологические концепции, возникшие на базе классических теорий, развиваются в новом направлении, связанном с анализом взаимосвязей между факторами производства и влиянием их на международный обмен. С этой точки зрения наибольший интерес представляют теория внутриотраслевой и межотраслевой торговли Б. Баласса, Х. Грубела, П.Ллойда, а так же теория региональных кластеров М. Портера. [6], [7]

В СССР так же предпринимались попытки сформировать механизм оценки внешнеэкономической деятельности. Но перечень используемых показателей, часто не позволял получить объективные данные. [8]

По мнению С. Н. Блудовой преимуществом расчета показателей «типа Грубела-Ллойда и Баласса» на региональном уровне является и то, что расчет коэффициентов осуществляется на основе данных товарной номенклатуры ВЭД, обработка которых на федеральном уровне по нашему мнению неэффективна и нецелесообразна вследствие невозможности выработки необходимых индивидуальных решений по совершенствованию структуры экспортно-импортных операций регионов. [9]

Большой интерес и широкое использование в последние десятилетия XX века получили теории конкурентоспособности и региональных кластеров М. Портера, основоположниками которой являются М. Портер, П. Кристенсен, С. Розенфельд, М. Пессини и др.

Таким образом, экономисты различных направлений уделяют большое внимание развитию теоретических основ внешнеэкономической деятельности.

Литература

1. Киреев А. П. Международная экономика. В 2-х ч. –Ч.1. Международная микроэкономика: движение товаров и факторов производства. Учебное пособие для вузов.- М.: Международные отношения, 1998.- 416с.
2. Агапова И.И. История экономических учений: Курс лекций. — М.: Юристъ, 2001.-285 с.
3. Дзюбенко П. В. Д. И. Менделеев и таможенный тариф: уроки для России. Монография. – М.: Русская новь, 2003-185с.
4. Муханова Е.Б. Из истории экономической мысли. Муханова Е. Б., Маневич В. Е., Чиркунова М. В. (сборник) №7, М.: Знание 1990г.
5. Блудова, С. Н. Методическое обеспечение оценки состояния и формирования направлений развития внешнеэкономического комплекса региона: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Светлана Николаевна Блудова. – Кострома, 2004. – 180 с. – Библ.: с. 146–160.
6. Парфенова Л. Б. Методы статистического измерения внутриотраслевой и межотраслевой торговли Польши со странами Европейского союза. Вопросы статистики. №2,2000, с.38-42
7. Портер М. Э. Конкуренция.: Пер. с англ.-М.: Издательский дом Вильямс,2005.- 608с.
8. Блудова С.Н. Место региона в развитии внешнеэкономических связей. Сборник научных трудов. Серия "Экономика" - Ставрополь: Северо-Кавказский государственный технический университет, 2002.
9. Блудова, С.Н. К вопросу о методике оценки региональной внешнеэкономической деятельности/С.Н. Блудова //Вопросы статистики. -2002. -№ 11. -С. 65-66.
10. Мингалева Ж.А., Оборина Е.Д. Пермский край: курс на развитие инноваций и ВЭД//Российское предпринимательство. 2010. № 8. С.170-175.

УДК 336.67

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СОСТАВНОЙ ЭЛЕМЕНТ
СИСТЕМЫ КОНТРОЛЛИНГА
INFORMATION TECHNOLOGY AS AN INTEGRAL ELEMENT
OF CONTROLLING SYSTEM**

*Зайченко И.А. Ставропольский технологический институт сервиса (филиал) ДГТУ, доцент кафедры «Экономика и менеджмент», кандидат экономических наук, доцент
Zaichenko I.A., Stavropol technological Institute of service (branch) ДГТУ, the senior lecturer of faculty «Economy and management», candidate of economic Sciences, docent
e-mail:irina_20_64@ mail.ru*

Аннотация. В связи с огромным объемом постоянно обновляющейся информации в банках, возникла необходимость в использовании новейших информационных технологий и создании автоматизированных банковских систем обработки данных.

Abstract. In connection with great volume of the constantly updated information in banks, there was a necessity in the use of new information technologies and creation of automated banking systems of data processing.

Ключевые слова: контроллинг, автоматизированные банковские системы, интеграция данных, комплекс операций, бэк-офис, мидл-офис, менеджмент, бизнес-конвейер, консолидированная отчетность, банковский бизнес.

Key words: controlling, automated banking systems, data integration, complex operations, back-office, middle office, management, business conveyor, consolidated financial statements, the banking business.

Современный контроллинг и организация управления банком являются сложнейшими системами, связанными с огромным объемом постоянно обновляющейся информации. В этой связи возникает необходимость в использовании новейших информационных технологий и создании автоматизированных банковских систем (АБС) обработки данных [2]

Многие руководители банков отмечают, что эффективное управление и контроль за состоянием (ресурсами) банка имеют важнейшее значение в процессе работы банка и играют решающую роль в кризисные дни. Важнейшим инструментом, позволяющим достичь высокого уровня оперативного управления, являются современные АБС, которые обеспечивают полную интеграцию всей информации банка и его филиалов.

Отсутствие интеграции ведет к неоправданному увеличению затрат на управление, снижает его оперативность и в конечном итоге сказывается на прибыльности банка. Для сбора и анализа данных требуется большой дополнительный штат персонала. Кроме того, практика показала, что в отсутствие интеграции определенный объем операций становится

предельным, и дальнейшее расширение становится банку просто невыгодно.

В случае, если информация используется каким-то выделенным отделом и недоступна для остальных подразделений, мониторинг операций в реальном времени невозможен. Для получения общей картины состояния банка приходится проводить регламентные процедуры сбора стратегических данных, которые, как приходилось слышать, могут занять несколько дней. Об оперативности управления в таких условиях можно не говорить.

Полная интеграция данных в АБС исключает перечисленные недостатки. Прежде всего, снижаются оперативные затраты. Интеграция данных исключает дублирование функций по обработке специализированных выборок и подготовке агрегированных показателей в различных отделах, что позволяет усилить концентрацию ресурсов.

Кроме того, интеграция дает возможность оперативно управлять банком. Поскольку информация о параметрах операций доступна в течение всего дня, аналитические показатели можно рассчитывать, не дожидаясь получения балансов. Повышается и оперативность обслуживания клиентов, так как служебные данные, используемые при работе с клиентом, при интеграции доступны с любого уполномоченного рабочего места. Важное достоинство интеграции также состоит в повышении эффективности работы банка и возможности полного контроля действий персонала. Обычно под интеграцией понимают лишь объединение данных, касающихся банковских операций с различными инструментами. Так, интегрирование данных по всему выполняемому банком комплексу операций (кредитование, депозитное обслуживание, работа на денежном и фондовом рынках) дает представление о состоянии банковского портфеля в оперативном режиме. Этот срез интеграции можно назвать горизонтальным.

Однако, этого недостаточно. Необходимо также объединить информацию со всех технологических участков, от фронт- до бэк-офиса через мидл-офис, аналитическую часть и менеджмент. Подобную интеграцию по бизнес-областям можно представить как вертикальную. В совокупности горизонтальная и вертикальная составляющие обеспечивают полную интеграцию внутри банковской структурной единицы - центрального офиса, отделения или филиала (рисунок 1).

Так, если все учетные данные по расчетно-кассовому, кредитному и другим видам обслуживания скапливаются в бэк-офисе, обеспечивается горизонтальная интеграция. Когда в каждой бизнес-области, интегрированы не только соответствующие учетные данные, но и вся цепочка бизнес-процессов, от фронт-офиса до принятия решений и отражения результатов в бухгалтерии, реализуется вертикальная интеграция.

Интеграция в таком объеме облегчает задачу минимизации рисков - неотъемлемой составляющей в управлении деятельностью любого банка. Иногда филиалы и/или отделения банка работают в различных бизнес-областях, которые лишь частично совпадают с деятельностью головного подразделения. При полной интеграции в разрезе каждого подразделения получается та же интегрированная картина.

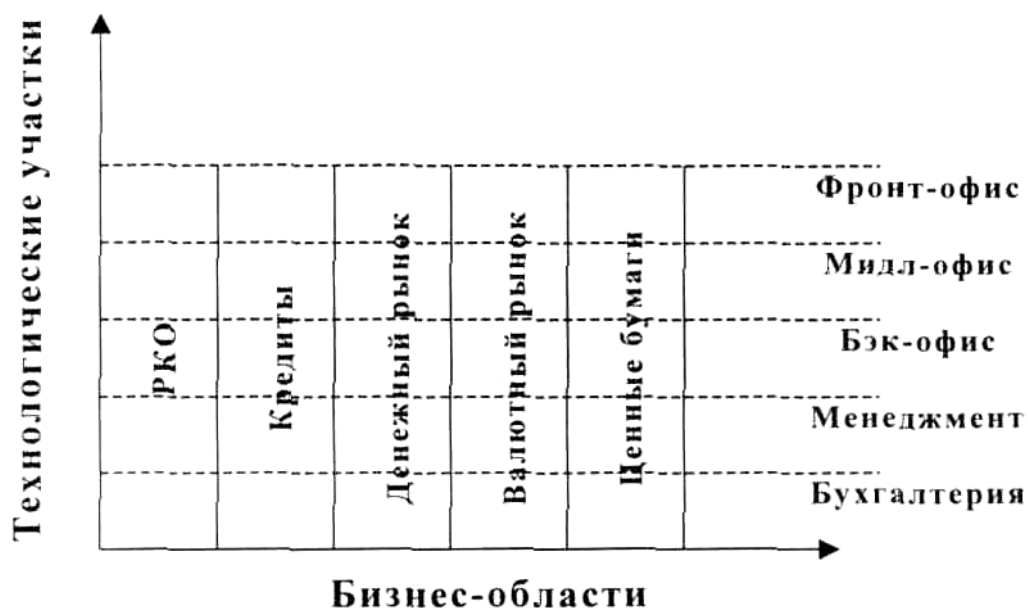

Рисунок 1 – Интеграция данных по вертикали и горизонтали (1; с.94)

Можно пойти дальше, объединив информацию, относящуюся к различным подразделениям, и рассматривать разрез всей банковской структуры по выделенному признаку, например территориальному. При этом трехмерная картина, представляющая полную информацию, формируется как набор двумерных образов, отражающих особенности как горизонтального, так и вертикального объединения (рисунок 2).

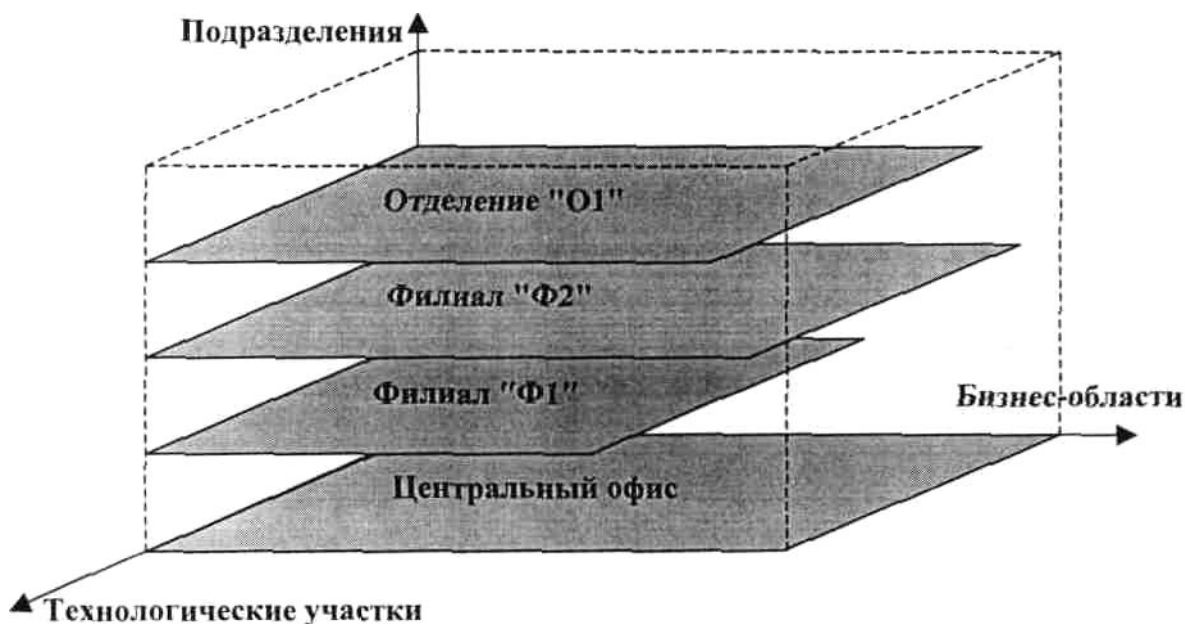

Рисунок 2 – Интеграция данных по подразделениям (1; с.115)

Четвертое измерение - клиенты - очень важный "параметр" работы банка: после кризиса быстрое и качественное обслуживание стало важнейшим фактором их привлечения и

удержания. Теперь нельзя "гонять" клиента по отделам, а нужно полноценно обслужить его в том подразделении, куда он непосредственно обратился: клиент может открывать свои счета в различных филиалах, пользоваться услугами различных бизнес-подразделений банка. Эффективное управление банком требует учета всех данных о клиенте, которые в картине комплексной интеграции дадут четвертую координату. Фиксирование данных в интегрированной системе дает возможность централизованно управлять обслуживанием клиента (например, определять лимиты в зависимости от филиала, типов операций и т. д.).

С точки зрения информационных технологий интеграция банковской информации также возможна в различных плоскостях. Во-первых, это интеграция по данным, обеспечивающая единое информационное пространство. Такая интеграция дает доступ ко всем возможным данным. Конечно, для успешного использования единого информационного пространства необходима развитая структура данных, иначе информационные "пробелы и пустоты" обесценят его целостность.

Во-вторых, это интеграция по функциям и методам обработки. Даже в случае реализации интеграции данных нельзя говорить о полной интеграции, если функции их обработки при выполнении одинаковых операций в различных отделах или филиалах не совпадают.

В-третьих, это интеграция на уровне бизнес-процессов. Полностью интегрированная система подразумевает обеспечение следующего внутрибанковского бизнес-конвейера: фронт-офис, мидл-офис, бэк-офис, менеджмент, бухгалтерия [2].

Два последних пункта представляют технологический аспект интеграции, который обеспечивает управляемость, поддерживая регламент и контроль действий персонала банка.

Для решения проблемы интеграции данных в сочетании бизнес- и ИТ-подходов компания "ФОРС" предлагает технологическую магистраль - линейку АБС с различной степенью интеграции: "Ва-Банк Старт", "Ва-Банк" и, наконец, SYMBOLS-R. В наиболее развитой системе SYMBOLS-R реализованы все перечисленные выше уровни интеграции и предусмотрена возможность оценки рисков в различных аспектах. В системе можно задавать ограничения как на горизонтальном уровне (на учетные данные по группе бизнес-областей), так и на вертикальном уровне (лимиты на одного или группу дилеров, на весь отдел и т. д. в выделенной бизнес-области).

Подобная комплексная интеграция обеспечивает наилучшие возможности анализа и контроля состояния банка на всех уровнях и централизованного управления многофилиальной организацией. Интегрированная АБС позволяет выделить определенный уровень и проводить анализ на этом срезе. Например, можно выделить уровень проводок. Межмодульная и межфилиальная интеграция по проводкам дает возможность получить в актуальном состоянии единую Главную книгу, отражающую фактическое состояние банка.

Выделив уровень позиций, получаем отражение "горячего" состояния банка. На основе этой информации руководство банка может оперативно принять необходимые решения. Система позволяет также выйти на уровень финансовой аналитики, связанный с выявлением

центров прибылей/затрат, которые привязаны к структуре банка и могут определяться независимо от наименований выполняемых операций. Данный уровень позволяет оценить эффективность работы бизнес-подразделения и организации в целом, проанализировать доходные и расходные позиции, рентабельность различных банковских продуктов.

Таким образом, комплексная интеграция дает возможность получать консолидированную отчетность, управлять портфелями, лимитами и рисками в реальном времени. Естественно, получить консолидированную отчетность можно и на основе разрозненных данных, однако весьма важен временной фактор, а он может быть оперативно обеспечен лишь в АБС с комплексной интеграцией. Чтобы сегодня правильно принять решение, необходимы актуальные, сегодняшние данные, а не сводка недельной давности.

По мере распространения технологий Хранилищ Данных (Data Warehouse) все чаще приходится встречаться с подходом к созданию на их основе интегрированных информационных систем для банков (концентрация больших объемов разнородной по происхождению информации - одно из предназначений Хранилищ Данных). Аргументированное сравнение достоинств и недостатков этого (ХД-подхода) и описываемого в настоящей статье подхода на основе интегрированной операционной банковской системы - это тема для отдельной статьи. Хотелось бы отметить по крайней мере два аспекта управления, в которых ХД-подход проигрывает:

АБС SYMBOLS-R обладает всеми особенностями полностью интегрированной системы, в ней можно выделить все элементы горизонтальной и вертикальной интеграции. В единую систему объединены инвестиционный, казначейский, корпоративный, розничный и прочие модули, каждый из которых связан с лимитами. В совокупности с развитой структурой данных такая интеграция позволяет говорить о построении единого информационного пространства.

Это обеспечивает полную управляемость банка как на среднем, так и на верхнем уровне менеджмента. Управляемый банк всегда более надежен и устойчив и, следовательно, привлекателен для клиента. Нельзя недооценивать этот факт, особенно сейчас, когда доверие к отечественным банкам у клиентов основательно подорвано.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что обеспечиваемая АБС SYMBOLS-R комплексная интеграция объективно способствует развитию банковского бизнеса.

При разработке АБС управления банком необходимо обратить внимание на интеллектуальный анализ данных (ИАД), который может позволить создать дополнительные возможности по совершенствованию контроллинга как системы эффективного управления банком.

Принципиальное отличие ИАД от известных методов, используемых в существующих системах поддержки принятия решений (СППР), состоит в переходе от технологии оперативного анализа текущих ситуаций, характерной для традиционных систем обработки данных (СОД), к методам, опирающимся на мощный аппарат современной математики. ИАД

имеет самые разнообразные практические применения: в экономике, торговле, системах здравоохранения, страхования и других областях. Он используется для решения таких задач, как выявление скрытых закономерностей в архивных финансовых данных при создании прогностических моделей, верификация данных о курсах валют, выявление новых потенциальных клиентов, определение зависимостей между основными показателями и характеристиками сегментов рынка при проведении маркетинговых исследований, выявление счетов потенциально платежеспособных дебиторов, в различных задачах прогнозирования, например при определении возможных невыплат в сделках с недвижимостью и многих других.

В настоящее время инвестиции в разработку систем ИАД достаточно велики, однако выигрыш от их внедрения может достигать 1000%, а расходы при правильном использовании системы могут окупиться за несколько месяцев. Так, экономический эффект от внедрения ИАД, полученный рядом американских компаний розничной торговли, в 10—70 раз превысил первоначальные затраты, составлявшие от 350 до 750 тыс. долл. А сравнительно небольшой проект стоимостью в 20 млн долл. окупился всего за четыре месяца.

Особое внимание ИАД уделяется в банковских сферах. В совместном отчете компании Ernst & Young и Американской банковской ассоциации (American Bankers' Association), посвященном банковским технологиям, говорится, что 45 из 100 крупнейших банков США внедрили у себя прикладные системы ИАД, и еще в пятидесяти банках работы находятся на стадии планирования или пилотного проекта. Активно развивается рынок систем ИАД. По данным компании Meta Group, в 2007 г. его объем составил 300 млн долл., а к 2014 г. достигнет 800 млн долл. На рынке программных продуктов ИАД действуют и такие гиганты, как IBM и AT&T, и не менее 50 малых и средних фирм-разработчиков.

Однако, несмотря на значительный прогресс в области ИАД, практическая реализация этой технологии сопряжена с рядом трудностей. В настоящее время ИАД использует достижения многих разделов современной математики. Как правило, большинство фирм-разработчиков концентрируют свои усилия на одном-двух конкретных методах, никак не связывая свои продукты с разработками других фирм в этой области. Каждая из фирм создает собственный интерфейс, собственную систему ввода-вывода и отображения информации, собственную технологию общения с программным продуктом. В результате внедрение средств ИАД существенно усложняется, поскольку подобное вавилонскому смешению языков многообразие и программных продуктов ИАД, и применяемых в них математических методов затрудняет выбор базового комплекта алгоритмических средств.

Построение систем хранения данных, предназначенных для использования средствами ИАД, порождает целый спектр проблем. Здесь и согласование разнотипных форматов данных, и необходимость получения, согласования и верификации данных из разнородных внешних источников, и задача привязки к единой шкале времени, и проблема управления сверхбольшими объемами информации (от десятков и сотен гигабайт до терабайт), и многомерность структуры запросов, и нестандартность запросов экспертов-аналитиков.

Однако даже в модифицированном виде вариант единого, монолитного и неизменного источника данных не вполне конструктивен. В частности, анализ поведения изучаемого объекта в разнообразных условиях предполагает генерацию разнообразных виртуальных ситуаций и отвечающих им данным; загромождение такими данными все запоминающего ХД было бы по меньшей мере нерационально. Таким образом, появилась идея двухуровневой структуры хранения данных. На первом уровне используется неизменное хранилище сверхбольшого объема и ограниченной оперативности при обработке запросов. При этом информации каталогизируются тематически, охватывая весь спектр возможных интересов корпорации и связанных с ними смежных областей деятельности безотносительно какой-либо конкретной задачи. Данному уровню, в принципе, может отвечать соответствующим образом модифицированная реляционная база данных.

На втором уровне предполагается иметь менее емкую, но более оперативную базу данных, строго ориентированную на всеобъемлющее обеспечение информацией конкретной предметной задачи. Для этих целей больше подходят многомерные базы данных.

Другим подходом к построению второго уровня ХД является концепция витрин данных (Data Mart), предполагающая, что эксперт работает только с теми данными, которые нужны для решения конкретной задачи. Целевая база данных витрин максимально приближена к конечному пользователю и не требует сверхбольшой памяти, характерной для первого уровня ХД.

Такая многоуровневая схема ХД постепенно становится стандартом де-факто, позволяя наиболее полно реализовать и использовать достоинства каждого из подходов.

Необходимо также отметить, что требования, предъявляемые к данным, определяющим структуру и адресацию хранящейся информации, по-видимому, приведут к необходимости включения в СППР, опирающейся на ИАД, администратора по управлению данными в ХД.

Приведенное выше описание математического арсенала ИАД наглядно иллюстрирует многообразие предлагаемого инструментария. При этом одну и ту же задачу оказывается вполне допустимо и возможно решать различными методами. В этой связи необходимо определять эффективность каждого из описанных выше инструментов в конкретной ситуации.

Конечно, можно попытаться сравнить различные аналитические методы для некоторого набора возможных ситуаций и дать общие рекомендации по выбору того или иного алгоритма. Однако практически любая задача повседневной практики обладает спектром характерных особенностей, из-за которых стандартные подходы оказываются неэффективными. Кроме того, качество формируемого решения часто зависит от установки ряда параметров, правильный выбор которых требует предварительного исследования природы имеющихся данных и понимания применяемого математического аппарата.

В России пока нет большого опыта построения аналитических банковских систем, но действительно массовый спрос на них уже появился. Успех или неудача внедрения аналитической системы во многом определяется реальным желанием банка или другого

финансового учреждения иметь такое решение. Однако для оценки технических возможностей построения системы такого класса на современных вычислительных средствах желательно провести предварительные испытания.

Для наполнения хранилища данных были написаны специальные программы, которые осуществили начальное наполнение хранилища и производили дополнительную подгрузку данных в течение всего эксперимента. В ходе испытаний было создано хранилище данных, которое в момент максимального наполнения содержало информацию о 100 млн. платежей, производимых по 120 000 счетов. Такое хранилище соответствует годовой деятельности крупного банка. В аналитическую систему данные о платежах поступали как в «сыром», так и в частично обработанном и агрегированном виде. Разработанный прототип аналитической системы содержал базовые и частично агрегированные данные, построенные по схеме «звезда».

Следует отметить следующие важные результаты проведенного испытания. Показано, что при соответствующей подготовке может быть реализована достаточно сложная банковская и финансовая аналитика. Для этого требуется иметь четкое математическое понимание того, что должно анализироваться, соответствующая аппаратура и программные средства. Выяснилось, что одним из наиболее сложных моментов в построении аналитической банковской системы является логическое исследование модели, а именно выделение группы параметров (географических, временных, фискальных), по которым должен проводиться анализ. Используемая в испытаниях техника (серверы К-460 и дисковые массивы Nike) по своей стоимости относится к среднему классу, поэтому аналитическая подсистема, способная удовлетворить требования большинства современных банков, может быть реализована на относительно недорогой аппаратной платформе [2].

В целом весь комплекс исследовательских работ был успешно завершен и фирмы-участники получили необходимый опыт для реального построения аналитических систем в финансовой области.

Таким образом, информационные технологии позволяют создать развитую систему контроля и управления современным банком. Без современных АБС невозможно быстро отслеживать и анализировать влияние внутренних и внешних факторов, воздействующих на деятельность кредитных учреждений, формирующих надежную базу для принятия качественных и своевременных управленческих решений, а также отслеживать их результативность. Следовательно, информационные технологии становятся составным элементом системы контроллинга.

Литература

1. Дайле, А. Практика контроллинга. - М.; Финансы и статистика, 2011
2. Данилочкин, Н.Г. - Контролинг как инструмент управления предприятием. - М.; Аудит, ЮНИТИ, 2011.

УДК 336.71.078.3

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК РФ КАК ИНТЕГРИРОВАННЫЙ ФИНАНСОВЫЙ
РЕГУЛЯТОР: ПРОБЛЕМЫ КОНСОЛИДАЦИИ**

***THE CENTRAL BANK OF THE RUSSIAN FEDERATION AS AN INTEGRATED
FINANCIAL REGULATOR: CONSOLIDATION PROBLEM***

Мещерякова Ж.В., СФ НОУ ВПО «Московский институт предпринимательства и права», зав. кафедрой гуманитарно-экономических дисциплин, кандидат экономических наук, доцент

*Meshcheryakova J.V, SF NEI HPE «Moscow Institute of Entrepreneurship and Law», head of the department of humanities and economic disciplines, candidate of economic, docent
e-mail: jannet_77766@mail.ru*

Аннотация: Рассмотрены проблемы, возникающие при объединении функций регулирования и надзора в сфере финансовых рынков

Annotation: The problems arising when combining the functions of regulation and supervision of financial markets

Ключевые слова: финансовое регулирование, надзор, мегарегулятор, интеграция, консолидация

Key words: financial regulation, supervision, megaregulator, integration, consolidation

С 1 сентября 2013 г. вступил в силу Федеральный закон от 23.07.2013 № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков», согласно которому в России создается новая архитектура финансового регулирования. Представляется немаловажным разобраться, какие проблемы могут возникнуть при объединении функций регулирования и надзора за разными секторами финансового рынка, в случае, когда мегарегулятором становится Центральный банк.

В современном мире не существует единого подхода к построению системы регулирования и надзора в сфере финансовых рынков. Каждая страна подходит к этому вопросу, исходя из сложившейся структуры отрасли финансовых услуг, приоритетов развития экономики и, соответственно, финансового сектора, а также исторических традиций, влияющих на принятие политических решений.

В качестве основных факторов, лежащих в основе консолидации финансового регулирования и надзора, можно назвать: возрастание роли финансовых конгломератов,

объединяющих институты разных секторов финансового рынка; усложнение финансовых рынков, появление большого числа финансовых инноваций, новых финансовых продуктов и услуг; возможность повысить эффективность регулирования за счет использования единой инфраструктуры и надзора; стремление обеспечить большую скоординированность политики, проводимой различными надзорными органами; исключить перекладывание ответственности и т.д.

Одним из доводов в пользу консолидации регулирования финансового сектора является то, что объединение в руках одного органа функций по регулированию и надзору за всеми сегментами финансового рынка позволяет лучше регулировать деятельность финансовых конгломератов. Стремление адаптировать структуру регулирования к изменению ситуации на финансовых рынках, когда возрастает число и значимость консолидированных финансовых групп, является обоснованной реакцией многих государств, приводящей к интеграции регуляторных функций.

Мегарегулятор располагает возможностью более гибко реагировать на проблемы и инновации, возникающие в разных секторах финансового рынка. Учитывая все большее распространение финансовых продуктов, зачастую бывает сложно понять, какой надзорный орган должен санкционировать их вывод на рынок и регулировать обращение. Все чаще возникают ситуации, когда финансовые посредники из разных секторов финансового рынка предлагают во многом аналогичные продукты, и при этом надзор за ними осуществляется разными органами по разным правилам и процедурам.

Еще одним преимуществом консолидации регулирования и надзора признается возможность экономии на масштабе. Она выражается в сокращении размера накладных расходов, приходящихся на каждое подразделение при увеличении размера организации за счет использования единой инфраструктуры. Крупная организация имеет больше возможностей для привлечения и удержания необходимых специалистов, повышения их квалификации, внедрения современных технологий по сравнению с мелкими структурами. Унификация процедур сбора и обработки отчетности и иной информации о финансовых институтах, работающих на разных рынках, также позволяет добиваться существенной экономии на масштабе.

Консолидация финансового регулирования и надзора позволяет избежать конфликта целей и появления дублирующих или противоречащих друг другу надзорных требований и действий. Такая несогласованность может отрицательно влиять на общую эффективность регулирования и надзора, приводя к возникновению межведомственных конфликтов, затягиванию разрешения проблем, находящихся в сфере надзорной компетенции ведомств. Кроме того, необходимость подготовки отчетности в разные надзорные органы, зачастую содержащей аналогичную информацию, будет создавать дополнительную нагрузку на финансовые институты.

Наряду с аргументами в пользу консолидации регулирования и надзора в сфере финансовых рынков следует выделить и проблемы, которые могут проявляться в случае

объединения данных функций.

Во-первых, в случае, если задачи, стоящие перед интегрированным органом, недостаточно четко определены, его деятельность может оказаться менее эффективной по сравнению с секторальными надзорными органами. В связи с этим важно, чтобы законодатель четко зафиксировал ключевые цели и задачи единого органа регулирования и надзора, а также их относительную приоритетность. Иначе эффективность деятельности мегарегулятора будет страдать из-за возникновения конфликта между целями и задачами.

Во-вторых, экономии на масштабе и синергии может не произойти, если регулирование различных секторов финансового рынка не гармонизировано. Существует различие в подходах к регулированию и надзору за разными типами финансовых посредников. Создание единого органа требует обеспечения адаптации работников прежде разрозненных органов к новой для них культуре, правилам поведения и формирования единых стандартов качества выполнения соответствующих функций.

Еще одной проблемой объединения может стать усложнение структуры и снижение управляемости. Для крупных организаций в большей мере характерна бюрократизация и инертность. При значительном расширении круга поднадзорных институтов и разрастании организационной структуры руководителям организаций становится сложнее понимать весь спектр обязанностей или задач, которые перед ней стоят, что может приводить к снижению ее эффективности.

В-третьих, в случае с единым органом может проявиться проблема морального риска. Потребители услуг финансового рынка могут воспринимать этот факт как свидетельство того, что они будут одинаково защищены вне зависимости от типа финансового института, которому они доверяют свои сбережения или инвестиции. Например, кредиторы небанковских институтов могут ожидать, что в случае возникновения у данных институтов серьезных проблем они получат защиту, аналогичную той, которая предоставляется банковским вкладчикам.

Серьезным аргументом против объединения надзорных функций является то, что этот процесс может быть достаточно затратным, продолжительным и болезненным. Он может потребовать серьезной переработки информационных систем и стандартов осуществления регулирования и надзора, обучения работников в целях подготовки их к выполнению новых обязанностей, реорганизации системы управления. Дополнительная нагрузка ляжет на плечи финансовых институтов, которые будут переходить из-под надзора одного органа к другому.

Рассмотрим некоторые преимущества и недостатки передачи регулирования и надзора за финансовым сектором Центральному банку.

Одной из причин, по которым регулирование и надзор за финансовым сектором зачастую передаются Центральному банку страны, является следующее. Не обладая детальной надзорной информацией об участниках финансового рынка, Центральному банку сложно принимать обоснованные решения в рамках выполнения им функции кредитора последней инстанции. Как правило, Центральные банки предоставляют возможность

определенным типам финансовых институтов заимствовать средства на покрытие краткосрочной потребности в ликвидности. Этому способствует прямая подчиненность надзорного блока кредитору последней инстанции, и такая поддержка затруднена в ситуации, когда функции кредитора последней инстанции и надзора возложены на разные органы.

Кроме того, Центральный банк имеет возможность выстраивать систему регулирования и надзора с учетом тех целей и задач стабилизации, которые представляются наиболее значимыми в периоды финансовых кризисов. Объединяя в одном лице функции поддержания финансовой стабильности, кредитора последней инстанции и органа надзора, ЦБ может оперативно и эффективно реагировать на проблемы, которые он сам и выявляет, а также требовать от поднадзорных финансовых институтов принятия необходимых мер для минимизации системного риска, выполнять стоящие перед ним задачи, касающиеся монетарной политики, финансовой стабильности и развития платежных систем.

Еще одним аргументом в пользу передачи функций является то, что Центральный банк обладает законодательно закрепленной независимостью, что позволяет ему принимать решения, руководствуясь не сиюминутными политическими выгодами, а профессиональными интересами, на основе глобального и перспективного анализа существующей экономической ситуации. Независимость Центрального банка снижает риск запаздывания с реагированием на возникающие риски по причине политического давления. При этом политическая независимость Центрального банка от Правительства сочетается с его финансовой независимостью, что повышает гибкость ЦБ и оперативность принимаемых им решений.

Среди других причин можно также назвать экономию на масштабе, что является одним из ключевых условий для обеспечения надлежащей эффективности финансового регулирования. Обладая значительными ресурсами, Центральный банк может больше средств направлять на совершенствование своей технологической базы, наем квалифицированного персонала и обучение работников. Кроме того, в случае полной интеграции в рамках ЦБ есть возможность лучше координировать выполнение различных задач и функций, что создаст условия для повышения эффективности процесса выработки согласованных решений, их принятия и реализации.

Многие исследователи указывают на опасность чрезмерной концентрации полномочий в руках независимого, неизбираемого органа, особенно в случае, когда не обеспечивается необходимый уровень его подотчетности и транспарентности. Проблемой является то, что для принятия эффективных решений члены органов управления Центрального банка должны будут обладать очень широким кругом знаний и информации, касающихся самых разных аспектов функционирования достаточно сильно различающихся между собой секторов финансового рынка, финансовых продуктов и услуг. Поэтому при формировании структуры органов управления ЦБ необходимо уделить должное внимание тщательной проработке алгоритмов принятия ими решений в рамках своей компетенции.

Интеграционный процесс требует разработки нового законодательства. Отдельные проблемы, которые удалось решить в рамках существующего режима отраслевого

регулирования и надзора, могут оказаться не охваченными новой регуляторной базой, что чревато ослаблением законодательного режима и недостаточной урегулированностью отдельных аспектов функционирования финансовых рынков. Одним из путей разрешения этой проблемы может являться сохранение прежних законодательных норм и принятие закона, возлагающего ответственность за обеспечение их выполнения на мегарегулятор.

Процесс интеграции может привести к тому, что некоторые ключевые руководители или специалисты не станут переходить в новый коллектив. Любой переход из одной организации в другую, имеющую иную корпоративную культуру и порядки, порождает неопределенность. В этом случае люди из присоединяемых организаций зачастую отдают предпочтение поиску работы. Это может привести к снижению качества и эффективности регулирования и надзора. Для этого необходимы сторонние эксперты, специализирующиеся на слияниях и поглощениях, смене руководства, адаптации сотрудников к работе в новых условиях и в новых организациях.

Таким образом, условием успешности процесса интеграции является реализация в течение переходного периода обоснованного комплекса мер, направленного на минимизацию рисков и обеспечение достижения всех преимуществ интеграции, включая эффективное использование информации, опыта и знаний в рамках единой организации; гармонизацию качества регулирования и надзора; экономию на масштабе за счет сокращения накладных расходов.

Литература

1. Хандруев А. Поторопились. [Электронный ресурс]: Журнал Эксперт. №32. - Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2013/32/potoropilis/>
2. Центральный Банк Российской Федерации. Официальный сайт: [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.cbr.ru>
3. Российский Микрофинансовый Центр. Официальный сайт: [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.rusmicrofinance.ru>

УДК 348

**ОЦЕНКА НЕОБХОДИМОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МОДЕЛИ ИНТЕГРАТИВНОГО
СЕРВИСНОГО МЕНЕДЖМЕНТА В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СРЕДЕ УСЛУГ**

**ASSESSMENT OF THE NECESSITY OF APPLYING THE MODEL OF INTEGRATED
SERVICE MANAGEMENT IN A CHANGING ENVIRONMENT SERVICES**

*Недвижай С.В., Российский государственный социальный университет
Ставропольский филиал, доцент кафедры менеджмента и административного права,
кандидат экономических наук, доцент*

*Nedvisjaj S.V., Russian state social University Stavropol branch, associate Professor of
management and administrative law, candidate of economic science, associate Professor*

*Близнякова В.Е., Российский государственный социальный университет
Ставропольский филиал, ассистент кафедры менеджмента и административного права,
магистр менеджмента*

*Bliznyakova V.E., Russian state social University Stavropol branch, assistant of chair of
management and administrative law, master of management*

e-mail: tor90@yandex.ru

*Аннотация: Необходимость применения модели интегративного сервисного
менеджмента в изменяющейся среде услуг на примере Ставропольского края*

*Abstract: examined the need to apply the model of integrated service management in a
changing environment services on the example of the Stavropol territory*

*Ключевые слова: конкурентное преимущество, сервисная деятельность, модели
интегративного сервисного менеджмента, материальные активы.*

*Key words: competitive advantage, service activity, model of integrated service management
tangible assets.*

Сфера услуг играет ключевую роль в достижении конкурентного преимущества различных секторов экономики, где развиваются такие ключевые факторы экономического роста, как научно-технические инновации, научные знания, нематериальные формы накопления, информационные технологии.

Для достижения конкурентного преимущества в сфере сервисного менеджмента фирмам Ставропольского края необходимо реформировать навыки и ресурсы позиционных преимуществ, так как система менеджмента, направлена прежде всего на достижение и поддержание конкурентных преимуществ.

Конкурентные преимущества фирм основаны на постоянной внутренней и внешней самооценке и бенчмаркинге в рамках стратегии непрерывного совершенствования и как следствие формируют новую парадигму современной науки управления.[4]

Сервисная деятельность направлена на удовлетворение чьих-либо потребностей. Вместе с тем, сервис представляет собой вид предпринимательской деятельности по оказанию различных услуг и реализации, сопутствующих им материальных товаров, обеспечивающих удовлетворение одновременно несколько потребностей и желаний клиентов. Сервисная деятельность генерируется, производится, реализуется специализированными структурами обслуживания, которые выступают ее субъектами.

В качестве субъектов выступают конкретные предприниматели либо коллективы сервисных организаций – фирмы, например, туристические, гостиничные, лечебные, предприятия (транспортные, ремонтные, торговые), бюро (информационно-рекламные), конторы (жилищно-эксплуатационные), учреждения (правоохранительные, учреждения культуры и д.), организации.

Всесторонняя модернизация сервисной деятельности радикально изменила рыночную экономику и привела к глубокой интеграции услуг в инвестиционный процесс, в информационную революцию сервиса, повышению роли деловых услуг и их способности ассимилировать научные знания [1].

При этом накопление нематериальных и материальных активов услуг в Ставропольском крае стало использоваться как стратегический ресурс повышения конкурентоспособности. По темпам роста в сфере услуг в Ставропольском крае стали лидировать такие деловые услуги как: логистические, маркетинговые, рекламные, научно-исследовательские, бухгалтерские, аудиторские, консультационные.

Практика хозяйствования компаний Ставропольского края показала, что при применении консалтинга, рекрутмента и других деловых услуг стали повышать эффективность в оказании улучшении качества руководства, повышении эффективности деятельности компании в целом и увеличении индивидуальной производительности труда каждого работника.

Индекс промышленного производства в январе 2013г. составил 124,2% относительно 2012 года, в т.ч. по видам экономической деятельности: «добыча полезных ископаемых» - 93,6% (в январе 2012 г. в % к январю 2011 г. – 94,4%), «обрабатывающие производства» - 137,6% (91%), «производство и распределение электроэнергии, газа и воды» - 90,7% (107,2%).

Объем продукции сельского хозяйства в январе 2013г. составил 3,3 млрд. руб., что на 12,5% больше, чем в январе 2012г.

Организациями транспорта за январь 2013г. перевезено 585,8 тыс. тонн грузов, что на 30,7% меньше, чем за аналогичный период прошлого года, в том числе автомобильным транспортом было - на 15,1% больше, железнодорожным – в 1,6 раз меньше.

Индекс потребительских цен в январе 2013 года составил 100,8% к декабрю 2012 г. (Справочно: в январе 2012 г. к декабрю 2011 г. -100,5%). Продовольственные товары подорожали на 2,0%, непродовольственные товары на 0,3%.

Оборот розничной торговли составил 30,9 млрд.рублей, или на 9,7% больше, чем в январе 2012 г. В его структуре 86,2% приходится на торгующие организации и индивидуальных предпринимателей торгующих в стационарной сети (в январе 2012 г. - 84,5%). Доля рынков и ярмарок составила 13,8%. Уровень продаж в торгующих организациях составил 111,9% к январю прошлого года, на рынках – 97,5%.

Численность экономически активного населения края (по предварительным данным) в январе 2013 г. составила 1336,3 тыс. человек, из них 1256,8 тыс. человек были заняты экономической деятельностью и 79,5 тыс. человек классифицировались, как безработные, с применением критериев МОТ [2].

При выделении стратегических элементов сервисного менеджмента в изменяющейся среде услуг современный менеджер должен принимать во внимание то, что одной из существенных особенностей современного бизнеса с развитием новых технологий, в том числе информационных, и ростом конкуренции значительно изменилась роль потребителя.

Маркетологи, как правило, обычно используют четыре основных стратегических элемента – продукт (product), цена (price), место (place) и продвижение (promotion). Взятые вместе эти понятия часто упоминаются как 4Р маркетингового набора.

Однако из-за иного характера сервисной деятельности, особенно таких ее аспектов, как вовлечение клиента в производственный процесс и придание особого значения фактору времени, необходимо не только по-новому трактовать указанные элементы, но и принимать во внимание другие, такие, как процесс (process), производительность (productivity), люди (people) и материальные признаки качества (physcal evidence). [3]

В связи с этим нами предлагается применять в Ставропольском крае модель из восьми элементов (8Р) интегративного сервисного менеджмента, которая выдвигает на первый план переменные, определяемые стратегическими решениями менеджеров сервисных организаций.

Рациональная интеграция этих элементов дает синергетический эффект, способствующий успеху сервисного бизнеса.

№	Стратегические элементы	Характеристики
1	Сервисный продукт	Менеджеры должны комбинировать потребительские свойства как основного продукта, так и связанных с ним дополнительных элементов сервиса чтобы увеличить эффект полезности для потребителей
2	Место, киберпространство и время	Предоставление сервисного продукта клиентам обуславливается решением относительно места и времени поставки, так же, как используемых способов и каналов. Скорость поставки сервисного продукта для потребителя

		имеют решающее значение при разработке сервисной стратегии
3	Процесс	Создание и поставка сервисного продукта требуют проектирования и выполнения технологических процессов, регламентирующих методы и последовательность действий, в соответствии с которыми функционируют сервисные операционные системы
4	Производительность и качество	Эти элементы, которые часто обсуждаются отдельно, необходимо рассматривать как находящиеся в стратегической взаимосвязи
5	Люди	Персонал сервисных фирм, поддерживающий непосредственные контакты с потребителями, оказывает большое влияние на восприятие качества услуг, прежде всего тех, производство которых характеризуется высокой степенью взаимодействия между обеими сторонами
6	Продвижение и обучение	Успех продвижения сервисного продукта на рынок зависит, прежде всего, от наличия эффективных коммуникаций. Обучение может проводиться либо непосредственно персоналом по продажам и инструкторами, либо через средства массовой информации, такие, как телевидение, радио, газеты, журналы, постеры, брошюры и веб-сайты
7	Материальные признаки качества	Сервисные компании должны управлять вещественными признаками качества, так как последние могут глубоко воздействовать на впечатление клиентов
8	Цена покупки и другие затраты потребителя	Объектом анализа и воздействия становятся не только денежные расходы, но и другие затраты клиентов в сопоставлении с выгодой, получаемой от сервисного продукта. Необходимо стремиться минимизировать затраты времени клиента, его умственных и физических усилий, а также влияние негативных факторов, которое он может испытывать при покупке и использовании услуги, например неприятные ощущения от шума, запаха

Очевидно, что все указанные стратегические элементы соотносятся между собой и при формулировании рыночной стратегии каждый из них надо рассматривать во взаимосвязи с другими.

Условия глобализации, нестабильности и трансформаций в современной экономике и обществе создают качественно новую ситуацию в теории и практике экономических и

организационно-управленческих дисциплин, вызывающую изменение характеристик их предметных областей и значительные социально-экономические последствия.

Фирмам, предприятиям, организациям Ставропольского края необходимо осваивать модели интегративного сервисного менеджмента так как они будут иметь большие шансы на выживание и процветание. Те же, которые не смогут сделать это, вероятно, обречены на неудачу.

Литература

1. *Мотышина М. С., Князев С. В.* Оценка эффективности менеджмента предприятия // Проблемы современной экономики. 2010. №4. С.114-115.
2. Официальный сайт министерства экономического развития Ставропольского края [Электронный ресурс]: «Стратегия развития системы образования Ставропольского края до 2020 года». – Ставрополь, 2008.- Режим доступа: <http://www.stavinvest.ru>
3. *Софина Т. Н.* Сфера услуг: Трансформация в рыночной экономике. –СПб: СПбГУЭФ, 2005
4. *Watson P., Maslow D., Chileshe N.* Deploying Total Quality Management in Russia // European Quality Vol. 11. No. 2. 2006

УДК 348

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ НЭПМАНОВ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ И
САТИРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ 1920-Х ГОДОВ.
SOCIAL PORTRAIT NEPMANOV ON PAGES OF NEWSPAPERS AND SATIRICAL
MAGAZINES OF 1920 TH YEARS.**

*Ногина Е. В., Белгородский кооперативный институт, преподаватель кафедры
социально-гуманитарных дисциплин, кандидат исторических наук*

*Nogina E. V., The Belgorod co-operative institute, the teacher of chair of socially-
humanitarian disciplines, the candidate of historical sciences*

e-mail: nogina1980@mail.ru

*Аннотация: в статье представлен исторический портрет новых предпринимателей
1920-х годов.*

Annotation: The historical portrait of new businessmen of 1920th years is presented.

Ключевые слова: предприниматели, власть, система ценностей, нэпман.

Key words: businessmen, the power, system of values, nepman.

В данной статье, мы попытаемся воссоздать социокультурный портрет предпринимателя времен нэпа, опираясь на анализ множества первичных документов, исходящих из торговой сферы, сюжетов советской литературы 1920-х годов, в которых прямо или косвенно присутствует образ нэпмана, материалов периодической печати, фельетонов, сатирической журналистики и воспоминаний современников того времени. В галерее исторических персонажей литературы советского периода, наряду с портретами «бывших», обычно присутствовал и образ нэпмана в виде преуспевавшего дельца – спекулянта, обжиравшегося в ресторанах и утопавшего в мехах, бриллиантах и роскоши. Карикатурный образ толстого господина в полосатых штанах, с сальной ухмылкой, прохаживавшегося под руку с не менее упитанной супругой, разодетой в каракулево пальто и деловито выпускавшей колечками сигаретный дым, прочно укоренился в обыденном сознании населения 1920-х годов. Этот образ усиленно пропагандировался и прессой, обрисовавшей в красочных формах социокультурный облик «новых» предпринимателей. Нэпман представлялся обывателям со страниц газет как существо ограниченное, опасное, лишенное человеческого облика. «Сильные, с гориллиными лапами и волчьими глазами, зубастые, злобные, с каменными сердцами, низкими лбами и мощными челюстями, мясистыми носами, жадно обнюхивающими воздух, широкими ртами, оскаливающими хищно-белые с позолотой зубы. У всех у них игра цепких тряских рук, мертвая хватка железных пальцев» [1].

В обыденной жизни их называли «свиньями», «рвачами», «дельцами», «пауками», «нуворишами» и «тараканами». Плакаты изображали «толстопузых буржуев, чажнувших над своим золотом». Фельетоны наперебой высмеивали алчность, хитрость, изворотливость «новых хищников», прожигавших жизнь в дорогих ресторанах и кабаре под звон бокалов с шампанским. На страницах сатирических изданий набирался целый зоопарк «животных образов», с которыми сравнивали предпринимателей. Здесь были и павлины, которые мелькали «разноцветными перьями в ресторанах Амфир и Услава», и крокодилы, «где мутно орудовало нэпо-крокодиле племя», и спруты, и кровососущие блохи. Набор внешних черт, которыми наделяли нэпманов в сатире 1920-х годов, также представлялся весьма уродливым. Это непременно толстое брюхо «лысый туз, еще не старый, весит пудов двадцать с тарой» и жирная морда «лицо, что равно годится быть и лицом, и ягодицей». Внутренний мир и жизненные ценности рисовались не менее убого. «..В карманах деньги, в портфелях деньги и кукиш в голове». Жизненные установки сводились к трем основным принципам: «Время-деньги - смех и грех».

Опираясь на эгалитарную психологию большинства населения, антинэповская пропаганда культивировала ненависть к богатству и богатым. Формируя отрицательное общественное мнение к предпринимательской деятельности, советская сатира 1920-х годов всячески штамповала представления о небывалом «экономическом могуществе» «новой буржуазии». Со страниц сатирических изданий предприниматели представали как «в лимонах утопающие, картошку недоедающие, апельсинов ожидающие», а сам нэп на фоне бойкой торговли и роскошных витрин магазинов изображался в виде «Таинственной Леди», «важно катившейся в авто, в горностаевом манто».

Создавая карикатурно-упрощенный образ нэпмана, официозная пропаганда всячески подчеркивала желание предпринимателей «влиться» в советское общество. В 1924 г. в газете «Терек» была помещена заметка под названием «Спекуляция революционным гимном». В ней описывались похороны местного торговца Петросяна, который даже после смерти пытался доказать свое «уважение» к новым ритуалам власти: «Впереди похоронной процессии шли два попа и дьякон, окруженные хоругвиями, а сзади них шел оркестр духовой музыки, приглашенный от рабиса игравший «Вы жертвою пали»». Желая продемонстрировать свою «любовь» к советской власти, некий нэпман, бросая на прилавок царскую пятерку, восклицал: «Разменяйте мне презренный металл на уважаемые червонцы».

Эксплуататорская природа новых предпринимателей стала центральной темой в печати 1920-х годов. Фельетоны в такт официальной пропаганде представляли нэпмана «плутоватым мошенником», готовым всегда прикинуться «дурачком». В рубрике «Маленький фельетон» содержались заметки, высмеивающие хитрость предпринимателей. «Мелкий торговец на вопрос, почему у него папиросы дороже, чем везде, умело выкручивался: «Дык я ж не инвалид, мне пить-есть надобно»». Открытое неприятие к «новой буржуазии» сопровождалось со страниц газет призывами «никогда не склоняться перед новой

экономической политикой»: «Но нет, мне не нравится эта НЭПКогда тон задает жирный, ползучий»[2].

Били по «новой буржуазии» не только сатирой, но и «высоким искусством». Нелепая фигура толстого человека во фраке и в котелке сделалась непрменным атрибутом многочисленных театрализованных шествий. Так, в 1928 г. рабочие Ставропольского чугунно-литейного завода им. Шмидта демонстрировали толпе зрителей следующую инсценировку. С высоты заводской трибуны, сооруженной на грузовике, огромный молот советской кооперации бил частного торговца «Нэпорылова». Рядом демонстранты пронесли неимоверно толстого буржуа. Он нес гроб, в котором кооперация хоронила частную торговлю и «русский капитализм». В 1928 г. на выставке союза художников даже экспонировалась картина с характерным названием «Смерть нэпмана», а Т. Холодный и Д. Бедный пророчили в своих стихах скорую смерть «нэповской камарилье»[3].

Все попытки государственной власти вызвать в советском обществе неприятие нэпманских ценностей, отвращение к богатству, презрение к материальным ценностям заканчивались безрезультатно. Нэпманский стиль жизни, манера поведения привлекали людей. Нэпманы являлись законодателями моды и развлечений. Девушки стремились познакомиться не с рабочими с фабрики, а коммерсантами, которые смогут подарить фильдеперсовые чулки, взять ложу в театре, сводить в ресторан. Все это свидетельствовало об огромном влиянии субкультуры нэпманов на советское общество. В провинциальных регионах оно ощущалось даже сильнее, нежели в столицах, так как здесь отсутствовали пролетарские традиции, и нечего было противопоставить разгулу «буржуазной идеологии».

Литература

1. Матвеев И. Классовый враг // Терек – 1923. – 15 февраля - № 854.
2. Матч П. Красные купцы //Крокодил – 1925. – 2 ноября - № 26.
3. Василькович Т. Новая буржуазия // Экономическая жизнь – 1923. – 25 февраля - № 854.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ
SCIENCE OF LAW

УДК 347.2/.3

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО И СДЕЛОК С НИМ: НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
STATE REGISTRATION OF TITLES TO REAL ESTATE AND TRANSACTIONS WITH IT: NOVELS OF LEGISLATIVE REGULATION

Бондарев Я.Ю., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», магистрант

Bondarev IA.U., Rostov Legal Institute (the Branch) of «Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation»

e-mail:2757935@2270745.ru

Аннотация: Указанная статья посвящена некоторым теоретическим и практическим проблемам, связанным с изменениями порядка государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Summary: The specified article is devoted to some theoretical and practical issues associated with changing order of state registration of titles to real estate and transactions with it.

Ключевые слова: недвижимое имущество, сделки с недвижимостью, проект Гражданского кодекса РФ, новеллы законодательного регулирования сделок с недвижимостью

Keywords: real estate, real estate transactions, the draft of the Civil Code of the Russian Federation, the novels of legislative regulation of real estate transactions.

Институт государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним в России в его современном виде был введен частью первой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Поскольку ГК РФ содержал самые общие правила о государственной регистрации прав на недвижимость, поэтому нормы о государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним были уточнены и расширены с принятием Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (далее – Закон о регистрации недвижимости).

ГК РФ (в предыдущей редакции) и ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» предусматривали две основных формы государственной регистрации – регистрацию сделок с недвижимым имуществом, в результате совершения которых возникают, прекращаются либо изменяются права на недвижимое имущество, и непосредственно регистрацию прав на недвижимое имущество.

Необходимо отметить, что в результате ряд сделок с недвижимостью (например, договоры купли-продажи жилых помещений, договоры купли-продажи предприятий и некоторые другие) требовали двойной регистрации, т.е. и регистрации договора (сделки), и регистрации возникающего права. Система двойной регистрации (и прав на недвижимость, и сделок с ними) неоднократно критиковалась в научной литературе. Предложения об отказе от двойной системы государственной регистрации сделок с недвижимостью прозвучали как в Концепции развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе[2], так и позднее, в Концепции развития гражданского законодательства[3].

Как отмечается в научной литературе, совершенствование гражданского законодательства призвано разрешить существующие противоречия в отношении объектов недвижимости и вопросов, касающихся их государственной регистрации[4].

С учетом необходимости отказа от системы двойной регистрации были сформулированы и нормы проекта части первой ГК РФ, нашедшие свое закрепление в Федеральном законе от 30.12.2012 г. «О внесении изменений в главу 1,2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» № 302-ФЗ (далее ФЗ от 30.12.2012 г.)

ФЗ от 30.12.2012 г., вступивший в силу с 01.03.2013 г., содержит новую статью 8.1 «Государственная регистрация прав на имущество», которая закрепляет в качестве основного принципа государственной регистрации государственную регистрацию только прав на недвижимое имущество. В соответствии с п. 10 указанной статьи указанные правила применяются в тех случаях, когда ГК РФ не предусмотрено иное. Такая оговорка подразумевает законодательную возможность при необходимости закрепить правила о государственной регистрации сделок.

Помимо введения ст. 8.1 были внесены соответствующие изменения в нормы части второй ГК РФ, требовавшие государственной регистрации договора купли-продажи жилых помещений, договора купли-продажи предприятий, договора аренды зданий и сооружений и некоторых других. В п. 8 ст. 2 ФЗ от 30.12.2012 г. в первоначальной редакции было предусмотрено, что правила о государственной регистрации сделок с недвижимым имуществом, содержащиеся в статьях 558 (договор купли-продажи жилых помещений), 560 (договор продажи предприятия), 574(договор дарения недвижимости), 584 (договор ренты), 609 (договор аренды), 651 (договор аренды зданий и сооружений), 658 (договор аренды предприятия) Гражданского кодекса Российской Федерации, не подлежат применению к договорам, заключаемым после дня вступления в силу настоящего Федерального закона. Таким образом, с 01 марта 2013 г. указанные сделки не подлежат государственной регистрации, регистрируются только права на недвижимость, возникающие в результате таких сделок.

Отдельно необходимо отметить проблему государственной регистрации договора аренды. Как уже было упомянуто, первоначальная редакция п.8 ст.2 ФЗ от 30.12.2012 г. предполагала отмену государственной регистрации договора аренды, в том числе и договора аренды зданий и сооружений. Указанное положение вступило в силу 01.03.2013 г. Однако

Федеральным законом от 04.03.2013 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» были внесены изменения в п.8. ст. 2 ФЗ от 30.12.2012 г., согласно которым ст. 609 (договор аренды), ст. 651 (договор аренды зданий и сооружений), ст. 658 (договор аренды предприятия) Гражданского кодекса Российской Федерации оставлены в прежней редакции. Таким образом, правила о государственной регистрации договора аренды остались без изменений. По мнению В.В. Витрянского, указанная мера (регистрация не прав, а сделки с недвижимым имуществом) является вынужденной, иначе будет подорвана стабильность гражданского оборота, и должна действовать до момента принятия раздела II ГК РФ «Вещное право»[5]. По нашему мнению, такая непоследовательность со стороны законодателя отрицательно отражается на гражданском обороте, поскольку участники гражданско-правовых отношений не знают, на какие нормы они должны ориентироваться.

Положительно можно отметить то обстоятельство, что в новой редакции ГК РФ (ст. 8.1) закреплены основные принципы государственной регистрации, а именно проверка законности оснований регистрации, публичности и достоверности государственного реестра. Ранее в научной литературе критически отмечалось, что принцип публичной достоверности в полном объеме в российской системе государственной регистрации прав на недвижимость своего отражения не нашел, поскольку он не отражен ни в ГК РФ, ни в ФЗ «О государственной регистрации недвижимого имущества» [6]. Можно отметить, что в настоящее время указанный пробел законодательства восполнен.

Укреплению данного принципа посвящены и вошедшие в ГК РФ нормы, согласно которым зарегистрированное право может быть оспорено только в судебном порядке, а лицо, указанное в государственном реестре в качестве правообладателя считается таковым до тех пор, пока в установленном законом порядке не будет внесена иная запись (п. 6 ст. 8.1 ГК РФ). Необходимо отметить, что до внесения указанных изменений в ГК РФ аналогичная норма содержалась в ст. 2 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», что, конечно, было не вполне достаточно для того, чтобы считать принцип публичной достоверности адекватно закрепленным в гражданском законодательстве, на что обращалось внимание и в научной литературе [7].

Важно отметить, что введение системы государственной регистрации преследовало несколько целей, в том числе и придать предельную открытость правам на недвижимое имущество, а также информации об этих правах [8]. Закрепление данного принципа, как представляется, произведено в новой редакции ГК РФ, в п. 1 ст. 8.1 ГК РФ, согласно которому в государственном реестре должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить объект, на который устанавливается право, управомоченное лицо, содержание права, основание его возникновения. Таким образом, думается, будет обеспечиваться максимальная открытость и достоверность данных реестра.

В государственном реестре должны быть указаны данные, позволяющие определенно

установить объект, на который устанавливается право, управомоченное лицо, содержание права, основание его возникновения.

В научной литературе является общепризнанным то обстоятельство, что государственная регистрация выполняет роль юридического факта, с которым гражданское законодательство связывает возникновение, изменение либо обременение, а также прекращение права на недвижимое имущество [9].

Значение государственной регистрации прав на недвижимость и сделок с ней состоит в том, что она определяет момент возникновения соответствующих прав на недвижимое имущество. В силу прямого указания п. 2 ст. 8.1 права на имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают, изменяются и прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, если иное не установлено законом. Аналогичные нормы содержатся в ст. 219, п. 2 ст. 223 ГК РФ, согласно которым права на недвижимое имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают с момента государственной регистрации, если иное не установлено законом. Таким образом, можно говорить о правоустанавливающей функции государственной регистрации и положительно отметить то обстоятельство, что п.2 ст. 8.1 максимально точно закрепляет момент возникновения соответствующего права – момент внесения соответствующей записи в государственный реестр.

В рамках данной статьи в силу ограниченного объема нами была проанализирована лишь часть важных новелл, внесенных ст. 8.1. ГК РФ, касающихся одного из самых важных вопросов - о принципах государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Литература

1. Чубаров В.В. Проблемы правового регулирования недвижимости. М.: Статут, 2006. С. 330;
2. Одобрена 19.06.2002 г. решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства// СПС «КонсультантПлюс»;
3. Одобрена 07.10.2009 г. решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства// СПС «КонсультантПлюс»;
4. Тархова О.Ю. К вопросу о правах на земельный участок в долевом строительстве//Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012.№12 (31). С.59.
5. Интернет-семинар В.В. Витрянского 17 апреля 2013 г. «Новая редакция ГК РФ: революционные изменения законодательства, комментарии и разъяснения»
<http://vs.garant.ru/video/457471/key=26e3a89c634e9ead914d543da18aa211>
6. Чубаров В.В. Проблемы правового регулирования недвижимости. М.: Статут, 2006. С. 317.
7. Бычкова Е.Ю. Проблемы определения правового режима недвижимого имущества, приобретенного добросовестным приобретателем от неуправомоченного отчуждателя (в

порядке обсуждения проекта ГК РФ)// Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012.№10 (29). С.65.

8. Бевзенко Р.С. Принципы государственной регистрации прав на недвижимое имущество: опыт построения системы// Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2006. № 12. С. 46.
9. Осипова А.В. Проблемные вопросы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним// Нотариус.2004. № 6. С. 3; Бевзенко Р.С. Принципы государственной регистрации прав на недвижимое имущество: опыт построения системы// Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2006. № 12. С. 46; Чубаров В.В. Проблемы правового регулирования недвижимости. М. Статут.2006. с. 312-317 и др.

УДК 347.2/3

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ
НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО И СДЕЛОК С НИМ
LEGAL NATURE OF STATE REGISTRATION OF REAL ESTATE
AND TRANSACTIONS WITH HIM**

*Бондарев Я.Ю., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал)
ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской
Федерации», магистрант*

*Bondarev IA.U., Rostov-on-Don, Rostov Legal Institute (the Branch) of «Russian Law
Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation»*

e-mail:2757934@2270745.ru

*Аннотация: Указанная статья посвящена некоторым теоретическим проблемам,
связанным с определением правовой природы государственной регистрации прав на
недвижимое имущество и сделок с ним как гражданско-правового института.*

*Summary: The specified article is devoted to some theoretical issues, related to defining the
legal nature of state registration of titles to real estate and transactions with it as a civil institution.*

*Ключевые слова: государственная регистрация, недвижимое имущество, сделки с
недвижимостью, проект Гражданского кодекса РФ.*

*Keywords: state registration, real estate, real estate transactions, the draft of the Civil Code
of the Russian Federation.*

Институт государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним в России в его современном виде был введен частью первой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Одной из новелл части первой ГК РФ стал возврат в гражданское законодательство деления вещей на движимые и недвижимые и установление особого правового режима недвижимости, состоящий в обязанности проведения государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ст.131 ГК РФ). Наличие в ГК РФ указанной нормы предопределило принятие в 1997 году Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (далее – Закон о регистрации).

Указанный закон вступил в силу с 31.01.1998 г. и позволил реализовать закрепленные в ГК РФ нормы, установившие необходимость государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Проводимая в настоящее время модернизация гражданского законодательства, как отмечается в научной литературе, думается, позволит четче определить правовую природу государственной регистрации [1].

Необходимо отметить, что введение государством системы регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним преследовало несколько целей:

1. Установить государственный контроль за совершением сделок с недвижимым имуществом (переходом прав на него), и тем самым максимально защитить права и законные интересы граждан, юридических лиц и публичных образований (Российской Федерации в целом, субъектов РФ, и муниципальных образований);

2. Придать предельную открытость правам на недвижимое имущество, а также информации об этих правах;

3. Ввести единую процедуру государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним на всей территории РФ.

Установление государственного контроля за совершаемыми сделками с недвижимостью имеет важное значение в двух аспектах.

Во-первых, имеет место фискальная цель, поскольку согласно п.4 ст. 85 НК РФ регистрирующий орган обязан сообщать сведения о расположенном на подведомственной ему территории недвижимом имуществе, а также о правах и сделках на это имущество, зарегистрированных таким органом, о собственниках и владельцах указанного имущества в налоговые органы по месту своего нахождения. В научной литературе обоснованно отмечалось, что указанная цель существования системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, признается основной и в других государствах[2].

Во-вторых, государственная регистрация выполняет роль юридического факта, с которым гражданское законодательство связывает возникновение, изменение либо обременение, а также прекращение права на недвижимое имущество. Значение государственной регистрации прав на недвижимость и сделок с ней состоит в том, что она определяет момент возникновения соответствующих прав на недвижимое имущество. В силу прямого указания п. 2 ст. 8, ст. 219, п. 2 ст. 223 ГК РФ права на недвижимое имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают с момента государственной регистрации, если иное не установлено законом. Таким образом, можно говорить о правоустанавливающей функции государственной регистрации, т.к. с государственной регистрацией закон связывает момент заключения договора (п. 3 ст. 433 ГК) или условие действительности сделки (п. 1 ст. 165 ГК). На указанное обстоятельство также обращалось внимание в научной литературе[3]. Законодатель придает публично-правовому акту – регистрации – частноправовое значение, связывая с его совершением приобретение им юридической силы и наступление правового результата, на который стороны рассчитывали. Регистрация сделки выступает в качестве условия ее юридической силы, является необходимой предпосылкой возникновения на ее основании прав и обязанностей, установления которых стороны желали, она необходима как признание государством того обстоятельства, что указанная сделка состоялась как юридический факт.

Далее, государственная регистрация призвана придать предельную открытость правам на недвижимое имущество, а также информации об этих правах. Как отмечается в научной литературе, современная система государственной регистрации строится на принципах обязательности внесения записей в Единый реестр прав на недвижимое имущество и сделок с

ним (далее - ЕГРП), формальной гласности и открытости сведений, содержащихся в ЕГРП, и их публичной достоверности[4].

Анализируемая функция государственной регистрации, по нашему мнению, раскрывается следующим образом. Прежде всего, государственная регистрация в силу ст. 2 Закона о регистрации выполняет роль единственного доказательства существования зарегистрированного права. Помимо этого, существование системы государственной регистрации помогает дать однозначный ответ на вопрос о добросовестности приобретателя имущества в спорных случаях. Лицо, положившееся на данные ЕГРП, признается добросовестным приобретателем даже в том случае, когда впоследствии запись была оспорена и исключена из ЕГРП. Можно согласиться с Р.С.Бевзенко, сама суть установления регистрационного режима заключается не столько в регистрации ради самой регистрации, а сколько в придании зарегистрированным правам свойства достоверных для всех третьих лиц [5].

Появление нового правового института – государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним не могло не вызвать вопросов об его правовой природе и принадлежности данного института к частному (гражданскому) либо публичному (административному) праву.

Необходимо отметить, что в научной литературе отсутствует единый взгляд на отраслевую принадлежность института государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Можно выделить основные научные точки зрения, согласно которым институт государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним представляет собой:

- а) административно-правовой институт [6];
- б) гражданско-правовой институт [7];
- в) смешанный правовой институт [8].

Одним из аргументов, выдвигаемых в пользу первой точки зрения выступает то обстоятельство, что государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним осуществляет Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии – федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции в сфере государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним и ее территориальные органы. Указанная деятельность носит административный характер и является элементом механизма исполнительной власти. В своей исполнительной деятельности данные органы выражают публично-правовой интерес, для чего наделяются специальными юридически-властными полномочиями.

В то же время нельзя оставить без внимания то обстоятельство, что государственная регистрация, как уже упоминалось, выполняет важную гражданско-правовую роль, определяя момент возникновения, изменения либо прекращения прав на недвижимое имущество либо сделок с ним.

По нашему мнению, наиболее обоснованной представляется точка зрения А.Е. Русецкого, согласно которой институт государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним - это относительно самостоятельный правовой институт, объединяющий нормы нескольких отраслей права. Особенностью названного правового института является то, что он сочетает частноправовые и публично-правовые начала. В институте государственной регистрации прав на недвижимость материальная его сторона - гражданско-правовая, а процессуальная представлена административно-процессуальными нормами, регулирующими порядок государственной регистрации прав [9].

Как представляется, можно привести следующие аргументы в пользу смешанной правовой природы государственной регистрации прав на недвижимость и сделок с ним. В частности, государственная регистрация прав на недвижимость и сделок с ним является институтом, сочетающим в себе как частноправовые, так и публично-правовые элементы, которые проявляются в следующем:

- 1) является составной частью гражданско-правового режима недвижимого имущества;
- 2) представляет собой конечный элемент юридического состава, приводящий к возникновению права на недвижимость, а также договорных обязательств (прав и обязанностей) по сделкам с недвижимостью, требующим государственной регистрации, либо как необходимое условие для реализации уже возникшего права на недвижимое имущество;
- 3) выступает способом, условием и формой защиты прав;
- 4) имеет информационное и доказательственное значение - как единственное доказательство существования зарегистрированного права [10].

Литература

1. Великородова И.А. Некоторые особенности прекращения гражданско-правовых обязательства зачетом встречных требований// Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института.2012. № 4. Т.1. С.334.
2. Осипова А.В. Проблемные вопросы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним// Нотариус.2004. № 6. С. 3.
3. Бычкова Е.Ю. Некоторые проблемы регистрации права добросовестного приобретателя на недвижимое имущество//Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление.2012. № 11 (30). С. 25.
4. Чубаров В.В. Проблемы правового регулирования недвижимости. М. Статут.2006. с. 312-317; Шелехова Е.Н. Государственная регистрация права собственности арендодателя на здание, передаваемое в аренду, является единственным доказательством его права собственности// Комментарий судебно-арбитражной практики. Вып.7. М.2000, с. 50-57; Петров Е.Ю. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним в гражданском обороте недвижимости. Автореф. дис...канд.юр.наук. Екатеринбург.2001. с. 10,21 и др.
5. Бевзенко Р.С. Принципы государственной регистрации прав на недвижимое имущество: опыт построения системы// Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2006. № 12. С. 46.

6. Михольская В.В. Административно-правовые аспекты государственной регистрации недвижимости: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. М., 2002. С. 9.
7. Микерова Т.М. Регистрация прав на объекты недвижимости и сделок с ними как институт гражданского права // Нотариус. 2000. №4 (24) С. 51 - 52.
8. Алексеев В.А. Регистрация прав на недвижимость. М., 2001. С. 17; Пискунова М.Г. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним как правоприменительная деятельность учреждений юстиции // Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2001. N 1. С. 23.
9. Русецкий А.Е. Государственная регистрация ипотеки: Научно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2009. С. 7.
10. Русецкий А.Е. Указ. соч. С. 6.

УДК 347.2/3

**ВЕЩНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**ENTITY-LEGAL PROTECTION TAKING INTO ACCOUNT THE AMENDMENTS TO
THE CIVIL CODE OF RUSSIAN FEDERATION**

Бычкова Е.Ю., РЮИ (филиал) РПА Минюста России, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук.

*Bychkova E.Y., Rostov Legal Institute (the Branch) of «Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation», the docent of civil law Chair, Candidate of Legal Sciences
e-mail: by4kova@mail.ru*

Аннотация: Указанная статья посвящена некоторым теоретическим и практическим проблемам, возникающим при защите прав владельцев имущества.

Annotation: This article examines some theoretical and practical issues of protection of the rights of property owners.

Ключевые слова: виндикация, владелец имущества, недвижимое имущество, проект Гражданского кодекса РФ.

Keywords: vindication, property owner, real estate, Civil Code draft.

Исследование проблем, связанных с истребованием имущества из чужого незаконного владения, как представляется, следует начать с изучения соответствующих институтов, выработанных римским частным правом, которые были заимствованы и существуют во всех законодательных системах в тех или иных вариантах. Российская правовая система не является исключением: современный российский институт истребования имущества из чужого незаконного владения имеет в своей основе виндикационный иск, разработанный римским частным правом.

Важно отметить, что римские юристы различали истребование имущества из чужого незаконного владения посредством применения поссessorной защиты (т.е. защиты владения) либо петиторной защиты (т.е. защиты права собственности).

Наличие в римском праве защиты владения и защиты права было обусловлено исторически. Причиной возникновения петиторной и поссessorной защиты стало деление в римском праве раннего и классического периода вещей на *res mancipi* (манципируемые вещи) и *res nec mancipi* (неманципируемые вещи), а также взаимосвязанное с предыдущим возникновение так называемой преторской (или бонитарной) собственности. Деление вещей на манципируемые и неманципируемые в постклассический период было упразднено Юстинианом при проведении кодификации, а соответственно и исчезла разница между

квиритской и бонитарной собственностью.

Особенностью поссessorной защиты являлось то, что при защите своего владения ссылки на наличие права на имущество являлись недопустимыми, а положение сторон в процессе было равным - бремя доказывания распределялось поровну, каждая из сторон должна была предоставить доказательства в обоснование своей позиции. В институциях Гая (4.150) установлено следующее: "Когда дается интердикт по поводу земли или зданий, то по приказу претора одерживает верх тот, кто владел во время интердикта, если он ни силою, ни тайно, ни прекарным образом не получал владения от противника; а напротив при интердикте о движимой вещи тот одерживает верх, кто владел ею в течение большей половины последнего года и то не насильно, не тайно, не прекарным образом." [1] Кроме того, присуждение вещи «лучшему» владельцу не было окончательным, поскольку против владельца мог быть заявлен виндикационный иск (петиторное средство защиты).

Как отмечает Д.В.Дождев: "Конструкция интердикта связана с характером устанавливаемого права - с лучшей, чем у противника, позицией во владении. Отсюда симметричность положения сторон в процессе: доказательства порочности владения противника должен был представить каждый. Если одна сторона владеет безосновательно, но ее владение не было непосредственно связано с нарушением владения противника (или получено от него в прекарий), ее положение оказывалось прочнее" [2].

Русское гражданское право заимствовало из римского частного права институт защиты владения как факта, независимо от права собственности на вещь.

Основанием защиты владения, как такового, в русском дореволюционном праве составляло предположение права собственности на стороне владельца. Как отмечал К.П.Победоносцев: «Владение есть состояние фактическое, наличное, которое говорит само за себя, которому не требуется доказательств, покуда оно продолжается. На чем оно основано - это владение, и действительно ли оно основано на праве собственности, - вопрос сам собою не возникает, если не объявляется другое лицо, объявляющее наличного владельца незаконным и выставляющее свое право на собственность в том же имуществе, стало быть, вопрос этот возбуждается только вследствие иска о собственности. И в этом случае владение предполагается основанным на праве собственности до тех пор, пока противное не будет доказано» [3].

Русские цивилисты исходили из того, что в огромном большинстве случаев владение совпадает с правом собственности. Отсюда чрезвычайно мало шансов ошибиться, если предположить владельца собственником. Если так, то владельцу достаточно отстоять свое владение, не выдвигая своих прав собственности. В значительном числе случаев такое отстаивание владения окажется достаточным для охраны интересов собственника, потому что у противника нет доказательств в пользу защиты его права.

По характеристике известного цивилиста Г.Ф. Шершеневича «Владение, когда оно соединено в одном лице с правом собственности, по мнению нашего закона (т.10, ч.1ст. 513 (Свода законов Российской империи – прим. мое – Е.Б.)) есть существенная часть самого

этого права. Но владение может не совпадать с правом собственности, и тогда оно представляет особый институт. Юридическое значение его выражается в том, 1) что оно охраняется законом от посягательств посторонних лиц само по себе, независимо от вопроса о праве собственности (т.10, ч. 1, ст. 531) и 2) что продолжаясь известное время, оно превращается в право собственности (т.10, ч.1, ст. 533)» [4].

В советский период защита владения как факта отсутствовала. Советское гражданское право защищало лишь законное, титульное владение.

Петиторная защита в римском праве подразумевала доказывание наличия права на вещь, а не ее фактической принадлежности.

К петиторным способам защиты, в первую очередь, относится виндикационный иск (*rei vindicatio*). Виндикационный иск является вещным иском, который может быть предъявлен по поводу нарушения права на вещь; ответчиком в данном случае будет любое третье лицо, нарушающее право собственника на его вещь. В.М.Хвостов характеризует его следующим образом: «Это – главный иск для защиты права собственности. Иск дается не владеющему вещью собственнику против владеющего вещью несобственника, если последний отказывается выдать первую его вещь. Задача судьи – в позднейшем праве – определить, является ли истец действительно собственником вещи и, если он окажется таковым, то присудить ответчика выдать вещь истцу со всеми плодами и приращениями» [5].

В более архаичную эпоху *rei vindicatio* осуществлялась посредством судебного процесса *legis actio sacramento in rem*, в более поздний период – в процессе по формуле, где использовалась *formula petitoria* (петиторная формула). Главное различие между ними заключается в том, что в первом случае истец и ответчик оказывались в равном процессуальном положении, поскольку оба они заявляли о своем праве на вещь. В процессе же по формуле в положении владельца оставался тот, кто был им на момент начала тяжбы, из чего следовало, что бремя доказывания возлагалось на истца [6].

В русском дореволюционном законодательстве защита права собственности также осуществлялась с помощью виндикационного иска. К.П.Победоносцев характеризовал виндикационный иск как важную часть права собственности: «После того, как имущество передано от настоящего хозяина другому лицу, возвращение его к хозяину может последовать или в силу договора (например, при окончании пользования, сбережения и т.п.) или в силу хозяйского права, иском от хозяина к тому, у кого находится имущество о неправильном его удержании. Иск этого рода составляет нераздельную принадлежность вотчинного права, носит название виндикации (*vindicatio*) и имеет предметом имущество в материальном смысле, т.е. ту самую вещь, которая была передана, если она состоит еще в имуществе ответчика или может быть вообще отыскана у кого бы то ни было (в противном случае виндикация, т.е. возвращение вещи, невозможна и замещается иском о возмещении ценности). Итак, виндикация имеет место тогда, когда вещь была передана не с целью решительного ее отчуждения и удерживается в посторонних руках вопреки воле и намерению хозяина» [7].

Истцом по виндикационному иску в римском частном праве являлся собственник имущества, утверждавший, что требует свою вещь – *rem suam esse* [8], из фактического владения которого имущество выбыло. Бремя доказывания своего права собственности полностью возлагалось на истца. Истец должен был доказать право собственности, если ему это не удавалось, то вещь оставалась у ответчика. В.М.Хвостов писал, что «доказывается право собственности путем доказательства способа его приобретения. Если способ приобретения был деривативный, то истец должен был доказать право собственности своего предшественника; если тот приобрел вещь также деривативно, то нужно доказать право собственности его *auctor*'а и т.д. Доказательство выполнено в этом случае только тогда, когда истец дойдет до первоначального приобретателя вещи или докажет ряд преемственных переходов вещи за время, нужное для ее *usucapio*» [9]. Такое распределение бремени доказывания и требование доказать законность способа приобретения права не только самим истцом, но и его правопродшественниками делало очень невыгодной позицию истца в виндикационном процессе. Надо отметить, что в современном российском праве требования по доказыванию своего права на вещь значительно смягчены и доказывать право собственности своих правопродшественников по общему правилу не требуется.

Октябрьская революция существенно изменила подход ко многим институтам гражданского права. Защита права собственности, в первую очередь государственной, являлась одним из наиболее важных вопросов в условиях, когда имели место передел собственности и вытеснение частной собственности. Смена типа экономических отношений не могла не отразиться на законодательном подходе к регулированию отношений, связанных с собственностью. Существовавшая в дореволюционный период посессорная защита (т.е. защита владения независимо от титула) была упразднена как «буржуазная», укрепляющая принцип частной собственности [10]. Фактическое, беститульное владение перестало охраняться правом. Законодательно была установлена только защита владения, опирающегося на определенный титул (закон, договор и т.п.). Профессор А.В.Венедиктов отмечал, что в советском гражданском праве можно говорить только «о так называемой петиторной защите владения, предпосылкой которой является наличие правового основания (титула) владения вещью, а не так называемой посессорной защите, препосылкой которой является фактическое господство над вещью независимо от титула и которая осуществляется путем особых «посессорных» или «владельческих» исков. ... ни ГК, ни ГПК не предусматривают особых, владельческих исков, посредством которых бы защищалось владение как таковое – независимо от всякого титула, от вопроса о праве на владение» [11].

Современное российское право не содержит института посессорной защиты в ее римском понимании, т.е. защиты владения как факта независимо от титула. Согласно российскому законодательству, следующему советской правовой традиции, защищается только титульное владение, т.е. владение, имеющее под собой определенное правовое основание в виде закона или договора [12].

Проектом части первой ГК РФ предлагается ввести понятие владения как фактического господства лица над вещью (ст. 209 проекта части первой ГК РФ [13]) и предлагается введение гражданско-правового института защиты владения как факта, т.е. посессорной защиты (статьи 215-220 проекта).

Введение владельческой защиты является существенной новеллой для нашего гражданского законодательства и, как представляется, требует серьезного научного анализа. Хотелось бы обозначить в данной статье некоторые проблемы и недоработки, имеющиеся в предлагаемых нормах проекта части первой ГК РФ.

В соответствии с п.2 ст.215 проекта право на защиту своего владения имеет любой владелец - как законный, так и незаконный - независимо от того, принадлежит ли ему право на объект владения, включающее правомочие владения. Таким образом, можно отметить, что одним из различий между виндикацией и владельческой защитой, с точки зрения норм проекта, будет являться то, что она предоставляется и незаконному владельцу. В то же время возникает вопрос о соотношении владельческой защиты с уже имеющимися, традиционными способами защиты вещных прав, а именно с виндикационным иском и в определенных случаях с иском о признании права на имущество. Думается, что в отличие от римского частного права современное российское гражданское право не дает таких значительных процессуальных преимуществ лицу, которое защищает свое владение. Можно предположить, что в итоге в данном процессе все равно будут заявляться встречные требования о защите права на указанное имущество (в соответствии со ст. 218 проекта, проанализированной нами далее) и суд будет вынужден выяснять управомоченность каждого из лиц и возвращать вещь титульному, а не фактическому владельцу.

Таким образом, возникает вопрос о соотношении владельческой защиты с уже имеющимися, традиционными способами защиты вещных прав, а именно с виндикационным иском.

Согласно п.1 ст. 218 проекта лицо, к которому предъявлено требование о защите владения, не может в качестве возражения ссылаться на то, что ему принадлежит право на объект владения, но вправе заявить встречное требование о защите вещного права на эту вещь при условии предварительной передачи спорной вещи во владение лица, определенного судом (секвестр).

Положения данной нормы представляются достаточно спорными. Прежде всего, потому, что указанная статья проекта не делает никаких различий между защитой права владения на движимые вещи и недвижимые вещи. Таким образом, возникает ситуация существенного противоречия между нормами ГК РФ и нормой ст. 2 ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [14], согласно которой государственная регистрация является достаточным доказательством существования права на недвижимое имущество. Анализируемая нами ст. 218 проекта требует в указанной ситуации от ответчика заявления встречного требования о защите своего вещного права безотносительно того, имеется ли государственная регистрация за ним права собственности

на эту вещь или нет. Как представляется, порядок защиты владения движимыми и недвижимыми вещами должен быть дифференцирован.

В рамках данной статьи нами обозначены лишь некоторые недоработки норм проекта части первой ГК РФ, касающиеся владельческой защиты, которые, по нашему мнению, требуется устранить с тем, чтобы вводимый гражданско-правовой институт владельческой защиты мог использоваться участниками гражданского оборота для защиты своих прав.

Литература

1. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: 1997. - С. 145.
2. Дождев Д.В. Основание защиты владения в римском праве. М.: 1996.- С. 212-213.
3. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть 1, М.: Статут. 2002.- С.165.
4. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Спарк.1995.- С.152.
5. Хвостов В.М. Система римского права. Учебник. М: Спарк.1996.- С. 259.
6. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М.: 2002. - С. 180.
7. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч.3. М.: Статут. 2002.- С. 617.
8. Римское частное право // Под ред. И.С. Перетерского, И.Б. Новицкого. М.: Юриспруденция. 2001.- С. 161.
9. Хвостов В.М. Римское частное право. Учебник. М.: Спарк. 1996.- С. 261.
10. Комаров Б.К. Об ограничении права собственности по ГК РСФСР. Иркутск, 1929. - С. 12.
11. Венедиктов А.В. Гражданско –правовая охрана социалистической собственности в СССР. М.-Л.:1954. - С.106.
12. Малинкович М.В. Право владения не собственника. Автореф. дисс...к.ю.н. М.:1969. - С. 5-6; Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М.: Статут.2010.- С.299.
13. В статье анализируются нормы проекта Проект Федерального закона N 47538-6 "О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Закон РФ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 21 июля 1997 г. № 121 – ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 340

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В РОССИИ
CURRENT PROBLEMS GUARDIANSHIP RUSSIA

Ваниянц Д.Ю., Филиал Московского государственного университета приборостроения и информатики в г. Ставрополе, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Гуманитарных дисциплин

Vaniyants D.Y., Branch of Moscow State University of Instrument Engineering and Informatics in Stavropol, Candidates Sociology, Associate Professor, Assistant Professor of Humanities

e-mail: www.tanHanum@rambler.ru

Аннотация: Не все граждане (физические лица) способны самостоятельно осуществлять свои права и исполнять обязанности в силу недостатка дееспособности или ее полного отсутствия. Для восполнения недостающей или отсутствующей у таких граждан дееспособности и для защиты их прав и интересов используется институт опеки и попечительства

Abstract: Not all citizens (individuals) are able to independently exercise their rights and fulfill their duties because of a lack of capacity or its complete absence. To make up for missing or absent in such capacity and citizens to protect their rights and interests of the Institute used the guardianship and trusteeship

Ключевые слова: опека и попечительство, социально-правовой подход, государственная защита личности, приоритет защиты прав и интересов несовершеннолетних, институт приемной семьи, государственно-правовая охрана детства

Keywords: guardianship, socio-legal perspective, protection of the individual state, priority of protecting the rights and interests of minors, the institution of the foster family, the state-legal protection of children

Опека и попечительство являются одной из форм осуществления государственной защиты личности.

Актуальность исследования в данной научной статье обусловлена тем, что опека (попечительство), оставаясь по своей сути одинаковой во все времена, на каждом этапе исторического развития России имела свои особенности, продиктованные потребностями общества. [3]

С 1 марта 1996 г. вступил в силу действующий ныне Семейный кодекс РФ. С его принятием регулирование семейных отношений, прав и обязанностей детей приведено в соответствие с Конституцией РФ, другими федеральными законами, и прежде всего - с новым

Гражданским кодексом. Семейный кодекс обогащен положениями Конвенции ООН о правах ребенка и других международных правовых актов, ратифицированных Россией. В Кодексе указано, что основные задачи семейного законодательства исходят из приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семей (п.3, ст.1). В кодексе есть специальная глава 11 Права несовершеннолетних детей (ст.54-60), где ребенок впервые признается самостоятельным субъектом семейных правоотношений. Каждому ребенку предоставлено право выражать свое личное мнение по вопросам, касающимся его интересов, и обращаться за защитой своих прав в органы опеки и попечительства, а по достижении 14 лет - в судебные органы. Впервые в Семейный кодекс введен специальный раздел 6 Формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. В целях расширения возможностей семейного воспитания кодекс предусматривает новый правовой институт приемной семьи (ст.151-155). Что касается правовых норм об опеке и попечительстве, то в них закреплены положения, выработанные практикой судебных и прокурорских органов, а также органов опеки и попечительства, органов ЗАГС.

Тем не менее, проблема возвращения одиноким детям возможности расти и воспитываться в нормальной семье стоит крайне остро. Государственно-правовая охрана детства - один из важнейших принципов социальной политики, непосредственно закрепленных в ст.7, 38, 39 Конституции РФ.

Несмотря на то, что данный институт является государственным вопросом приоритетного направления социальной политики в законе и теории существует много пробелов и противоречий.

Проблема исследования сформулирована следующим образом: какова совокупность пробелов и противоречий теории и практики регулирования института опеки и попечительства? Решение этой проблемы составляет цель исследования. В связи с этим необходимо решить следующие задачи:

- изучить историю эволюции института опеки и попечительства.
- изучить правовую природу института опеки и попечительства.
- проанализировать коллизионные вопросы регулирования опеки и попечительства.
- проанализировать общие положения опеки и попечительства.
- исследовать особенности установления опеки и попечительства детям оставшимся без попечения родителей
- внести предложение по совершенствованию действующего законодательства.

Итак, институт опеки и попечительства является одним из самых важных направлений в обеспечении нормальной жизнедеятельности незащищенной части населения, однако в законодательстве и теоретических исследованиях имеется ряд пробелов и противоречий.

Спорным вопросом теоретического плана является проблема определения сферы влияния между гражданским и семейным законодательством. Большинство норм об опеке и

попечительстве, традиционно содержащихся в Семейном кодексе, в настоящее время помещено в новый ГК РФ. Семейный кодекс содержит лишь некоторые положения, касающиеся воспитания опекунами и попечителями несовершеннолетних подопечных.

Такое изменение законодательства вызвало определенные споры по поводу определения правовой природы института опеки и попечительства. Некоторые авторы, не выделяя семейное право как самостоятельную отрасль права, считают опеку и попечительство институтом гражданского права, другие же считают данный институт комплексным, содержащим нормы гражданского и семейного права. Существуют и другие точки зрения. Например, Н.М. Ершова предлагала считать его институтом семейного права, «включающим все виды попечения над гражданами, нуждающимися в особой форме охраны своих прав и интересов». Свой вывод она аргументировала, во-первых, тем, что в отношении совершеннолетних недееспособных лиц опекуны осуществляют заботу и надзор, сходные с обязанностями опекунов над несовершеннолетними. В то же время Н.М. Ершова признавала, что в составе института опеки и попечительства есть гражданско-правовой институт представительства.

Мы же считаем, что институт опеки и попечительства является институтом комплексным. Законодательное регулирование осуществляется нормами различных отраслей права: гражданским, семейным.. ГК регулирует общие вопросы: цели опеки и попечительства, права и обязанности опекунов (попечителей) (ст.31 - 33), органы опеки и попечительства (ст.34), назначение опекунов и попечителей, а также освобождение или отстранение их от своих обязанностей (ст.35, 39), исполнение опекунами и попечителями своих обязанностей (ст.35 - 37), доверительное управление имуществом подопечных (ст.38), прекращение опеки и попечительства (ст.40). Семейный кодекс регулирует опеку и попечительство детей.

Что же касается пробелов законодательного характера, то здесь следует выделить проблемы коллизионного регулирования.

Действующее российское законодательство не содержит единого подхода к определению объема дееспособности лиц, находящихся под попечительством: в соответствии с гражданским правом ограниченно дееспособный вправе сам совершать юридически значимые действия, а согласно гражданско-процессуальному праву все действия за подопечных осуществляет опекун или попечитель. К сожалению, неоднозначно решается вопрос и о статусе опекунов (попечителей): статус опекунов (попечителей), определенный ГК, имеет иное содержание в нормативных актах другой отраслевой принадлежности. Таможенный кодекс, перечисляя законных представителей физических лиц, подходит к этому вопросу несколько иначе, чем гражданское законодательство. В соответствии со ст.309 ТК интересы привлекаемого к ответственности за нарушение таможенных правил физического лица, являющегося несовершеннолетним, или лица, которое в силу своих физических или психических недостатков не может само осуществлять свои права, вправе представлять его законные представители, которыми согласно ТК являются родители, усыновители, опекуны, попечители. Одинаковым статусом наделяет опекунов и попечителей Федеральный закон от 15 августа 1996 г. «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую

Федерацию». Согласно ст.8 названного Закона опекуны и попечители имеют право подачи заявления о выдаче подопечному загранпаспорта. Получается, что данный нормативный акт уравнивает опекунов и попечителей. Все эти разногласия приводят к сложности и в дополнительных трудностях при применении национального права.

В связи с этим необходимо унифицировать подходы к определению объема дееспособности лиц находящихся под попечительством. На наш взгляд наиболее целесообразным привести законодательство в соответствии с Гражданским кодексом, т.е. ограничено дееспособный вправе сам совершать установленный круг юридически значимых действий. Также привести нормы регулирующие статус опеки попечительство согласно гражданскому законодательству, т.е. унифицировать разграничение полномочий, прав и обязанностей между опекуном и попечителем.[1]

Следующим недостатком законодательного регулирования уже местного значения является то, что, к сожалению, в Ставропольском крае законодатель не посчитал нужным принятие отдельного закона, регулирующего организацию и деятельности органов опеки и попечительства, как, например, в ряде других субъектов, что является существенной недоработкой, решение которой способствовало бы более эффективному функционированию института опеки и попечительства. [2]

Считаем необходимым принять в Ставропольском крае отдельный нормативно-правовой акт, регулирующий более детально, порядок создания и полномочия органов опеки и попечительства.

Что касается ответственности, то данный вопрос также урегулирован в российском законодательстве недостаточным образом. В уголовном кодексе содержится лишь одна норма, упоминающая об институте опеки и попечительства. Это статья 154 «Незаконное усыновление (удочерение)». Но, к сожалению, законодатель не посчитал нужным установить специальные нормы об ответственности органов опеки и попечительства, а также ответственность опекунов и попечителей. В связи с этим предлагается ввести норму в Уголовный кодекс регулиющую,

а) нарушение порядка или сроков предоставления сведений о несовершеннолетних, нуждающихся в передаче на воспитание в семью либо в учреждения для детей-сирот или для детей, оставшихся без попечения родителей

б) ответственность органов опеки и попечительства за незаконные действия по усыновлению (удочерению) ребенка, передаче его под опеку (попечительство) или в приемную семью.

с) ответственность опекунов и попечителей за халатное осуществление своих полномочий, за неисполнение своих обязанностей. Причем, установить не только штрафные санкции, но более строгие виды наказания.(4)

Что касается КоАП, то он содержит только нормы о нарушении порядка или сроков предоставления сведений о несовершеннолетних, нуждающихся в передаче на воспитание в семью либо в учреждения для детей-сирот или для детей, оставшихся без попечения

родителей и норму о незаконные действия по усыновлению (удочерению) ребенка, передаче его под опеку (попечительство) или в приемную семью и за пределом регулирования остаются нормы об ответственности опекунов и попечителей за ненадлежащие исполнение своих обязанностей. В связи с этим предлагается усилить ответственность органов опеки и попечительства и ввести нормы в Коап об ответственности опекунов за халатное исполнение или неисполнение обязанностей опекунами и попечителями.(4) А также установить ответственность за ненадлежащий контроль органами опеки и попечительства за государственными, воспитательными и социальными учреждениями. Установить норму, регулирующую ответственность должностных лиц органов опеки и попечительства содействующего совершению обманных действий в целях незаконного получения чужого имущества, права на него, а также злоупотребление доверием в корыстных целях

Литература

1. Кузнецова И. М. Новое в порядке усыновления детей // Журнал российского права. – 1997. - № 1.
2. Л.М. Пчелинцева, Обеспечение безопасности несовершеннолетних граждан семейно-правовыми средствами // Журнал российского права. - N 6. - 2001
3. Советское семейное право / Под ред. Рясенцева В. А. М. -, 1982. Шахматов В. П. Законодательство о браке и семье (Практика применения, некоторые вопросы теории). – Томск., 1981. – С. 46.
4. Л.Н. Шохина Правовые основы государственной поддержки детей-сирот // Гражданин и право. - N 1. - 2002 г.

УДК 343

**ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ПРАВА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
CHURCH LAW AS AN ELEMENT OF RIGHTS OF THE RUSSIAN EMPIRE**

Варданян Г.В., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», магистрант 3-го года обучения.

Vardanjyan G.V., Rostov (Rostov-on-Don) Law Institute (branch) of VPO «Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation», the 3rd year graduate student.

Плешков Е.В., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права.

Pleshkov E.V., Rostov (Rostov-on-Don) Law Institute (branch) of VPO «Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation», candidate of law, docent, Head of the Department of theory and history of state and law.

e-mail: gurgenvar@gmail.com

Ключевые слова: система, право, система права, церковное право.

Key words: system, law, system of law, church law.

Аннотация: в статье рассмотрены подходы к определению понятия и структуры церковного права Российской империи.

Annotation: the article deals with the approaches of the definition and the structure of a church law of Russian empire.

Система права дореволюционной России характеризуется рядом особенностей, отличающих ее от современного состояния в рассматриваемой сфере. Одним из основных отличий системы права Российской империи является наличие в ней такой отрасли как церковное право, которая в настоящее время в Российской Федерации практически не изучается в учебных заведениях страны, не имеет единого кодифицированного источника, да и вообще, не признается государством в качестве отрасли права. Это и понятно. В случае, когда церковь отделена от государства, не может идти речи о санкционировании государством норм, правил поведения, установленных церковной организацией. То же относится и к советскому периоду развития, когда отрицалась сама религия. Но еще в начале XX века, до 1917 года церковное право являлось одной из отраслей права Российской империи.

Что же представляет собой церковное право, какие подходы имелись к его определению и структуре в дореволюционной России?

Церковное право - это совокупность правил, регулирующих внутреннюю организацию церкви и взаимоотношения между церковными организациями, верующими и государством. Однако это краткое определение не дает понятия о различных элементах структуры церковного права, оно лишь показывает сущность данной отрасли права.

Следует сразу же оговориться о том, что даже в Российской империи не существовало единства взглядов ученых, юристов, богословов относительно определения церковного права, его места в системе права вообще. Рассмотрим определения церковного права и мнения о его месте в системе права ведущих дореволюционных отечественных юристов и богословов.

Выдающийся богослов священник М.И. Горчаков [3], говоря о церковном праве, указывает, что оно понимается в субъективном и объективном смыслах:

- церковное право в *субъективном* смысле есть согласная с природою и назначением христианской религии, основанная на законе и справедливости и признаваемая в государстве возможность, способность и власть церкви иметь самостоятельное устройство и управление и достигать своих своеобразных религиозных целей посредством определенных действий и отправлений, соответственных религиозным потребностям ее членов;

- церковное право в *объективном* смысле есть область общественности в государствах и среди народов, организованная по началам учения вселенской церкви для достижения населением религиозно-нравственных христианских целей, состоящая в совокупности правовых норм и признаваемая законным и согласным с правдою и справедливостью порядком человеческой жизни.

Деление церковного права на объективное и субъективное поддерживал и М.А. Остроумов. По его словам, церковное право в *объективном* смысле есть совокупность церковных норм и правил, определяющих внутренние и внешние отношения церкви, как видимого общества, поскольку такие отношения служат целям существования церкви на земле. Систему же прав и обязанностей членов церкви, устанавливаемую определением этих отношений, Остроумов называет церковным правом в *субъективном* смысле. [6, С. 21]

Другой видный исследователь церковного права П. Лашкарев делит его на *право собственно-церковное* и *право церковно-гражданское*.

Под собственно-церковным правом П. Лашкарев подразумевает «законы, данные церкви Божественным ее Основателем непосредственно или чрез Его апостолов, или установленные самою церковью в пределах полномочий, предоставленных ей заповедями божественными, или и законами государственными, но применительно к ее основанной на божественных заповедях компетенции. Законы эти, насколько имеют форму положительных определений, соединенных с внешней церковной санкцией, называются *канонами*; почему и самый вид этого права называется *правом каноническим*». [5, С. 68]

Под правом церковно-гражданским автор понимает «такие законы, которые определяют положение и деятельность церкви в силу общего государственного и гражданского порядка,

или издаются нарочито по делам веры и церкви законодательной властью государственной, и охраняются санкцией гражданской. Законы последнего свойства древние правоведы церковные, в отличие от канонов, называли просто – *законами*». [5, С. 68]

Интересна также классификация церковного права, данная Лашкаревым, по следующим основаниям:

1) По своим основным началам право церковное подразделяется на *право естественное* и *установленное*, и последнее – на *божественное* и *историческое*.

2) По отношению к форме, в какой устанавливаются и сохраняют свое бытие законы, в праве церковном различается *право писанное* и *неписанное*, или *положительное* и *обычное*, и *право ученое*.

Правом ученым называются такие правовые нормы, которые уясняются в общественном сознании и получают силу закона путем научной разработки права и авторитетного (в научном смысле) разъяснения его.

3) По отношению ко времени, в которое известные законы появляются в церковной практике, право церковное подразделяется на *апостольское*, *древнее* и *новое*.

4) По отношению к кругу действия право церковное разделяется на *общее* и *частное*.

Право церковное *общее* составляют законы, постановленные для всей вообще христианской церкви без ограничения действия их какими-либо пределами. Право частное *представляет* собой совокупность законов, установленных только для той или другой частной церкви, существующей в среде известного народа, или даже для одной какой-либо области или учреждения в этой церкви.

5) По отношению к действительному применению церковных законов в то или иное время или в той или иной местной церкви, право церковное разделяется на *действующее* и *недействующее*.

Правом церковным действующим называются законы, приводимые в данную эпоху в исполнение во всей их силе. К праву недействующему относятся такие законы, которые или сами собою вышли из употребления, или отменены, или заменены новыми.

6) Наконец, по предметам, или тем отношениям, которых касается, право церкви подразделяют обыкновенно: на *публичное* и *частное (приватное)*, на *внутреннее* и *внешнее*, на *личное*, *вещное*, *судебное*, или на *административное* и *судебное* и пр. [5, С. 70-93]

Очень кратко определяет церковное право И.С. Бердников. По его словам церковное право есть совокупность норм, по которым живет и которыми управляется в своей деятельности Церковь Христова. [2, С. 1]

Какое же место в системе права занимало церковное право? Этот вопрос в Российской империи также не был решен однозначно.

Так, Заозерский Н.А. в конце XIX века доказывал особенность церковного права, и, следовательно, его характеристические свойства, в силу которых оно – «особый род в общем понятии права и в этом качестве должно быть противопоставлено праву гражданскому

(светскому) и рассматриваемо и изучаемо как предмет специальной юридической науки». [4, С. 48]

Вообще же, многие дореволюционные канонисты, пытаясь определить место церковного права, опирались на классическое деление права на частное и публичное и либо относили церковное право к одному из названных институтов, либо само церковное право разделяли на церковное публичное и церковное частное право.

И.С. Бердников указывает, что церковное право не относится ни к области публичного, ни к области частного права; оно составляет отдельную самостоятельную правовую область. Такое свойство церковного права вытекает прямо из характера Церкви Христовой, как самостоятельного общественного союза. [4, С. 48] Е.А. Апольский справедливо добавляет к этому высказыванию И.С. Бердникова также системный и сложный социальный характер церковного права дореволюционной России. [1, С. 67]

Таким образом, говоря о месте церковного права в системе права конкретного государства, следует изначально делить церковное право на два элемента: внутреннее и внешнее право церкви. В первом случае – это особая, самобытная часть правовой материи, не связанная вообще с государственным (публичным) правом. Во втором случае церковное право тесно соприкасается с государственным (конституционным) и уголовным правом (в зависимости от целей правового регулирования).

Литература:

1. Апольский Е.А. К вопросу о структуре дореволюционного церковного права // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2012. - №3. – С. 67-72.
2. Бердников И.С. Краткий курс церковного права Православной Греко-российской Церкви, с указанием главнейших особенностей католического и протестантского церковного права. – Казань, тип. Имп. Ун-та, 1888.
3. Горчаков М.И. Церковное право. Краткий курс лекций. – СПб., тип. И. Флейтмана, 1909. – 338 с.
4. Заозерский Н. Право православной грековосточной русской церкви как предмет специальной юридической науки. – М., тип. М.Г. Волчанинова, 1888.
5. Лашкарев П. Право церковное в его основах, видах и источниках. Из чтений по церковному праву. 2-е испр. и дополн. издание. – Киев, изд. Н.Я. Оглоблина, 1889.
6. Остроумов М.А. Очерк православного церковного права. Часть первая. Введение. Т. 1. – Харьков, тип. Губ. правл., 1893.
7. Суворов Н. Учебник церковного права. 5-е изд. М., 1913.
8. Цыпин В.А. Курс церковного права. – Клин, 2004.

УДК 343

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВА
ON THE PROBLEMS OF DEFINITION OF A SYSTEM OF LAW**

Варданян Г.В., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», магистрант 3-го года обучения.

Vardanyan G.V., Rostov (Rostov-on-Don) Law Institute (branch) of VPO «Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation», the 3rd year graduate student.

Плешков Е.В., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права.

Pleshkov E.V., Rostov (Rostov-on-Don) Law Institute (branch) of VPO «Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation», candidate of law, docent, Head of the Department of theory and history of state and law.

e-mail: gurgenvar@gmail.com

Ключевые слова: система, право, система права, определение системы права.

Key words: system, law, system of law, definition of a system of law.

Аннотация: в статье рассмотрены подходы к определению системы права.

Annotation: the article deals with the approaches of the definition of a system of law.

Одной из ключевых в теории права была и по-прежнему остается категория «система права». С этим элементом связаны многочисленные научные исследования в различные периоды отечественной истории, начиная с дореволюционных изысканий соотношения частного и публичного права, заканчивая современными разработками изменяющейся и динамично развивающейся системы российского права. Вопрос о границах содержания понятия «система права» актуален и в настоящее время, особенно с учетом продолжающегося процесса унификации основных правовых систем современного мира и внедрением нашей страны в глобальный товарооборот. Как справедливо отмечает К.А. Долгополов: «любая отрасль права содержит ряд институтов, без глубокого и всестороннего изучения которых невозможно осмысление и всей соответствующей отрасли права». [18] Не снимает «понятийную напряженность» и известная «какофония в понимании права», как справедливо замечает профессор В.Д. Грачев [5], а также не прекращающийся процесс унификации правовых систем.[12] Рассмотрим основные подходы к определению системы права в отечественной юридической науке.

В первую очередь следует уяснить философскую категорию «система», которая часто абстрактно и разрозненно представляется даже представителями одной и той же научной

школы. Зарубежные исследования рассматриваемого нами понятия наиболее ярко представлены работами А.Д. Холл и Р.Е. Фейджин, которые полагают, что «система - это множество объектов вместе с отношениями... между объектами и между их свойствами». [17] С точки зрения И. Клир «множество величин, уровень анализа, отношения между величинами, свойства, определяющие эти отношения, - это основные признаки каждой системы независимо от того, с точки зрения какой научной дисциплины определяется объект как система». [17]

Р.Л. Акоф делает упор на том факте, что «систему можно определить как любую сущность, концептуальную или физическую, которая состоит из взаимозависимых частей». [1]

В Философском энциклопедическом словаре Л.Ф. Ильичёва система понимается как «множество связанных между собой элементов, составляющих определенное целостное образование». [16]

В целом можно согласиться с оценкой М.И. Байтина о том, что «в перестроечный и постперестроечный периоды внимание к исследованию вопросов системы права, равно как и полемика по ним, заметно ослабли. Одновременно с тем дали о себе знать элементы растаскивания и обесценения накопленных десятилетиями идей и положений, составляющих основу теории системы права». [2]

Анализ категории «система» невозможен без учета категории «содержание». Наиболее адекватную и объективную характеристику этой категории можно найти у Ю.Р. Захарова. По его мнению содержание есть «развитая в конкретную целостность сущность объекта, его субстанциональная основа и состав». [6] Таким образом, если категория «содержание» предполагает конкретизацию сущности, то при определении содержания права следует обратиться к сущности права и ее объективации. В современной теории права сущность права находит свое выражение в правовых принципах, в его социальном назначении, функциях. [15]

Так, рассматривать систему права как правовую абстракцию предлагает А.М. Васильев, подчеркивая, что в таком понимании правовая абстракция «система права» фиксирует, прежде всего, нормативную сторону права: «эта правовая абстракция служит для выражения подразделений, связей, единства правовых норм, их внутренних взаимозависимостей и системы в целом». [3]

Исключительно как научную конструкцию систему права рассматривает и В.К. Райхер, по мнению которого система права - это «объективированный в сфере общественного сознания результат систематизации правовых норм; система права представляет собой диалектическое сочетание двух противоположных и в то же время соотносительных начал, двустороннее единство субъективного и объективного моментов». [13]

Д.А. Керимов отмечает, что «вершиной многосистемности является система права, состоящая из подсистем - правовых норм, институтов и отраслей. При этом система права - не просто совокупность ее подсистем, а система подсистем. Тем самым образуется иерархия правовых систем, создающих стройное здание правовой системности: от основания (система

многообразных правовых норм) через промежуточные «этажи» (система институтов и отраслей права) к его вершине (системе права)». [7]

В.Н. Синюков предлагает понимать систему права как составную часть правовой системы. По его мнению система права – это обусловленная, в первую очередь, типом правовой семьи, этнографическими, культурными, историческими условиями России внутренняя структура ее права, образуемая связью норм, институтов, отраслей, разделов, которая обеспечивает целостность и регулятивные свойства национального права. [14]

Следует согласиться с мнением Е.М. Макеевой о том, что изучение проблемы определения системы права должно осуществляться одновременно по нескольким направлениям: 1) системному и 2) нормативному. В первом случае основное внимание уделяется изучению существующих общественных отношений, особенностей их правового регулирования и защиты прав участников этих отношений, а во втором - группировке норм по отраслям права. Более целесообразным представляется рассматривать систему права не как набор отдельных отраслей, а как единый механизм, согласованных и взаимодействующих структурных элементов системы, решающий известные задачи и направленный на достижение определенных целей, удовлетворение интересов общества и государства. [9]

Современные исследования дополняют существующие подходы к определению системы права. В этой области можно выделить определение Т.А. Волкогон, которая под системой права понимает структурированную организацию правовых норм, объединенных на основе предмета, метода и принципов правового регулирования в отрасли и институты для эффективного упорядочения общественных отношений. [4]

Е.М. Макеева утверждает, что под системой права следует понимать «внутреннее строение действующего права, состоящее из согласованных и органически взаимодействующих структурных элементов: правовых норм, институтов и отраслей права, занимающих различное положение в системе и по-разному соотносящихся между собой, отражающая объективно существующие частноправовые и публично-правовые общественные отношения и обусловленная ими, проникнутая совокупностью свойственных системе правовых принципов, определенных социально-экономическими, политическими, историческими и другими факторами». [9]

Н.И. Матузов указывает, что под системой права понимается определенная внутренняя его структура (строение, организация), которая складывается объективно как отражение реально существующих и развивающихся общественных отношений. [10] В.С. Нерсисянц называет систему права юридико-доктринальной категорией и конструкцией, включающей в себя нормы права и объединяющие их институты и отрасли права. [11]

Таким образом, система отечественного права сегодня, безусловно, представляет собой сложное и динамично развивающееся социально-правовое явление, требующее дальнейшего тщательного исследования. Не вызывает сомнения также и то, что глубокий и всесторонний учет всех аспектов системы права, как сложного социального явления, позволит в ближайшем будущем эффективно осуществлять работу по кодификации отечественного права, грамотно

систематизировать накопившийся нормативно-правовой материал и успешно интегрировать специфику отечественной системы права в глобальные процессы унификации современного права.

Литература

1. Акоф Р.Л. Системы, организации и междисциплинарные исследования // Исследования по общей теории систем. М., 1964. С.56
2. Байтин М.И. Система права: к продолжению дискуссии // Государство и право. 2003. №1. С.29
3. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. - М., 1976. С.166
4. Волкогон Т.А. Система права в условиях обновляющегося общества. Дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2006. С.8
5. Грачев В.Д. Концептуальные трудности построения единого правового пространства в современной России // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2012. - №4. – С. 394-401.
6. Захаров Ю.Р. Содержание и форма в системе: Автореф. дис.... канд. филос. наук. М., 1978. С.15
7. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М, 1972. С.280-281
8. Клир И. Абстрактное понятие системы как методологическое средство // Исследования по общей теории систем. М., 1964.
9. Макеева Е.М. Система права Российской Федерации (вопросы теории и практики). Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. С.30
10. Матузов Н.И. Теория государства и права. Курс лекций. М., 2005. С.394
11. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999. С.430
12. Плешков Е.В., Апольский Е.А. Российская наука и Болонский процесс: трудные шаги навстречу // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2012. - №4. – С. 430-433.
13. Райхер В.К. О системе права // Правоведение. 1975. №3. С.70
14. Синюков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. Саратов, 1994. С.340
15. Теория государства и права / Под ред. В.Д. Перевалова. М., 2004. С.120
16. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л.Ф. Ильичёва, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалёва, В.Г. Панова. - М.: Сов. Энциклопедия, 1983. С.357
17. Холл А.Д., Фейджин Р.Е. Определение понятия системы // Исследования по общей теории систем. М., 1964. С.252/
18. Долгополов К.А. Соотношение принципов уголовного права, уголовной ответственности и общих начал назначения наказания. Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2012. - №3. – с.115

УДК 343

ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА РУСИ
HISTORY OF ORIGIN OF FEMALE CRIMINALITY IN RUSSIA

Губка М.Н., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», магистрант 3-го года обучения.

Gubka M.N., Rostov (Rostov-on-Don) Law Institute (branch) of VPO «Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation», the 3rd year graduate student.

e-mail: ruy@aanet.ru

Ключевые слова: женская преступность, Россия, половые преступления.

Key words: female criminality, Russia, sex offences.

Аннотация: в статье рассмотрена история зарождения женской преступности на Руси.

Annotation: the article deals with the history of origin of female criminality in Russia.

В современном российском обществе обстановка по женской преступности и правонарушениям, совершаемым женщинами, характеризуется как сложная, и ее прогноз на ближайшее время неблагоприятен, особенно с учетом периода социально-экономического кризиса. Следовательно, есть необходимость обратиться не только к современным работам уголовно-правовой специализации, но и к исследованиям предыдущих периодов, рассматривающих женскую преступность в прежние, сложные социально-экономические периоды, а также учитывая деформацию правосознания в исторической ретроспективе. Учитывая, что преступность как явление имеет историю количественного и качественного изменения, ее изучение, в обстановке социально-экономического кризиса может приобрести исключительную важность, поскольку объясняет не только современные статистические данные, но позволяет рассмотреть ее в конкретно-исторических проявлениях и развитии, а также проанализировать ее корни, уходящие в глубину веков.

Актуальность проблемы истории женской преступности определяется целым рядом обстоятельств: совершение преступления женщиной приводит к довольно значительным общественно опасным последствиям, оказывающим влияние на проблему семейного воспитания. Моральный климат в семье, где женщина ведет антиобщественный образ жизни, по степени своего воздействия оказывается чрезвычайно опасным для членов семьи, особенно для несовершеннолетних, которые оказываются безнадзорными. Наносится ничем невозполнимый ущерб детям, так как реальное воздействие семьи оказывается практически негативным и устранить его деятельностью воспитательных организаций становится

сложным. Поэтому для современной науки очень важно разработать целостную систему принципов и способов организации и построения теоретического и практического знания о женской преступности, факторах ее детерминирующих, и тем самым сделать более целенаправленными формы ее профилактики.

В Древней Руси общественные связи регулировались нормами как писаного, так и обычного неписаного права. При этом следует весьма четко проводить грань между языческой и христианской Русью, особенно в том, что касается культуры и традиций сексуального поведения. Дохристианская Русь рассматривала сексуальность и сексуальные взаимоотношения в качестве проявления священного начала, исключавшего аскетическое и пуританское отношение к сексу, но ее последующее крещение лишило ее священного смысла. Церковь оправдывала сексуальность лишь постольку, поскольку она служила продолжению рода, и то при условии легализации сексуальности в брачном союзе мужа и жены. Следует отметить, что вслед за ней в светском законодательстве ранней Руси неосвященный церковью сексуальный союз мужчины и женщины также рассматривался в качестве правонарушения. В частности, Устав князя Владимира о церковных судах, определявший судебную юрисдикцию церкви (в Синодальной редакции), относил к числу дел, квалифицируемых как церковные преступления, «смирное» (ст. 9), понимаемое современными исследователями как не освященная церковью совместная жизнь мужчины и женщины.[3]

Впервые понятие «изнасилование» встречается нам в XI в. в Русской Правде - основном источнике права Киевской Руси, а именно в Уставе Ярослава Владимировича. Данный документ регулирует семейно-брачные отношения и отношения, касающиеся церковных судов. В нем говорится также о преследовании за нарушение половых отношений, однако он не давал четкого определения данного вида преступления. Так, впрочем, не вполне понятны формулировки и многих других норм статей Русской Правды, но в то же время можно с определенной точностью сказать, что преступление по Русской Правде определялось не как нарушение закона или княжеской воли, а как «обида», т.е. причинение морального или материального ущерба лицу или группе лиц - уголовное правонарушение не отграничивалось в законе от гражданско-правового. Отсюда и наказание за изнасилование - денежный штраф (вира), размер которого возрастал при покушении на преступление лица привилегированного слоя.

Христианская церковь также активно регулировала взаимоотношения полов и внутрисемейные отношения. Это было возможным как в силу укрепления авторитета церкви в общественном сознании, так и благодаря организации церковной юрисдикции. К церковной юрисдикции, в частности, относились дела о нарушении запрета половых отношений в кругу близких родственников – «в племени и в сватстве поимуться» (ст. 9 Устава князя Владимира о церковных судах). [3] Этот запрет был вызван стремлением исключить половые влечения сына к матери, брата к сестре и т.д. Соблюдение запрета способствовало сохранению мирных отношений в семье. Устав не содержал перечня наказаний за эти преступления; в византийском же праве в случае кровосмешения между родителями и детьми виновные

подлежали смертной казни. Однако известно, что русское уголовное право X - XIV вв. не знало этого вида наказания, а общая церковная дисциплина поддерживалась в основном денежными пенями и церковными наказаниями. Подтверждением этому служат нормы Устава князя Ярослава о церковных судах, ст. ст. 15 - 228 которого предусматривали ответственность за нарушение запрета половых отношений между родственниками. Так, ст. 15 гласила: «Аже ближний род поиметься, епископу 80 гривен, а их разлучити, а опитемию да примут». [3] Наказание весьма суровое.

Для сравнения скажем, что по Русской Правде пеня за убийство свободного человека составляла 40 гривен (ст. 1). Епитимия же «весьма часто практиковалась в виде отдачи в монастырь под начало, то есть под духовное руководство "старца доброго крепкожительного" или таковой же старицы, смотря по полу наказуемого лица, или в виде отдачи "на смирение", то есть с употреблением на все монастырские работы и с содержанием в монастырской хлебне на цепи и в кандалах». [2] В Уставе в казуистичной манере предусматривалась ответственность за сожительство свекра со снохой (ст. 22), приемного родителя с падчерицей (ст. 23), усыновленного с мачехой (ст. 24), отца с дочерью (ст. 28). Рассматриваемые нормы не содержали конкретного указания на возраст участников кровосмесительной связи, из нее также не следует однозначно, что ребенок в случае incesta является потерпевшим.

Нормы о традиционных сексуальных преступлениях дополнялись предписаниями относительно запретов на внебрачные половые связи. Так, ст. 5 Устава Ярослава определяла помещение в «дом церковный» для «незамужней женщины или вдовы, постоянным занятием которой был блуд», а ст. 30 карала достаточно высокими штрафными санкциями оскорбление женщины в форме публичного обзывания ее «блядию» - женщиной легкого поведения. [3, С. 200] В сборнике "Правила Законов о церковных людях", в "Кормчей книге", в Уставе князя св. Владимира, в Уставах князей Ярослава и Всеволода уже упоминалось "о умыцкы болярских дщерей", "о пошибаньи дщерей болярских и жен болярских", "о блядне девьках и вдовам" и др. Так, в Правосудии Митрополичьем было сказано: "А еще кто насилит девку ли умучит, а будет дщи боярская ли жена, за срам ей 5 гривен злата, а меньших бояр дщи гривна злата, а добрых 30 гривен серебра, а нарочитых ли 3 рубля, а умытцех епископу гривна, а князь казнит". [4] Компенсация морального вреда в качестве меры наказания за изнасилование предусматривалась также Судебниками 1497, 1550, 1589 гг. и Соборным уложением 1649 г. Наличие этой статьи наряду со ст. ст. 3 и 4 Устава, предусматривавшими ответственность за изнасилование или избиение женщины, является отражением дифференциации ответственности за половые преступления в зависимости от возраста потерпевшей, ее семейного статуса, а, следовательно, и социально-половой зрелости и роли. "Как бы ни были сомнительны редакции Устава Ярослава, - отмечает М.Ф. Владимирский-Буданов, - но старейшие из них, несомненно, относятся к эпохе Русской Правды, а потому содержание их может и должно выражать действительное состояние уголовного права того времени". [1]

Таким образом, в сфере борьбы с половыми преступлениями древнерусское право, во-первых, относило их к церковной юрисдикции; во-вторых, рассматривало их с позиций

христианского отношения к сексуальности; в-третьих, четко определяло круг преступных деяний, включающий внебрачные сексуальные связи, изнасилование, сожительство между родственниками.

Литература

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995.
2. Горчаков М.И. Церковное право. Краткий курс лекций. СПб., 1909.
3. Собрание законодательства X - XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984.
4. Юшков С.В. Труды выдающихся юристов. Правосудие Митрополичье. Ст. 7. М.: Юрид. лит., 1989.

УДК 343

**НАУЧНЫЕ ВЫВОДЫ И.Д. БЕЛЯЕВА ОБ ИСТОРИИ ЗАРОЖДЕНИЯ
ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА РУСИ**
**I.D. BELYAEV' SCIENTIFIC FINDINGS ABOUT THE HISTORY OF ORIGIN OF
FEMALE CRIMINALITY IN RUSSIA**

Губка М.Н., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», магистрант 3-го года обучения.

Gubka M.N., Rostov (Rostov-on-Don) Law Institute (branch) of VPO «Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation», the 3rd year graduate student.

e-mail: ruy@aanet.ru

Ключевые слова: женская преступность, Россия, половые преступления

Key words: female criminality, Russia, sex offences.

Аннотация: в статье рассмотрены научные выводы И.Д. Беляева относительно история зарождения женской преступности на Руси.

Annotation: the article deals with I.D. Belyaev' scientific findings about the history of origin of female criminality in Russia.

Изучение любого правового явления невозможно без обращения к истокам его зарождения, а также к имеющимся учениям и концепциям, объясняющим и раскрывающим основные закономерности развития изучаемых элементов. Подобный метод опробован уже в отечественной юридической науке такими исследователями, как А.Н. Якушев[6], Е.А. Апольский [1, 2, 3], С.Г. Ольков [5], К.А. Долгополов [7,8,], Саруханян А.Р.[7], Зырянов В.Н. [8] и др.

Это же в полной мере относится и к исследованию исторических основ женской преступности, которое невозможно без анализа научных выводов авторов, описавших историю женской преступности, давших практические рекомендации по ее уменьшению и т.д. В настоящей статье рассмотрим научные изыскания выдающегося дореволюционного ученого И.Д. Беляева.

И.Д. Беляев подробно рассмотрел источники церковного права – княжеские уставы и ранние редакции Судного закона (Кормчей книги). По этим законам церковь становилась юридическим лицом и получала довольно широкие имущественные и судебные права. В ее компетенции были полностью семейное право, значительная часть гражданского права и отчасти уголовное.

Автор предложил удачный внешний и внутренний анализ устава князя Владимира «о

судех церковных и десятине». [4] Источник имел пять редакций, был помещен в Кормчих книгах XIII-XVI в.в., но его подлинность не вызывала сомнения историка. Некоторые исследователи, например, Н.М. Карамзин полагали что источник подложный акт, но с этой точкой зрения И.Д. Беляев был категорически не согласен. Поредакционный анализ правового акта X в. показал, что источник по языку и содержанию относится к древнерусскому периоду, а позднейшие редакторские обработки устава не носили принципиального характера.

Содержание устава И.Д. Беляев подразделил на четыре отдела. Первый отдел устанавливал церковную десятину и правило сбора этого налога от доходов княжеского суда, торговых пошлин и хозяйственной деятельности. Вторым отделом определял церковное судоустройство, восходящее к византийскому праву. К церковной юрисдикции относились семейные, в том числе бытовые дела преступления против церкви (сюда же относилось исполнение языческой обрядности), все преступления и тяжбы лиц, находившихся в церковном ведомстве. Таким образом, документ впервые показывает наличие женской преступности (блуд, прелюбодеяние, проституция, непослушание). Здесь же устанавливалось обязательное участие церковных властей в светском суде. Устанавливался церковно-государственный суд. Третий отдел относил метрологическую систему в компетенцию церковных властей. Образцовые веса и меры должны были находиться в церкви. Четвертым отделом определялся круг лиц церковной компетенции. Кроме духовенства и членов их семей сюда относились паломники и вольноотпущенные рабы, а также все, кто подлежал опеке и попечительству (инвалиды, недееспособные, изгои и т.д.), а также обслуживающий персонал приютов и лечебных учреждений (врачи, задушевные люди). В компетенции церкви были образовательные учреждения. Следовательно, церковь становилась органом опеки и попечительства, здравоохранения и образования.

Судный закон представлен в истории И.Д. Беляева достаточно подробно. Позднейшие свитки источника содержали 32 главы, что не характерно для древнерусского периода развития права. Кроме того, ученый не нашел в главах системы и предложил свою постатейную разбивку источника и компоновку по правовым нормам на пять отделов.

Первый отдел передает византийское узаконение о преступлениях против христианской веры. Содержащейся здесь норме автор не придал большого значения (хотя напрашивается аналогия с поздним законодательством, где на первом месте стоят главы «о богохульниках, церковных мятежниках» и вообще церковных преступлениях).

Второй отдел посвящен судоустройству и процессу. Судный закон определяет свидетельскую базу – видаки (очевидцы), а также форму суда в виде судебного поединка (Божий суд). Число свидетелей варьировалось от трех до семи при незначительных делах до восемнадцати при тяжких преступлениях. Свидетелем на суде выступал приведенный к присяге (роте) лично свободный член общества. Эти нормы были восприняты и светским законодательством.

Узаконения по гражданскому праву и соприкасающиеся с ним нормы семейного права отнесены автором в третий отдел. Подробнее всего рассмотрены положения о наследстве,

завещаниях, опеке и сторонах семейных отношений, воспринятые из византийского права. Положение Судного закона о наследстве значительно расходятся с Русской Правдой. Последняя исходила из свободы завещателя распоряжаться имуществом. (Здесь как бы намечается градация на завещание по закону и по завещанию. Однако, завещание, составленное с требованиями церковного права, отличалось от распоряжения имуществом по светскому законодательству. Следовательно, Судный закон и Русская Правда взаимно дополняли друг друга). Церковное законодательство требовало, чтобы духовные грамоты начинались с исповеди (свидетельство серьезности намерения и правомочности завещателя). Завещание должно было составляться дееспособным в присутствии священника и семи свидетелей. От завещателя требовалось выделить долю супруги (не более половины имущества), передать часть имущества церкви и на благотворительные нужды и отпустить на свободу рабов. Далее определяются душеприказчики и опекуны, которые должны быть правоспособны и дееспособны. Недобросовестный опекун нес гражданскую ответственность в церковном суде. Договоры поклажи, займа, найма и ссуды также отнесены автором к третьему отделу. Содержащиеся здесь узаконения об имущественных обязательствах преемственны по отношению к византийскому христианскому праву. И.Д. Беляев нашел аналогичные правовые нормы в Русской Правде и в Новеллах Юстиниана (возмещение ущерба при поклаже в двойном размере, отсутствие процентов при ссуде натурой и при договоре найма). Такая же правовая норма относительно запрета взимания процентов по долгам в светском законодательстве не действовала – напротив, допуская взимание процентов.

Нормы уголовного права рассмотрены в четвертом отделе. Правовые нормы здесь рассматриваются в следующем порядке: многоженство и сожительство с рабой, убийство, воровство. Допускалась церковная защита и попечительство над раскаявшимся преступником, но автор сразу оговаривается, что эта заимствованная правовая норма не прижилась на Руси, так как должна была действовать при отсутствии общины. В нашей стране община была сильна и сама несла ответственность за своих членов, поэтому названная правовая норма не отражена в светском законодательстве. Другие из перечисленных в четвертом отделе правовых норм нашли отражение в Русской Правде.

И.Д. Беляев вычленил в Судном законе 4 статьи, содержащие правовые анахронизмы дохристианского периода и рассмотрел их в пятом отделе. Здесь рассматриваются условия содержания детей, отданных на содержание родственникам (первобытный обычай меняться детьми до достижения ими совершеннолетия); служба за прокорм в голодные годы не являлась источником рабства (первобытное ограничение рабства воспринято христианской моралью); определение достоинства человека по происхождению по женской линии родства. Последнюю правовую норму автор объяснял наличием многоженства, когда матерью свободного была рабыня (возможно и другое объяснение: невозможность установления отцовства заменялось происхождением по социальному положению матери).

Устав Ярослава Владимировича (Устав Ярослава о судах церковных) – источник, одну

из редакций которого обнаружил и впервые описал сам И.Д. Беляев. Автор сопоставил четыре редакции устава и представил общий комментарий источника, в содержании которого он структурировал четыре пункта.

Ярослав ограничивал компетенцию церковного суда и устанавливал более четкие правовые нормы. Судостроительство приводилось в соответствие с Номоканоном – церковный суд отделялся от княжеского, совместные судебные заседания не предусматривались. Все уголовные дела переходили в компетенцию княжеского суда. И.Д. Беляев считал, что ограничение церковной юрисдикции сыграло позитивную роль в отечественном праве, так как церковь лишалась возможности вмешиваться в дела светского суда.

Таковы интереснейшие выводы, полученные И.Д. Беляевым из анализа древнерусских источников о женской преступности и борьбе с нею.

Литература

1. Апольский Е.А. Вещное право в диссертациях университетов Российской империи. Направление исследований и результаты // Закон и право. 2007. №5. С. 91-93.
2. Апольский Е.А. Совершенствование законодательства о присуждении ученых степеней в Российской Федерации // Современное право. 2008. №2. С. 101-103.
3. Апольский Е.А., Федоренко С.А. Вопросы законодательного закрепления требований к диссертационным исследованиям в России // Общество и право. 2009. №3. С. 278-283.
4. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства / Предисл. А.Д. Каплина / Отв. ред. О.А. Платонов. - М.: Институт русской цивилизации, 2011. – С. 190-196.
5. Ольков С.Г. Откровенный разговор о юридической науке: значение и недостатки отрасли // Российский криминологический взгляд. 2007. №2. С. 117-127.
6. Якушев А.Н. Оценка результатов докторской и кандидатской диссертаций в России: противоположность мнений законодателя и ученых // Гуманизация образования. 2012. №1. С. 97-102.
7. Саруханян А.Р., Долгополов К.А. Обеспечение прав субъектов предпринимательской деятельности мерами уголовно-правового характера. – Бизнес в законе. – 2010. - №4. – с.81.
8. Зырянов В.Н., Долгополов К.А., К вопросу об уголовной ответственности несовершеннолетних. – Закон и право. – 2013. - №7. - С.14

УДК 343

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
ИЗДЕРЖЕК В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
ACTUAL PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF PROCEDURAL COSTS
IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Гулакова В.Ю., Северо-Кавказский Федеральный университет, к.ю.н., доцент, доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека

Gulakova V., Ph.D., North-Caucasian Federal University, associate professor, assistant professor of legal culture and the protection of human rights

e-mail: gsv26@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с процессуальными издержками и их взысканием в уголовном судопроизводстве. Анализируются обстоятельства, приводящие к увеличению расходов, связанных с уголовным судопроизводством, и невозмещаемости государству средств, затраченных на оплату труда и возмещение расходов, понесенных в ходе производства по уголовному делу.

Annotation: The article discusses the issues associated with the procedural costs and their recovery in criminal proceedings. Analyze the factors leading to the increase in costs associated with criminal proceedings, state funds spent on remuneration and reimbursement of expenses incurred in the course of criminal proceedings.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, расходы в ходе производства по уголовному делу, процессуальные издержки.

Key words: criminal procedure expenses in the course of criminal proceedings, procedural costs.

Вопросы, связанные с процессуальными издержками и их взысканием не раз поднимались в научной литературе. Расходы, связанные с уголовным судопроизводством растут в геометрической прогрессии, что обусловлено многими факторами.

Во-первых, в уголовном судопроизводстве в последнее десятилетие увеличилось в разы производство в рамках предварительного расследования и судебного разбирательства судебных экспертиз.

Как справедливо отмечает Е.А. Иванченко, «...это связано с появлением большого количества новых видов судебных экспертиз, производство которых в силу применения в их рамках высоких технологий, часто сопряжено с немалыми финансовыми затратами государства» [1]. Интересны в данном аспекте, следующие данные, приводимые И. А. Цховребовой: «Изучение судебной и следственной практики показывает, что экспертизы и исследования проводятся по каждому второму уголовному делу, причем по каждому четвертому назначается от трех до семи судебных экспертиз. По отдельным уголовным делам

назначается от 10 до 15 (и более) судебных экспертиз. Таким образом, востребованность судебной экспертизы как средства получения доказательств очевидна.

Между тем при расследовании преступлений назначение и производство некоторых судебных экспертиз (в частности, автороведческой, лингвистической, компьютерной, оценочной, геммологической, строительно-технической, видео-, фоноскопической, искусствоведческой, экономической, товароведческой, технической экспертизы документов, пожарно-технической, биологической) сопряжены с немалыми трудностями и финансовыми затратами» [8].

Нельзя также игнорировать влияние на увеличивающееся количество судебных экспертиз руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, который в своем Постановлении от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» ориентирует суды на необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путем производства судебной экспертизы во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле.[5]

Во-вторых, в последние годы в связи с лояльной миграционной политикой, произошло широкое включение в уголовно-процессуальные отношения лиц из числа мигрантов, не владеющих языком уголовного судопроизводства, что требует более частого введения в уголовной процесс такого участника как переводчик и, соответственно, оплату его услуг.

В-третьих, началось применение на практике положений Федерального закона № 119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»[7], которым установлены виды государственной защиты участников уголовного судопроизводства, а также меры социальной защиты, для производства которых государство несет немалые материальные затраты.

Наряду с вышеназванными затратами остаются традиционные процессуальные издержки, указанные в ст. 131 Уголовно-процессуального кодекса РФ [6]: суммы, выплачиваемые потерпевшему, свидетелю, их законным представителям, эксперту, специалисту, переводчику, понятым, а также адвокату, участвующему в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда, на покрытие расходов, связанных с явкой к месту производства процессуальных действий и проживанием (расходы на проезд, наем жилого помещения и дополнительные расходы, связанные с проживанием вне места постоянного жительства (суточные); суммы, выплачиваемые работающим и имеющим постоянную заработную плату потерпевшему, свидетелю, их законным представителям, понятым в возмещение недополученной ими заработной платы за время, затраченное ими в связи с вызовом в орган дознания, к следователю, прокурору или в суд; суммы, выплачиваемые не имеющим постоянной заработной платы потерпевшему, свидетелю, их законным представителям, понятым за отвлечение их от обычных занятий; суммы,

выплачиваемые адвокату за оказание им юридической помощи в случае участия адвоката в уголовном судопроизводстве по назначению и иные издержки.

Данные обстоятельства в конечном итоге приводят к увеличению расходов, связанных с уголовным судопроизводством, и возмещаемости государству средств, затраченных на оплату труда и возмещение расходов, понесенных в ходе производства по уголовному делу.

Изучение текущего делопроизводства по уголовным делам показывает, что судами не принимаются все возможные меры к взысканию с осужденных процессуальных издержек, что идет вразрез с рекомендациями для судов, изложенными в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. «О судебном приговоре» [2] и от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» [3].

Несомненно прогрессивным нормативно-правовым актом следует считать Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением гражданского дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации» [4], которое четко регламентировало размеры и порядок возмещения некоторых процессуальных издержек. В частности, законодателем поставлена точка в вопросах объема оплаты лицам, названным в пункте 1 части 2 статьи 131 УПК РФ: за проезд к месту производства процессуальных действий и обратно к месту жительства, работы или месту временного пребывания; расходов на наем жилого помещения, дополнительных расходов, связанных с проживанием вне постоянного места жительства; размер возмещаемых сумм не имеющим постоянной заработной платы потерпевшему, свидетелю, их законным представителям и понятым за отвлечение их от обычных занятий; размер вознаграждения, выплачиваемого переводчику за исполнение им своих обязанностей в ходе уголовного судопроизводства (за исключением случаев, когда эти обязанности исполнялись им в порядке служебного задания); размер выплаты вознаграждения экспертам (экспертным учреждениям), специалистам за исполнение своих обязанностей по уголовным делам, за исключением случаев, когда эти обязанности исполнялись экспертами (экспертными учреждениями) и специалистами в порядке служебного задания; размер вознаграждения адвоката, участвующего в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда, а также иные вопросы.

Безусловно, данное Постановление положило конец в научных дискуссиях по некоторым аспектам исчисления и возмещения судебных издержек, однако некоторые моменты в нем все-таки не получили должного освещения, между тем судебная практика настойчиво требует от законодателя регламентации многих частных вопросов процессуальных издержек.

Например, Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240 устанавливает, что «размер вознаграждения адвоката, участвующего в уголовном деле

по назначению дознавателя, следователя или суда, составляет за один рабочий день участия не менее 550 рублей и не более 1200 рублей, а в ночное время – в размере не менее 825 рублей и не более 1800 рублей. Размер вознаграждения адвоката, участвующего в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда, составляет за один день участия, являющийся нерабочим праздничным днем или выходным днем, включая ночное время, не менее 1100 рублей и не более 2400 рублей. При определении размера вознаграждения адвоката учитывается сложность уголовного дела». Мы бы хотели обратить внимание именно на последнее предложение, так как, встречаясь с оценочной категорией «сложность», правоприменитель должен руководствоваться какими-либо нормативными ориентирами. Устанавливая четкие пределы оплаты труда адвоката, Правительство РФ оставляет без уточнения верхнюю границу вознаграждения адвоката, участвующего в уголовном процессе по назначению, рекомендуя лишь учитывать подсудность, количество и тяжесть вменяемых преступлений, количество подозреваемых, обвиняемых (подсудимых), объем материалов дела и другие обстоятельства.

Не получило также должного пояснения в рассматриваемом Постановлении Правительства РФ применение пункта 9 части 2 статьи 131 УПК РФ «иные расходы, понесенные в ходе производства по уголовному делу и предусмотренные настоящим Кодексом». Разумеется, в ст. 131 УПК невозможно перечислить все расходы, непосредственно связанные с расследованием и рассмотрением уголовных дел, но дать общие рекомендации было бы возможно.

Особенно это необходимо в свете увеличивающихся затрат, расходуемых на уголовно-процессуальную деятельность. Сокращение расходов невозможно, так как это повлияет на эффективное функционирование органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, и будет ущемлять права его участников, гарантированных Конституцией РФ и УПК РФ на возмещение материальных расходов, возникших в связи с участием в уголовном судопроизводстве. Единственным на наш взгляд действенным способом соблюдения имущественных интересов участвующих в уголовном процессе лиц является совершенствование процедуры взыскания процессуальных издержек с осужденных, в случаях, когда издержки не должны быть возмещены за счет средств федерального бюджета.

Литература

1. Иванченко, Е.А. «Проблемы исчисления и возмещения процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве» / Е.А. Иванченко // «Правовая политика России в Северо-Кавказском регионе» / Материалы первой ежегодной научно-практической конференции Северо-Кавказского федерального университета «Университетская наука – региону»: 19 апреля 2013 г.: Юридический институт СКФУ
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. «О судебном приговоре» // СПС Консультант Плюс

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // СПС Консультант Плюс

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением гражданского дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // СПС Консультант Плюс

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 12.11.2012) (с изм. и доп., вступившими в силу с 15.07.2013) // СПС Консультант Плюс

7. Федеральный закон 20 августа 2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС Консультант Плюс

8. Цховребова, И.А. Судебная экспертиза в уголовном процессе: перспективы ресурсного обеспечения / И.А. Цховребова // Российский следователь. – 2011. - № 16

УДК 343

**ХАРАКТЕРИСТИКА НАСИЛИЯ ПО УГОЛОВНОМУ УЛОЖЕНИЮ 1903 ГОДА.
CHARACTERISTICS OF VIOLENCE CRIMINAL CODE IN 1903.**

*Деркунский Д.В., НОУ ВПО «Северо-Кавказский гуманитарный институт»,
преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин*

*Derkunsky D.V., Lecturer in Criminal Law of the North-Caucasian Institute for the
Humanities*

e-mail: skgi_institut@mail.ru

Аннотация: Из истории известно, что многие главы Уголовного Уложения 1903 года так и не были введены в действие. Однако многие его положения можно считать поистине революционными. В данной статье проводится анализ новаторского подхода авторов указанного памятника права к пониманию телесных повреждений и насилия в целом.

Annotation: We know from history that many of the chapters of the Penal Code is 1903 and have not been put into effect. However, many of its provisions can be considered truly revolutionary. This article analyzes the authors of this innovative approach to understanding the rights of the monument of injuries and violence in general.

Ключевые слова: Телесные повреждения, насилие, истязание, мучение, побои.

Key words: Bodily injury, rape, torture, torture, beatings. Bodily injury, rape, torture, torture, beatings.

О телесных повреждениях Уголовное Уложение 1903 года говорит в главе 23. Насилие здесь выделяется из области телесных повреждений и ставится рядом как самостоятельное понятие. Однако как можно заметить в объяснениях составителей Уложения им была не чужда мысль о насилии как об одном из видов телесных повреждений. Но затем они решили назвать телесными повреждениями лишь телесные повреждения в тесном смысле слова. К последним Уголовное Уложение относит все случаи причинения физических страданий, оставляющие известные изменения в физиологических отправлениях или анатомическом строении организма потерпевшего, в большей или меньшей степени расстраивающие здоровье [4]

Телесные повреждения делятся в Уложении на три разряда: весьма тяжкие, тяжкие и легкие. В основу этого деления положено анатомо-патологическое значение повреждений - важность поврежденных органов, опасность повреждения для жизни, влияние последнего для нормального функционирования органов. Совершенно справедливо Уголовное Уложение 1903 года отбросило сбивчивое деление повреждений по их внешнему характеру на увечья,

раны, побои, расстройства здоровья, истязания и мучения и т.д. и построило свою классификацию на ином и более глубоком основании – на значении повреждения для жизни и здоровья пострадавшего лица.

По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года истязания и мучения относились к самостоятельному виду телесных повреждений. Даль трактовал истязание как жестокое обращение, мучение, муку, насилие, пытку, вынуждение [1], т.е. он не отграничивал понятия истязания и мучения. Однако ученые-юристы того времени, напротив, знака равенства между этими понятиями не ставили. Например, Есипов В.А. в своем учебнике уголовного права писал: «Под истязаниями должно разуметь причинение разными способами физической боли; сюда обыкновенно причисляют: сечение розгами, дранье за волосы, щекотание, различного рода пытки; последствиями их могут быть различные расстройства организма. Мучения же состоят в лишении человека необходимых для целостности организма и здоровья его условий, каковы, например, пища, питье, свет, воздух, его температура и т.п.; лишение их ограничивает отрицательным образом существование человека и тем, несомненно, производит повреждение тела»[2].

Таким образом, истязания выражались в физическом воздействии на тело человека, причиняя ему тем самым вред здоровью, мучения же исключали непосредственный физический контакт преступника с потерпевшим, но состояли в лишениях потерпевшего важных для его здоровья факторов, которые опять таки приводили к расстройству здоровья. Уголовное Уложение 1903 года, как было указано выше, выделяло три вида телесных повреждений. Истязания и мучения не были отнесены ни к одному из этих видов, но это не означает, что данные понятия вообще не были включены в Уложение. Напротив, его авторы с другой стороны посмотрели на данные категории и определили, что истязания и мучения не являются телесными повреждениями, а относятся к насилию или к насильственным действиям, последствиями от которого может быть как незначительное расстройство здоровья, так и всего лишь физическое недомогание. Так к насилию были отнесены те посягательства на телесную неприкосновенность, кои не оставляют за собой никаких постоянных видоизменений в организме потерпевшего, причиняют мимолетную боль или даже простое неприятное физическое ощущение [5]. Можно сделать вывод о том, что если насилие вызвало постоянные видоизменения в организме потерпевшего, то оно не будет квалифицироваться по рассматриваемой нами статье 475 Уголовного Уложения 1903 года, которое гласит: «Виновный в умышленном нанесении удара или ином насильственном действии нарушает телесную неприкосновенность. За сие насилие над личностью наказывается арестом [3; с. 125]». А будет относиться к способам причинения телесного повреждения. Представляется, что Уложение 1903 года подразумевает под истязаниями и мучениями те же понятия, что и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Единственное отличие заключается в последствиях. Если по Уложению 1845 года они должны были повлечь телесные повреждения, то по Уложению 1903 года, напротив, такие последствия не должны были наступить.

Уложение 1903 года предусматривает и квалифицированные виды насилия: 1) насилие в отношении матери, законного отца и иного восходящего родственника (п. 1 ч. 1 ст. 476 Уложения); 2) в отношении священнослужителя при совершении им службы Божьей и духовной требы (п. 2 ч. 1 ст. 471). Мы можем судить о том, что если насилие имело место над священнослужителем не во время совершения им службы Божьей или духовной требы, то оно квалифицировалось как простое по ст. 475 Уложения; 3) насилие в отношении должностного лица при исполнении им или по поводу исполнения им служебных обязанностей (п. 3 ч. 1 ст. 471 Уложения). Этот пункт был исключен из квалифицированных видов насилия. Мы можем судить об этом из комментария Уголовного Уложения Таганцева Н.С.: «Как и в постановлениях о телесных повреждениях различается насилие простое и квалифицированное по отношению к тем же лицам, о коих говорится в статье 471, 472 Уложения, но с одним только изменением по отношению к служителям власти или лицам, пользующимся их правами. По отношению к ним сохраняется та же ответственность, которая установлена и за насилие, учиненное над частными лицами»[5;с. 643]; 4) насилие в отношении кого-либо из членов караула, охраняющего Священную Особу Царствующего Императора или Члена Императорского Дома, или часовому военного караула (п. 4 ч. 1 ст. 471 Уложения); 5) насилие в отношении главы иностранного государства (ст. 472 Уложения); 6) совершение насилия в отношении иностранного посла, посланника или поверенного в делах (ч. 1 ст. 478 Уложения). Данное насилие наказывалось строже, так как, очевидно, могло повлиять на дружеские отношения с той страной, представителями которой является потерпевший. Для квалификации по данной статье необходимо было установить осведомленность преступника о том, что потерпевший является аккредитованным представителем иностранного государства [5]. Часть вторая этой же статьи гласила: «Симу же наказанию подлежит виновный в учинении означенного в первой части сей статьи насилие над личностью в отношении иного дипломатического агента, если такое насилие учинено с намерением оказать неуважение к его правительству» [3]. Согласно указанию Министерства Иностранных Дел под действие этой статьи подведено не только насилие над представителем иностранного государства, имеющими верительные письма и кредитные грамоты, но и над всеми дипломатическими агентами без различия их ранга [5]. По этой части статьи 478 Уголовного Уложения также необходимо было установить причастность лица к иностранному государству, но и в отличие от части первой этой же статьи, необходимо было установить и специальную цель – оказание неуважения к иностранному государству. Без наличия этих условий или хотя бы одного из них ответственность наступала бы как за простое насилие; 7) в отношении волостного старшины или лица, занимающего соответствующую должность, при исполнении или по поводу исполнения им служебных обязанностей (ч. 3 ст. 480). По данному основанию деяние квалифицировалось лишь в случае, когда умыслом субъекта охватывались указанные обстоятельства. Вот как комментирует ч. 3 ст. 480 Уголовного Уложения Таганцев Н.С.: «Общее собрание признало целесообразным ввиду значения волостных старшин в сельском быту возвысить наказание за учинение над ними насилия, предусмотренного статьей 475, при

исполнении или по поводу исполнения им служебных обязанностей; по сему общее собрание ввело надлежащие изменения в постановления проекта, касающегося легкого телесного повреждения и насилия над личностью, в том смысле, чтобы в отношении волостных старшин и лиц, занимающих соответствующие должности, указанные преступные деяния в означенных выше случаях влекли за собой наказание более строгие чем в отношении как частных лиц так и полицейских или иных стражей за упомянутые преступные деяния при исполнении или по поводу исполнения ими служебных обязанностей» [5]. Ответственность по данной статье уменьшалась в случае, если указанные деяния были совершены в состоянии сильного душевного волнения. Также ответственность по рассматриваемой статье предусматривалась и за покушение на данное преступление; 8) осуществление насилия по отношению к капитану морского судна или парохода, служащими этого парохода или морского судна, или их пассажирами (часть 2 статьи 479 Уложения). В данной статье предусматривается специальный субъект – служащий, т.е. лицо, выполняющее определенные обязанности на пароходе или ином морском судне, и пассажиры. Очевидно, что если такое деяние совершило бы лицо с другого корабля или в порту, то ответственность бы устанавливалась как за простое насилие. Часть 3 ст. 479 Уложения предусматривала снижение наказания в случае, если указанное деяние совершалось при сильном душевном волнении; 9) осуществление насилия в отношении кого-либо из членов тюремной стражи при исполнении или по поводу исполнении ими служебных обязанностей (ч. 4 ст. 479 Уложения). Ответственность по данному основанию наступала лишь, когда умыслом субъекта охватывались указанные обстоятельства.

Уложение 1903 года предусматривало ответственность и за покушение, но только на насилие квалифицированное. Установить факт покушения можно было, установив лишь умысел преступника на совершение такое насилие.

Ст. 477 Уложения 1903 года предусматривала случаи освобождения виновного в насилии от наказания:

1) если насилие над личностью вызвано равным или более тяжким насилием над личностью или равным или более тяжким оскорблением [3]. Как видно из статьи, это условие действовало при причинении потерпевшим насилия преступнику, которое провоцировало последнего на ответные действия, однако действия преступника должны были быть как минимум, равными по последствиям действиям потерпевшего, но ни в коем случае не превышать их, т.е. действовал принцип взаимности. Право определять равенство между насилиями принадлежало по Уложению только суду. То же касается и оскорбления, как провоцирующего фактора. Если по первому условию все понятно, то по второму (оскорблению) можно было судить о практически неограниченных оценочных полномочиях суда так как практически невозможно поставить знак равенства между оскорблением как моральным фактором и насилием как физическим;

2) если потерпевший отомстил преступнику равным или более тяжким насилием над личностью или равным или более тяжким оскорблением.

Оба пункта статьи 477 Уложения вступали в действие, если оплата была сделана немедленно, т.е. непосредственно после учинения виновным насилия, или чтобы судом, по крайней мере, была установлена, что эта оплата была сделана за насилие, учиненное перед тем виновным [5].

Интересно отметить, что статья 477 Уложения гласила, что виновный не освобождается, а всего лишь «может быть освобожден от наказания». Н.С. Таганцев по этому поводу отмечает: «такое освобождение нельзя вменить суду в обязанность, так как в иных случаях, по особым обстоятельствам дела, ему может представиться более справедливым, не освобождая вовсе виновного от наказания, лишь смягчить оное» [5].

Часть 2 ст. 477 Уложения гласила, что правила части первой этой же статьи не применялись, если насилие было осуществлено в отношении полицейского или иного лица, находящегося при исполнении своих служебных обязанностей или в отношении священнослужителя.

Так, Г.И. Чечель и К.А. Долгополов справедливо отмечают: «Октябрьская революция 1917 года полностью изменила уголовное законодательство России» [6]

Из истории известно, что многие главы Уголовного Уложения 1903 года так и не были введены в действие. К их числу относится и глава 23 Уложения. Однако «насилие» нашло свое отражение в статье 98 Уголовного Уложения 1903 года, которая все-таки была введена в действие. Поэтому можно говорить о том, что труды составителей Уложения 1903 года, в этом плане не остались без внимания. В Уголовном Уложении 1903 года был сделан качественно новый поворот в понимании насилия и его видов: истязания и мучения. Так эти понятия были отграничены от видов телесных повреждений и выделены в самостоятельный вид посягательств на телесную неприкосновенность личности. И хотя эти положения не приобрели должной юридической силы, тем не менее, оказали влияние на формирование и нашли свое отражение в более позднем законодательстве.

Литература:

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 2. СПб., М., 1881.
2. Есипов В.В. Уголовное право. Часть Особенная. Варшава, 1895.
3. Маргулиес М.С. Уголовное Уложение 1903 года. СПб., 1904.
4. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. М., 1909.
5. Таганцев Н.С. Уголовное Уложение 1903 года. СПб., 1904.
6. Чечель Г.И. Долгополов К.А., История развития российского уголовного законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних. – Вестник Ставропольского государственного университета. - Выпуск 49. -2007. – с.199

УДК 343.241

**ПРОБЛЕМА СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ
УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ
PROBLEMS OF JUDICIAL DISCRETION IN CRIMINAL SENTENCING**

*Долгополов К.А., НОУ ВПО «Северо-Кавказский гуманитарный институт», кандидат
юридических наук, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин*

*Dolgopolov K.A., North-Caucasian Institute for the Humanities, PhD, Head of the
Department of Criminal Law*

e-mail: nadal06@mail.ru

Аннотация: Рассматривается проблема судебного усмотрения при назначении уголовного наказания

Annotation: The problem of judicial discretion in criminal sentencing

Ключевые слова: наказание, назначение наказания, судебское усмотрение

Keywords: punishment, sentencing, the judge's discretion

За совершенное преступление может назначаться только предусмотренная законом мера наказания. Применение иных наказаний, либо превышение пределов данного вида наказания, либо назначение вместо основного дополнительного наказания недопустимо.

Признание тех или иных опасных деяний преступными или установление конкретного вида и размера наказания за их совершение является исключительным правом государства. В законе прямо указано, что наказание назначается от имени государства.

Разбирательство уголовных дел во всех судах открытое. Иногда в предусмотренных законом случаях допускается рассмотрение дела в закрытом судебном заседании, однако приговор всегда провозглашается публично. Все это придает наказанию публичный характер.

Уголовное законодательство осуществляет охранительную функцию, защищая определенные ценности и общественные отношения[1].

Наказание включает в себе государственное порицание деяния и личности виновного.

Преступление, как известно, причиняет вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, включает в себе значительную опасность для интересов общества, прав и интересов граждан. Поэтому оно осуждается не только нравственно, но и запрещено уголовным законом. Личность преступника характеризуется искажением ценностной ориентации. Назначая наказание за совершенное деяние, государство тем самым порицает его, осуждает, дает отрицательную оценку как содеянному, так и лицу, виновному в нем.

Следует особо выделить порицание как самостоятельный вид наказания. По своей сущности оно является моральным осуждением виновного в содеянном от имени государства, закрепленным в приговоре суда.

Таким образом, государственное порицание отражает негативную морально-политическую и правовую оценку деяния и совершившего его субъекта. Такое порицание полностью совпадает с воззрениями подавляющего большинства граждан.

Нынешняя задача теории назначения наказания заключается в разработке теоретически правильных и практически применимых показателей, с помощью которых суд в целях индивидуализации наказания сможет определять конкретную величину общественной опасности преступления и личности преступника, а также другие значимые обстоятельства совершенного деяния[2].

В настоящее время вопрос о границах судебного усмотрения стоит очень остро.

В первую очередь, это связано с тем, что во многих статьях уголовного кодекса РФ отменен нижний предел санкций. Возможно, этим определяется то, что в теории уголовного права продолжается дискуссия по вопросу о целесообразности включения в Уголовный кодекс абсолютно определенных санкций.

Позиция ученых о необходимости закрепления в уголовном законодательстве абсолютно определенных санкций находит свои истоки в теории возмездия, представителем которой был И. Кант. Странником таких санкций был и основоположник одной из относительных теорий уголовного наказания – теории психологического принуждения – А. Фейербах.

На наш взгляд, переход к абсолютно определенным санкциям противоречит важнейшим принципам назначения уголовного наказания – справедливости, индивидуализации, дифференциации уголовной ответственности и наказания. Такие санкции не позволяют назначить наказание с учетом личности преступника, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств.

Поэтому если уголовное законодательство не преследует цели кары, возмездия за совершенное преступление, а, напротив, ставит своими целями исправление преступников, общее и специальное предупреждение преступлений, Уголовный кодекс должен содержать только относительно определенные и альтернативные санкции.

В связи с этим возникает очень серьезная и сложная проблема – вопрос о возможных границах или пределах относительно определенных санкций.

Полагаем, что в Уголовный кодекс должны быть введены нижние пределы санкций, но слишком широкие пределы относительно-определенных санкций дают излишний простор для судебного усмотрения, свобода судьи при выборе меры наказания рискует перейти в произвол. В то же время слишком узкие рамки относительно определенных санкций не позволяют назначить наказание с учетом принципов индивидуализации и дифференциации

ответственности и наказания. Поэтому проблемы конструирования относительно определенных санкций и судебного усмотрения тесно связаны.

Изучение относительно определенных санкций, предусматривающих наказание в виде лишения свободы, позволило нам прийти к выводу о необходимости установления определенных закономерностей при определении пределов (границ) этого вида наказания в санкциях норм:

1. Необходимо вернуть нижние пределы санкций во все статьи УК РФ.
2. Такие пределы не должны быть одинаковыми в санкциях, предусматривающих наказание за совершение преступлений различных категорий.
3. Чем менее тяжким является преступление, тем меньшим должен быть разрыв между минимальным и максимальным наказанием. И наоборот, чем тяжелее преступление, тем большим должен быть такой разрыв, так как это позволит максимально индивидуализировать наказание для лица, совершившего преступление.
4. Такой разрыв не может быть равен 6 месяцам, так как санкция в этом случае практически утрачивает свой относительно определенный характер.
5. По нашему мнению, в санкциях статей, предусматривающих наказания за преступления небольшой тяжести, разрыв между минимальным и максимальным наказанием в виде лишения свободы должен быть установлен от 1 года до 1,5 лет, за преступления средней тяжести – от 3 до 4 лет, тяжкие преступления – от 5 до 7 лет, особо тяжкие преступления – от 8 до 10 лет. Например, по ч.1 ст.114 УК РФ (преступление небольшой тяжести) санкция должна предусматривать лишение свободы на срок от 1 года до 2 лет, санкция ч.4 ст. 122 УК РФ должна предусматривать наказание в виде лишения свободы на срок от 1 года до 5 лет, а не до 5 лет, как сейчас, и т.д.

Обсуждая вопрос о возможных пределах или границах судебного усмотрения, отдельные ученые выступают за расширение полномочий судей при выборе меры наказания, действовать «по своему усмотрению». Так, по мнению Г.А. Злобина, С.Г. Келиной, тенденция законодателя состоит в существенном расширении рамок судебного усмотрения при декриминализации деяний и гуманизации наказания и постепенного сокращения преступности и сужения сферы применения репрессий [1].

В последние годы многие ученые отмечают, что законодатель идет все-таки по пути сужения рамок судебного усмотрения при назначении наказания. Подтверждением этому, в частности, служит введение в Уголовный кодекс норм, предусматривающих специальные правила назначения наказания (ст. 62, 65, 66, 68 УК РФ); конкретизация и дифференциация отдельных составов преступлений и т.д.

Но в теории уголовного права некоторые ученые высказывают также мнение о том, что следует говорить не столько о сужении или расширении рамок судебного усмотрения, сколько об их упорядочении. Сторонником данной позиции является С.Г. Келина: «Представляется, что существенному улучшению качества правосудия будет служить определенная формализация судебного усмотрения, уточнение его пределов на уровне закона». «Уточнению

пределов судебного усмотрения должно способствовать формулирование в законе условий, которые препятствовали бы превращению решения, вынесенного по усмотрению, в произвольное, субъективное решение»[2].

На наш взгляд, уточнению пределов судебного усмотрения при назначении наказания могут способствовать, в частности:

- изменение конструкций относительно определенных санкций, сужение их пределов;
- введение в Уголовный кодекс правил назначения наказания при наличии отягчающих обстоятельств;
- разработка специальных критериев назначения наказания.

Что касается правил назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств, то можно отметить следующее.

В приговоре суд не просто должен указать смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства. Они должны быть оценены и учтены судом. По нашему мнению, в УК РФ должны быть закреплены специальные правила назначения наказания при наличии смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств. Статья 62 УК РФ могла бы быть названа именно таким образом и дополнена следующими правилами:

1. При наличии смягчающих и отсутствии отягчающих обстоятельств должен быть назначен наиболее мягкий вид наказания при альтернативной санкции, размер наказания должен быть ближе к нижнему пределу санкции статьи Особенной части Уголовного кодекса.
2. При наличии отягчающих и отсутствии смягчающих обстоятельств должен быть назначен наиболее строгий вид наказания при альтернативной санкции, размер наказания должен быть ближе к верхнему пределу санкции статьи Особенной части Уголовного кодекса.
3. При наличии и смягчающих, и отягчающих обстоятельств размер наказания должен соответствовать среднему наказанию для данной санкции статьи Особенной части Уголовного кодекса.
4. Если не установлено ни смягчающих, ни отягчающих обстоятельств, при назначении наказания следует руководствоваться другими общими началами назначения наказания.

Литература:

1. Саруханян А.Р., Долгополов К.А., Обеспечение прав субъектов предпринимательской деятельности мерами уголовно-правового характера. Бизнес в законе. – 2010. - №4. – с.82.
2. Долгополов К.А., К вопросу о назначении уголовного наказания. Вестник СевКавГТИ. Выпуск 13. 2012. - С.70

УДК 340

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ
LABOUR MIGRATION: CONCEPT AND TYPES

Минеева В. И., к.ю.н, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Северо-Кавказского гуманитарно-технического института;

Mineeva V.I., phd of Law, assistant professor of public-legal disciplines, the North Caucasus Humanitarian-Technical Institute;

Зайцев С.В., студент 2 курса магистратуры Северо-Кавказского гуманитарно-технического института

Zaitsev S. V., two-year master's student of the North Caucasus Humanitarian-Technical Institute

e-mail: ficus-26@yandex.ru

Аннотация: В работе рассматриваются причины роста миграции, понятие трудовой миграции, ее виды и некоторые аспекты правового регулирования труда работников-мигрантов.

Abstract: In this paper, the reasons of migration, the concept of labor migration, its types and some aspects of the legal regulation of the labor of migrant workers.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, работник-мигрант, нелегальная трудовая миграция

Keywords: migration, labor migration, migrant worker, illegal labor migration

Отметим, что состояние трудовых ресурсов России в настоящее время вызывает особую тревогу. Причиной этого являются как минимум два фактора. Прежде всего, следует указать на неутешительный демографический прогноз, согласно которому в Российской Федерации наблюдается стабильное сокращение численности населения трудоспособного возраста. Так, по прогнозам демографов и экономистов, к 2015 г. трудовые ресурсы страны сократятся на 8 млн. человек, а к 2025-му - на 18 - 19 млн. Максимальное сокращение численности населения трудоспособного возраста произойдет в период с 2009г. по 2017 г., когда среднегодовая убыль населения трудоспособного возраста будет превышать 1 млн. человек[10].

Кроме того, мировой экономический кризис также оказывает негативное воздействие на состояние жизни обычных граждан большинства стран, в том числе и России. В результате финансовых «неурядиц» в нашем государстве снизился уровень заработной платы работников многих отраслей, возобновились массовые высвобождения рабочих, закрылись отдельные производства. Люди в поисках лучшей жизни снимаются с насиженных мест и перемещаются либо внутри страны, либо уезжают за ее пределы [11].

С другой стороны, не менее тяжелая экономическая ситуация складывается и в странах СНГ. В результате чего огромные трудовые массы направляются в Россию с целью поиска работы. Так, согласно статистики Федеральной миграционной службы (ФМС), с начала 2013 года в нашу страну официально въехало 11,3 миллиона мигрантов (80% от общего числа въехавших в Россию), из которых более половины узбеки, остальные — таджики, украинцы, белорусы и другие граждане СНГ [9]. Как правило – целью их приезда являются поиски «хоть какой-то» работы. Отметим, что в поисках работы в Россию едут граждане более чем из 100 стран. Как отметила К.Ю. Архипова, Российская Федерация занимает одно из первых мест в мире по количеству прибывающих мигрантов [5].

В свою очередь Г.В. Хныкин подчеркивает, что «сегодня считается общепризнанным факт: что без трудовой миграции невозможен устойчивый экономический рост развитых стран. Россия не является исключением» [12].

Подтверждением тому является Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.[4] где указано, что дополнительным источником компенсации сокращения предложения на рынке труда (на 6,7% в год в 2011 - 2015 гг. и на 7,5% в 2016 - 2020 гг.) будет в том числе, и привлечение иностранной рабочей силы.

Следует отметить, что миграция является сложным общественным явлением, которое влечет как позитивные последствия (стимулирование иностранной рабочей силой производства, экономия затрат на образование и профессиональную подготовку при импорте квалифицированной рабочей силы, и т.д.), так и негативные (обострение ситуации на национальном рынке труда за счет притока иммигрантов, национальные и этнические конфликты между коренным населением и иммигрантами) [7].

Что же следует понимать под миграцией? Слово миграция произошло от латинского *migratio* (от *migro*), что в переводе означает «перехожу, переселяюсь». Согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова «миграция» — это «перемещение, переселение»[8]. Философский словарь определяет миграцию населения как переезд людей из одной страны в другую с намерением обосноваться.

При этом международное право зачастую оперирует терминами «мигрант», «трудящийся-мигрант», «работник-мигрант», трудовой мигрант и т.д., которые сегодня незнакомы российскому законодательству. Вместе с тем Экономический суд СНГ в решении № С-1/14-96 о толковании понятий «беженец», «мигрант», «вынужденный переселенец» применительно к Соглашению о помощи беженцам и вынужденным переселенцам, заключенному 24 сентября 1993 г., установил: в соответствии с общим значением понятия «мигрант» за ним необходимо признать статус родового понятия, включающего в себя все категории лиц, осуществляющие пространственные перемещения, вне зависимости от причин перемещения, их длительности и пространственных границ.

Несмотря на достаточно большое количество трактовок, ученые в основном единодушны в определении понятия «миграция». Миграция, будучи видом социального

перемещения, представляет собой перемещение людей через границы тех или иных территориальных образований с постоянным или временным изменением места жительства по различным причинам, с различной целевой направленностью, регулярностью и продолжительностью во времени [11].

Часть 1 ст. 27 Конституции Российской Федерации для подавляющей части граждан Российской Федерации провозгласила свободу передвижения и выбор ими места жительства, пребывания в пределах территории России. Такая миграция называется внутренней.

В отличие от внутренней, внешняя миграция — это реализация права каждого гражданина страны свободно выезжать за ее пределы и беспрепятственно возвращаться.

В настоящее время в подавляющем числе случаев причиной внешней и внутренней миграции является трудовая неустроенность населения. О понятии трудовой миграции следует сказать подробнее.

Так, И.В. Фирсов под трудовой миграцией (или миграцией рабочей силы, трудовых ресурсов) — понимает перемещение трудоспособного населения из одного населенного пункта в другой с целью поиска работы на условиях найма [11]. Его определение скорее отражает понятие внутренней трудовой миграции. В связи с чем, предпочтительнее определение трудовой миграции, представленное Л.Г. Клечковской, которая считает, что под миграцией рабочей силы понимается процесс перемещения трудовых ресурсов с целью трудоустройства на более выгодных условиях, чем в стране происхождения или регионе, определяющихся соотношением спроса и предложения на рынке труда[7].

Она бывает внутригосударственная (местная трудовая миграция) и межгосударственная (международная трудовая миграция). Миграция трудовых ресурсов в зависимости от срока перемещения делится на временную, постоянную и сезонную. Как правило, субъектами такой миграции являются трудовые мигранты (работники-мигранты).

Следует отметить, что трудовые мигранты в Россию прибывают как легально (по приглашению, договорам, соглашениям и т.д.), так и нелегально, причем масштабы нелегальной трудовой миграции значительно превышают легальную, что представляет не только угрозу национальной безопасности Российской Федерации, экономическому и социальному развитию страны, но и правам и законным интересам граждан Российской Федерации.

Значительное увеличение притока иностранных работников в Российской Федерации (как легально, так и нелегально), в последнее время актуализировало вопросы правового регулирования труда иностранных граждан в нашей стране. Это необходимо, прежде всего, работодателям, нанимающим иностранных лиц для осуществления трудовой деятельности, а так же и самим мигрантам, въезжающим на территорию России с целью устроиться на работу. До недавнего времени, порядок привлечения на территорию Российской Федерации иностранных лиц, с целью занятия трудовой деятельностью, регулировался Федеральным законом от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 30.12.2012 № 320-ФЗ) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[1], однако в последние годы в России были

приняты нормативные акты целью которых было упрощение процедуры миграционного учета, порядка привлечения и использования труда иностранных работников, в том числе выдачи разрешений на работу в Российской Федерации. Это федеральные законы, вступившие в силу с января 2007 года: от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ (ред. от 28.07.2012 № 133-ФЗ) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»[2]; от 18 июля 2006 г. № 110-ФЗ (ред. от 29.12.2010 № 438-ФЗ) «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и о признании утратившими силу отдельных положений Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»[3].

Но, несмотря на положительные результаты действия вновь принятых и обновленных нормативно-правовых актов в сфере миграции, практика их применения показала наличие значительных проблем и пробелов в российском законодательстве. Так, вопросы, касающиеся реализации собственно трудовых прав иностранными работниками, не охватываются регулированием данных нормативных актов. В российском законодательстве отсутствует понятие «работник-мигрант». Используемый в международных правовых актах термин «трудящийся-мигрант» подразумевает иностранных лиц и лиц без гражданства, временно пребывающих в стране для занятия оплачиваемой деятельностью. А оплачиваемой деятельностью могут заниматься как лица, работающие по трудовым договорам, так и работающие по гражданско-правовым договорам в сфере выполнения работ и оказания услуг. Поэтому понятие «трудящийся-мигрант», в таком широком смысле, не может быть использовано трудовым законодательством. Было бы целесообразным «для обозначения категории иностранных граждан, прибывших в РФ и заключивших трудовой договор, использовать термин «работник-мигрант» [6].

Следует отметить, что действующее трудовое законодательство, не содержит также четких перечней должностей и областей деятельности, где ограничен или запрещен труд иностранных работников. Трудовые мигранты, как правило, находят работу через неофициальные источники — знакомых, родственников, интернет и т.д. При этом государственные службы занятости практически не участвуют в решении проблем трудоустройства иностранных лиц, прибывших в России с целью трудоустройства. Большинство мигрантов, трудоустраивающихся самостоятельно, не имеют письменных трудовых договоров с работодателями, а это не только способствует развитию теневой экономики, но и порождает эксплуатацию труда мигрантов, использование элементов принудительного труда и дискриминации, ведет к массовой их маргинализации. В средствах массовой информации отмечаются многочисленные примеры насилия в отношении мигрантов — от обмана и шантажа до похищения людей, ограничение свободы перемещения, изъятие личных документов, физическое и психологическое насилие и др.[12].

В целях урегулирования трудовых отношений с участием работников-мигрантов представляется целесообразным дальнейшее совершенствование законодательства,

регламентирующего пребывание иностранных лиц на территории России с целью трудоустройства. Прежде всего, необходимо было бы внести в Трудовой кодекс РФ (поскольку именно он, регулирует трудовые отношения), в раздел XII «Особенности регулирования трудовых отношений отдельных категорий работников», например, главу 56 «Особенности правового регулирования труда работников-мигрантов». В соответствующих статьях Трудового кодекса РФ следует также предусмотреть одинаковые права и обязанности работников-мигрантов и иных категорий работников; запретить дискриминацию этой категории работников и другие положения, которые могли бы в той или иной степени урегулировать трудовую деятельность иностранных лиц в Российской Федерации. Так как лишь надлежащим образом урегулированная и организованная трудовая миграция может служить эффективным средством регулирования рынка труда.

Литература

1. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации [Текст]: федеральный закон [от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 30.12.2012 № 320-ФЗ)] // Собрание законодательства РФ. — 2002.— № 30.— Ст. 3032.
2. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации [Текст]: федеральный закон [от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ (ред. от 28.07.2012 № 133-ФЗ)] // Собрание законодательства РФ.— 2006.— № 30.— Ст. 3285.
3. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и о признании утратившими силу отдельных положений Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [Текст]: федеральный закон [от 18 июля 2006 г. № 110-ФЗ (ред. от 29.12.2010 № 438-ФЗ)] // Собрание законодательства РФ.— 2006.— № 30.— Ст. 3286.
4. Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. [Текст]: распоряжение Правительства РФ [от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (в ред. от 08.08.2009 № 1121-р)] // Собрание законодательства РФ.— 2008.— № 47.— Ст. 5489.
5. Архипова, К.Ю. Совершенствование миграционного законодательства Российской Федерации в аспекте противодействия незаконной трудовой миграции / К.Ю. Архипова // Юридический мир.— 2010.— № 9.— С. 13 - 16.
6. Жильцова, Ю.В. Регулирование труда мигрантов: пробелы трудового законодательства / Ю.В. Жильцова // «Трудовое право в России и за рубежом».— 2010.— № 3.
7. Ключковская, Л.Г. Трудовая миграция и занятость населения в Российской Федерации / Л.Г. Ключковская // Миграционное право. — 2010.— № 3.
8. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов / Под ред. проф. Л.И. Скворцова.— М., 2010.— С. 534.

9. Сныткова, М. Для кого Россия лучше собственной родины? / М. Сныткова / Экономика.— 2013.— 22 августа.

10. Трудовая миграция в Россию / Институт демографии, Государственный университет - Высшая школа экономики // Электронная версия бюллетеня «Население и общество».— 2008.— 21 января.

11. Фирсов, И.В. Международная трудовая миграция и ее влияние на обеспечение экономической безопасности Российской Федерации / И.В. Фирсов // Миграционное право.— 2012.— № 1.

12. Хныкин, Г.В. Некоторые аспекты правового статуса трудового мигранта / Г.В. Хныкин // Трудовое право в России и за рубежом.— 2010.— № 3.

УДК 340

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УЯСНЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
СТАТУСА ДОЗНАВАТЕЛЯ
ON SOME PROBLEMS OF CLARIFICATION OF THE PROCEDURAL STATUS
OF THE INTERROGATOR**

*Иванченко Е.А., Северо-Кавказский Федеральный университет, к.ю.н., доцент
кафедры правовой культуры и защиты прав человека*

*Ivanchenko E.A., Ph.D., North-Caucasian Federal University, assistant professor of legal
culture and the protection of human rights*

e-mail: kvi-elena@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется понятие дознавателя, его процессуальный статус, функции, которые он осуществляет в ходе уголовного судопроизводства, а также проблемы взаимодействия и иными участниками уголовного процесса

Annotation: This paper analyzes the concept of the investigator, his status in the proceedings, the functions it performs in the course of criminal proceedings, as well as interoperability issues, and other participants in the criminal process

Ключевые слова: дознаватель, полномочия дознавателя, начальник подразделения дознания, прокурор, следователь, оперативно-розыскная деятельность, досудебное производство.

Key words: inquirer, investigator credentials, head of the unit of inquiry, the prosecutor, investigator, investigation and search operations, pre-trial proceedings.

Существование сегодня понятия дознавателя в уголовном судопроизводстве обусловлено с одной стороны процессуальной экономией, необходимостью освободить следователей от расследования преступлений небольшой и средней тяжести, возбуждаемых, как правило, в отношении лица, а с другой – необходимостью разграничения процессуальной и оперативно-розыскной функций в раскрытии и расследовании преступлений.

Понятие дознавателя, закрепленное в п. 7 ч. 5 УПК РФ неоднократно корректировалось, но и последнее, на наш взгляд, не совершенно.

Отнесение дознавателей к органу дознания и приписка в понятии дознавателя «...иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом», дают почву для рассуждений о разграничении процессуальных функций дознавателя и органа дознания.

О том, что дознаватель осуществляет только процессуальную функцию, можно прийти к выводу, проанализировав положения ч. 2 ст. 41 УПК РФ, регламентирующей запрет на привлечение в качестве дознавателей лиц, которые проводили или проводят по данному

уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия. Следовательно, к «иным полномочиям» дознавателя нельзя отнести оперативно-розыскные, которые присущи исключительно органам дознания, полномочным осуществлять оперативно-розыскную деятельность.

Как уже было отмечено выше, дознание осуществляется, как правило, по очевидным преступлениям, когда известны лица, совершившие преступление, и как следствие в применении средств, используемых оперативно-розыскной деятельностью и направленных на раскрытие преступлений нет надобности.

Отдельно возникает вопрос о том, кого законодатель обязывает выполнять неотложные следственные действия по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно (п. 2 ч. 2 ст. 40 УПК РФ).

Первоначальное определение дознавателя не давало ему права осуществлять неотложные следственные действия, ограничивая тем самым его процессуальную компетенцию. Сегодня данное ограничение в законодательстве отсутствует, однако возникает проблема в уяснении статуса лица, которое уполномочено совершать рассматриваемые действия.

На наш взгляд, данное полномочие не должно распространяться на дознавателей, и является обязанностью органов, осуществляющих оперативно-розыскную функцию. Для устранения подобных сомнений, в ч. 2 ст. 40 УПК РФ, следует подробно регламентировать субъекта выполнения обязанности по осуществлению неотложных следственных действий.

В литературе встречается критическое отношение к существующему понятию дознавателя и органа дознания.

Так, В. Ю. Гулакова, проанализировав статистические данные, отражающие результаты расследования уголовных дел органами предварительного следствия и дознания, приходит к выводу о недостаточной эффективности нынешней системы существования двух форм предварительного расследования.

Для повышения эффективности деятельности органа дознания, она предлагает два варианта его реформирования:

1. Вернуться к модели дознания, согласно которой оно должно стать не формой расследования преступлений, а вспомогательным инструментом для обеспечения выполнения задач предварительного следствия, при этом, полномочия органов дознания должны сводиться, во многом, к оперативно-розыскной деятельности, в ряде случаев у них остается право на проведение неотложных следственных действий, кроме того, на них должно возлагаться выполнение поручений следователя и прокурора.

2. Объединить в одном лице дознавателя и оперативного сотрудника, предоставив ему полномочия по раскрытию и расследованию выявленных им преступлений. Например, сотрудник уголовного розыска, выявив оперативным путем преступление общеуголовной направленности, будет наделен процессуальными полномочиями по возбуждению и расследованию уголовного дела [1; 37].

На наш взгляд последний подход позволит уйти от волокиты, а также от проблем, возникающих между следствием, дознанием и оперативными службами, по поводу уголовных дел, возбужденных по материалам последних, а также аналогичного характера отказных материалов.

Большинство проблем в уяснении правового статуса дознавателя связано с нормативным выражением процессуального статуса дознавателя. В литературе неоднократно подвергается критике законодательная техника закрепления в УПК РФ процессуальных прав и обязанностей дознавателя.

Круг полномочий дознавателя широк, несмотря на скудный перечень его полномочий, изложенный в ст. 41 УПК РФ. На наш взгляд, ст. 41 УПК РФ должна передавать суть процессуального статуса дознавателя, путем закрепления наиболее важных прав и обязанностей дознавателей, таких как возбуждать уголовное дело, производство предварительного следствия по которому не обязательно, принимать уголовное дело к своему производству, прекращать уголовное дело или уголовное преследование, выполнять неотложные следственные действия, по уголовным делам, предварительное следствие по которым не обязательно, заявлять самоотводы и т.д. Идеальным представляется разделение прав и обязанностей дознавателя.

Таким образом, сложностью в уяснении правового статуса дознавателя является рассредоточение в УПК РФ норм, его регламентирующих, поэтому нами предлагается в ст. 41 УПК РФ законодательно закрепить наиболее важные процессуальные права и обязанности дознавателя прямо или косвенно закрепленные в УПК РФ

В научной литературе неоднократно поднималась проблема ограничения процессуальной самостоятельности дознавателя [2]. Данное положение подтверждается анализом норм, содержащихся в ст. 37, 40, 40¹, 223 УПК РФ.

Так, в частности в ч. 4 ст. 40 УПК РФ закреплено право дознавателя обжаловать решения прокурора и начальника органа дознания, однако обжалование указаний указанных лиц не приостанавливает их исполнение.

Обжалование следователем, например, решения прокурора о возвращении ему уголовного дела для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков, приостанавливает его исполнение (ч. 5 ст. 211 УПК РФ).

Конечно, можно сказать, что в отношении дознавателя анализируемые нормы УПК являются фильтром законных и обоснованных решений, принимаемых им в ходе досудебного производства, но если считать дознавателя лицом, выполняющим такую же процессуальную функцию, как и следователь, процессуальные ограничения на лицо.

Еще одно ограничение в осуществлении дознания связано с отсутствием в полномочиях начальника подразделения дознания права устанавливать срок возобновленного дознания.

Так, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 40¹ УПК РФ, начальник подразделения дознания уполномочен отменять необоснованные постановления дознавателя по уголовному делу, при этом возобновляя дознание, не может быть применен порядок установления предварительного следствия, регламентированный ч. 6 ст. 162 УПК РФ.

Сложилась ситуация при которой единый подход к продлению срока расследования уголовного дела в случае возобновления дознания после отмены начальником подразделения дознания постановления о его приостановлении отсутствует.

Для введения единой практики осуществления указанной выше процессуальной процедуры, необходимо ввести соответствующие дополнения в ст. 40¹ УПК РФ, регламентируя право начальника подразделения дознания устанавливать срок дознания при его возобновлении или хотя бы право ходатайствовать перед прокурором об установлении такого срока.

Таким образом, несмотря на многочисленные изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, корректирующие статус дознавателя, его роль в уголовном судопроизводстве, данный институт нуждается в углубленном изучении на основе анализа результатов практической деятельности по расследованию преступлений, взаимодействию с другими участниками уголовного процесса для определения необходимого круга полномочий, которые позволят четко уяснить, кто же такой дознаватель и какие функции он выполняет в уголовном судопроизводстве.

Литература

1. Гулакова В.Ю. О некоторых проблемах совершенствования деятельности органов дознания в Российской Федерации // Вестник СКФУ. – 2013. - №1.
2. Эркенов М.Б. Процессуальный статус дознавателя. Автореф. Дис...канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007.

УДК 340

**ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
OWNERSHIP OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS**

*Канцерова Т.К., НОУ ВПО «Северо-Кавказский гуманитарный институт»,
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин*

*Kantserova T.K., NOU VPO "North Caucasian Institute for the Humanities", lecturer at the
State and legal disciplines*

e-mail: skgi_institut@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается право собственности некоммерческой организации, обеспечение частных и публичных интересов, в зависимости от целей создания и деятельности организации.

Abstract: This paper deals with the right of ownership non-profit organization, providing private and public interests, depending on the goals of the organization and activity concerned.

Ключевые слова: право собственности, формы собственности, частная собственность, юридические лица, некоммерческие организации, частные и публичные интересы.

Keywords: ownership, ownership, private ownership, legal entities, nonprofit organizations, private and public interests.

В Российской Федерации признаются и равным образом защищаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ, п. 1 ст. 212 ГК РФ). Традиционно считается, что государственная и муниципальная собственность призваны обеспечивать публичные интересы (интересы населения, проживающего на определенной территории), тогда как частная собственность, субъектами которой выступают граждане и все юридические лица, включая некоммерческие, призвана обслуживать исключительно их частные интересы [1].

Однако данная позиция не совсем отражает деятельность и существования таких некоммерческих организаций как казачьи общества.

Казачье общество как некоммерческая организация не является постоянным участником имущественного оборота и вступает в гражданские правоотношения для реализации уставных целей и своего общественного предназначения. Наличие у казачьего общества гражданской правосубъектности обусловлено приобретением им статуса юридического лица, одним из признаков которого выступает имущественная обособленность (п.1 ст.48 ГК РФ).

Степень его значения для некоммерческих организаций отдельных видов неодинакова,

находится в прямой зависимости от целей их создания и избранных методов деятельности. Для одних организаций наличие имущества является основополагающим, поскольку без его формирования и использования в определенных направлениях их задачи в принципе не могут быть решены (потребительские кооперативы и др.). Для других имущественная обособленность создает экономические условия эффективного функционирования в различных общественных сферах, а также обеспечивает необходимую для них как структур гражданского общества самостоятельность и независимость (общественные объединения и др.) [2].

Некоммерческие юридические лица, признаваемые (за исключением учреждений) собственниками принадлежащего им имущества, наделяются специальной гражданской правоспособностью и могут иметь лишь те гражданские права и обязанности, которые соответствуют целям их деятельности, предусмотренным в учредительных документах (п.1 ст.49 (ГК РФ). Данное обстоятельство с учетом того, что цели некоммерческих организаций по общему правилу находятся в общественных сферах за пределами гражданско-правового регулирования, предопределяет специфику в режиме их права собственности [3].

Предназначение собственности любого юридического лица - это обеспечение и достижение тех интересов и целей для достижения, которых оно создано. Поэтому не совсем правильно относить собственность такой некоммерческой организации как казачье общество к частной форме. Поскольку она обслуживает не только частные интересы самого казачьего общества, но и публичные.

Фактор публичности определен законодательством и содержится в самом определении юридического лица: «казачьими обществами признаются формы самоорганизации граждан Российской Федерации, объединившихся на основе общности интересов в целях возрождения российского казачества, защиты его прав, сохранения традиционных образа жизни, хозяйствования и культуры российского казачества. Казачьи общества создаются в виде хуторских, станичных, городских, районных (юртовых), окружных (отдельских) и войсковых казачьих обществ, члены которых в установленном порядке принимают на себя обязательства по несению государственной или иной службы. Казачьи общества подлежат внесению в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации» [4]. Следовательно, казачьим обществом может считаться только такое юридическое лицо, которое в установленном порядке принимает на себя обязательства по несению государственной и иной службы, которые обеспечивают общественные интересы.

Цели создания казачьих обществ также, достаточно многообразны, это не только государственная и иная служба, помимо частных интересов они также имеют общественно полезный и публичный характер:

развитие дружбы и сотрудничества, поддержание межнационального мира и согласия между народами Российской Федерации;

участие в развитии агропромышленного комплекса и сельских территорий Российской Федерации;

осуществление в установленном порядке государственной или иной службы, а также иной деятельности на основе договоров (соглашений) казачьих обществ с федеральными органами исполнительной власти и (или) их территориальными органами, органами исполнительной власти Ставропольского края и органами местного самоуправления в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством Ставропольского края;

участие в подготовке населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, промышленных или иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев;

оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, промышленных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, беженцам и вынужденным переселенцам;

участие в охране окружающей среды;

участие в охране и должном содержании в соответствии с установленными требованиями зданий, объектов и территорий, имеющих историческое, культовое, культурное или природоохранное значение, и мест захоронений;

профилактика социально опасных форм поведения граждан;

осуществление благотворительной деятельности, а также деятельности в области содействия благотворительности и добровольчества;

осуществление деятельности и содействие деятельности в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан, физической культуры и спорта, а также содействие духовному развитию личности;

участие в охране общественного порядка, противодействие терроризму;

участие в мероприятиях, направленных на борьбу с распространением наркомании.

Анализируя интересы казачьих обществ, служащие основой для осуществляемой деятельности, можно согласиться с мнением, «что некоторые юридические лица обладают лишь относительной самостоятельностью. В отличие от коммерческих юридических лиц некоммерческие организации в большинстве случаев создаются с целью отражения и практической реализации не только интересов своих учредителей (участников), но и неограниченного круга лиц, общества в целом. Вся их деятельность, в том числе предполагающая приобретение имущества и осуществление правомочий собственника, подчинена в конечном итоге обеспечению именно этих интересов. В связи с этим особого внимания заслуживает вопрос о целесообразности отнесения собственности некоммерческих организаций к частной форме» [5].

Казачьи общества могут создаваться при отсутствии у них каких-либо денежных средств, либо имущества, необходимых для организации и исполнения своих уставных целей и задач. Имущество, которое на сегодняшний день, находится в распоряжении казачьих обществ, передается им в рамках принятого законодательства в отношении казачества, реализации целевых государственных, муниципальных программ и в виде субсидий. Можно

сделать вывод, что в настоящее время реализация уставных целей казачьего общества зависит от финансирования их государственными и муниципальными органами.

К примеру, в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 08 июня 1996 года № 667 «Об утверждении положения о порядке формирования целевого земельного фонда для предоставления земель казачьим обществам, включенным в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации и режиме его использования» [6] и постановлением Губернатора Ставропольского края от 27.08.99 № 542 «О формировании целевого земельного фонда для предоставления земель казачьим обществам, включенным в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации» [7], в Ставропольском крае был сформирован на основании предложений районных, территориальных государственных администраций Ставропольского края целевой земельный фонд для предоставления земель казачьим обществам общей площадью 43703 га земель сельскохозяйственного назначения.

Субсидии предоставляются казачьим обществам муниципальными и государственными органами при условии внесения казачьего общества в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, заключения с органами полиции договора о несении службы членами казачьих обществ.

К примеру, в 2012 году в городе Ставрополе субсидия предоставлялась, казачьим обществам, имеющим казачью дружину в пределах общего объема бюджетных ассигнований, предусмотренных на соответствующие цели в бюджете города Ставрополя, в объеме 100 процентов фактически понесенных затрат, связанных с организацией деятельности казачьего общества по охране общественного порядка города Ставрополя, а именно:

страхование жизни и здоровья членов дружины; страхование риска гражданской ответственности, которая может наступить вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц;

обеспечение оргтехникой, канцелярскими товарами, удостоверениями, нагрудными знаками и нарукавными повязками [8].

Некоммерческие организации, являющиеся частными, характеризуются единой направленностью интересов некоммерческой организации и интересов ее участников; одинаковым отношением к их созданию и деятельности со стороны государства; в целом общими принципами формирования их имущества, его использования и распоряжения.

Но специфика деятельности некоммерческих организаций - казачьих обществ и источники приобретения ими имущества, дает совершенно иные представления при отнесении собственности некоммерческих организаций к частной форме.

Необходимо учитывать различный характер интересов, под влиянием которых юридические лица приобретают и осуществляют право собственности. Если применительно к коммерческим организациям их можно всегда квалифицировать как частные, то реализация права собственности на имущество некоммерческого юридического лица – казачьего общества исключительно в частных интересах представляется весьма сомнительной. Казачье

общество, являясь самостоятельным субъектом гражданских правоотношений, пользуется правами собственника в конечном итоге для удовлетворения определенных общественных интересов и потребностей, и в традиционном понимании право собственности казачьего общества относить к частной форме было бы не совсем правильно.

Литература

1. Колпакова А.В. Формы собственности и их соотношение // Актуальные проблемы гражданского права. М., 1999. С. 146.
2. Сойфер Т.В.// Адвокат 2012 № 2// Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс: Высшая школа.
3. Сойфер Т.В.// Адвокат 2012 № 2// Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс: Высшая школа.
4. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». //Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс: Высшая школа.
5. Сойфер Т.В. Адвокат 2012 № 2 // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс: Высшая школа.
6. Постановление Правительства РФ от 08.06.1996 № 667 «Об утверждении Положения о порядке формирования целевого земельного фонда для предоставления земель казачьим обществам, включенным в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, и режиме его использования». //Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс: Высшая школа.
7. Постановление Губернатора Ставропольского края от 27.08.99 № 542 «О формировании целевого земельного фонда для предоставления земель казачьим обществам, включенным в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации»././ Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс: Высшая школа.
8. Постановление администрации г. Ставрополя от 18.06.2012 № 1661 «Об утверждении Порядка предоставления субсидии за счет средств бюджета города Ставрополя казачьим обществам, внесенным в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации и взявшим на себя обязательства по несению службы в целях обеспечения охраны общественного порядка на территории города Ставрополя, на финансирование расходов, связанных с реализацией решения Ставропольской городской Думы от 27 октября 2010 г. № 106 «Об утверждении Положения о муниципальной казачьей дружине города Ставрополя», в 2012 году»././ Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс: Высшая школа.

УДК 343

**РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В
ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ
THE ROLE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN FORMING OF THE LEGAL SPACE OF RUSSIA**

Науменко Е.Н., студент магистратуры по программе «Эксперт по проблемам теории права и юридическим процедурам», РЮИ РПА Минюста России.

Naumenko E.N. is a student of Magister on the Program «Expert on the problem of Law and juridical procedures», RUI RPA of Minister Department of Russia.

e-mail: KobyakovaEN@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается роль Конституционного Суда Российской Федерации в формировании правового государства и совершенствовании единого правового пространства России, а также юридическая природа решений Конституционного Суда Российской Федерации.

Annotation: The role of the Constitutional Court of the Russian Federation in forming of the legal state and perfection of the united legal space of Russia and also juridical nature of judgments of Constitutional Court of the Russian Federation are examined in this article.

Ключевые слова: правовое государство, право, Конституционный Суд Российской Федерации, правовое пространство, решения, судебный прецедент, источники права.

Key words: legal state, law, Constitutional Court of the Russian Federation, the legal space, judgments, judicial precedent, sources of law.

Конституция Российской Федерации провозглашает Российскую Федерацию демократическим правовым государством, сущностью которого является политическая власть, создающая условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также для наиболее последовательного связывания с помощью права государственной власти в целях недопущения злоупотреблений.

Конституционное правосудие как вид судебной деятельности является неотъемлемым признаком правового государства. Современный конституционализм предполагает наличие в государстве органа конституционного судебного контроля, с тем, чтобы все действующие на его территории правовые нормы были пронизаны буквой и духом Конституции, закрепляющей базовые правовые стандарты и принципы. Как отмечает В.Д. Зорькин, «общепризнанный принцип верховенства (господства) права, или правового государства, лежит в основе нового миропорядка и конституционного строя современных демократий».

Поэтому данный принцип положен в основу Конституции России, а его реализация принадлежит к числу коренных, приоритетных национальных интересов нашей страны»[1].

В правовом государстве государство, объединения граждан и отдельные свободные личности должны соотносить свои поступки с правом. Но столкновение их интересов, различное понимание права неизбежны, что порождает правовые конфликты. Принятие и исполнение законов органов государственной власти не могут предотвратить такие конфликты и обеспечить неуклонное соблюдение права всеми его субъектами, так как в наше время законы не всегда адекватно выражают право. Следовательно, с правовыми действуют и неправовые. Принятие и действие неправовых законов носит распространенный характер, что и препятствует осуществлению и защите гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод, и негативно сказывается на реализации любых функций государства.

Для устранения неправовых законов и построения правового государства важна деятельность Конституционного Суда Российской Федерации. Особая роль Конституционного Суда Российской Федерации в том, что он выступает арбитром в спорах о праве. Конституционный Суд Российской Федерации при осуществлении своих полномочий очищает правовое поле от неправовых законов и заставляет законодателя более ответственно подходить к принятию новых законов. Наличие у Конституционного Суда Российской Федерации права толкования Конституции Российской Федерации и федеральных законов по собственной инициативе способствует повышению уровня эффективности его деятельности по укреплению правовой государственности и совершенствованию единого правового пространства.

Еще одним аспектом актуальности вопроса о роли Конституционного Суда Российской Федерации в формировании правового пространства России является юридическая природа его решений. Данный вопрос считается дискуссионным, так как одни ученые относят решения Конституционного Суда к источникам права, а другие наоборот.

Одни ученые считают, что решения Конституционного Суда занимают свое место в системе права и кругу источников права. Так, например, по мнению С. Окуневица в современных условиях развития российской правовой системы судебный прецедент должен найти свое место среди источников права. Судебный прецедент применяется в том случае, если оспариваемые положения нормативного правового акта аналогичны нормам, ранее признанными постановлением Конституционного Суда Российской Федерации неконституционными. Судебный прецедент не признается источником права, он не прижился в России. Хотя прецедент мог бы усовершенствовать работу судей и сэкономить их время. Согласно Конституции Российской Федерации суды общей юрисдикции и арбитражные суды, Верховный Суд и Высший Арбитражный Суд при рассмотрении конкретного дела принимают решения в соответствии с законом. Если же суд при рассмотрении дела в любой инстанции придет к выводу о несоответствии Конституции закона, подлежащего применению в конкретном деле, он обязан обратиться в Конституционный Суд и приостановить

производство по делу. Однако, при наличии судебного прецедента суд разрешил бы возникшую коллизию без приостановления разбирательства по делу, применив решение суда, имеющего юридическую силу. Судебный прецедент, конечно, не может заменить глубокий объективный подход судьи к каждому конкретному делу. Но явиться основой, руководящей началом, а также способствовать более быстрому реагированию на ту или иную ситуацию прецедент вполне способен[2].

Большинство решений Конституционного Суда прямо изменяли и изменяют действующее законодательство, как бы вычленив из него неконституционные нормы. Более того, неоднократно, решения Суда не только отменяли неконституционные нормы, но и вводили в систему законодательства новые[3].

Относят к источникам права решения Конституционного Суда Российской Федерации и законодателя, например, Строев Е.В. «Конституционный Суд в прямом смысле слова творит право. Закон не поспевает иногда за быстро развивающимися общественными отношениями. Нужен новый взгляд, иногда новые подходы и новые решения, а значит нужно новое право. Рождается оно трудно, нередко в муках с позитивным участием Конституционного Суда»[4]. Учитывая юридическую силу решений можно правомерно относить решения Конституционного Суда РФ к источником права.

Однако многие ученые являются противниками того, что акты Конституционного Суда Российской Федерации могут рассматриваться как источник права. Например, по мнению В.С. Нерсесянца решение Конституционного Суда о признании закона или отдельного его положения не соответствующим Конституции, является сугубо правоприменительным актом и действие признанного неконституционным положения отменяется не решением Конституционного Суда, а законодателем[5]. В данном случае в силу прямого действия Конституции, установившей такое правило. Но данное мнение противоречиво, так как конституционное закрепление юридической природы решений Конституционного Суда произведено не законодателем, а гражданами России во время всеобщего голосования по принятию действующей Конституции. Также на основе данного мнения Указы Президента и Постановления Правительства тоже нельзя отнести к источникам права, так как они издаются на основании той же Конституции и иных законов, то есть тоже по воле законодателя.

Но существуют и мнения ученых, которые пытаются одновременно объединить две вышеупомянутых точки зрения.

Например, Л.В. Лазарева считает, что нормативное содержание присуще не всему решению Конституционного Суда, а только содержащимся в нем правовым позициям и основанным на них итоговым выводам. Данное мнение дает узкое понимание понятия источника права, так как ставит вопрос о выделении из документа нормативной базы в зависимости от личного правоприменителя, а также невозможно один и тот же документ относить и к источникам права и нет.

Следует отметить то, что признанием закона, противоречащим Конституции, влечет устранение его из правового пространства, что означает отнесение закона к разряду

неправовых. Для отказа в применении неправового закона в обязательном порядке не требуется постановления Конституционного Суда РФ. Согласно пункту 3 статьи 5 Федерального конституционного закона РФ «О судебной системе Российской Федерации» и разъяснению, содержащемуся в пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 года «О некоторых вопросах применения Конституции РФ при осуществлении правосудия», суд при наличии убеждения о противоречии федеральных законов Конституции РФ обязан сам применить непосредственно конституционные положения. Однако официальное признание закона противоречащим Конституции и превращение действия этого закона возможно лишь по решению Конституционного Суда Российской Федерации.

Как отмечено председателем Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькиным, «правотворческая деятельность судов в правовой системе России формально не признается, в доктрине интерпретируется противоречиво, но реально существует и через высшие судебные инстанции влияет на развитие права».[6] Важная особенность конституционного судопроизводства – возможность не просто признавать недействительным то или иное положение нормативного правового акта, но и определять, исходя из требований Конституции, правовые ориентиры для законодательной и иной нормотворческой деятельности в субъектах федерации, а также вырабатывать единые подходы в истолковании правовых норм при осуществлении правоприменительной практики[7].

В заключение хочется отметить то, что в конституционном государстве не должно быть никаких не правовых действий со стороны власти. Господство право, верховенство Конституции, власть закона, причем хорошего, современного закона, - это на сегодняшний день первостепенный вопрос выживания и развития России, ее успешного вхождения в современный глобальный демократический мир. Россия действительно может стать правовым государством, действующая Конституция дает для этого все возможности, нужно только начать уважать основной закон и жить по нему.

Литература

1. Зорькин В.Д. Верховенство права и конституционное правосудие//Россия и Конституция в XXI в. Взгляд с Ильинки. М., 2007. С.127
2. Ушаков А.В. Изменение в полномочиях Конституционного Суда РФ: нормативное закрепление сложившейся практики или еще один шаг к судебному прецеденту. Электронный ресурс «Консультант плюс».
3. Шульцев В.А. Роль Конституционного Суда РФ в обеспечении надлежащего соблюдения органами государственной власти конституционных прав и свобод граждан: теория и практика. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Санкт-Петербург. 2012.
4. Шульцев В.А. Роль Конституционного Суда РФ в обеспечении надлежащего соблюдения органами государственной власти конституционных прав и свобод граждан:

теория и практика. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Санкт-Петербург. 2012.

5. Нерсесянц В.С. У российских судов нет правотворческих полномочий//Судебная практика как источник права. 2000. Электронный ресурс «Консультант плюс».

6. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда РФ//Журнал российского права. 2004 № 12. С.31-34.

7. Демидов В.Н. Конституционное (уставное) правосудие в субъектах РФ – сущностный элемент правового государства. Российский юридический журнал. № 3, 2013. Электронный ресурс «Гарант»

УДК 343

**ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ
LAW POSITIONS OF CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND THEIR INFLUENCE ON THE LEGISLATIVE PROCESS IN RUSSIA.**

Науменко Е.Н., студент магистратуры по программе «Эксперт по проблемам теории права и юридическим процедурам», РЮИ РПА Минюста России.

Naumenko E.N. is a student of Magister on the Program «Expert on the problem of Law and juridical procedures», RUI RPA of Minister Department of Russia.

e-mail: KobyakovaEN@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается понятие, природа и роль правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, а также их влияние на законодательный процесс в России.

Annotation: The idea of nature and the role of legal positions of Constitutional Court of the Russian Federation and their influence on the legislative process in Russia are examined in this article.

Ключевые слова: правовые позиции, Конституционный Суд Российской Федерации, законодатель, законодательство.

The key words: legal position, the Constitutional Court of the Russian Federation, legislator, legislation.

В последние годы отечественной научной мыслью стала усиленно разрабатываться концепция, обосновывающая объективное существование и юридическое значение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. По названному вопросу неоднократно высказывались видные ученые правоведы и сами судьи Конституционного Суда Российской Федерации.

В науке высказываются различные точки зрения относительно понятия и природы правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. Приведем некоторые из них.

Г.А. Гаджиев рассматривает правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как «важные правовые выводы, идеи, представляющие собой выявленное судом кристаллизованное право, источник права, правовой принцип, пригодный для разрешения группы сходных юридических коллизий»[1]. По мнению В.А. Кряжкова, «правовые позиции – это логико-правовое (прежде всего конституционное) обоснование конечного вывода, содержащегося в постановляющей части его решения, сформулированное в виде правовых

умозаключений, установок, имеющих общеобязательное значение»[2]. Н.В. Витрук полагает, что «правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации есть представления (выводы) общего характера Конституционного Суда РФ как результат толкования Конституционного Суда РФ и выявления им конституционного смысла положений законов и других нормативных актов в пределах компетенции Конституционного Суда, которые снимают конституционно-правовую неопределенность и служат правовым основанием итоговых решений (постановлений) Конституционного Суда РФ»[3]. Б.С. Эбзеев считает, что «правовые позиции не есть просто обоснование решения...Но и сущность решения; это выводы Суда, являющиеся результатом толкования Судом Конституции Российской Федерации, ее духа и буквы, выявленных им правовых принципов, и лежащие в основе решения»[4]. С.В. Васильева считает, что «под правовой позицией Конституционного Суда можно понимать выводы, доводы Конституционного Суда в отношении того или иного правового явления, которые служат основанием итоговых решений и образуют их интеллектуально-юридическое содержание [5].

Правовая позиция относится к числу основных форм деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Благодаря правовой позиции Суда устанавливается конституционность актов органов государственной власти, выявляется истинный смысл, как самой Конституции, так и других законодательных актов.

Конституционный Суд в процессе рассмотрения вопросов о конституционности конкретной оспоренной нормы исследует определенный, концептуальный вопрос юридической науки и практики, итоговый вывод, довод по которому будет являться правовой позицией. Правовые позиции встречаются практически во всех решениях Конституционного Суда, как в их мотивировочных, так и в резолютивных частях.

В качестве примера можно привести следующую правовую позицию, выраженную Конституционным Судом в постановлениях от 29 ноября 2004 г. № 17-П, от 25 апреля 2000 г. № 7-П, 23 марта 2000г. № 4-П, 24 июня 1997г. № 9-П: принцип равенства в полной мере относится и к субъективным избирательным правам граждан. Равное избирательное право заключается в наличии у каждого избирателя одного голоса и в участии в выборах на равных основаниях. Это обеспечивается, в частности, включением избирателей не более чем в один список избирателей; образованием в принципе равных по числу избирателей избирательных округов; соблюдением установленных норм представительства; предоставлением равных юридических возможностей участия в предвыборной кампании кандидатов, а также иными правовыми, организационными и информационными средствами и способами, гарантирующими соответствующее конституционному принципу народовластия в демократическом государстве действительное представительство народа [6].

Правовые позиции формулируются Конституционным Судом Российской Федерации при разрешении дел в рамках его компетенции. Это могут быть дела о толковании Конституции Российской Федерации, разрешении споров о компетенции, о проверке конституционности нормативного акта. Правовые позиции могут признаваться

общеобязательными. В литературе высказывается мнение, согласно которому «по юридической силе правовые позиции Конституционного Суда приравниваются к юридической силе самой Конституции Российской Федерации»[7].

Наиболее значимые и часто повторяющиеся в решениях Конституционного Суда правовые позиции можно охарактеризовать как концептуальные идеи, применение которых признано обеспечивать гармоническое развитие общественных отношений на законодательном и правоприменительном уровнях. Среди таких правовых позиций – конституционно-правовых принципов можно назвать:

- 1)предсказуемость действий (бездействия) и решений органов публичной власти;
- 2)пропорциональность (соразмерность) ограничения прав и свобод;
- 3)информационность об открытости, прозрачности деятельности публичной власти;
- 4)установление баланса частных и публичных интересов в правоотношениях и другие[8].

Правильное и своевременное применение законодательством и судами правовых позиций Конституционного Суда способствует очищению действующего законодательства, надлежащей защите конституционных прав и свобод граждан. Судьи, рассматривая конкретные дела, вынуждены восполнять пробелы и разрешать противоречия действительного законодательства, создавая при этом новое судебное право. Важнейшим источником в этом процессе является решения и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации. Наряду с положительными моментами правовых позиций существует и правовые позиции, которые вызывают сомнение в своей конституционности, касающиеся отлагательного момента вступления решения Конституционного Суда Российской Федерации в законную силу.

Главная задача Конституционного Суда Российской Федерации – своевременное и качественное устранение неопределенности, связанной с пониманием смысла конкретной конституционной нормы и конституционного смысла федеральных законов, других правовых актов. Тем самым Конституционный Суд помогает законодателю, правоприменителю, гражданам скорректировать подходы в принятии ими своих решений.

Конституционный Суд Российской Федерации, осуществляя свои полномочия по определению конституционности или неконституционности законодательных установлений, оказывает значительное влияние на законодателя, правоприменителя, граждан. Особенность компетенции Конституционного Суда Российской Федерации такова, что допущение к нормативному регулированию приводит Суд к возвышению не только над судами, но и над Президентом РФ, Федеральным Собранием РФ, Правительством РФ. Однако Конституционный Суд Российской Федерации не является и не может являться высшей инстанцией ни в системе судов Российской Федерации, ни в системе законодательных или исполнительных органов государственной власти. Конституционный Суд Российской Федерации, признавая положение нормативного правового акта или сам акт целиком неконституционными, выступает в качестве «негативного законодателя», то есть юридическая

сила правовой позиции, по крайней мере, равна силе закона. Однако, поскольку именно на основе правовой позиции Суда положение нормативного правового акта или сам акт целиком признаются недействительными как не соответствующие Конституции Российской Федерации, правовая позиция Суда по своей силе приравнивается к юридической силе самой Конституции. В случае принятия Судом решения, как правило, понимание и применение положений Конституции Российской Федерации без оценочных норм Конституционного Суда становятся невозможным[9].

Конституционный Суд Российской Федерации влияет на законодателя таким образом, что он выявляет в законодательстве положения, которые применяться не могут. Законодатель не обязан руководствоваться при принятии законов оценкой Конституции, данной Конституционным Судом, законодатель имеет право сам давать оценку Конституции Российской Федерации. Его оценка может расходиться с оценкой Конституционного Суда РФ в том случае, если законодатель нашел более эффективные способы законодательной защиты гражданских прав. Жизненность именно такого понимания подтвердили, например, действия российского законодателя, изменившего порядок избрания высшего должностного лица в субъекте Российской Федерации, несмотря на то что, как оказалось, названные законодательные меры не в полной мере согласовывались с высказанной ранее правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации. Главное, что названными действиями законодатель сохранил демократический порядок выборов в соответствии с общепризнанными нормами права, то есть действовал в соответствии со смыслом норм Конституции Российской Федерации[10].

Одна из главных целей органа судебного контроля является то, чтобы положения нормативного акта, не соответствующие общепризнанным нормам права, не применялись. Тем самым пресекается формирование правонарушительного законодательства.

Разрешая вопросы права, Конституционный Суд Российской Федерации не может и не должен превращаться ни в законодателя, формулируя общеобязательное правило, ни в судебный или административный орган, принимающий правовое решение в связи с теми или иными конкретными жизненными обстоятельствами. Субъекты права сами оценивают ситуацию, исходя из того, что в законодательстве есть положения, которые признаны Конституционным Судом Российской Федерации конституционными или неконституционными. В противном случае они лишаются собственной воли, перестают быть носителями власти. Таким образом, оценка законодательства, проводимая Конституционным Судом Российской Федерации в рамках осуществления своих полномочий, направляет деятельность всех без исключения федеральных судов.

Литература

1. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права//Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: Сб. докладов. М., 1999. С. 116

2. Кряжков В.А. Конституционное правосудие в субъектах РФ (правовые основы и практика). М., 1999. С.109
3. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991-2001гг). Очерки теории и практики. М., 2001. С.111
4. Эбзеев Б.С. Конституционный Суд РФ: становление, юридическая природа, правовые позиции: Вступительная статья//Комментарий к постановлениям Конституционного Суда РФ. Отв. ред. Б.С. Эбзеев. М., 2001. Т.1. С. 24-25
5. Васильева С.В., Виноградов В.А., Мазаев В.Д. Конституционное право России. Учебник. М.: «ЭКСМО». 2010. С. 557
6. Васильева С.В., Виноградов В.А., Мазаев В.Д. Конституционное право России. Учебник. М.: «ЭКСМО». 2010. С. 557
7. Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ: понятие, природа, юридическая сила и значение//Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: Сб. докладов. М., 1999. С. 91
8. Васильева С.В., Виноградов В.А., Мазаев В.Д. Конституционное право России. Учебник. М.: «ЭКСМО». 2010. С. 557
9. Елеонский В.О. Теория правовой позиции Конституционного Суда РФ и защита прав граждан. Электронный ресурс «Гарант».
10. Елеонский В.О. Теория правовой позиции Конституционного Суда РФ и защита прав граждан. Электронный ресурс «Гарант».

УДК 343

**ФУНКЦИИ КРИМИНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ОСУЖДЕННЫХ
В ПЕНИТЕНЦИАРНОМ СОЦИУМЕ
FUNCTIONS OF CRIMINAL CONNECTIONS AND CONVICTS
IN PENITENTIARY SOCIETY**

Панин И.Ю., адъюнкт Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

Panin I.YU., adjunct of the Academy of law and management of Federal service of execution of punishments

e-mail: uvarov.igor@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы криминальных связей осужденных, процесс пенитенциарной профилактики в местах лишения свободы. Автор определяет уровень зависимости между криминальными связями осужденных и уровнем криминализации межличностных отношений в пенитенциарном социуме.

Abstract: In the article the problems of criminal ties prisoners, the process of the penitentiary prevention in prisons. The author determines the level of dependency of the links between criminal convicts and the level of criminalization of interpersonal relations in the penitentiary society.

Ключевые слова: криминальные связи осужденных, пенитенциарный социум, пенитенциарное сообщество.

Key words: criminal ties prisoners, the prison society, the prison community.

Рассмотрение любого социального явления, невозможно без анализа его функций, для той социальной организации, в которой это явление существует. Он сказывается в специфическом пенитенциарном социуме, который формирует и свою, опять же специфическую систему межличностных и социальных связей. Криминальный характер этих связей может быть определен по тем социально значимым функциям, которые выполняют именно эти связи.

Термин функция (от лат. *functio* – осуществление, выполнение), довольно активно используется в различных отраслях знаний и науках. Только поверхностный анализ, дает нам порядка двадцати определений этого термина. Однако в науках социально-правового цикла, под этим термином понимается – «использование того или иного механизма социальных взаимодействий для достижения определенной цели или реализации определенных ценностей» [5]. В криминологии, данное понятие используется как правило, в отношении самой науки, что значительно снижает его потенциал. Полагаем, что здесь необходимо взять за основу использование этого термина в социологии, где его рассматривают как один из

видов проявления социальных отношений: 1) внешнее проявление свойств какого-либо объекта, процесса в той или иной системе отношений (функция-свойство); 2) роль, которую выполняет определенный социальный институт или процесс по отношению к целому (функции-роли); 3) связь частей с целым, их взаимозависимость (напр., функция преемственности в системе воспитания, функция рационализации в системе управления) (функции-связи) [1].

Любое из причисленных направлений, может использоваться в системе оценки функций криминальных связей осужденных в местах лишения свободы. Тем более, что и социальные, и межличностные связи осужденных, носят исключительно социальный характер и призваны лишь упорядочить систему отношений между различными субъектами уголовно-исполнительного процесса. С учетом того, что категория лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, имеет ярко выраженную криминальную окраску, то и система отношений в их среде может носить криминальную направленность. Поэтому функция криминальных связей осужденных, выражают их причинную обусловленность и ту роль, которую они играют в приготовлении, совершении и маскировке противоправного поведения в местах лишения свободы.

Проведанное нами исследование позволило нам определить, что криминогенные связи осужденных могут выполнять ряд специфических функций.

1. Конспиративная функция криминогенных связей обусловлена деформацией системы межличностных и социальных отношений среди осужденных. Фактически, в процессе осуществления криминогенных связей, происходит как бы «вторичная деформация» [9] рассматриваемых отношений. Здесь осужденные получают возможность обмениваться криминогенной информацией (принимать и передавать ее), устанавливая запрещенные законодательством контакты. Противоправный характер поведения осужденных, предполагает и необходимость его конспирирования, что и сформировало необходимость криминализации таких связей. Специфичность пенитенциарных условий, накладывает и определенные «требования» на межличностное общение в среде осужденных.

По данным проведенного нами исследования, примерно 10-20% осужденных знакомятся с условными средствами криминального общения и связи, еще до того, как изолируются от общества. Они овладевают способами нелегальной передачи информации благодаря тому, что таки опытом с ними делятся лица, его имеющие опыт отбывания наказания в местах лишения свободы. Впоследствии, этот опыт применяется уже самостоятельно в период содержания под стражей. Здесь не только укореняются криминальные связи получившие свое начало еще до привлечения к уголовной ответственности, но приобретаются и новые. Для определенной части осужденных, наличие криминальных связей на свободе, является своеобразным пропуском в криминальную среду следственного изолятора. По мнению оперативных работников, количество таких осужденных не превышает 20 % от общего числа пребывающих в следственный изолятор. В тоже время значительная часть сотрудников (72,6 % –

сотрудников ИК общего режима и 46,3 % – сотрудников ИК строгого режима) отмечают, существенное омоложение такого контингента.

Результаты проведенного исследования показывают, что почти 40% криминальных связей осужденных, имеют отношение к подготовке и осуществлению действий направленных на нарушение режима содержания. Эти показатели требуют уточнения. Степень криминализации связей осужденных может быть различной, как мы определили ранее. Следовательно, функциональная направленность каждого из видов криминальной связи будет зависеть от тех целей, которые с их помощью достигаются. Какие-то связи трансформируются, а какие-то по своим функциям остались прежними. В целом их можно разделить на три основные группы:

1) общеуголовный криминальные связи – образовались еще до осуждения (совместное ведение антиобщественного или преступного образа жизни);

2) пенитенциарные криминальные связи – образовались непосредственно в местах лишения свободы (прежде всего для удовлетворения своих потребностей в период отбывания наказания);

3) специально-профессиональные криминальные связи – связи профессиональных преступников или лидеров криминального и пенитенциарного сообщества (эти связи существуют объективно, но это не является залогом их прочности).

2. Функция обмена преступным опытом выражает криминальную деформацию межличностных и социальных связей осужденных. В процессе обмена осужденных информацией происходит не только передача, но и приобретение преступного опыта. Начинается такое «обучение» еще на свободе, в процессе общения с лицами, имеющими опыт совершения преступлений и отбывания наказания в местах лишения свободы. Далее, в период нахождения в следственно изоляторе и исправительном учреждении, эти знания и криминальные связи, только совершенствуются и развиваются. Характер «передачи» преступного опыта, может рассматриваться как своеобразный процесс криминализации личности и ее социальных связей, который проходит:

– на основе объективных условий социального окружения и принятых в этой среде форм общения, т.е. (стихийно – под влиянием заражения, подражания, внушения, группового давления);

– на основе субъективных условий умышленного воздействия наиболее «опытных» осужденных на «новичков» – в целях сознательного распространения и усвоения знаний, умений и навыков осуществления криминальных связей.

И в первом и во втором случае, мы сталкиваемся с таким фактором, как опосредованное или непосредственное воздействие на личность осужденного с тем, что бы приобщить его к определенной системе ценностей и тем самым максимально криминализировать его систему социально-значимых связей. Причем, систематизация эта носит исключительно объективный характер, ибо затрагивает, как межличностные, так и социальные связи осужденного. По мнению Ю.М. Антоняна, личность осужденного

«выступает в качестве совокупности социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими осужденными» [2].

Наши данные подтверждаются и результатами других исследователей. Так, например, А.П. Фильченко утверждает, что в качестве самостоятельных факторов латентизации пенитенциарного преступного поведения является наличие у многих осужденных опыта совершения и сокрытия противоправных деяний в местах лишения свободы. Он определяется следующими факторами:

- стереотипом поведения осужденных в учрежденном учреждении, обусловленного поведением более «опытных» осужденных;
- формирует у вновь прибывших осужденных установку на определенный вид поведения не только в период отбывания наказания, но и после освобождения.
- применение при совершении противоправных действий определенных ухищрений, облегчающих их совершение и сокрытие, включая тех осужденных, с которыми осуществляется криминальная связь [11].

Полагаем, что криминальные связи, обусловлены передачей преступного опыта могут пресекаться представителями администрации, только в том, случае, если они носят целенаправленный характер. В случае же опосредованной передачи такого опыта, то представителям администрации трудно будет инкриминировать такой вид преступного поведения осужденного как криминальную связь.

3. Познавательная функция криминальных связей, способствует установлению личностных характеристик осужденного участвующего в таких связях и определяет непосредственно характер этих связей. В специальной литературе, эта функция называется – «диагностической» [4]. Именно она, позволяет и осужденным (как участникам специфических пенитенциарных отношений), и сотрудникам (как участники воспитательно-профилактического процесса, направленного на исправление преступников) определять криминогенный характер межличностных и социальных связей осужденных.

В этой связи, нам представляется возможным определить какую функциональную роль, при оценке криминальных связей осужденных играет анализ внешности их участников. На это обстоятельство, как на основное, обратили внимание 97,3% – осужденных отбывающих неоднократно и 74,% – осужденных отбывающих впервые. У сотрудников, этот показатель несколько ниже: 91,5% – сотрудники ИК строго режима и 87,5% – сотрудников ИК общего режима.

Результаты анкетирования свидетельствуют о том, что большой информативной ценностью обладает анализ одежды осужденных. По деталям одежда можно определить, к какой категории осужденный относится. Это может служить основанием для определения потенциальности характера тех или иных связей, которые может поддерживать осужденный. Так, А.Н. Сухов, считает, что «нужно выявить функции ролевого поведения, действий и высказываний каждого из участников межличностных связей осужденных для определения

степени их противоправного характера. Сделать это возможно только на основе оценки внешности осужденного, как отражения его места в системе пенитенциарных связей» [7]. Установление этих факторов может происходить входе визуальной психодиагностики: например, оценка внешнего вида осужденного. Общеизвестно, что осужденные пользующиеся авторитетом в пенитенциарном сообществе, имеют всегда опрятный внешний вид. Это обязательное условие, которое определяется их статусом. Однако, никто из исследователей никогда не ставил вопрос о том, каким образом такие осужденные могут достигать качество своего внешнего вида? Разве они в соответствии с действующим уголовно-исполнительным законодательством имеют другие возможности для обеспечения вещевым довольствием? Анализ законодательства показывает, что законодатель таких различий не делает.

Однако практика, свидетельствует об обратном. «Именно на них наиболее жестко распространяются все ограничения. Их часто беспричинно избивают и оскорбляют, выгоняют из помещений при появлении различных запахов, даже не связанных с присутствием данных лиц. Их одежда, предметы туалета и продукты питания в большинстве случаев также «отвергаемы». К сожалению, не во всех исправительных учреждениях администрация дает отпор подобным действиям.

Пассивные гомосексуалисты, как правило, используются на самых грязных и неквалифицированных работах (уборка туалетов, мусорных ящиков и т. п.), что еще больше отчуждает их. Это отражается и на их внешнем виде, который у большинства неопрятный, даже отталкивающий, чему способствуют ограниченные для них возможности доступа к душевым, умывальникам, бытовым комнатам» [3].

«Как правило, осужденные не считаются с личностью, которая становится лишь средством для удовлетворения сексуальных потребностей, и лишена тем самым всех сколь-нибудь значимых в среде осужденных качеств. Отсюда и попытка снизить социальный уровень таких осужденных, за счет ущемления их в пище, одежде, условиях отбывания наказания» [10].

Таким образом, необходимо отметить, что осужденные участвующие в криминальных связях «опознают» друг друга с помощью определенных приемов, прежде всего, обусловленных внешними признаками лица. Сюда же можно отнести и поведение осужденного. Пенитенциарное сообщество направляет огромные усилия для выявления осужденных, конфиденциально сотрудничающих с администрацией исправительных учреждений. С этой целью, осужденный находящиеся в криминальных связях между собой, осуществляют постоянное наблюдение. Только после получения информации подтверждающей то, что вновь прибывшему можно доверять, учитывая его криминальные связи на свободе, поведении в следственно изоляторе, может быть принято решение о включении его в систему криминальных связей исправительного учреждения.

4. Организационная функция, т.е. функция организации противоправной деятельности в колонии для улучшения условий жизни, прежде всего лидерам пенитенциарного сообщества. Общеизвестно, что изоляция от общества оказывает существенное влияние на социально-

нравственные установки личности, что как мы определили ранее может рассматриваться как деформация межличностных и социальных связей осужденных. Это «нормативная, стереотипная сторона, жестко регулирующая поведение, создающая предпосылки для возникновения криминогенных ситуаций в местах лишения свободы» [6]. Но главное значение организационной функции криминальных связей осужденных, состоит не в этом. С помощью криминальных связей осужденные создают условия при которых выполнение воспитательно-профилактических функций исправительных учреждений, становится весьма затруднительным, а достижение целей наказания – невозможными.

Наличие криминогенных связей в исправительном учреждении, является одним из важных факторов, с помощью которого осужденные, даже находясь в изоляции, продолжают вести антиобщественный, а в некоторых случаях и преступный образ жизни. «Хотя антиобщественный образ жизни и не тождествен преступному поведению, – замечает И.А. Уваров, – он оказывает существенное влияние на него и поэтому должен рассматриваться как один из важных криминогенных факторов» [8].

5. Функция компенсации утерянных в условиях изоляции возможностей. Если ранее мы установили, что система межличностных и социальных связей осужденных, есть проявление его личностной деформации обусловленной изоляцией от общества, то у осужденного обязательно должны возникнуть некие потребности компенсировать то, что он мел ранее. В результате, проведенного исследования было установлено, что наличие криминальных связей в местах лишения свободы:

- снимает стрессогенность в общении с другими осужденными;
- восполняет дефицит общения путем объединения в малые группы;
- искажает направленность межличностных связей;
- позволяет самоутвердиться в среде осужденных.

Все эти факторы, могут рассматриваться не только как положительная (с позиции неформальных норм поведения) составляющего криминальных связей осужденных, но и как отрицательная. Например, лица, сотрудничающие с администрацией, не могут рассчитывать на установление таких связей. Более того, они (эти связи) для них крайне опасны, учитывая что неформальные нормы предполагают физическое воздействие в отношении лиц, сотрудничающих с администрацией. Это может иметь отношение и к другим категориям осужденных – членам самодеятельных организаций, бывшим сотрудникам правоохранительных органов, лицам, выступавшим в качестве свидетелей преступлений и т.д.

Крайне негативную окраску этой функции криминогенных связей в местах лишения свободы придают те условия, в которых они реализуются и те цели, для которых они реализуются. В результате, межличностные и социальные связи претерпевают деформацию (которую, как мы указали ранее можно считать – *вторичной*), при которой они с одной стороны призваны снизить уровень изолированности осужденного от общества, а с другой, создают дополнительные стрессогенные факторы, усиливающие эту изоляцию. Отсюда и жестокость отношений, обусловленных наличием криминальных связей.

Литература

1. *Алферов Ю.А.* Пенитенциарная социология: Общая часть (методологический аспект). Учебник для высших учебных заведений МВД России в 2-х частях. Домодедово, 1995. С.77
2. *Антонян Ю.М.* Криминология. Избранные лекции. М., 2004. с. 75
3. *Антонян Ю.М., Бойко И.Б., Верещагин В.А.* Насилие среди осужденных. Учебное пособие / Под ред. Ю.М. Антоняна. М., 1994. С.28
4. *Дебольский М.Г.* Задачи социально-психологической диагностики осужденных и планирование воспитательной и психокоррекционной работы с ними // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 2 (3). С.62
5. *Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н.* Современная социология права. Учебник. М., 2005. С.165
6. *Старков О.В.* Бытовые насильственные преступления (причинность, групповая профилактика, наказание). Рязань, 1992. С.125
7. *Сухов А.Н.* Внешние признаки осужденного и их влияние на уровень криминализации пенитенциарных отношений // Социально-правовые и психологические аспекты деятельности исправительно-трудовых учреждений. Сборник научных трудов. Рязань, 1992. С.129
8. *Уваров И.А.* Антиобщественное поведение осужденных к лишению свободы в системе объектов пенитенциарной профилактики // Человек: преступление и наказание. 2008. № 1. С.95
9. *Уваров И.А.* Идеология пенитенциарного сообщества в системе формирования общественного сознания осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 18. С.41
10. *Уваров И.А.* О закономерностях пенитенциарного насилия // Человек: преступление и наказание. 2008. № 3. С.169
11. *Фильченко А.П.* О противоречиях, обостряющих криминальную ситуацию в местах лишения свободы // Криминологический журнал. 2008. № 1 (13). С.39

УДК 343

**ИДЕЯ «ВЫСШИХ НАЧАЛ» КАК ИСТОЧНИК ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
ПО ПРОБЛЕМЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»
THE IDEA OF "SUPREME PRINCIPLE" AS A SOURCE OF IDEAS
ON THE ISSUE OF "CRIME AND PUNISHMENT**

Панченко П.Н., зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Panchenko P.N., Head. Department of Criminal Law and Criminal Procedure Nizhny Novgorod branch of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

e-mail: panvest@mail.ru

Аннотация: В целях раскрытия содержания понятий преступления и наказания анализируется идея «Высших начал» и с учетом ее дается трактовка соответствующих положений уголовного законодательства.

Abstract: In order to reveal the content of the concepts of crime and punishment examines the idea of "higher principles" and given its track-ration given relevant criminal law provisions.

Ключевые слова: преступление, наказание, идея, «Высшие начала», уголовное законодательство.

Keywords: crime, punishment, the idea of "higher principles," the criminal law.

Понятие «Высших начал» как определенной отправной идеи правового исследования до сих пор не включалось в научный терминологический обиход, а поэтому начнем его анализировать с тех позиций, в системе которых оно, собственно, и возникло, а именно с позиций богословия. А поскольку в таком ракурсе тема эта если и звучала, то только в средствах массовой информации, постольку им, как говорится, и карты в руки. Понятно, что в поле исследовательского внимания будут включены лишь заслуживающие доверия материалы СМИ.

Истоки идеи «Высших начал» в представлениях по проблеме
«преступление и наказание»

Идея «Высших начал» возникла в сознании человека по существу с появлением самого этого сознания, то есть с того момента, когда, по одной из версий, примерно 200-150 тысяч лет тому назад на африканском континенте сформировался человек разумный. Но случившаяся примерно 75-25 тысяч лет назад повышенная вулканическая активность на планете (предположительно в районе нынешней Индонезии) побудила выживших тогда

людей (численностью примерно в две тысячи) к расселению по всему миру, включая Европу, Азию, Австралию и Америку.

Ближе к неолиту (поздний каменный период – примерно 12 тысяч лет тому назад) у *homo sapiens* сформировались зачатки внутреннего мира, в основе которого были, с одной стороны, поклонения красоте окружающего мира (леса, моря, горы, равнины, кустарники, травы, цветы, плоды, птицы, рыбы, другие живые существа, Солнце с его восходами и закатами, дни и ночи, Луна и звезды, многие иные уникальные явления природы), а с другой – непереносимые страх и ужас, идущие от пронизывающих ветров и дождей, громов и молний, холода и голода, жары и гнуса, раздирающего души рева хищников. Просить сверхъестественные силы о покровительстве было в таких условиях столь же нормальным делом, как и, скажем, добывать пищу, обустривать кров, проявлять заботу о детях и т.д. Тем более, что первоначальные представления людей о «Высших началах» подкреплялись многими преисполненными таинств преданиями, легендами, мифами.

«Высшие начала», так или иначе, связывались с наделенными разумом сущностями, которые, якобы, все видят, все знают, все понимают, все могут, на все без исключения реагируют, ничего не оставляя при этом без своего вездесущего и проникновенного внимания. «Высшие начала» в представлениях уверовавших в них людей были не просто правдивыми, справедливыми, добрыми, человеколюбивыми, но и рассматривались в качестве первопричины и главной сути всех этих высоких свойств. Вместе с тем, они же – и весьма суровы, если того требуют обстоятельства и необходимость испытать людей на соответствие их предназначению, на преданность вере и ее высоким канонам.

Основные мировые религии – иудаизм, индуизм, буддизм (время возникновения каждой – примерно три тысячи лет тому назад), конфуцианство, таосизм, синтоизм, зороастризм (свыше 2,5 тысяч лет), христианство (свыше 2 тысяч лет), ислам (около полутора тысяч лет). Наиболее известные из них – буддизм, христианство и ислам, имеющие примерно по миллиарду приверженцев. У иудаизма – примерно 20 миллионов последователей, у других вероучений – и того скромнее. По данным опроса, проведенного в 2013 году Левадой-центром, в России 74 % населения исповедуют православие, 7 % – мусульманство и 1 % – католицизм, протестантизм, иудаизм и некоторое другие религии[1]. Атеисты в общей массе россиян составляют 18 %.

Как принято считать, именно религиям человечество обязано появлением и развитием умения трудиться, в том числе рационально собирать, разводить, обрабатывать и употреблять плоды, одомашнивать животных. Благодаря им же, люди изобрели одежду, а вскоре научились поддерживать огонь, образовавшийся от зажженных молниями деревьев. Затем появились умения и навыки самостоятельно добывать его. Формировались и оттачивались язык, речь и письменность, которые существенно усилили способность людей мыслить. Активизировавшееся при этом общение привело к возникновению такого явления, как общественное сознание, являвшееся пока еще своеобразным аналогом того, что сегодня мы обычно понимаем под словосочетанием «коллективный разум». То есть сознание каждого

становилось при этом достоянием всех, а сознание всех – достоянием каждого. Образовывалось нечто схожее с системой (сетью) ЭВМ, если за ЭВМ условно принять сознание каждого отдельного человека. Одновременно у людей возникало чувство локтя, появлялось нечто схожее с тем, что сегодня мы понимаем под достоинством, честью, репутацией. Одновременно формировалась гордость людей за принадлежность к племени, роду, общине.

Люди все больше обзаводились орудиями труда, совершенствовали и изобретали новые их виды, пополняли опыт их использования. Для охоты, а также для отражения набегов других племен (как и для нападения на них) создавалось оружие, в том числе дубинки, копья, луки. Осуществлялся переход от кочевничества к оседлому образу жизни. Закладывались основы растениеводства и скотоводства. Началось переселение людей из пещер и шалашей в относительно добротные строения. Овладев строительным делом, люди стали закладывать города. Строились водоводы, ирригационные сооружения, водопроводы, канализационные системы.

Параллельно складывались мораль, нравственность, обычаи, традиции, гигиена, медицина. Племена структурировались в семьи, которые по существу сразу же обзаводились хозяйством, инвентарем, иными необходимыми для жизни предметами. У людей появилось право собственности. Слова «мой», «моя», «мое», «мои» стали употребляться все чаще. Наиболее ходовые предметы обмена становились эквивалентами всех других товаров, что являлось предпосылкой возникновения денег. Начали складываться товарно-денежные отношения. Понадобилась защита собственности и этих отношений, что привело к возникновению государства и права.

Наряду с частной собственностью, появилась также собственность общая, в том числе собственность совместная, племенная, родовая, общинная. Прообразом государственной собственности стала собственность княжеская. Уже в те далекие времена произошло так, что у немногих людей было практически все, а все другие довольствовались лишь немногим, если что-то вообще у них было. Наверное, себе в утешение бедные люди еще тогда придумали и неизменно повторяют по сей день (как некие заклинания) фразы типа «бедность – не порок...», «не хлебом единым...», «не в деньгах счастье...», «не имей сто рублей, а имей сто друзей», «жадность губит...» и т.д.

Без этого и, естественно, без карающего возмездия власти, не замедлившей явиться сразу же с появлением собственности, люди за любое свое «добро» могли бы перегрызть друг другу глотки, что, кстати, нередко и случалось. Да, пожалуй, и сейчас такое еще не редкость. И, как нетрудно предположить, злодеяния, связанные с переделом собственности, еще долго будет беспокоить людей, а именно до той поры, когда открытые человеческим гением новые виды энергии, «умные машины» и рациональные схемы распределения богатств, не освободят их от забот о «хлебе насущном».

В принципе мы уже и сегодня обладаем таким энергетическим, техническим и гуманитарным потенциалом, который вполне мог бы позволить каждому, как минимум, на

треть светового дня посвятить себя исключительно обретению духовного и физического совершенства. Но пока еще, к сожалению, хромает гуманитарная наука, не способная создать оптимальные модели распределения имеющихся ресурсов. Появившаяся на свет примерно десять тысяч лет тому назад (вместе с астрономией и математикой, геометрией и алгеброй, физикой и химией, биологией и физиологией...) гуманитарная область знаний, включающая, в частности, их политический и экономический компоненты, философию и юриспруденцию, филологию и литературу, пока еще в этом направлении ничего существенного не сделала. Лишь в отдельных государствах (прежде всего, арабского мира), которые, с одной стороны, располагают огромными запасами углеводородов, а с другой – возвели социальную справедливость в свой главный принцип, наблюдаются заметные подвижки в рассматриваемом направлении.

С учетом, прежде всего, собственных интересов власть всемерно поддерживала и даже развивала появляющиеся в сознании людей религиозные настроения, убеждения, чувства. Она, вместе с тем, внедряла в их сознание свои догмы, суть которых состояла в том, что «всякая власть от бога», «ударили по одной щеке – подставляй другую», «блажен кто верует...» и т.д. Существует даже такая версия (высказанная американским ученым Джозефом Этвиллом в его книге «Мессия кесаря: римский заговор по выдумыванию Иисуса» – сообщение британской газеты Independent), что христианство явилось следствием целенаправленной политики римлян, стремившихся к тому, чтобы окончательно подчинить себе еврейский народ, бредивший тогда маниакальной мечтой о предстоящем пришествии мессии. Образ такого мессии был сформирован римлянами на основе разного рода иудейских притч, но не в виде воина, о котором евреи веками мечтали, а в виде мирного спасителя, жившего, якобы, еще на памяти старшего поколения. Все это, как и принятый тогда стиль священных текстов, обеспечило римлянам, по мнению автора версии, на многие годы контроль над умами местного населения (а потом – и не только местного), позволявший ему понимать рабство как веление Всевышнего и, вместе с тем, аккуратно платить налоги[2].

Так это или не так, но именно насущные потребности людей привели их к религии, проповедовавшим «Высшие начала», в том числе мудрость, благоразумие, силу, здоровье, счастье, совесть, стыд, добро, справедливость, милость, красоту, сдержанность, терпение, почитание, сочувствие, сопереживание, участие, обычаи, традиции, заповеди, искупления, покаяния, равенство, братство, свободу, душевное тепло, утешение, веру, надежду, любовь, увлеченность, умеренность, трудолюбие, творчество, взаимную зависимость людей друг от друга, а всех их вместе – от тех же «Высших начал». Они же (эти потребности) затем поддерживали религиозные верования, не позволяя им угаснуть. На протяжении веков и тысячелетий религии, претендуя на исключительную истинность и потому вечность своих догматов, вошли, можно сказать, в плоть и кровь человечества.

Но есть у каждой из религий и определенные, так сказать, слабые стороны, в том числе, например, такие их постулаты, как смирение перед силой и обстоятельствами, жертвенность, непритязательность, удовлетворенность малым, недопустимость претензий на

то, чего не имеешь, изначальная греховность всего земного, признание приниженного положения женщины, слепая вера в «силы небесные», презрение к удовольствиям, опора на магию молитв, икон, храмов, обрядов, церемоний, раболепие перед символами веры, претензии на неоспоримую истинность учений и поучений, на их непогрешимость и самодостаточность, недопустимость подвергать их какому бы то ни было сомнению и даже обсуждать, а тем более как-то их изменять, дополнять или сокращать, по-своему понимать.

Многих сбивает с толку слишком широкий диапазон догматов – например, с одной стороны, проповедуется всепрощенчество, а с другой – возмездие. Не всегда и не все проясняют суждения типа: первые станут последними, а последние – первыми, возлюби врага своего как себя самого, ходи не большими, а малыми дорогами, входи не в большие ворота, а в малые, ходи не туда, куда зовут, а туда, где ждут, не суди – да не судимым будишь, кто не работает – тот не ест, деньги идут к деньгам, а безденежье – к безденежью... Подобные «истины», как представляется, лишь вбивают клинья во взаимоотношения между людьми.

Но все же подкупают все десять заповедей: «Де не будет у тебя других богов перед лицом моим»; «Не сотвори себе кумира»; «Не произноси имени Господа... напрасно...»; «Шесть дней работай, а седьмой Богу посвяти»; «Почитай отца и мать...»; «Не убивай»; «Не прелюбодействуй»; «Не кради»; «Не произноси ложного свидетельства»; «Не желай того, что принадлежит ближнему». Но не могут не навевать тоску постулаты типа: «Нет ничего нового под Солнцем...»; «Все суета...»; «Все труды человека – для рта...»; «Сердце мудрых – в доме плача...»; «Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы»; «Веселись..., только знай, что за все это Бог призовет тебя на суд»...

В какой-то мере народная мудрость, мягко говоря, «откорректировала» Священные Письмена, дополнив их не всегда стройное многоголосье (все же авторов библейских текстов было много – более сорока, если считать не только философов, жрецов, военачальников, царей, но и разного рода придворных и даже простолюдинов, начиная от мелких служащих и стражей порядка и кончая виночерпиями и рыбаками) своим видением того, каким должен быть мир, и какими должны быть люди в нем. Это, например, положения типа: «Жизнь прожить – не поле перейти»; «Береги платье с нову, а честь – с молоду»; «Зло рождает зло, а добро – добро»; «Доверяй, но проверяй»; «Не лги, не проси, не верь, не злословь...»; «Лучше горькая правда, чем сладкая ложь»; «Без любви и правда – ложь»; «Живи и помни»; «Прости и забудь»; «Умный в гору не пойдет...»; «Семь раз отмерь...»; «От сумы и от тюрьмы не зарекайся»; «Ученого учить – только портить»; «Без труда не вытянешь и рыбку из пруда»; «Никогда не говори «никогда» ...

Главным недостатком всех религий является, безусловно, то, что все они довольно часто провоцировали в истории смуты, перевороты, войны, в том числе гражданские, акты терроризма, в результате чего погибли сотни, тысячи и даже миллионы людей. До сих пор в мире на этой почве, происходят кровавые события – например, в Афганистане, Ливии, Египте, Сирии. Да и у нас на Северном Кавказе по существу на той же почти все еще едва ли не каждый день совершаются покушения, гремят выстрелы, взрывы. Воинственный «джихад»,

подпитываемый финансовой поддержкой из-за рубежа, продолжает еще делать свое черное дело. В том числе на почве религий до сих пор бродит по миру как неприкаянный «призрак коммунизма», вызывая то тут, то там свои «катаклизмы и бури».

Но почему, спрашивается, трудовые мигранты мусульманского вероисповедования порой убивают православных как бы без видимых причин? Как это случилось, например, в подмосковном Бирюлево в октябре 2013 года, когда некий Орхан Зейналов из Азербайджана убил ударом ножа в сердце 25-летнего местного жителя Егора Щербакова. Посол Азербайджана в России (известный в прошлом эстрадный певец) Полад Бюль-Бюль Оглы объяснил это убийство как, якобы, совершенное на «бытовой почве». Но так ли это? Едва ли. Скорее всего, здесь сработало понимание молодым азербайджанцем своей религии как, якобы, повелевающей: «Убей неверного!».

Расширяющийся объем знаний, которым овладевают люди, постепенно сужает поле их религиозного сознания, но адекватно усиливающееся одновременного с этим понимание увеличивающейся неизвестности соответственно и расширяет его. В итоге соотношение людей верующих и неверующих в мире остается по существу неизменным – примерно 50х50. Говоря строго математически, примерно три с половиной миллиарда людей в мире (из семи миллиардов проживающих на планете людей) свободны от религиозных настроений, убеждений, чувств. Или если какая-то часть их и подвержена подобным эмоциональным переживаниям, то лишь в форме разного рода нетрадиционных верований, в том числе таких, в основе которых больше веры в себя самого, в свою удачу, в родителей, супругов, других близких, друзей, приятелей, знакомых, соседей, начальство и т.п., чем в какие-то там «силы небесные».

Наиболее сильная светская вера обычно круто «замешана» на идеологии, и она часто бывает не менее притягательной, чем вера религиозная. Так же, как и на почве религиозной веры, на почве веры идеологической в истории человечества происходило немало столкновений, в том числе вооруженных, и даже в виде войн, включая войны гражданские и мировые, сопровождавшиеся к тому же государственными переворотами, причем все более кровавыми. Например, если начало XX-го века в отечественной истории было ознаменовано переменами, инициированными 25 октября (7 ноября по н. с.) 1917 года холостым выстрелом «шестидюймовки авроровой», причем... в никуда, то его конец – переменами, инициированными 4 октября 1993 года 9-часовым обстрелом из танковых орудий 150-миллиметровыми снарядами здания парламента, унесшим 146 жизней.

Вместе с тем, понимание того, что увеличение объема знаний неизбежно сопровождается адекватным увеличением объема непознанного, меняет содержание религиозных учений, ведет к признанию их адептами возрастающей роли науки в жизни людей, поддерживает сохранение и дальнейшее распространение религий на новом уровне, побуждает их к компромиссам, к поиску общих точек соприкосновений и общих линий пересечения. Сегодня уже по существу все конфессии исходят из того, что хотя все они и

разные, но источник духовного вдохновения и поклонения у них – один, а именно... «Высшие начала». И каждая из религий представляет собой лишь свой путь к ним.

Да и сами знания, производя по существу магическое воздействие на людей, в том числе на их открывателей (ученых), так или иначе, «подбрасывают» религиям дополнительные аргументы для обоснования их позиций. Например, основываясь на повседневном опыте, каждый понимает, что любой огонь со временем гаснет, но вечный Космос почему-то все-таки светится (миллиардами миллиардов звезд на протяжении бесконечного числа миллиардов лет) и не проявляет никакой тенденции к тому, чтобы когда-нибудь погаснуть. Стало быть, есть силы, которые поддерживают этот свет. То есть получается, что прав В.В.Маяковский, утверждавший, что если звезды зажигают, то, значит, это кому-нибудь нужно. Кроме того, остается фактом, что если ученые не находят места Всевышнему в их собственных представлениях о «сотворении мира», то нередко сами уподобляют себя Ему.

Верующие люди на основе идеи «Высших начал» создают организации, храмы, традиционно соблюдают установленные задолго до них обряды и церемонии, устраивают свои праздники, исповедуют взгляды, в основе которых собственно видение проблем и путей их решения. В принципе не противоречит верованиям и та их идея, в основе которой – познание закономерностей действительности и учет их в повседневной практике, в управлении жизненными процессами в целях достижения максимально возможных положительных результатов.

Сейчас же как справедливо отмечает К.А. Долгополов: «Теория и практика приходят к выводу о том, что не все ограничивается связкой «преступление-наказание». [3]

Одна из особенностей нашего времени как раз в том и состоит, что постепенно сближаются научный и теологический взгляды на мир, в котором мы живем – как, собственно, и на нас самих. Кто мы? Кто я? Кто они? Что такое народы, страны, континенты, человечество, планета, Вселенная, Космос? Ни один из такого рода вопросов не поддается уяснению без единства строгой науки и исключительно гибкой интуиции, свойственной энтузиастам идеи «Высших начал», склоняющим свои не всегда сбалансированные, часто фантазмагорические и мятущиеся головы в благоговейном почтении к этим «началам», пока еще не наполнившимся каким-либо более или менее глубоким и убедительным смыслом.

Дело панк-группы Pussy Riot в контексте темы

Первые признаки религиозных настроений и чувств возникли у человека с появлением у него сознания. Это еще не были религиозные настроения и чувства в их нынешнем понимании, но определенные их зачатки сложились уже тогда. Затем, по мере формирования верований, они преобразовались в стойкие убеждения, приобрели характер непреходящего эмоционального восприятия их, а именно свойство непреодолимой, неколебимой и неумолимой страсти верить, верить и только верить. Раз возникнув, эти настроения, убеждения и чувства в силу складывающихся религиозных традиций, как правило, оставались

с человеком в течение всей жизни. Можно предположить, что пока будет существовать человечество, будут и религии, а пока будут они – будет и человечество.

Субъективно многие отказывались от традиций своей веры, но тут же обычно оказывались в плену какой-либо другой, в том числе часто основывающейся на приверженности к идеологическим, профессиональным или иным подобным ценностям. Например, нередко служение государству, военному делу, искусству, спорту нередко превращалось для человека в своеобразный символ веры. Отмеченное объясняет, почему даже советская власть, не отличавшаяся, как известно, лояльностью к религиям, устанавливала уголовную ответственность за посягательства на религиозные каноны, в том числе за «оскорбление чувств и убеждений граждан в связи с их отношением к религии».

Так, в соответствии со ст. 143 УК РСФСР 1960 года воспрепятствованию совершению религиозных обрядов, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан, наказывалось исправительными работами на срок до шести месяцев или общественным порицанием. Согласно этой же статье, но в редакции Закона РФ от 27 августа 1993 года (за месяц с небольшим до вооруженного свержения советской власти 4 октября 1993 года) воспрепятствование законному осуществлению права на свободу совести вероисповедования, в том числе совершению религиозных обрядов, сопряженное с насилием или угрозой насилия над личностью, а равно уничтожением и повреждением имущества граждан, религиозных и общественных объединений или угрозой совершения такого деяния, наказывалось лишением свободы на срок до трех лет или штрафом до шестнадцати минимальных месячных размеров оплаты труда (ч. 1), а оскорбление чувств и убеждений граждан в связи с их отношением к религии и использованием в этих целях средств массовой информации или в иной публичной форме, а равно путем разрушения или повреждения культурных зданий, сооружений, иных предметов мировоззренческой символики, памятников, захоронений, нанесения на них оскорбительных надписей и изображений влекло наказание в виде лишения свободы на срок до одного года или штрафа до десяти минимальных месячных размеров оплаты труда (ч. 2) [4]. С принятием УК РФ 1996 года состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 143 УК РФ 1960 года, «выпал» из системы криминализации деяний (что объяснялось общим курсом на минимизацию данной системы), но затем (в июне 2013 году – в связи с делом феминистской панк-группы Pussy Riot) в несколько измененном виде вновь получил «прописку» в уголовном законодательстве.

Само дело упомянутой группы, которая 21 февраля 2012 года устроила самозванный импровизированный «концерт» в Храме Христа Спасителя в Москве, появилось не только в связи с известным политическим подтекстом выступления, но и по причине возрастающего понимания миссии религий в обществе и мире в целом. Девушки в разноцветных вязаных масках поднялись на возвышение алтаря и оттуда исполнили песню протестного содержания. Участницы «концерта» Мария Алехина, Екатерина Самусевич, Надежда Толоконникова и некоторые другие лица (оказавшиеся неустановленными) в своем блоге в Twitter назвали свое

выступление «панк-молебном» – под названием «Богородица, Путина прогони». Выступление продолжалось несколько минут, после чего феминистки были удалены охраной из храма. Затем состоялся суд, по приговору которого участницы резонансного события были осуждены к двум годам лишения свободы – за хулиганство, совершенное по мотивам религиозной ненависти или вражды (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ). Вскоре Екатерина Самусевич была освобождена из колонии – в связи с заменой ей наказания на условное (с учетом некоторых установленных по делу смягчающих наказание обстоятельств), а другие осужденные по данному делу две девушки еще продолжали отбывать лишение свободы. Статья о хулиганстве, совершенном по мотивам религиозной ненависти или вражды (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ) оказалась инициатором уголовного преследования участниц выходки в храме недостаточной, и они добились еще и принятия Госдумой Федерального закона (от 29 июня 2013 года № 136-ФЗ) «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан»[5]. Данным Законом предусмотренный ст. 148 УК РФ состав воспрепятствования осуществлению прав на свободу совести и вероисповеданий был преобразован в состав незаконного воспрепятствования деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний (ч. 3 ст. 148 УК РФ) – с включением в санкцию ч. 4 ст. 148 УК РФ, предусматривающую наказание за это деяние (совершенное при таких квалифицирующих признаках, как использование виновным своего служебного положения и применение насилия или угроза его применения) наказания в виде лишения свободы на срок до двух лет (старая редакция этой статьи лишения свободы не предусматривала). Кроме того, Закон включил в ст. 148 УК РФ еще два состава, а именно: 1) публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих – ч. 1 (верхний предел санкции – лишение свободы на срок до одного года) и 2) те же действия, совершенные в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний – ч. 2 (верхний предел санкции – лишение свободы на срок до двух лет).

Таким образом, действия, подобные описанным выше (совершенным участницами панк-группы Pussy Riot), сегодня могли бы влечь ответственность уже по совокупности статей 213 (хулиганство) и 148 (в новой редакции) УК РФ, но едва ли это было бы правильным. В то же время нельзя допустить, чтобы здесь была достаточной только одна ст. 148 УК РФ (в новой ее редакции), так как в этом случае следовало бы признать необоснованным осуждение участниц упомянутой группы по ст. 213 УК РФ (хулиганство) – как и осуждение их вообще, поскольку нововведенная редакция ст. 148 УК РФ, призванная, как можно предположить, восполнить обнаруженный законодателем «пробел» в системе криминализации деяний, посягающих на религиозные верования, обряды и церемонии, обратной силы иметь не может.

Квалификация же рассматриваемого случая по совокупности статей 213 (хулиганство) и 148 (в новой редакции) УК РФ являлась бы явно избыточной, так как применение обеих их означало бы по существу двойную ответственность за одно и то же, чего ни Конституция РФ

(ч. 1 ст. 50), ни УК РФ (ч. 2 ст. 6) не допускает. Поэтому оптимальным выходом из создавшегося неоднозначного положения стал бы полный отказ от дальнейшего уголовного преследования упомянутых выше девушек. Если же ко времени выхода в свет этого материала они уже отбудут назначенные им наказания, то оптимальным решением вставшего здесь вопроса была бы их полная реабилитация. В дальнейшем же вполне достаточной для подобных случаев могла бы быть (говоря строго формально) ст. 148 УК РФ (в новой ее редакции). Понятно, что подобные рассуждения могут претендовать на состоятельность лишь при состоятельности самой новой редакции ст. 148 УК РФ (в части криминализации оскорбления чувств верующих), а она тоже вызывает определенные сомнения. Ведь если благополучие религиозных чувств верующих, богослужений, религиозных обрядов и церемоний напрямую зависит от того, будет ли государство лишать свободы каждого, кто осмелится оскорблять эти чувства, служения, обряды и церемонии, то какова же тогда, спрашивается, цена этим чувствам, служениям, обрядам, церемониям? Поэтому саму новую редакцию статьи 148 УК РФ (в соответствующей ее части) следует рассматривать как оскорбляющую религиозные чувства людей, служения, обряды и церемонии, а, следовательно, лишенную всякого права на существование. Особенно в свете непреклонной позиции по данному делу церковной власти, состоящей в том, что «пока девушки не покаются – никакой им пощады».

По всем канонам православия (как и здравого смысла вообще), «милость к падшим» не должна зависеть от того, «прозрел падший» или пока еще он... «слеп и глух», стал он «полным праведником» или пока еще только на пути к этому. Тем более, если «падший» – девушка или молодая женщина, к тому же мать малолетнего ребенка либо иное заслуживающее особо гуманного отношения лицо. Примечательно, что еще юристы царского правосудия (например, известный адвокат Ф.Н.Плевако) резонно замечали, что нет такого падшего, к которому не было бы применимо снисхождение.

Время гонений на «еретиков» в России безнадежно упущено, и поэтому возвращение к ним уже не может приветствоваться в наш просвещенный XXI-м век. Всякие рассуждения о том, «что было бы, если бы кто-либо за рубежом устроил в каком-либо храме подобную вакханалию», не выдерживают критики, поскольку их храмы и не такое видели. Да и для защиты легкоранимых чувств верующих уже давно там не апеллируют к уголовному закону. То, что Кирилл, Чаплин, Илларион и другие видные деятели нашего православия страстно жаждали уголовно-правовой расправы над «вакханками», а затем (когда расправа состоялась) по существу благословили ее, никак не делает им чести. Но ведь если у нас дело так пойдет и дальше, то уже совсем скоро могут запылать костры, на которых вначале будут сжигать «неудобные богу» книги, а затем и их авторов. Ну а потом, наверное, и вообще каждого «богохульника».

В представлениях священнослужителей богохульство – это самое страшное злодеяние, которое только может быть на свете. Дело уже упоминавшейся панк-группы Pussy Riot есть наглядная иллюстрация подобных представлений. Его можно рассматривать как один из

последних актов (хотелось бы, по крайней мере, на это надеяться) продолжавшейся в средневековье в Западной Европе «охоты на ведьм» (XV-XVII вв.). Как только подобные процессы приобретали особую остроту, развитие практически прекращалось. Похоже, такую же злую шутку подобные процессы, наряду с делами «болотников» и прочих «ренегатов и дегенератов», могут (при известной их распространенности) сыграть и с нами – если, конечно, вовремя не остановиться.

Заметим, что российская общественность с самого начала настороженно отнеслась к инициированию представителями РПЦ, еврейских общин и мусульманского духовенства криминализации оскорбления чувств верующих[6]. Согласно первому законопроекту по данному вопросу унижение богослужений, оскорбление религиозных убеждений и чувств верующих должно было влечь лишение свободы сроком до трех лет, а в порядке альтернативных мер наказания предусматривались штрафы до 300 тысяч рублей или обязательные работы сроком до 200 часов. Осквернение же религиозного почитания или мест, предназначенных для богослужения, как гласил законопроект, продлеvalo верхние пределы названных наказаний соответственно до пяти лет, 500 тысяч рублей и 400 часов. Дальнейшее продвижение данного законопроекта под давлением прессы вначале было «по-тихому» приостановлено, но затем так же («по-тихому») было продолжено. В обществе высказывались пожелания, чтобы Госдума приняла официальное заявление о том, что навсегда отказывается от уголовного преследования «богоотступников» (а не просто берет тайм-аут, после чего вновь может «взяться за старое»). Чувства верующих, конечно же, святы, но ведь понятие оскорбления их настолько неопределенное, что «под статьей» может оказаться практически каждый. Достаточно лишь заявить о том, что твоя вера – «самая-самая...», и ты уже одной ногой в тюрьме, так как, наряду с твоей верой, есть еще и другие, и каждая из них, следовательно, может оказаться в таком случае «оскорбленной». Это все равно, что американский госдеп зачисляет чуть ли не в «мафиози» некоторых представителей нашего эстрадного искусства (например, И.Кобзона, Г.Лепса) только потому на них поступают неизвестно от кого кляузы.

Таким образом, позиция, в силу которой подвергнуты уголовно-правовому преследованию (да еще с использованием наказания в виде лишения свободы) девушки, выступившие столь неосмотрительно в Храме Христа Спасителя, да еще, как можно предположить, при подстрекательстве определенных оппозиционных сил (политическая подоплека случившегося более чем очевидна) и в состоянии явного заблуждения (предположительно – с возможной интенсивной предварительной психологической обработкой), не выдерживает критики.

Литература

1. Российская газета – неделя. 2013. 24 октября. С. 21.
2. История Иисуса Христа была сфабрикована римлянами (по материалам иностранной прессы) // Новое дело. 2013. 24-30 октября. С. 12.

3. Долгополов К.А., Соотношение принципов уголовного права, уголовной ответственности и общих начал назначения наказания. – Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2012. - №3. – с.117

3. Российская газета. 1993. 9 сентября. С. 7.

4. Российская газета. 2013. 2 июля. С. 21.

5. Гришин А. За оскорбление чувств верующих можно будет сесть на 5 лет. Госдума во вторник в первом чтении приняла громкий законопроект о наказании за оскорбление чувств верующих // Комсомольская правда. 2013. 11 апреля. С. 1.

УДК 340

**ДОНСКОЙ КРАЙ КАК ЧАСТЬ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XVIII-XIX ВВ.)
DON REGION AS A PART OF THE RUSSIAN EMPIRE TAX SYSTEM
(XVIII-XIX CENTURY)**

Плешков Д.В., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», магистрант 3-го года обучения.

Pleshkov D.V., Rostov (Rostov-on-Don) Law Institute (branch) of VPO «Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation», the 3rd year graduate student.

e-mail: ruy@aanet.ru

Ключевые слова: налоговая система, Дон, Российская империя.

Key words: tax system, Don, Russian Empire.

Аннотация: в статье рассмотрено развитие Донского края как части налоговой системы российской империи (XVIII-XIX вв.).

Annotation: the article deals with the development of Don Region as a part of the Russian empire tax system (XVIII-XIX century).

Налогообложение на казачьем Дону в дореформенный период характеризуется, отчасти, правопривилегиями, исходящими из винного откупа, который на Дону имел следующие особенности. Впервые он был введен в 1779 г. До начала XIX в. он отдавался на 4-5 лет, затем на 3 года. [1] Согласно параграфу 7 «Временного положения о питейной продаже в войске Донском» право заниматься производством и продажей вина сословно ограничивалось, заготовительная цена на ведро вина равнялась 35-40 коп, при откупной цене 2,5-4,5 руб. за ведро. [2]

Кроме казачьего населения Дона с XVIII в. в регионе начинается крестьянская колонизация, представленное социально однородными, в том числе в податном отношении, приписных и покупных частновладельческих крепостных. До начала XIX в. крестьяне, пользуясь отсутствием вотчинной администрации, налоговых институтов, легкими повинностями и налоговым бременем, распространением укрывательства крестьян казаками (пристанодержательство), возможностью пополнить ряды казачества, активно заселяли Дон. Процесс окончательного юридического оформления крепостного права завершился в 1835 г., когда по Положению начали формироваться податные институты, учреждена феодальная собственность на землю. По девятой и десятой ревизиям лишь 88500 донских крепостных крестьян были занесены в ревизские сказки и были принуждены кроме феодальной ренты платить подушные подать и оброк. Правительство по отношению к крестьянам пыталось

уравнять тягло, унифицировать подати с крестьян, распространить налоговое бремя на все крестьянское население. Однако должного учета наладить так и не удалось, и процесс формирования податного института в казачьих округах и система сбора налогов не завершился до налоговой реформы 1859-1864 гг. [5, С. 13-22]

На общем фоне вхождения Дона в правовое пространство России происходит регулирование законодательством Российской империи общественных отношений донского казачества, устанавливаются административно-хозяйственные институты, наделенные функциями сбора податей с неказачьего населения и сборов в войсковую казну с казачьего населения.

Волевые методы по отношению к донским казакам стали приниматься почти сразу после Азовских походов. Среди мер, которые предприняло правительство, был запрет принимать беглых людей.

Наказные Атаманы продолжали формально избираться кругом, но стали утверждаться царем, притом уже не на один только год, а постоянно. В 1721 г. Войско Донское было передано в ведении Военной Коллегии, а не посольского приказа, что означало его окончательное подчинение государству. Наконец, в 1723 г. казаков стали называть «военно-служилым» сословием.

Александр I указами 25 февраля 1802 г. и 6 февраля 1804 г., учредил гражданское правительство. Войсковая канцелярия разделена была на три экспедиции: воинскую, гражданскую (по всем судебным делам, как гражданским, так и уголовным) и экономическую (по войсковому земельному и финансовому хозяйству). [4, С. 245] Под председательством определяемого высочайшей волей Войскового атамана (а в случае его дальнего отсутствия, Наказного атамана) она состояла из двух непременных членов, назначенных правительством из местных старшин, и из четырех ассессоров, избираемых обществом на три года по большинству баллов; так избирались и члены Окружных Сыскных Начальств (соединяющих в себе бывшие уездные и земские суды Великорусских губерний). Войсковой круг стал скорее хозяйственным, нежели организационно-политическим. Затем было разработано Положение 26 мая 1835 г. Это Положение и установило основную линию по дальнейшему вовлечению Дона в общегосударственное русло Российской империи, Наказной Атаман выступал на Дону в роли генерал-губернатора, совмещающего военное и гражданское управление в казачьем крае, но реально права генерал-губернатора и командующего военным округом Донские Атаманы получают значительно позднее (согласно Указа от 23 марта 1868 г.).

Только с ликвидацией крепостного права и введением земского самоуправления по всей территории империи особенности казачьей жизнедеятельности перестали принципиально выделять казачьи области по сравнению с остальными губерниями.

В Положении зафиксировало существование особого военного казачьего сословия с определенными привилегиями и правами. Несмотря на серьезные ограничения, это Положение явилось в общественном сознании большинства казаков относительно лучшим из всех правительственных преобразований, совершенных у них за два века (1682-1882 гг.). [3]

Законом 1835 г. донские казаки передавались, как в военном, так и в гражданском отношении, в ведение военного министерства. В руках войскового Наказного Атамана и одновременно военного губернатора, управляющего военной и гражданской частью, сосредоточивалось главное начальство гражданского управления. Каждое управление формировало ряд отдельных учреждений. Центральными органами было «гражданское войсковое правление», находившееся в Новочеркасске. Под ведением войскового дежурства войско разделялось на четыре военные и административно-хозяйственные округа, которые управлялись «окружными генералами».

Гражданское управление области, по Положению 1835 г., с теми незначительными изменениями, которые вошли в Свод 1857 г., имело следующие центральные органы: 1) войсковое правление под председательством войскового Наказного Атамана, состоящее из четырех экспедиций: исполнительной, хозяйственной с войсковым казначейством, поземельной и счетной (соответствующих губернскому правлению, казенной палате с казначейством и позднейшим питейно-акцизным управлением, палате государственных имуществ и теперешней контрольной палате), а также из рекрутского Присутствия, строительной и продовольственной комиссий и 2) отдельные войсковые учреждения: Приказ общественного призрения, врачебная управа, почтовая контора, депутат (губернский предводитель дворянства), суд уголовный и гражданский, прокурор со стряпчими, а также Новочеркасский коммерческий суд. В семи гражданских округах были окружные: Сыскное начальство (уездное полицейское управление), казначейство, почтовая контора, депутат, опека, Судное начальство (уездный суд) и стряпчий; и сверх того считались окружными учреждениями: Калмыцкое правление, Новочеркасская полицейская управа, торговый словесный суд и семь чиновников по питейному сбору.

Таким образом, с началом нового времени на Дону не было ни налогового института, ни податного населения, а также условий для формирования налоговой системы. С вхождения Дона в правовое пространство России и до середины XVIII в. правительство не предпринимало меры по организации здесь таможенной и налоговой службы, что определялось как политикой по отношению к новым русским землям, экономическими льготами для привлечения сюда населения и незавершенностью процесса территориального администрирования, несовершенством податной системы страны. Поэтому только в середине XVIII - первой половине XIX вв. на Дону сформировался институт налоговой службы. Сохранившиеся источники говорят о начале истории налогообложения и института налоговой службы на Дону именно с этого времени. До 1880-х гг., тем более до середины XIX в. сбор налогов не был систематизирован, а документы показывают, что податная служба придерживалась только приведенных выше актов. Первоначально сбор податей осуществляла таможня и временные фискальные органы. С учреждением государственной администрации податные функции, согласно штатам, перешли в компетенции администрации губернаторов, уездного начальства, частично городским думах. Координировало сбор податей и недоимок по ним казначейство. Податное население, как и во всей России, платило прямые и косвенные

налоги. Неподатное население (дворяне, духовенство, а особенно, казаки) составляли большинство населения в Области войска донского. По сложившейся феодальной системе казаки несли военную службу, что освобождало всё сословие от уплаты податей. [6]

Литература

1. Агафонов А.И. Область войска Донского и Приазовье в дореформенный период. Ростов-на-Дону, 1986.
2. Греков А.М. Приазовье и Дон (очерки общественной и экономической жизни края). СПб., 1912.
3. Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. / А.П. Скорик, Р.Г. Тикиджян и др. Ростов-на-Дону, 1995.
4. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961.
5. Ревин И.А. Крестьянство Дона и Приазовья в дореформенный период (вторая половина XVIII в. – 1861 г.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. (07.00.02.). – Новочеркасск., 2005.
6. Шолохов Л.Г. О связях донского казачества с Московским государством и о царском жаловании (XV-XVIII вв.). Учебное пособие для студентов вузов. – Ростов-на-Дону, 1995.

УДК 343

**ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАННЕГО РАЗВИТИЯ
КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА (ДО V ВЕКА Н.Э.)
THE FEATURES OF FORMATION AND EARLY DEVELOPMENT OF CANON LAW
(TO 5TH CENTURY AD)**

Плешков Е.В., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права.

Pleshkov E.V., Rostov (Rostov-on-Don) Law Institute (branch) of VPO «Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation», candidate of law, docent, Head of the Department of theory and history of state and law.

Апольский Е.А., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Кавказского гуманитарного института, кандидат юридических наук

Apolski E.A., docent of the state and law department of the North-Caucasus Humanitarian Institute, candidate of law.

e-mail: 9281150303@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены особенности становления и раннего развития канонического права (до V века н.э.).

Annotation: In the given work the features of formation and early development of canon law (to 5th century AD) are considered.

Ключевые слова: каноническое право, христианство, община, церковный собор.

Key words: cannon law, Christianity, community, church council.

Христиане с самого начала испытывали двойственные чувства к определяющей роли закона в религиозной жизни. Иисус выражал серьезное сомнение относительно Моисеевых законов как источника духовного руководства и просвещения, хотя он и отрицал свое желание отменить эти законы (Матфея 5:17-20; 23:23). Двойственное отношение даже в большей степени отмечалось в посланиях святого Павла. Некоторые послания Павла убедительно намекали, что закон в целом не был механизмом определения духовных целей верующих христиан, хотя в другом месте Павел описывал законы Моисея как священные, справедливые и хорошие (Римлянам 7:12; там же 10:4; Галатам 3:10-13; Колоссянам 2:14).

Несмотря на очевидные сомнения его основателя и первых проповедников о месте и роли закона в жизни христиан, церковь вскоре начала развивать свою собственную правовую систему, поскольку ее иерархи обнаружили, что жизнеспособному обществу необходима не

только доброжелательность и братская любовь. Ему также требовались некоторые нормы и правила, чтобы в ходе церковной деятельности не нарушался порядок, а также, чтобы определять функции ее чиновников, и регулировать взаимоотношения между его членами.

Сборник таких правил для применения их церковными властями появились весьма рано в христианском мире. Самое древнее из сохранившихся руководств по церковному праву, «Учение двенадцати апостолов», датируется концом I - началом II века. Это небольшое произведение, размером чуть больше обычной брошюры, состоит из ряда нравственных заповедей, сопровождаемых предписаниями для проведения литургии и небольшое число правил управления церковью. «Учение двенадцати апостолов» вскоре стало сопровождаться более подробным толкованием базовых правил поведения в обществе в период зарождения христианского мира. Во II веке книга Гермаса под названием «Пастор» представляется скорее апокалипсисом, чем сводом законов. Он состоит из пяти провидений или откровений, дюжины правил поведения и десяти притч на эсхатологические темы. Учение под названием «*Traditio apostolica*», приписываемое Гипполиту, появилось в начале III века. Его автор, кто бы он ни был, притязал на то, что его книга передает подлинное учение апостолов и предупреждает, что отклонение от этого старого обычая или неписаного закона будет вести к ошибке учения и еретическим верованиям. В то время как содержание или тема «*Traditio apostolica*» в основном литургическая, оно также содержит ценную информацию об организации и структуре церкви III века. «*Didascalia apostolorum*», датируемая серединой III века, включает многое из материала, содержащегося в «*Traditio apostolica*», однако в дальнейшем добавляет информацию о таких вопросах, как ответственность христианской общины за вдов и сирот, отношения евреев и христиан, постановление о посте и епитимьи, а также о литургических вопросах.[2, С. 395-413]

Христианские общины по всей Римской империи боролись за потомство, чтобы выжить во враждебном обществе, их окружавшем. Еврейские общины отклонили христианские притязания в вопросах мессианства Иисуса, сожалея о приобщении евреев к новой вере, и были шокированы христианскими преобразованиями, продолжая соблюдать предписания Моисеевых законов. Большинство язычников также не приняли новую религию, но все по разным причинам. Языческие мудрецы отвергали христианские притязания на божественные откровения как иррациональные, в то время как государственные власти подозревали христиан в преступлениях, возможно даже в измене и заговорах. Обычные люди считали склонность христиан к воздержанию сомнительной и обижались на них, когда они отказывались праздновать праздники по языческому религиозному календарю.

Поскольку христиане численно составляли скрытое и сплоченное меньшинство, обычно вели замкнутый образ жизни и избегали тесного контакта с окружающим их обществом, это привело к враждебности по отношению к ним и быстро переросло в открытое преследование, начавшееся уже в правление императора Нерона, который считал христиан подходящими козлами отпущения, на которых можно было списать большой пожар в Риме в 64 году, а также использовать этот прием во время иных проявлений гражданских

недовольств. Время от времени преследование возобновлялось до отречения от престола императора Диоклетиана, который сделал ликвидацию христианства одной из главных целей в своей программе действий после возобновления своего имперского правления.

В таких обстоятельствах, неудивительно, что закон христианской церкви в течение первых трех столетий ее существования был направлен в основном на поддержание дисциплины среди верующих и сконцентрирован на внутренних делах корпорации. Поскольку преследуемым христианским общинам было трудно держать и управлять собственностью открыто и поскольку они не могли ждать серьезной помощи от государственной власти в равной защите своих прав от посторонних, христианский закон в течение этих столетий рассматривал в основном такие внутренние вопросы как порядок отправления религиозных культов, отношения между членами общины, а также права и обязанности, возложенные на верующих. Правила, обусловленные этими проблемами, формулировались епископами и другими главами общин, и возможно представляли собой некоторый вид корпоративного согласия в отношении соответствующих норм поведения.

Период преследования закончился с приходом к власти императора Константина I, правившего в 311-337 гг. Константин I и его преемники улучшили отношения между христианской церковью и государственной властью римской империи. Они не только сами стали сторонниками христианства, но и сделали его столпом римской государственной церкви. С течением времени церковь фактически становится органом имперской власти, приобретая значительные привилегии, почет и доступ к государственным средствам, а также используется как подразделение имперской администрации. Эти события повлекли за собой существенные изменения в правилах, действовавших внутри церкви, и неизбежно изменили отношения между ее должностными лицами и верующими.

Со времени правления Константина I, как особая форма управления христианским миром, возникают церковные соборы, на которых для выработки общей политики одновременно присутствовало большинство епископов, а принятые в этих органах каноны и декреты вскоре стали основными источниками церковного права.

Церковные соборы, также как и меньшие региональные собрания духовенства и представителей мирян, часто называли синодами. Таким образом, возникшие как законодательные органы, они стали источником нового права, объявления догматов церкви и духовным поводом. Соборы и синоды, кроме того, часто функционировали как суды, поскольку они слушали жалобы об отклонениях от веры, несправедном поведении и выносили решения по важным спорным вопросам внутри христианских общин.

В то же самое время церковь начала развивать свою организационную структуру, главная особенность которой по сей день сохраняется в католическом христианстве. Эта иерархическая структура, то есть власть и ответственность внутри организации распределена неравномерно среди должностных лиц согласно их рангу или положению. Таким образом, священники и другие духовные лица из числа низшего духовенства обладали ограниченной властью над мирянами в пределах небольшой области какого-либо королевства или

герцогства, известной как церковный приход. Приходские священники были подчинены епископу, который контролировал большую область, называемую епархией. Епископ имел право вводить устав для своих священников и налагать дисциплинарные взыскания или смещать с должности тех, кто не в состоянии повиноваться ему. Епископ, в свою очередь, находился в подчинении митрополита или архиепископа, чья власть простиралась на еще большую область, называемую областью, которая включала несколько епархий.

Каждый епископ должен отвечать перед своим митрополитом за поведение священников и мирян в пределах своей епархии. Митрополит также имел право своей властью предписать правила для епископов, подчиняющихся ему, которым те должны были следовать. Митрополиты, в свою очередь, находились в подчинении обладавших более высокой властью патриархов, которым могли быть подконтрольны дела церкви в нескольких различных королевствах.

Таким образом, к концу IV века первый собор в Константинополе в 381 году признал епископов Александрии, Антиохии, Константинополя, Иерусалима и Рима как патриархов. [1] Среди этих пяти патриархов, называемых пентархия или пятидержавие, епископы Рима не только притязали на патриархальную власть по всей западной империи, но также утверждали, что они обладатели большей власти по отношению к другим патриархам. Таковы общие черты становления и развития раннего канонического права в период до V в.

Литература

1. Карташев А.В. Вселенские соборы. – М., 1963.
2. Dictionary of the Middle Ages, vol. 7. N.Y., 1989, pp. 395-413.

УДК 340

**РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ ИНСТИТУТОВ
НАЛОГОВОЙ СЛУЖБЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА НА ДОНУ
DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORMS OF TAX SERVICE
INSTITUTIONS IN THE MIDDLE AGES BY DON**

Плешков Д.В., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», магистрант 3-го года обучения.

Pleshkov D.V., Rostov (Rostov-on-Don) Law Institute (branch) of VPO «Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation», the 3rd year graduate student.

e-mail: ruy@aanet.ru

Аннотация: в статье рассмотрено развитие организационно-правовых форм институтов налоговой службы в средние века на Дону.

Annotation: the article deals with the development of organizational and legal forms of tax service institutions in the middle ages by Don.

Ключевые слова: налоговая служба, средние века, Дон.

Key words: tax service, middle ages, Don.

В средние века земли нижнего Дона поочередно входили в состав Хазарии, Древнерусского государства, Золотой Орды. Эта же территория была в сфере экономических интересов Византии и итальянских колоний, а затем и Турции.

Самым первым средневековым государством на Дону был Хазарский каганат. [5, С. 63-64] В раннефеодальном Хазарском государстве (VII-X вв.) наблюдается не только дань, но и зарождение податной системы. Хазарское государство развивалось от кочевий к городам, [6] то есть образовалось как кочевое, и эволюционировало к полукочевое государство, [1, С. 16] а налоговая система трансформировалась от системы данничества к податной системе.

Хазарские феодалы вели полукочевой образ жизни, и на заре своей государственности собирать дань с покоренного оседлого населения и с простых хазар (последние назывались «черные хазары»). Известно, что формой дани было полюдь. Каганы со своей свитой объезжали подконтрольную территорию и собирали дань в натуральной форме (например, по шелягу с рала, по белке с дыма и мечами). [1, С. 166]

Хазарские феодалы, именовавшиеся «белыми хазарами» болгарские ханы, аланские и славянские князья приравнивались к хазарской знати. Условием поземельного владения и права сбора дани были признание вассалитета от кагана и обязательство поставлять кагану войско, сообразно своего социального, имущественного положения и состояния доходов. При

этом каган или царь не обладали правом отчуждения в свою собственность земельных владений вассальной знати. То есть покоренные народы влились в социальную структуру этого полукочевого государства, а внутреннее управление народов Хазарского каганата сохранялось. Кроме дани (по этногеографическому признаку), в Хазарии начали собирать подати. Объектом обложения податью здесь была уже коммерческая деятельность, а субъектами обложения, независимо от их этнической принадлежности, были лица, извлекающие прибыль на территории Хазарского каганата. Однако, для сбора податей и неотделимых от них таможенных пошлин необходимы были соответствующие институты. Хазарский каганат сформировал соответствующие административные финансовые структуры. Каган и царь отошли от непосредственного сбора дани, поручив эту функцию местной администрации.

Дань и подати в Хазарии были фиксированы. Славяне, например, в качестве дани отдавали мечи, по другим сведениям славяне платили по белке с дыма (т.е. со двора) или шелягу (монете) с рала (плуга). В данном случае имела место смешанная форма (дань и подать). Упорядочен был и размер налогово-таможенных пошлин. Так купцы отдавали в доход государству десятую часть своего имущества или товара. Такими же фиксированными были и таможенные сборы (1/10 часть имущества). [3, С. 17]

Одним из таможенных и налоговых центров являлся Саркел (Белая Вежа). Этот крупный средневековый город специально строился на пересечении торговых путей именно как торговый караван-сарай. В настоящее время Левобережное городище покоится на дне Цимлянского водохранилища. Здесь кроме гостиницы, складских помещений, таможенного терминала, археологами были исследованы административные помещения. [2]

В целом, можно сказать, что налоговая система Хазарии формировалась от системы сбора дани и исполнения повинностей к податям и пошлинам. При этом названные формы были комбинированными, взаимно дополняли друг друга. Институты налоговой службы также различались, сочетая в себе государственные финансово-фискальные органы и местную администрацию вассальных ханов, князей, царей Хазарского каганата, Хазарии, славянских княжеств, Алании, Булгарии. В Хазарском государстве налоговая система зарождалась как восточная, но постепенно эволюционировала в сторону западной модели. [7, С. 229-234]

Налоговую систему Хазарии отчасти переняло Древнерусское государство. Нижнее Подонье - Приазовье вошло в состав Древнерусского государства с 965 по 1117 г. [8, С. 128, 154] Время не сохранило прямых источников о налоговой системе в русских землях Подонья. Можно предположить, что дань и торговые пошлины собирались княжеской администрацией, находившейся в подчинении посадников. В Древней Руси основным видом налогов была дань, которую князья собирали со своих подданных раз в год. Сначала дань собиралась в форме полюдья. С установлением санного пути князь с дружиной отправлялся по своим землям и в установленных местах (погостах) собирал с местных людей причитающуюся дань. Однако в середине X в. уже доминировал повоз, когда дань собирали княжеские слуги и свозили ее во дворец. Величина налога устанавливалась с "дыма" или с плуга, поскольку дым

(дом) был основной единицей обложения, а плуг был главным орудием труда. Основные виды податей, собирались с проезжих купцов за провоз товаров через реки (как в Хазарии), а также за оказание услуг по измерению или взвешиванию товаров (как в Боспоре). Наличие налоговой системы в этой части Древней Руси подтверждает достаточно высокий уровень торговли. На нижнем Дону часто встречаются бусы, посуда, поясные наборы Восточного и Византийского производства. Предметами славянского экспорта являлись мечи, меха и рабы. [4, С. 187-188]

Другим доказательством развития торговых отношений была «челночная» система донского торгового пути. Так на расстоянии нескольких сот километром обязательно находились какие-либо перевалочные и стратегические центры, среди них Белая Вежа, Тана и Тмутаракань. Представляется возможным даже реконструировать торговые пути славяно-русов. Все эти пути пересекались в Саркеле – Белой Веже. Первый путь шел из Волги. Из Саркела второй путь шел в Приазовье. Третий путь шел по Северскому Донцу в Черниговское княжество. По четвертому пути поднимались вверх по Дону в родоплеменной центр Вантит. Еще один путь был сухопутным - через Белую Вежу на Северный Кавказ. Условно назовем его пятым путем.

Древняя Русь понимала выгоды Донского торгового пути. Если путь по Днепру (более поздний, только с IX-X вв.) предполагал опасность от кочевников и сложность преодоления порогов, то путь донской был и ближе и безопаснее. Логично, что до X столетия для донских славян он был еще и единственно возможным. Кроме того, имелась возможность сделать конечной остановкой Белую Вежу, Тану или Тмутаракань, куда также могли приходиться заморские купцы. В этом смысле Донской путь представляется и более экономически значимым. Поскольку «мирные» славяне продвигались и селились вслед за воинами и купцами, то перевалочные базы типа «Вантита» не являлись обыкновенными сельскохозяйственными центрами, а выполняли также функцию «караван-сараев» (погостов), в которых, обычно и собирали пошрины и дань.

Однако условия обитания донских славян требовали наличия мощного административного центра, единого государства, который мог координировать торговую, финансовую, военную политику в регионе. С распадом Древнерусского государства и присоединения Тмутаракани к Византии, в условиях враждебного половецкого окружения, Белая Вежа как экономический центр развиваться не могла. Поэтому в 1117 году большинство ее населения уходит на Русь. [4]

Таким образом, становление и эволюция на Дону организационно-правовых форм институтов налоговой службы зарождается в античности и в средние века. Однако в силу политических причин преемственность развития прослеживается слабо. Институты налоговой службы в большей степени прослеживаются в сформировавшихся государствах с развитыми институтами исполнительной власти, например, в Боспорском царстве, в Золотой Орде, на Руси. Напротив, данническая, податная система Скифии, Хазарии отличается меньшей степенью организованности. Турецкая система была ограничена Азовом, куда стекалась дань

от вассальных кочевников. До вхождения Дона в состав России на Дону не прослеживается преемственность в развитии форм институтов налоговой службы, каждое из государств как бы заново проходило путь организации налогообложения и его развития, эмпирическим путем формируя соответствующие институты и формы налогообложения.

Литература

1. Вернадский Г.В. Древняя Русь. - М., 1997.
2. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа VI-X вв. - Л., 1979.
3. Гаркави А.Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарии // Труды восточного отделения Императорского русского археологического общества. - СПб., 1874.
4. Дулимов Е.И., Цечоев В.К. Славяне средневекового Дона (к вопросу о предпосылках формирования казачьей государственности) / Отв. ред. В.Н. Королев. - Ростов-на-Дону, 2001.
5. Магомедов М.Г. Древние политические центры Хазарии // СА. 1975. № 3.
6. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). - М., 1989.
7. Флеров В.С. Коллоквиум «Хазары» и «Краткая еврейская энциклопедия о хазарах». Российская археология. - М., 2000. №3.
8. Хрестоматия по истории Подонья и Приазовья / Сост. Б.В. Лунин, М.И. Кравцов, М.А. Миллер и др. - Ростов-на-Дону, 1941. Кн. I.

УДК 343

**К ВОПРОСУ О ПЕНИТЕНЦИАРНОМ АСПЕКТЕ КРИМИНАЛЬНОГО НАСИЛИЯ
О THE QUESTION OF THE PENAL ASPECT OF CRIMINAL VIOLENCE**

Подгайный А.М., Краснодарский университет МВД России, преподаватель кафедрой административной деятельности и организации деятельности ГИБДД, кандидат юридических наук

*Podgayniy A.M., Krasnodar University of Ministry of internal Affairs of Russia, Lecturer of the Department of administrative activity and organization of the activities GIBDD, PhD in law
e-mail: 8124253@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются специфический вид насильственной преступности – осужденных в местах лишения свободы. Автор обосновывает особенности данного вида криминального насилия, связанного с условиями отбывания наказания.

Abstract: the article examines the specific type of violent crime - inmates in prison. The author proves the features of this type of criminal violence associated with the conditions of serving the sentence.

Ключевые слова: насильственная преступность, криминальное насилие, преступность осужденных

Keywords: violent crime, criminal violence, crime convicts

Россия, вступает в новые социально-экономические отношения, характеризуемые как демократические, сталкивается с большим количеством форм деструктивного поведения граждан. Наблюдается не только рост преступности, но и изменение ее характера, она приобретает новые качества: вооруженность, криминальный профессионализм, организованность. Динамику и структуру преступности в настоящее время определяют не столько традиционные причины и условия, сколько многочисленные факторы, которые вытекают из современных кризисных явлений в социально-экономической сфере. При этом практически повсеместно отмечается рост тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых против личности. Профессионализация данных видов преступлений тесно связана с развитием криминальной деятельности и продолжением преступной жизни лиц, освобождающихся из мест лишения свободы. Наибольшая общественная опасность, по мнению большинства специалистов, принадлежит различному роду насильственных посягательств. Несмотря на то, что преступность в стране в целом характеризуется как корыстно-насильственная, особую тревогу у специалистов вызывает именно та часть уголовно-наказуемых деяний, которые относятся к насильственным. Так, по данным официальной статистики, за 2012 год по сравнению с 2011 годом количество

зарегистрированных случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью возросло с 57352 до 57863, умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью – с 44229 до 54551, т.е. на 23%, умышленного причинения легкого вреда здоровью – с 20740 до 33555 (на 62%), побоев – с 60924 до 96192 (также в 1,6 раза), угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью – с 83451 до 103322 – и так далее. «Характерной чертой криминологической ситуации в России является заметный рост числа преступлений, которые или прямо заключаются в применении физического либо психического насилия, или практически бывают связаны с таким насилием, или ориентированы на его применение. В исследуемый период данные деяния в общей сложности составляли от 30 до 33,5 % всех зарегистрированных преступлений. Удельный вес выявленных лиц, их совершивших, среди всех преступников был еще выше – колебался в пределах 31-39 %» [1, с. 10].

В структуре различных форм криминального насилия возрастает удельный вес тяжких и особо тяжких насильственных преступлений.

Разнообразные аспекты криминального насилия привлекают внимание не только юристов, но и представителей психологии, философии, социологии и других наук, а изучением проблем насилия занимается специальная наука – виолентология, поэтому нельзя не учитывать достижения других наук в данной области [1, 3, 4, 5]. Следует констатировать, что криминальное насилие в уголовном праве в основном разрабатывалось в виде анализа конкретных составов преступлений против личности (как это мы продемонстрировали в представленных выше статистических данных), собственности порядка управления и других объектов преступного посягательства. Отсюда и представления у специалистов о том, что отдельные аспекты криминального насилия рассматриваются как не достаточно разработанные. Так, например, по утверждению А.В. Тюменева, такой подход «определяется, прежде всего, тем, что право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность гарантировано Конституцией РФ (ст. 20, 22), поэтому законодательство России и в частности Уголовный кодекс, должны быть нацелены на максимальное обеспечение прав и свобод человека, его неприкосновенности. Тем не менее, понятие криминального насилия, его видов не имеет официального закрепления ни в УК РФ, ни в каком-либо другом законе» [6, с. 4].

Основано формой воздействия на все виды криминального насилия в действующем уголовном законодательстве является применение уголовного наказания в виде лишения свободы. В зависимости от того на сколько эффективно будут действовать все структурные подразделения уголовно-исполнительной системы, на столько эффективной будет рассматриваться и вся система уголовной ответственности за насильственные посягательства. По этому поводу И.А. Уваров отмечает, что «к причинам, способствующим росту числа насильственных преступлений в стране, следует отнести высокий рецидив, что в свою очередь свидетельствует о низкой эффективности функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы, где они также имеют место. И хотя в общей структуре преступности данные преступления составляют незначительную часть, по своему содержанию они отличаются особой тяжестью и жестокостью, тем самым существенно осложняя

деятельность УИС» [7, с. 53]. Такая постановка вопроса дает основание рассматривать криминальное насилие как одну из форм противоправного посягательства осужденных в период отбывания наказания в виде лишения свободы.

Проблемам криминального насилия в период отбывания наказания было посвящено несколько монографических исследований. Ключевым моментом, объединяющим все эти работы, является то, что авторы пытаются отделить насильственную преступность осужденных, от иных уголовно-правовых деликтов. Достаточно сказать о том, что ключевым моментом здесь является деление преступлений совершаемых осужденными на два самостоятельных вида:

- а) собственно пенитенциарные преступления;
- б) общеуголовные преступления [8, с. 169].

Из официальной статистики следует, что в 2012 г. по сравнению 2008 г. (т.е. за семь лет) общее число зарегистрированных в исправительных учреждениях преступлений уменьшилось на 1182, или в 2,5 раза. Вместе с тем в структуре пенитенциарной преступности наблюдаются и некоторые опасные тенденции. Так, на фоне снижения количественных показателей общей регистрируемой преступности в местах лишения свободы с 2008 по 2012 г. включительно (рост абсолютного числа зарегистрированных преступлений произошел только в 2012 г.) обнаруживается стабильный рост удельного веса насильственных преступлений (с 26,3 до 33,1 %). Растет удельный вес преступлений, дезорганизующих деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (с 4,8 до 14,4%), побегов с применением насилия (с 9,7 до 11 %). Увеличение доли этих видов насильственных преступлений в общей структуре пенитенциарной преступности свидетельствует о новом этапе ухудшения криминальной обстановки, значительном увеличении объема совершаемых насильственных действий, нарушающих нормальное функционирование учреждений уголовно-исполнительной системы.

Подобное положение дел, дает основание отдельным авторам рассматривать криминальное насилие в местах лишения свободы, как самостоятельный элемент системы межличностных и межгрупповых отношений имеющих место в исправительных учреждениях [9, с. 12-15]. Не вступая в дискуссию, отметим, что насилие как элемента объективной стороны состава преступлений, присутствует не только в так называемых общеуголовных преступлениях. Так, например, К.В. Талакин и А.П. Фильченко утверждает, что «обобщение имеющихся точек зрения позволяет выделить следующие признаки пенитенциарной преступности как совокупности преступлений, которая:

- а) имеет особых субъектов (осужденные, персонал, лица, посещающие учреждения);
- б) территориально ограничена пространством пенитенциарных учреждений;
- в) носит как умышленный, так и неосторожный характер» [10, с. 236].

Соглашаясь с такого рода позицией, следует напомнить, что и среди так называемых – «пенитенциарных преступлений», имеют место такие, совершение которых предполагает причинение насилия в качестве обязательного элемента. Традиционно в специальной литературе делают акцент на совершение побегов с причинением насилия над

представителями персонала исправительных учреждений. Полагаем, что такой подход обусловлен не столько научной или практической стороной дела, сколько большим общественным резонансом который получают побег из мест лишения свободы. Ведь степень общественной опасности осужденного повышается, в случаях, совершения побегов. Им по сути дела нечего терять, поэтому они не останавливаются при выборе совершения особо тяжких насильственных преступлений. Но в этом случае, насилие выступает в качестве элемента, позволяющего осужденному скрываться от правосудия, а не с целью совершить побег.

Полагаем, что непосредственно пенитенциарное насилие будет характеризовать преступления, совершаемые непосредственно в исправительных учреждениях. К таким относится специфический вид пенитенциарного преступления – дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ).

Придерживающиеся такого подхода специалисты, гипотетически исходят из того, что ключевое значение для постановки вопроса об уголовной ответственности и правильной квалификации содеянного по ст. 321 УК РФ, имеют факультативные признаки состава преступления. Ибо, именно факультативные, а не основные признаки определяет конструкцию всех трех (основного и квалифицированных) составов преступлений, предусмотренных ст. 321 УК РФ [11, с. 139].

Авторы цитируемой работы исходят из того, что любое насильственное преступление в местах лишения свободы несет в себе определенный «заряд» дезорганизации деятельности учреждений обеспечивающих изоляцию осужденного от общества. В тоже время акцент делается не столько на цели насилия (дезорганизовать деятельность учреждений), сколько на его фактическом состоянии – объективности причиняемого вреда жизни и здоровью других лиц. Дезорганизация вступает здесь в качестве дополнительного объекта преступного посягательства. В одной из своих работа, мы уже обращали внимание на это обстоятельство. Прежде всего, это имеет прямое отношение к так называемому психическому насилию, при котором самой жертве может не причиняться физический вред, но, существует реальная угроза [12, с. 428]. Здесь можно высказать солидарность с теми авторами, которые прямо указывают, на то, что психическое насилие в местах лишения свободы при совершении общественно опасных деяний, выступает в качестве самостоятельного условия не только латентизации пенитенциарной преступности, но и распространения специфической пенитенциарной идеологии [13, с. 121].

Наличие подобного рода идеологических установки среди осужденных мы склонны рассматривать в качестве самостоятельного специфического фактора детерминирующего криминальное насилие в среде осужденных. Пенитенциарная среда, является «питательной» для развития различных форм деструктивного поведения, отсюда и повышенная криминогенность общения среди лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Совокупность тех негативных форм криминализации отношений которые наносят существенный вред всей системе исполнения наказаний определяет (должно определять) и те

приоритеты, которые надлежит в полной мере характеризовать и систему противодействия этим формам противоправного поведения.

Априори, криминализация насильственного поведения в среде осужденных, выступает в качестве определяющего условия для качественного исправительного воздействия. Отсутствие условий безопасного отбывания наказания, формирует негативную установку личности осужденного. Он не может сконцентрировать свое внимание на конструктивной оценке своего поведения. Основная субъективная установка личности формируется в таких условиях только одним – «желанием дожить до освобождения» [14, с. 69]. Одно это не может служить критерием оценки поведения осужденного.

Ранее нами уже обращалось внимание на специфику пенитенциарного насилия [15]. Однако, при этом не акцентировали внимание на насилии, как специфическом объекте пенитенциарной профилактики преступлений. Только выделения криминального насилия в системе пенитенциарного воздействия на осужденных, можно добиться существенного снижения уровня криминальной активности отдельных лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Литература

1. Долгова А.И. Криминальное насилие как криминологическая и правовая проблема // Криминальное насилие. М., 2004.
2. Аснер П. Насилие и мир: от атомной бомбы до этнической чистки. СПб., 1999.
3. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: социо-политический анализ. М., 2000.
4. Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000.
5. Кугай А.И. Насилие в контексте современной культуры. СПб., 2000.
6. Тюменев А.В. Виды криминального насилия. Рязань, 2004.
7. Уваров И.А. Понятие преступлений, совершаемых с особой жестокостью в исправительных учреждениях // Человек: преступление и наказание. 2000. № 3.
8. Уваров И.А. О закономерностях пенитенциарного насилия // Человек: преступление и наказание. 2008. № 3.
9. Уваров И.А. Общеуголовная пенитенциарная преступность в системе объектов пенитенциарной профилактики // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 2. С. 12-15.
10. Талакин К.В., Фильченко А.П. К вопросу о механизме детерминации насилия в среде осужденных // Современное состояние и основные направления совершенствования уголовно-исполнительной системы: российский и зарубежный опыт: материалы Международной научно-практической конференции. Самара, 2009.
11. Саруханян А.Р., Уваров И.А. О недостатках конструкции ст. 321 Уголовного кодекса Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 5.
12. Подгайный А.М. К вопросу о понятии и формах криминального психического насилия над личностью // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2006. № 4.

13. Уваров И.А. Идеология пенитенциарного сообщества в механизме латентизации пенитенциарной преступности // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2012. № 3.

14. Хохряков Г.Ф. Наказание в виде лишения свободы: оценка эффективности // Советское государство и право. 1989. № 2.

15. Подгайный А.М., Уваров И.А. Криминальное насилие (пенитенциарный аспект): монография. Невинномысск: Невинномысской государственной гуманитарно-технической институт, 2013.

УДК 343

**НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В
ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
LEGAL STATUS OF THE INTERIOR IN SUPPORT OF LAW ENFORCEMENT**

Рыковский М.В., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», магистрант 3-го года обучения.

Rykovskiy M.V., Rostov (Rostov-on-Don) Law Institute (branch) of VPO «Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation», the 3rd year graduate student.

e-mail: ruy@aanet.ru

Аннотация: в статье рассмотрен нормативно-правовой статус органов внутренних дел в обеспечении правоохранительной деятельности.

Annotation: the article deals with the legal status of the interior in support of law enforcement.

Ключевые слова: органы внутренних дел, правовой статус, правоохранительная деятельность.

Key words: the internal affairs 'authority, legal status, law enforcement.

Отсутствие в Российской Федерации четко кодифицированной формализации понятия правоохранительных органов обуславливает разночтения по составу и общности относимых к ним органов. Отмечая неопределенность в законодательных и подзаконных актах идентичности правоохранительных органов, специалисты обращают внимание на то, что при частоте их упоминания в деловом обороте «как это ни парадоксально, общее понятие правоохранительных органов отсутствует и не определены их виды». [1]

Это дает основание рассматривать их чаще всего в качестве собирательного термина, который объединяет несколько групп государственных органов, «которые по характеру установленных законом полномочий в осуществлении правоохранительной деятельности являются специализированными по охране прав и законных интересов личности, общества, государства либо выполняют правоохранительную функцию наряду с другими функциями». [3]

Тем не менее, большинство авторов солидарны с включением в систему правоохранительных органов Российской Федерации тех из них, которые выполняют основные функции правоохранительной деятельности по обеспечению: конституционного контроля, правосудия, организации деятельности судов, прокурорского надзора, выявления и расследования преступлений, оказания юридической помощи. [2]

При этом предлагаются различные группы составов различных уполномоченных органов по основаниям общности регулирования ими подсистем правоохранительной деятельности, объединяющих: те или иные аспекты социально-правовой повседневности, содержание правотворчества или сферы отраслевого административно-правового управления (В.М. Фокин), типы разграничения компетенции собственно правоохранительных органов (органы государственной власти) и вспомогательных структур (институты частной практики типа адвокатских коллегий, нотариусов и т.п.) (Э.П. Григонис) и др. Однако в целом они опираются на солидарное мнение в отношении содержания правоохранительной деятельности, осуществляемой «с целью охраны права специально уполномоченными органами путем применения юридических мер воздействия в строгом соответствии с законом и при неуклонном соблюдении установленного им порядка». [2]

Безусловно, что в спектре правоохранительных органов неизменно ведущие позиции всегда сохраняли за собой органы внутренних дел или милиции. Их значение всегда связывалось с передовым барьером противодействия противоправным явлениям, затрагивающим права, свободы и законные интересы граждан, государства и социума в целом, полагающихся на оперативную помощь милицейских силовых структур.

Содержание понятия милиции как правоохранительного органа обеспечения правопорядка и безопасности было дано в Законе РФ «О милиции» № 1026-1 от 18 апреля 1991 года (далее – Закон). Ст. 1 Закона определено, что «милиция в Российской Федерации – система государственных органов исполнительной власти, призванных защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств и наделенных правом применения мер принуждения в пределах, установленных настоящим Законом и другими федеральными законами».

Из данного определения следует, что милиция, входившая в систему Министерства внутренних дел РФ (ст. 1 и 7), в отличие от иных органов российской правоохранительной системы, наделена полномочиями защиты прав, свобод и законных интересов граждан, общества, государства в режиме оперативного реагирования, расследования и пресечения противоправных посягательств в соответствии с действующим законодательством.

Исходя из обозначенной прерогативы милиции, к ее задачам были отнесены (ст. 2 Закона) следующие направления деятельности: обеспечение безопасности личности; предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений; выявление и раскрытие преступлений; охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности; защита частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности; оказание помощи физическим и юридическим лицам в защите их прав и законных интересов в пределах, установленных настоящим Законом.

Функции опосредованного замещения общественного контроля за осуществлением деятельности милиции данным Законом были переданы органам государственной власти. В разделе VIII «Гарантии законности и обеспечения прав граждан в деятельности милиции», ст.

37 определялось, что «контроль за деятельностью милиции в пределах полномочий, определяемых законодательством Российской Федерации, осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание, Правительство Российской Федерации и органы законодательной (представительной) и исполнительной власти субъектов Российской Федерации». При этом оговорено отсутствие у них права вмешиваться в процессуальные действия, оперативно-розыскную деятельность и производство по делам об административных правонарушениях.

Обращая внимания на не тождественность форм государственного (административно-бюрократического) и общественного (гражданско-правового) контроля следует отметить недостаточность механизмов институциональной представительности общественного влияния в структуре обеспечения правоохранительной деятельности. Общественное мнение как информационно интегрируемая общность взглядов на актуально-значимые явления социальной жизни, формируется из разрозненных впечатлений, настроений, социальных установок и иных составляющих умозрительно конструируемой картины восприятия общей проблематики. В этой связи оно неизбежно опирается на стихийную или взвешенную оценку состояния социально-правовых отношений, степени их уязвимости или должной защиты от противоправных посягательств. Совокупность складывающихся общественных оценок, устойчивых взглядов, стереотипов поведения опосредованно влияет на обыденное правосознание, условия формирования правомерного и противоправного поведения, готовность граждан активно содействовать правоохранительным органам или пренебрегать своим общественным долгом по защите собственных прав, свобод, законных интересов. Однако незавершенность системной организации социально-правового мониторинга, комплексной диагностики и организационно-правового взаимодействия общественности с правоохранительными органами в обеспечении охраны правопорядка препятствуют, очевидно, появлению данных механизмов в базовом нормативно-правовом акте, регулирующем профессиональный статус, полномочия и их исполнение органами милиции.

Таким образом, милиция выступала органом государственной исполнительной власти, ориентированным на безотлагательные действия по предотвращению нарушений правопорядка и восстановлению нарушенных прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений, ставших жертвой преступных и иных противоправных посягательств.

Литература

1. Григонис Э.П. Правоохранительные органы. СПб. 2001. С. 8.
2. Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. М. 2000. С.11.
3. Фокин В.М. Правоохранительные органы Российской Федерации. М. 1999. С.5.

УДК 343

**К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ МЕХАНИЗМА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО КОНТРОЛЯ СОСТОЯНИЯ ПРАВОПОРЯДКА
ON THE FORMING OF THE MECHANISM OF PRE-REVOLUTIONARY PUBLIC-LAW
CONTROL OF LAW AND ORDER**

Рыковский М.В., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», магистрант 3-го года обучения.

Rykovskiy M.V., Rostov (Rostov-on-Don) Law Institute (branch) of VPO «Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation», the 3rd year graduate student.

e-mail: ruy@aanet.ru

Аннотация: в статье рассмотрено формирование механизма дореволюционного публично-правового контроля состояния правопорядка.

Annotation: the article deals with the forming of the mechanism of pre-revolutionary public-law control of law and order.

Ключевые слова: публично-правовой контроль, правопорядок, Российская империя.

Key words: public-law control, law and order, Russian empire.

Формирование публичных институтов общественного контроля правопорядка и деятельности правоохранительных органов, связанных с процессами самопознания обществом своих потребностей, способов консолидации индивидуально-коллективных интересов, закрепленных в нормативно-правовых установлениях, определялось развитием информационного обмена, открытости и подотчетности органов государственной власти приоритетам гражданского общества. Движение в направлении выстраивания механизмов информационно-правового сотрудничества российских граждан, общества, государства, соразмерное процессам интенсификации системного анализа и учета общественных интересов в государственном управлении стран, ориентированных на мировые стандарты правового государства, получило заметное самостоятельное звучание в целом, по сути, с монополизацией однопартийного влияния, пореформенной либерализацией общественной жизни, трансформацией идеологических ценностей, принципов организации государственной власти в целом. В тоже время было бы слишком оптимистично полагать, что гипертрофированная роль государства в регулировании, прежде всего, социально правовых отношений, пассивность гражданского самосознания, стагнация институтов общественного самоуправления и др. особенности нашего исторического развития вовсе исчезли из нынешних реалий.

Это видно из тенденций обособления, а часто и подавления активного гражданско-правового участия в государственном управлении, формировании норм права, законности, правопорядка характеризовавших дореволюционный, советский и в определенном смысле современный период развития российского общества. Учитывая имеющийся в современной науке весомый массив исследований дореволюционных работ по полицейскому праву, внедренный историко-правовой метод исследования учений о праве [1], все же позволим себе сконцентрировать внимание на рассмотрении российской интеллектуальной мысли предреволюционного периода (2 пол. XIX – нач. XX вв.).

Так, усилия ученых этого времени во многом ориентировались на адекватное выражение общественных потребностей, которые бы отражали реальные запросы коллективно-индивидуальных интересов членов социума и могли быть доступны для представления, осознанного рассмотрения, осмысления и предложения опирающейся на народное доверие государственной власти и принимаемым нормативно-правовым установлениям законности и правопорядка, имеющих наиболее полное общественному признание, уважение и исполнение.

Доминантой русской интеллектуально-творческой жизни российского общества, многочисленных публичных выступлений и работ известных представителей русской юриспруденции, общественных деятелей, выдающихся писателей и публицистов выступала необходимость реалистического воспроизведения тенденций общественной жизни, которые бы отвечали актуальным социальным запросам и стали бы предметом внимания верховной власти и государства для устранения диспропорций законности и правопорядка. При этом, однако, воссоздание реального положения дел во всем спектре общественных преставлений различных социальных групп, сословий, территориальных и иных общностей российского населения отличалось крайними трудностями целостного, адекватного показа в объективном ракурсе анализа. Даже для более свободных обобщений и иносказательных контекстов, понятных, однако, самой широкой аудитории произведений выдающихся мэтров русской литературы выделяемые ими аспекты общественной жизни вовсе не были свободны от одностороннего и инертного воспроизведения многообразной картины наблюдаемой действительности. Знаменитый русский философ В. Соловьев сравнивал, например, различие взглядов на нее у И. Гончарова, Л. Толстого, И. Тургенева, воспроизводящих «русское общество, выработанное веками (помещиков, чиновников, иногда крестьян), в его бытовых, давно существующих, а частью отживших или отживающих формах», и Ф. Достоевского, чье «осуждение относилось к низменному пониманию общественной правды, к ложному общественному идеалу».[7]

Вместе с тем, стесненность условий для развития свободы самовыражения доминирующих общественных умонастроений ввиду реального или возможного их противоречия официальной доктрине российской государственности, провозглашавшей ценности «самодержавия, православия, народности», ущемлялись различными видами властно-правового ограничения (цензуры, запретами политической деятельности отдельных

партий, организаций, широкими полномочиями административно-полицейского контроля и т.п.). В этих условиях интеллигенция, хотя и понимала необходимость восприимчивости насущных общественных интересов, присущих не только ей, но и всем социальным слоям, в значительной мере приобретала черты изолированного от общественных нужд интеллектуального сообщества, на которые она проецировала свои воззрения на государственное устройство, институты представительной демократии, социальные чаяния, законность, правопорядок.

Об этом гибельном пути самонадеянного мессианства русской интеллигенции предупреждал в период все более ожесточавшегося революционного кризиса П.И. Новгородцев. Отмечая уклон «идейных источников утопического сознания русской интеллигенции...за пределами русской действительности», он связывал ограниченность ее рационального анализа действительности с тем, что «она оторвана от народа, от его подлинного труда и от его подлинной нужды». [6] Однако говоря о переживаемом глубоком общественном расколе, «великой смуте наших дней», утрате единства государства, «рассеянии и обособлении народа», он понимал, что нельзя мириться не только с замкнутыми от общественной связи суждениями интеллектуалов, но и с угождениями массовым настроениям и искажениям общественного правосознания. Он полагал, что «работа просвещенного сознания необходима... забота о народе обязательны и священна, но лишь при том условии, что она не создает из народа кумира и что она связывает эту заботу с тем Божьим делом, которому одинаково должны служить и народ и интеллигенция». [6]

На необходимость распознавания социальных оснований государственной власти в форме систематического выявления общественных потребностей как ресурса ее легитимности обращалось пристальное внимание в работах Н.М. Коркунова. Он доказывал, что «авторитет велений власти основывается всегда в конце концов на признании их обязательности со стороны общества». [4] Обновляемое знание общественных нужд необходимо не только исходя из очевидной задачи власти в разрешения апеллирующих к ней запросов граждан, но и потому что зависимость от проблемных обстоятельств жизни дает правительственным институтам полномочия влияния, которые они пытаются всячески удержать. «Все, от чего человек сознает себя зависимым, властвует над ним, все равно, имеет ли оно и даже может ли иметь волю», при этом «власть государства простирается лишь настолько, насколько граждане сознают себя от него зависимым». [4]

В этом смысле большое значение в выделении составляющей господствующих умонастроений в нормативно-правовой структуре общества, системе его правопорядка имели воззрения С.А. Муромцева, выделявшего необходимость установления постоянной связи и наблюдения норм общественного сознания, обычного права и законодательных установлений. Рассматривая «правовой порядок (право в собирательном смысле) как «всю совокупность прав, существующих в данное время в данном обществе», он говорил о некорректности подмены юридической практики обычным правом, которое будто бы «составляет непосредственное выражение народного сознания, которое, в свою очередь, не может быть

ничем иным, как выражением народных нужд и чаяний». [5] Однако признавая очевидность формулирования юридических норм «не самим народом, ... [а] кем-либо из наблюдателей народного юридического быта», С.А. Муромцев считал невозможным обойтись именно без постоянного их наблюдения для определения свойств «однородных явлений, свойств законов». [5]

Вместе с тем в условиях самодержавно-охранительных тенденций взаимоотношений российской власти и общества не развивались возможности организации объективно-непредвзятого, научно-обоснованного наблюдения (предтечи механизма социально-правового мониторинга), отражающего в т.ч. социально-правовую систему общественных взглядов, интересов, запросов, потребностей, ориентированных на реакцию их заинтересованного рассмотрения государством. Ситуацию оторванности социального знания от правильной диагностики и отражения общественных реалий в развитии как российской политической системы, так и концептуального видения задач государства и праве, законности, правопорядка, обеспечения прав, свобод и интересов граждан, признавали видные авторитеты русской школы правоведения, социологии и др. наук. Б.А. Кистяковский был солидарен с констатацией кризиса общественных наук, приближающим упадок «цельной системы социально-научного знания». [2] Он связывал его с господством умозрительных построений социально-правовых и иных социальных обобщений, выделением интуитивных оснований научного анализа, вследствие «никакого усовершенствования и никакого движения вперед в философии, в математике и даже в естествознании». [2] Этому способствовала и атмосфера опасений, сдерживания общественных исследований, ассоциируемых и в обыденном, и бюрократическом сознании с чем-то не вполне нейтральным, скорее даже опасным, провокационным для брожения изучаемых умонастроений. Видный социолог и правовед М.М. Ковалевский приводит характерную реакцию высокопоставленных полицейских чинов на представляемую им науку: «мне припомнились слова жандармского полковника на границе, допрашивавшего меня: «нет ли у вас книг по социологии? Вы понимаете ... в России – это невозможно». [3] В дополнение к этому он указывает на весьма примечательную тенденцию сдерживания научно-университетских направлений обществознания. Даже применительно ко времени написания работы (1913г.) он признавал, что «у нас существует всего одна кафедра на всю Империю в 160 млн. жителей и то в частном университете в психоневрологическом институте, получившем свой устав непосредственно от Монарха, минуя Министерство народного просвещения. А то бы случилось с ним то же, что и с Педагогической академией, в которой место социологии заняла энциклопедия права». [3]

Вместе с тем, уже в работах Б.А. Кистяковского со всей серьезностью был поставлен вопрос о конкретизации предметов социально-научного исследования, логического и методологического анализа, «чтобы показать, как добываются те наиболее простые признаки социальных явлений» образующих понятия «общества, государства, права хозяйства». [2] Он выделял обязательные методологические основания организации системных наблюдений за социальными явлениями общественной жизни, соединяющих «при их обработке категории

общности, необходимости и долженствования». Концептуальные положения его работ заложили фундамент формирования не только научных принципов социально-правового анализа и, но и через это строгость и объективность взгляда общества на самого себя – к «самосознания науки; а самосознание не только у людей, но и науки способствует их самоуважению». [2] Иными словами им подчеркивалась значимость и необходимость организации объективного наблюдения в научно обобщаемом и практически осуществляемом социально-правовом анализе реалий и контекстов взаимоотношений граждан, общества, государства,

Таким образом, внимание к систематическому, всестороннему общественному самоанализу, комплексному характеру воспроизведения социальных, социально-правовых и иных базисных отношений подчеркивалось среди российских правоведов, социологов и др. исследователей. Но они не получили того необходимого полноценного развития, импульс которому придавали в институтах западных демократий нормативно-правовые гарантии открытости и общественной подотчетности информации о состоянии и регулировании проблемного спектра общественного развития для отражения в программно-целевой и управленческой деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Запрос на их формирование поступал не только со стороны академического сообщества и общественного мнения в целом, но и самой власти, заинтересованной в использовании информационно-правового ресурса усиления своего влияния, легитимности проводимой политики и принимаемых управленческих решений.

Литература

1. Апольский Е.А. Вещное право в диссертациях университетов Российской империи. Направления исследований и результаты // Закон и право. 2007. №5. С. 91-93.
2. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и права. М. 1916. С. 16.
3. Ковалевский М.М. Социология на Западе и в России // Социология в России XIX - начала XX веков. История социологии; социологическое образование. Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М. 1997. С. 102.
4. Коркунов М.Н. Указ и закон // История русской правовой мысли / Под ред. С.А. Пяткиной и др. М. 1998. С. 124.
5. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права // История русской правовой мысли / Под ред. С.А. Пяткиной и др. М. 1998. С. 193, 197.
6. Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины: Сб. стат. о русской революции / С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.А. Булгаков и др. М. 1990. С. 209, 212.
7. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.2. М. 1990. С. 296.

УДК 348

**АКТУАЛЬНОСТЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ
ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ
FORENSIC EXAMINATION OF THE RELEVANCE OF THE INVESTIGATION
OF CASES INVOLVING DRUG TRAFFICKING**

*Ушверидзе Н.О., Ставрополь, начальник 2 отдела БЭКС УФСКН России по СК
Ushveridze N.O., Stavropol, Head of Department 2 Becks UFSKN Russia by SC
Рябухина С.Б., Ставрополь, Северо-Кавказский социальный институт, доцент
кафедры гражданского права и процесса*

*Ryabukhina S.B., Stavropol, North Caucasus Social Institute, Associate docent of Civil Law
and Procedure*

e-mail: skgi_institut@mail.ru

*Аннотация: Рассмотрены криминалистические методы расследования дел, связанных
с наркотическими средствами*

Annotation: Considered forensic investigation techniques cases involving drug

*Ключевые слова: наркотические средства, сильнодействующие и ядовитые вещества,
экспертиза, криминалистическая экспертиза наркотических веществ, химическая
экспертиза*

*Key words: drugs, potent and poisonous substances, examination, forensic examination of
drug substances, chemical examination*

В последние годы одной из острых проблем нашего общества является наркомания. Активное вовлечение в потребление наркотиков все большего количества людей, и взрослых и детей, создание новых видов наркотических средств ведет к росту преступлений в данной среде. Особое внимание на современном этапе следует уделять синтетическим наркотикам, получающим все большее распространение и, соответственно, характеризующимся большей общественной опасностью.

Вышеизложенное указывает на необходимость усиления борьбы с незаконным оборотом наркотических средств. В этом направлении государственными органами предприняты определенные шаги: принят Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах», ряд ведомственных нормативных актов, создана Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН РФ), что важно в аспекте объединения сил и средств в целях борьбы с незаконным оборотом наркотиков.[1]

Но остаются недостаточно разработанные вопросы организации применения криминалистических знаний, их правовое и методическое обеспечение при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Допускаемые сотрудниками правоохранительных органов в процессе обнаружения, фиксации, изъятия и исследования вещественных доказательств ошибки зачастую приводят к утрате доказательственного значения полученной информации.

Вопросы раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, и проблемы, касающиеся технико-криминалистического их обеспечения, исследовались такими авторами, как Л.А.Винберг, А.Ф.Волынский, В.А.Волынский, А.А.Закатов, С.А. Роганов, А.В.Сивачев, В.А.Коханов, И.И.Курылев, Г.М.Меретуков, В.Н.Нестеренко, А.А.Степанян О.П.Шляхов, П.Т.Скорченко и другими. Данные исследования авторов представляют огромный научный и практический интерес. Безусловно, что совместное рассмотрение вопросов технического, правового, организационного и методического характера, объединение их в единую систему криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, будет способствовать более полному, всестороннему и объективному рассмотрению материалов уголовных дел, сокращению сроков расследования, качественному криминалистическому сопровождению данного процесса.

Исследования наркотических средств являются обязательным видом исследований при раскрытии и расследовании преступлений о незаконном обороте наркотиков. Данный вид исследований относится к одному из родов класса экспертиз веществ и материалов. Полагаем, что данный род экспертиз следует изначально именовать «криминалистической экспертизой наркотических средств», так как это наиболее соответствует требованиям законодательства и явно отображает задачи, предмет и специфику данных исследований.

Некоторые авторы отмечают общность источников формирования всех родов данного класса экспертиз и это верно, так как они базируются на таких науках, как физика, химия, биология.

Раздел «криминалистическое исследование материалов, веществ и изделий», как часть криминалистической техники, сформировался в последние двадцать лет благодаря теоретическим работам В.С.Митричева. Поддерживаем утверждение Бугаева К.В. о том, что «вопросы криминалистических исследований материалов, веществ и изделий изучались, также, и другими учеными. Интересными в плане проблем криминалистических исследований (экспертиз) материалов, веществ и изделий, в т.числе – экспертизы наркотических средств, нам представляются работы следующих авторов: А.В.Ростовцев (проблемы применения ЭВМ в физических и химических исследованиях); К.С.Кузьминых (вопросы включения вещества в Списки наркотических средств, классификация наркотических средств, вопросы исследований наркотиков); Г.В.Вершицкая (предмет экспертизы наркотических средств, задачи и этапы исследования наркотического средства, принципы оценки заключения эксперта следователем); А.А.Энгельгардт (вопросы определения размеров наркотического средства);

А.А.Топорков (применение современных инструментальных методов исследований) и многие другие» [2].

Необходимо отметить, что возможности исследований определяются их значимостью при расследовании дел, связанных с оборотом наркотиков, и актуальностью данных видов исследования: 1) потребность в исследованиях таких как: отнесение вещества к группе наркотических средств или сырью для получения наркотических средств, определения объема-массы средства, определение наличия следов наркотического вещества на том или ином объекте; 2) велики реальные возможности современных технических средств исследования, которые сопровождаются соответствующей правовой и методической базой. Кроме того, имеется надлежащая структурная и кадровая организация процесса исследования.

Анализируя практику расследований незаконного оборота наркотиков отмечаем, что обращается внимание в большинстве случаев на следы, традиционные в криминалистике [3]. Между тем преступник может оставить такие следы, которые характерны для данного вида преступлений. Среди них отмечаем следующие: записи с описанием методики синтеза наркотика, химическими формулами стадий процесса изготовления, с указаниями количеств «выхода» наркотика и точного веса химических реактивов, с наименованием средств совершения преступления, с указаниями количества сбытых потребителям наркотических средств и иные записи, по которым можно судить о фактах изготовления и сбыта наркотиков; специфический запах от химических реакций; материальные следы химических веществ, полупродуктов наркотика, готового наркотического средства на одежде, в карманах и на теле преступника; неприятный запах от одежды изготовителя и его тела, который образовался в результате протекания химических процессов при синтезе наркотика; следы перепайки ампул а также следы на изготовленных для упаковки полиэтиленовых пакетах; следы пальцев рук на орудиях совершения преступлений, на средствах для потребления наркотика, на приспособленных для хранения и сбыта упаковках; основные и побочные продукты стадии синтеза и очистки наркотика; жидкости в химической посуде; следы недостачи химических средств при инвентаризации на складе химических производств, аптечных складах, аптеках, химических лабораториях научно-исследовательских и других учреждений, химических факультетах учебных заведений; деньги и иные ценности, которые были получены за изготовление, хранение и сбыт синтетических наркотиков.

Специальные знания в криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений, связанных с оборотом наркотических средств могут использоваться в следующих формах: 1) производство судебных экспертиз и исследований; 2) привлечение специалистов для участия в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях; 3) консультации; 4) техническое содействие; 5) профилактическая работа специалиста; 6) работа специалиста по обучению следователей и оперативных сотрудников применению технических средств.

Солидарны с мнением Н.П.Яблоковым, который утверждает, что работа с такими специфическими объектами, как наркотики, когда нужны не только глубокие специальные

познания, но и особая тщательность, вырабатываемая непрерывной практикой, а также устойчивые навыки работы с наркотическими веществами требует участия специалиста соответствующего профиля [4]. При проведении осмотра места происшествия имеются большие объемы разнообразного материала, что указывает на необходимость глубокой подготовки лица, проводящего следственное действие. Что касается криминалистического обеспечения процесса расследования преступлений, следует иметь в виду не только применение технических средств, но и систему сопровождения процесса расследования специальными знаниями в целом. Каждый раз необходимо определять какую именно информацию возможно получить путем применения специальных знаний.

Виды исследований по делам о незаконном обороте наркотиков можно разграничить на несколько групп: 1) исследования, связанные с веществами; 2) исследования, связанные с изучением человека; 3) иные виды исследований. Не забываем об обязательном характере исследования наркотического средства, что позволяет утверждать, что данный вид исследований является основным по делам рассматриваемой категории. Исследовательские процессы требуют не только оснащения современными техническими средствами, позволяющими проводить исследования на научной основе, полно, высокоточно, внедрения разработок из области автоматизации, компьютеризации, современных технологий, с соблюдением требований закона, принципов исследовательской деятельности, должного организационно-методического сопровождения, что позволит эффективно раскрывать и расследовать преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств.

Литература

1. Федеральный Закон “О наркотических средствах и психотропных веществах” от 8 января 1998 г. № 3–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 2. – Ст. 219.
2. Бугаев К.В. Опубликовано: Актуальные проблемы правотворчества и правоприменения: Межвузовский сборник научных трудов. – Омск: НОУ ВПО «Омский юридический институт», 2003.-12с.
3. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 9 “О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами” // Российская газета. – 1998. – 10 июня.
4. Яблоков Н.П. Криминалистические основы оперативно–розыскной деятельности // Вестн. Моск. ун–та. – 2001. – №1. – 137с.

УДК 340

**СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ
ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
RESPECTING THE RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS IN CARRYING OUT
OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES**

Жуков И.Н., аспирант кафедры организации правоохранительной деятельности и криминалистики, НОУ ВПО «Северо-Кавказский гуманитарно-технический институт»

Zhukov I.N., graduate student organization of law enforcement and forensics NOU VPO «North Caucasian Humanitarian-Technical Institute»

e-mail: upd-ncgti@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассмотрены права и свободы человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Annotation: This article discusses the rights and freedoms of man and citizen during search operations.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, использование результатов оперативно-розыскной деятельности, доказывание.

Keywords: operative activity, use of operatively-search activity, proof.

Признание человека, его прав и свобод высшей ценностью является ведущим принципом российского права. Как указано в ч.1 ст. 17 Конституции РФ, признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией РФ.

Статье 17 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод соответствует положение ч. 2 ст. 55 Конституции РФ, устанавливающей, что в РФ не должны издаваться законы, отменяющие или ущемляющие права и свободы человека.

Даже в условиях чрезвычайного положения не подлежат ограничению право на жизнь, охрана государством достоинства личности, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, право на жилище, свобода совести, вероисповедания и др.

Во всех случаях сохраняются гарантии права на судебную защиту. Конституционный Суд РФ указывал в своих решениях, что закрепленное в ст. 46 Конституции РФ право на судебную защиту относится к числу основных, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах; оно должно быть предоставлено всем гражданам РФ, иностранцам, лицам без гражданства; оно действует во всех видах судопроизводства и на всех его стадиях, включая кассационное и надзорное судопроизводство; оно выступает как гарантия в отношении всех конституционных прав и свобод [4].

В вопросе о допустимых ограничениях прав и свобод есть много общего в нормах Европейской конвенции и Конституции РФ. Общее заключается в том, что ограничение прав и свобод рассматривается как исключение из общего правила о необходимости наиболее полной и эффективной их защиты. Введение ограничений допускается лишь при соблюдении ряда требований и в общественно значимых целях, ради защиты которых допускается ограничение прав человека.

Статья 5 Закона об оперативно-розыскной деятельности предусматривает целую систему мер по предупреждению нарушения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации [1]. Рассмотрим их подробнее.

1. Не допускается осуществление оперативно-розыскной деятельности для достижения целей и задач, не предусмотренных Законом.

2. Лицо, полагающее, что действия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, привели к нарушению его прав и свобод, может обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, прокуратуру или суд.

3. Лицо, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке и которое располагает фактами проведения в отношении его оперативно-розыскных мероприятий и полагает, что при этом были нарушены его права, вправе требовать от органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сведения о полученной в отношении его информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих разглашение государственной тайны.

4. При отказе в предоставлении запрошенных сведений или получении их не в полном объеме данное лицо вправе обжаловать эти действия в судебном порядке [1].

В процессе рассмотрения дела в суде обязанность доказывания обоснованности такого решения возлагается на соответствующий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность. По требованию судьи орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, обязан предоставить ему оперативно-служебные документы, содержащие информацию о сведениях, в предоставлении которых было отказано заявителю, за исключением сведений о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках и о лицах, оказывающих содействие на конфиденциальной основе.

5. Полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий материалы в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, хранятся один год, а затем уничтожаются, если исполнение служебных обязанностей или правосудие не требуют другого.

6. За 3 месяца до уничтожения документов, отражающих результаты оперативно-розыскных мероприятий, проведенных на основании судебного решения, об этом уведомляется соответствующий судья [3].

7. Органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность запрещается:

- проводить оперативно-розыскные мероприятия в интересах какой-либо политической партии, (общественного и религиозного объединения);

- принимать негласное участие в работе федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также в деятельности зарегистрированных и незапрещенных политических партий, общественных или религиозных объединений в целях оказания влияния на характер их деятельности;

- разглашать сведения, затрагивающие неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честное и доброе имя гражданина, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных законом.

8. При нарушении органом (должностным лицом), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, прав и законных интересов физических и юридических лиц вышестоящий орган, прокурор или судья обязаны принять меры к восстановлению этих прав и законных интересов, возмещению причиненного вреда в соответствии с законодательством Российской Федерации.

9. Нарушения законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности влекут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации [5].

Необходимо подчеркнуть, что оперативно-розыскная деятельность является острым оружием и в недобросовестных руках может нанести ущерб интересам личности, общества и государства. Поэтому государство берет на себя обязанность и гарантирует обеспечение конституционных прав и интересов граждан, предусматривая целую систему условий, при которых допускается проведение оперативно-розыскных мероприятий. В этой же связи Закон не допускает осуществления оперативно-розыскной деятельности для достижения целей, не связанных с интересами борьбы с преступностью.

Гарантией законности проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина, выступает прокурорский надзор и судебный контроль [3].

Практика показывает, что в процессе проведения ОРМ оперативные подразделения нередко допускают нарушения законности, которые могут быть связаны с нарушением конституционных прав и свобод граждан. Специфика ОРД такова, что ОРМ, ограничивающие конституционные права граждан, в основном проводятся негласно и конспиративно. Это лишает граждан возможности самим оценивать законность и обоснованность ограничения своих прав и свобод в тех случаях, когда им из каких-либо заслуживающих доверия источников не стало достоверно известно о проведении в отношении их ОРМ. Грамотная организация проведения ОРМ предполагает безусловное сохранение втайне от проверяемого субъекта действий оперативных сотрудников. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ предусматривает право лица, полагающего, что действиями органов, осуществляющих ОРД, были нарушены его права и свободы, обжаловать

эти действия в вышестоящий оперативно-розыскной орган, прокурору или в суд (ч. 3 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Но для реализации этого права нужно, чтобы лицо было осведомлено о проведении в отношении его ОРМ. В большинстве случаев только уполномоченный прокурор может выявить факт нарушения оперативно-розыскного законодательства при проведении ОРМ, поскольку возможности института судебного контроля в этой сфере объективно ограничены.

Действительно, способы осуществления судом и прокуратурой контрольно-надзорных полномочий принципиально отличаются[1]. Суд реализует свои контрольные полномочия только по инициативе заинтересованных лиц, т.е. по мере поступления конкретных санкций, резолюций о разрешении проведения ОРМ от оперативно-розыскных органов, либо, заявлений и жалоб на эти органы от граждан, должностных лиц и организаций. Судебный контроль не обладает инициативностью, свойственной прокурорскому надзору. Судья, с каким бы нарушением закона, прав и свобод человека и гражданина ни сталкивался, сам и по своей инициативе ничего сделать для устранения этих нарушений не может до тех пор, пока ущемленный в правах гражданин или прокурор, действующий в его интересах, не обратятся в суд. Следует также учитывать и другой существенный момент: встречается немало таких нарушений закона, когда ни одна из сторон не заинтересована обращаться в суд, и, следовательно, без инициативного вмешательства прокурора данные нарушения не могут быть устранены в судебном порядке. Прокурор не ограничивается рассмотрением вопросов о законности совершения тех или иных действий оперативно-розыскным органом либо оценкой правомерности действий и решений поднадзорных органов и организаций, их должностных лиц, а проверяет законность установленного порядка проведения ОРМ и осуществления ОРД в целом [3].

Порядок проведения ОРМ предопределяется действием норм-принципов Конституции Российской Федерации, в общем виде регламентируется Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», иными федеральными законами, а также нормативными правовыми актами федеральных органов государственной власти и органов, осуществляющих ОРД, принятыми в развитие этих законов на основании ст. 4 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

При проведении любых оперативно-розыскных мероприятий должны быть соблюдены основания и условия их проведения, определенные Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 7).

По сути основания (поводы) для проведения оперативно-розыскных мероприятий подразделяются на фактические и юридические.

К фактическим основаниям можно отнести сведения, ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность:

о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации;

о лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания;

о лицах, без вести пропавших, и об обнаружении неопознанных трупов.

На основании вышеизложенного можно сделать общий вывод, что обеспечение прав и свобод человека и гражданина в ОРД есть деятельность соответствующих органов (законодательной власти; наделенных правом осуществлять ОРД; контроля и надзора), направленная на создание условий (гарантий) по защите, охране и восстановлению нарушенных прав и свобод личности в условиях применения специальных сил и средств для решения задач борьбы с преступностью, добывания информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической и экологической безопасности РФ.

Отдельной нормой (ч. 3 ст. 5 Закона) утверждается право любого лица, которое считает, что его права и свободы были нарушены тем или иным органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, обжаловать эти действия в вышестоящий оперативный орган, либо территориальному прокурору, либо в суд. Это является главной гарантией соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРМ.

В Законе дано указание на соблюдение конституционного принципа открытости и гласности, законности и защиты доброго имени, чести и достоинства лица, в отношении которого имелись подозрения в его виновности в преступном деянии при производстве оперативно-розыскных мероприятий.

В Законе отражено положение, подтверждающее правовую аксиому о том, что нарушение любого закона влечет ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации. В зависимости от нарушения норм и требований данного Закона ответственность может быть административная, гражданская и уголовная либо смешанная, например, административно-дисциплинарная, уголовно-гражданская. Поэтому в рассматриваемой норме обоснованно заложено, что вышестоящий орган, прокурор либо судья должны принять меры по восстановлению этих прав и законных интересов, возмещению причиненного вреда [4].

Таким образом, в соответствии со ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскные мероприятия могут проводиться до возбуждения уголовного дела либо вне рамок уголовного судопроизводства.

Литература

1. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" (под ред. А.И. Алексеева и В.С. Овчинского). - "Проспект", 2011 г.
2. Гаврилов Б.Я. Обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина в досудебном производстве. – М.: МПСИ, 2013.

3. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом. – СПб., 2013.

4. Правовые основы оперативно-розыскных мероприятий / Под ред. Е.М. Рябкова, В. В. Петрова. – М., 2012.

5. Шумилов А.Ю. Основы уголовно-розыскного права (правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности). Общая часть: Учеб. пособие. – М., 2010.

УДК 340

**АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ НОРМЫ,
ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ
НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА
LEGAL ANALYSIS DESIGN STANDARDS PROVIDES RESPONSIBILITY FOR THE
MURDER MOTHER TO NEWBORN**

Соловцова Е.А., Северо-Кавказский гуманитарно-технический институт, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности и криминалистики

Solovtsova E., North Caucasus Humanitarian-Technical Institute, senior teacher of organization of law enforcement and of criminalities

e-mail: solovtsova76@mail.ru

Аннотация: Анализируются мнения исследователей о законодательной конструкции нормы, предусматривающей ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка, высказывается предложение о совершенствовании нормы, в связи с переходом на новые критерии «живорождения» детей утвержденные Всемирной организации здравоохранения

Annotation: Researchers analyzed opinions on legislative design standards stipulating responsibility for the murder of the mother of a newborn baby, makes suggestions for improving standards in connection with the transition to the new criteria of "live birth" children approved by the World Health Organization.

Ключевые слова: убийство, новорожденный ребенок, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, психотравмирующая ситуация, срок беременности, привилегированный состав.

Key words: murder, a newborn baby, a mental disorder does not equal sanity, traumatic situation gestational age, preferred composition.

На протяжении многих лет, в литературе встречаются разные мнения относительно законодательной конструкции нормы, предусматривающей ответственность за детоубийство. Исследователи высказывают самые разные соображения по поводу того, какими должны быть обстоятельства, что бы признать убийство матерью новорожденного ребенка привилегированным составом.

М.Д. Шаргородский предлагал:

«1. Сохранить в Уголовном кодексе детоубийство как более тяжко наказуемый случай убийства.

2. Выделить из состава детоубийства случаи, когда оно совершено матерью во время или непосредственно после родов, с установлением только в этом случае более мягкого наказания.

3. Установить за пособничество детоубийству или подстрекательство к нему ответственность как за квалифицированное убийство, вне зависимости от смягчения ответственности для матери ввиду наличия субъективных обстоятельств» [8; 94].

А.Н. Красиков считает, что «рожицу, убившую своего ребенка, «наказывает» уже сама природа, то есть объективные негативные обстоятельства, которые выше ее сил, а государство вдобавок предлагает считать ее преступницей и наказывать лишением свободы» [4; 106].

С.Ф. Милуков, отвергая понятие «убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов», предлагает следующую редакцию ст. 106 УК РФ:

«1. Убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, -

наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, совершенное впервые в условиях психотравмирующей ситуации, -
наказывается лишением свободы на срок до шести лет» [5; 218].

Т.В. Кондрашова полагает, что вопрос об уголовной ответственности женщины должен решаться исходя из наличия (отсутствия) вменяемости во время совершения преступления [3; 143].

А.Л. Карасова, оставляя название ст. 106 УК РФ прежним, по-иному формулирует диспозицию:

«Убийство роженицей ребенка во время его рождения или сразу же после родов (в течение послеродового периода) в состоянии сильного душевного волнения, вызванного психотравмирующей ситуацией –

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет» [1; 10].

Р. Шарпов предлагает следующую формулировку ст. 106 УК РФ:

«Статья 106. Убийство матерью ребенка

Убийство роженицей ребенка во время его рождения или в послеродовой период, а равно убийство родильницей новорожденного ребенка сразу же после родов, в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости...» [7; 33].

А.Н. Попов предлагает следующую редакцию ст. 106 УК РФ:

«Убийство роженицей (родильницей) своего ребенка

Убийство роженицей (родильницей) своего ребенка при сроке беременности более 22 недель, до, во время или сразу же после родов в случаях, когда преступление совершено или в условиях психотравмирующей ситуации, или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, -

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет» [6; 67].

По мнению В.Ю. Касторновой, диспозиция ст. 106 УК РФ должна она звучать следующим образом:

«Убийство матерью своего новорожденного ребенка

1. Убийство роженицей (родильницей) своего новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации, или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости при сроке беременности более 28 недель, - наказывается лишением свободы на срок до пяти лет» [2; 371].

В.Ю. Касторнова, предлагая редакцию ст. 106 УК РФ, ссылается на Приказ Минздрава России и постановление Госкомстата России от 4 декабря 1992 г. «О переходе на рекомендованные Всемирной организацией здравоохранения критерии живорождения и мертворождения» и Инструкция Минздрава России «Об определении критерия живорождения и мертворождения, пренатального периода», где определены критерии жизнеспособности плода и новорожденного:

- Масса - 1000 г. и более;
- Длина тела - 35 см и более;
- Срок беременности - 28 недель и более, независимо от того, родился ребенок мертвым или живым.

В соответствии с вышесказанными Приказом и Инструкцией, ребенок, родившийся живыми с массой тела от 500 до 999 г подлежал регистрации в органах ЗАГСа как живорожденный в случае, если он прожил более 168 часов после рождения. Если такой ребёнок умирал, не прожив этих часов – смерть не регистрировалась т.к. такой ребёнок считался плодом, а не новорожденным.

Однако с 2012 года Россия перешла на новые критерии «живорождения» детей утвержденные Всемирной организации здравоохранения, согласно которой теперь врачи обязаны бороться за жизнь ребенка, родившегося на сроке беременности от 22 недель с весом от 500 грамм.

Теперь врачи обязаны будут бороться за жизнь малышей, родившихся на сроке беременности от 22 недель с весом от 500 грамм.

Мнения врачей по поводу данного новшества разделились. Одни полагают, что условия для выхаживания детей весом от 500 грамм имеются далеко не во всех населенных пунктах страны, в связи с чем, резко ухудшились показатели работы акушеров и неонатологов, поскольку высока смертность таких детей. Кроме того, есть угроза того, что у выжившего ребенка могут развиваться патологии, что может приводить к отказам матерей.

Другие уверены, что введение новых критериев позволит реализовать программы по оснащению родильных домов и повысить ответственность врачей – акушеров, неонатологов, реаниматологов.

В связи с вышеизложенным, предложенная А.Н. Поповым редакция ст. 106 УК РФ, на наш взгляд, является наиболее удачной. Фактически, привилегированным убийство матерью новорожденного ребенка может быть только при наличии особых обстоятельств –

психотравмирующей ситуации или психического расстройства, не исключаящего вменяемости. Возможный период совершения детоубийства при наличии вышеуказанных обстоятельств - приравнен к понятию новорожденности ребенка и составляет 28 дней после его рождения.

Детоубийства при наличии смягчающих обстоятельств по истечении 28 дней после рождения ребенка, а также убийство роженицей (родильницей) своего новорожденного ребенка при сроке беременности более 22 недель во время или сразу же после родов, на наш взгляд, следует приравнять к убийству лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Данные убийства являются, как правило, спланированными.

Литература

1. Карасова А.Л. Убийство матерью новорожденного ребенка (теоретико-прикладные аспекты ответственности по ст. 106 УК РФ): Автореф. Дис...канд. Юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003.
2. Касторнова В.Ю. Проблемы законодательной конструкции ст. 106 УК РФ «Убийство матерью новорожденного ребенка» // Российский криминологический взгляд. – 2009. - №4.
3. Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. - Екатеринбург, 2000.
4. Красиков А.Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. – Саратов, 1999.
5. Милюков С.В. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. - СПб., 2000.
6. Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. Санкт-Петербург, 2001.
7. Шарапов Р. К вопросу о начале уголовно-правовой охраны жизни человека // Уголовное право. 1999. № 4.
8. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. – М., 1947.

УДК 340

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА КОРПОРАТИВНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ
CURRENT ISSUES INSTITUTE OF CORPORATE RELATIONS IN RUSSIA**

*Шевчук Т.И., Филиал Российского государственного университета в г. Ставрополе,
старший преподаватель кафедры Теории и истории государства и права*

*Shevchuk T.I., Department of Russian State University in Stavropol, a senior lecturer in
Theory and History of State and Law*

e-mail: www.tanHanum@rambler.ru

*Аннотация: научная статья правовым способам управления корпораций и развитию
корпоративных отношений внешних и внутренних, осуществляемого на законодательной
основе, а так же правовым проблемам, возникающим при их реализации*

*Abstract: Scientific article legal ways of managing corporations and corporate development
of the external and internal relations, implemented on a statutory basis, as well as the legal issues
that arise in their implementation*

*Ключевые слова: корпоративное управление, права участника корпорации,
корпорации, правовая сущности корпоративных отношений*

*Keywords: corporate governance, the rights of a corporation, corporations, legal entities of
corporate relations*

История развития человеческого общества показывает, что исключительно все стадии развития человечества сопровождалась преобладанием процессов объединения людей между собой в различные социальные группы по различным признакам (от признаков семейного родства до признаков производственных отношений - собственности, интересов). Развитие общественных производственных отношений привело к появлению разнообразных механизмов и форм подобных объединений. В силу господства природы над человеком люди всегда стремились к объединению - один обособленно живущий человек погибнет, а группа людей, действующая сообща, выживет. Дальнейшее развитие общественных производственных отношений подтвердило необходимость объединения. Таким образом, люди, объединенные общностью целей, интересов и иных факторов, в течение всей истории развития человечества вступали между собой в корпоративные отношения (корпоративный - от лат. «сопроге» - связывать, взаимосвязывать, объединять).

Корпоративные отношения на сегодняшний день являются неотъемлемой частью современного общества. Особенно широко и динамично в настоящее время корпоративные

отношения развиваются в политической и экономической сферах общества и соответственно регулируются правовыми нормами.

Актуальность проблем в этой сфере обусловлена тем, что споры о юридической природе прав участника корпорации на имущество этого юридического лица ведутся давно. Термин «корпорация» не свойственен российскому законодательству, в отличие от законодательства зарубежных стран. Но с возникновением и развитием в России рыночных отношений отечественные цивилисты все больше внимания уделяют исследованию сущности корпорации и отношений, складывающихся между ней и ее участниками. Эти вопросы приобретают особый оттенок в свете того обстоятельства, что в последнее время в научной литературе возрастает интерес к проблемам, связанным с предметом гражданско-правового регулирования. (1)

Социально-экономические преобразования, которые осуществлялись в нашей стране за последнее десятилетие, повлекли за собой коренные изменения в гражданском законодательстве. Оно было кодифицировано. Складывающееся с течением времени единообразное применение правовых норм требует осмысления многих проблем на теоретическом уровне, что зачастую невозможно осуществить без рассмотрения основной категории науки гражданского права - предмета гражданско-правового регулирования. Яркой иллюстрацией к сказанному могут служить правоотношения, возникающие между участниками организации, основанной на началах участия (членства), и самой организацией, а также правоотношения ее участников друг с другом. В научной литературе такие правоотношения получили название корпоративных, или членских. Термин «корпоративные правоотношения» используется также в учебной литературе. Тем не менее, его использование на практике сопровождается возникновением многочисленных социально-правовых проблем, решение которых, во многом, зависит от их качественной научной проработки, на основе которой можно выработать реальные практические рекомендации, направленные на совершенствование правовой основы деятельности корпораций в России.(3)

Общество вынуждено поставить перед собой цель, которая заключается в определении принципиальных положений, способных оказать содействие в реформировании современного корпоративного законодательства.

Достижение поставленной цели зависит от определения основных этапных задач, последовательное решение которых будет способствовать получению искомого результата. Такими задачами являются:

1. Осуществление системного научно-теоретического анализа социально-экономической и правовой сущности корпоративных отношений.
2. Исследования основных проблемных вопросов правового регулирования организационных форм корпоративных отношений.

Проведенное в последнее десятилетие исследование позволило сформулировать следующие основные выводы:

1. Корпоративные отношения представляют собой совместное действие, поведение заинтересованных лиц (участников корпоративных отношений), объединенных между собой совместными (корпоративными) целями и связями. Понятие «корпоративные отношения» не отражено в современном российском гражданском законодательстве и представляет собой условную экономическую и юридическую интерпретацию.

Основные признаки корпоративной организации (корпорации):

- количество участников корпорации должно быть более одного (единоличное лицо - гражданин не может являться объединением, он может являться учредителем юридического лица, но не объединением);

- объединение имущества (в денежной, товарной или в денежно-товарной форме) участников;

- наличие единой цели (общего интереса), во имя которой ее участники объединили (корпорировали) свои усилия для достижения общей выгоды для всех (участников);

Дополнительные признаки корпоративной организации (корпорации):

- бессрочность существования;

- имущество в той или иной форме обособлено от участников в целях объединения;

- общие дела отдельных участников по мере развития корпорации, от простых форм к более сложным, становятся делами корпорации;

- ограничение ответственности участников (общая ответственность участников по обязательствам корпорации переходит в ответственность корпорации);

- управление делами корпорации обособлено от личной воли его участника;

- наличие статуса юридического лица.

Основными критериями, позволяющими ввести классификацию корпоративных отношений на уровне отдельной организации и на уровне групп организаций, выступают: характер основной деятельности (коммерческий, некоммерческий), инициатива участия (добровольная, недобровольная), характер участия (полное участие, неполное участие), форма участия (с правом голоса, без права голоса в управлении хозяйственной деятельностью), вид корпоративного контроля (прямой, косвенный), национальная принадлежность состава участников, вид уставного капитала (акционерный, неакционерный), характер вхождения в состав участников (имущественные вклады, договора), степень зависимости от участников (менее 50% голосов, более 50% голосов), форма собственности (государственная, частная), отраслевая направленность (горизонтальная, вертикальная, сложная интеграция), организационные принципы интегрирования (классическая иерархия, инверсия, перекрестное участие, кооперация).(3)

2. Главной отличительной особенностью зарубежного корпоративного законодательства по сравнению с российским является его высокая детализированность, выражающаяся в многочисленных описаниях различных аспектов создания и деятельности, сложившаяся в результате многочисленных судебных прецедентов. Корпоративного законодательства на уровне групп организаций в явном виде за рубежом практически не

существует, и основные направления его развития находятся в рамках совершенствования, изменения и дополнения действующей системы корпоративного законодательства на уровне отдельно взятой организации. Среди наиболее острых проблем в настоящее время во всех моделях зарубежного корпоративного права можно выделить следующие:

- взаимоотношения между участниками корпоративных отношений и наемным персоналом - должностными лицами (главным образом высшего звена), проблема инсайдеров;
- проблема защиты интересов миноритарных участников - проблема аутсайдеров.

3. В настоящее время особенно острой является необходимость коренного реформирования российского корпоративного законодательства. Вместе с тем представляется целесообразным принять во внимание ряд факторов, прямо или косвенно влияющих на процесс становления российского гражданского права (и предпринимательского права): исторических, экономических, политических, географических и национальных факторов, вследствие которых в России не могли сформироваться предпосылки для развития стабильной (не реформируемой в основе) системы корпоративного законодательства. В целом российское корпоративное законодательство характеризовалось на протяжении всей истории государства и характеризуется в настоящее время своей нестабильностью, отсутствием детальной проработки ряда важнейших вопросов, некорректностью терминологии из-за большого числа понятий и определений иностранного происхождения, наличием большого числа правовых коллизий, отсутствием тесной взаимосвязи между материальным правом и судебной практикой.(2)

4. К основным наиболее спорным вопросам правового регулирования организационных форм корпоративных отношений в предпринимательской деятельности в рамках одной организации в российском гражданском (корпоративном) законодательстве можно отнести:

- вопросы терминологического характера, связанные с уточнением и дополнительным разъяснением некоторых терминов и понятий, в частности понятия «золотая акция»;

- вопросы более четкого определения качественного состава участников (в производственном кооперативе - участие юридических лиц), количественного состава участников (в полном товариществе и товариществе на вере);

- вопросы реорганизации ООО и АО;

- спорность применения норм налогового законодательства к организациям, образующимся в результате выделения, так как налоговым органам будет очень сложно доказать в суде, что выделения производились умышленно с целью неуплаты налогов;

- спорность в вопросах преобразования ОАО в ЗАО и наоборот, так как преобразование АО в АО разных типов не является преобразованием, поскольку не происходит смена организационно-правовой формы, но данное преобразование может быть существенным, как для акционеров, так и для кредиторов - третьих лиц;

- вопросы законодательного регулирования создания и деятельности ОДО;

- вопросы, связанные с регулированием права доступа участников ООО и акционеров АО к бухгалтерской документации;
- вопросы совместимости понятия «крупная сделка» в Законе об ООО и Законе об АО;
- вопросы в отношении приведения в соответствие Закона об ООО и Закона об АО касательно деятельности совета директоров;
- коллизия права об акциях - Закон о рынке ценных бумаг допускает существование акций на предъявителя, а Закон об АО - нет, ГК РФ вообще не разделяет именные акции и акции на предъявителя;
- неясности с порядком применения дробных акций;
- неурегулированность имущественной ответственности депозитария - Закон о рынке ценных бумаг запрещает наложение взысканий на ценные бумаги, хранящиеся в депозитарии, ГК РФ - предусматривает;
- вопросы, связанные с необходимостью представления регистратору при купле-продаже акций передаточного распоряжения, - положение о ведении реестра обязывает предоставлять передаточное распоряжение, в то время как законы вообще этот вопрос не оговаривают;
- неурегулированность норм Закона об «Акционерных обществах» и Закона о защите прав и интересов инвесторов по вопросу предоставления права акционерам требовать выкупа обществом принадлежащих им акций вследствие принятия решения о закрытой подписке;
- сложность процедуры доказывания в суде акционером существенности обжалуемого решения общего собрания акционеров, если такое решение каким-либо образом ущемляет права данного акционера;
- урегулирование конфликтов между двумя группами участников с количеством голосов 50% и 50% соответственно - извечный неразрешимый конфликт;
- неурегулированность трудовых отношений в АО Законом об «Акционерных обществах» и Трудовым кодексом РФ в отношении совместительства в других организациях лиц, осуществляющих функции исполнительного органа управления АО, и в отношении возможности увольнения в любое время по решению общего собрания акционеров лиц, осуществляющих функции исполнительного органа управления АО;
- необходимость полной отмены Закона о народных предприятиях как законодательного акта, регулирующего частные случаи процесса создания и деятельности АО, которые можно было бы предусмотреть в общем Законе об АО, не принимая при этом отдельных специальных законов;
- наличие технической опечатки в п. 1 ст. 75 Закона об «Акционерных обществах» (вместо слов «...пунктом 2 статьи 79... «в п. 1. ст. 75 необходимо поставить слова «...пунктом 3 статьи 79...»);
- вопросы общеправового регулирования производственных кооперативов, хозяйственных товариществ и ООО - применения к вышеназванным формам Кодекса корпоративного поведения, рекомендованного ФКЦБ России;

- вопросы терминологии, порядка начисления, выплаты, налогообложения, бухгалтерского и налогового учета дивидендов и расчета прибыли организации;

- наличие Закона об АО - народных предприятиях, подлежащего, по мнению автора, полной отмене из-за отсутствия существенной необходимости и целесообразности регулирования частных норм акционерного права, содержащихся в общем Законе об АО, отдельным специальным законодательным актом.(2)

5. Действующее законодательство, регулирующее создание и деятельность групп организаций, нуждается в коренном реформировании и дальнейшем совершенствовании. Закон о Финансово-промышленных группах, ст. 4 Закона о банках и банковской деятельности, Временное положение о холдингах являются практически нереализуемыми или труднореализуемыми, бесполезными и подлежащими отмене в силу ряда причин: противоречие общегражданскому, налоговому законодательству; отсутствие сопутствующего правового обеспечения в виде подзаконных актов Правительства РФ и Минфина России; отсутствие необходимости введения новой специальной правовой конструкции (холдинг, холдинговая компания, консолидированная группа, ФПГ). Правовое регулирование деятельности групп организаций можно улучшить путем внесения изменений и дополнений в ГК РФ и федеральные законы, определяющие процессы создания, деятельности и ликвидации коммерческих организаций. Понятия «холдинг», «холдинговая компания», «группа кредитных организаций», «ассоциированные предприятия» и «Финансово-промышленная группа» следует полностью исключить из корпоративного законодательства РФ как частные, производные категории, являющиеся понятиями иностранного происхождения, равнозначными по смыслу терминам: «основное и дочернее, зависимое общества, группа лиц». Реформирование корпоративного законодательства РФ целесообразно проводить, прежде всего, в отношении норм, регулирующих создание и деятельность простых товариществ, основных и дочерних, зависимых хозяйственных обществ. Также представляется целесообразным дополнительно уточнить и расширить понятия «дочернее, зависимое» применительно к хозяйственным товариществам, производственным кооперативам, государственным и муниципальным унитарным предприятиям посредством введения понятий: «основная, дочерняя, зависимая организация». (4)

Вместе с тем в настоящее время является особенно актуальным и необходимым приведение в единое соответствие норм общегражданского, налогового, антимонопольного, финансового, банковского законодательства в общетерминологическом плане (особенно для достижения единообразия в трактовке понятий «группа лиц», «система участия») путем введения в общегражданское законодательство (прежде всего в ГК РФ) понятий «группа организаций» и «группа лиц», а также полного устранения из всех законодательных и подзаконных актов понятий «холдинг», «взаимозависимые лица» и «аффилированные лица».

6. Общая концепция правового регулирования организационных форм корпоративных отношений в предпринимательской деятельности в России на современном этапе должна включать в себя следующие основные элементы:

1) общие стратегические цели, сводящиеся к необходимости коренного реформирования действующего гражданского законодательства России в отношении процессов создания и деятельности корпоративных организационных форм;

2) основные задачи, детализирующие общие стратегические цели (внесение изменений в законодательные и подзаконные акты, формирование общедоступной электронной базы данных - мониторинга законодательства, разработка организационных мероприятий по совершенствованию механизмов взаимодействия государственных органов и всех субъектов российской экономики);

3) возможные пути решения основных задач (детальный анализ законодательства, формирование совместных комиссий, рабочих групп, совершенствование процедур разработки и принятия законопроектов, развитие системы мониторинга судебной практики, организационно-кадровые мероприятия судов высших инстанций в отношении нижестоящих судов);

4) субъекты, непосредственно участвующие в решении основных задач (все органы государственной власти, коммерческие, некоммерческие организации, физические лица);

5) организация финансирования концепции.(3)

Таким образом, в ходе проведенных исследований, получены, интересные выводы, имеющие определенное научно-теоретическое и практическое значение.

Литература

1.Ионцев М.Г. Акционерные общества: Правовые основы. Имущественные отношения. Управление и контроль. Защита прав акционеров. - М., 2003. – 180 с.

2.Корпоративное управление. Владельцы, директора и наемные работники акционерного общества: Пер. с англ. - М., 2000. – 56 с.

3.Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Антология уральской цивилистики. 1925-1989: Сб. статей. - М., 2006. - С. 156-165.

4.Майфат А.В. Особенности инвестирования в предпринимательскую деятельность. Вопросы теории и правоприменения. - Екатеринбург: РИК Реал, 2006. – 210 с.

УДК 340

**ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ
В НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ XX В.
FEATURES OF THE MIGRATION SITUATION IN RUSSIA
IN THE EARLY 90-S OF XX CENTURY.**

Федан М.А., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», магистрант 3-го года обучения.

Fedan M.A., Rostov (Rostov-on-Don) Law Institute (branch) of VPO «Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation», the 3rd year graduate student.

e-mail: ruy@aanet.ru

Аннотация: в статье рассмотрены особенности миграционной ситуации в России в начале 90-х гг. XX в.

Annotation: the article deals with the features of the migration situation in Russia in the early 90-s of XX century.

Ключевые слова: миграция, беженцы, вынужденные переселенцы, Российская Федерация.

Key words: migration, refugees, internally displaced persons, the Russian Federation.

Десятилетие с 1991 г. по 2001 г. принято считать этапом становления современного российского миграционного законодательства. Его хронологические рамки определяются такими событиями, как распад СССР и принятие Федерального закона «О правовом статусе иностранных граждан».

Сложившаяся в России в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века миграционная ситуация явилась следствием сложной политической и социально-экономической обстановки. Основными причинами, обострившими миграционную ситуацию, большинство исследователей считают последствия распада СССР. [6]

Вместе с тем высказывается мнение, что начало обострения миграционной ситуации началось еще в СССР. Оно было вызвано межнациональными конфликтами, сопровождавшимися массовыми погромами армян в Сумгаите (Азербайджанская ССР) в феврале 1988 г., турок-месхетинцев в июле 1989 г, в г. Фергана (Узбекская ССР), конфликтами между киргизами и узбеками летом 1989 г. в г. Ош (Киргизская ССР), абхазо-грузинской войной летом 1991 г. Тысячи жителей этих регионов покидали места своего жительства, превращались в вынужденных мигрантов, большинство из них перемещались на территорию России.

Уже в конце 1986 года активизировались процессы дезинтеграции советского политического и правового пространства. Об этом свидетельствует первое массовое выступление под этническими лозунгами в Алма-Ате. Законодательно оформленная суверенизация бывших советских республик в 1991 году стала лишь формальным завершением процесса распада.

Некоторые авторы рассматривают распад СССР как один из равнозначных факторов изменения миграционных процессов. Так, В.Н. Петров считает, что в 1990-е гг. совершились резкие изменения в характере, содержании, направленности миграционных процессов. Распад СССР, изменения в международных отношениях, обострение межнациональных отношений, радикальные изменения в экономической и политической системах на постсоветском пространстве вызвали новые явления и в миграциях населения. [8] Негативный национально-политический фон отмечает в числе причин массовой внутренней миграции и Е.А. Апольский, характеризуя события, последовавшие вскоре после распада союзного государства. [1]. Но как высказались в свое время известные авторы, «разумным отношением к этой проблеме могла бы стать так называемая золотая середина». [10]

Специалисты, анализируя миграционные процессы в России и причины, их вызвавшие, признают, что эффективной миграционной политике мешали ограниченность ресурсов, имевшихся в распоряжении государства, а также объективные сложности переходного периода. [3] Как отмечает О.Д. Воробьева, «в начале 90-х годов Россия была не готова к разработке и реализации новой миграционной политики, к приему и обустройству на своей территории огромных масс обездоленных людей, к борьбе с незаконной миграцией. Не было опыта, средств, законодательной базы и государственного органа, на который можно было бы возложить решение этих проблем». [2] Л.А. Морозова также считает, что в этот период не было «четкого плана миграционной деятельности, конкретных представлений о стратегических целях миграционной политики и тактике проведения миграционных мероприятий в этой сфере». [7]

В России полностью отсутствовали федеральные миграционные нормативно-правовые акты до 1992 года, несмотря на то, что уже в октябре 1992 года насчитывалось более 460 тыс. беженцев и свыше 700 тыс. вынужденных переселенцев согласно официальной статистике.

Отсутствие такой нормативно-правовой базы связано с тем, что в указанный период работа по экстренному приему, размещению и оказанию помощи лицам, пребывающим в Россию, велась с использованием разовых решений правительства, вызванных конкретными событиями в Узбекистане, Казахстане, Южной Осетии. К трудоустройству таких лиц и обеспечению их жильем привлекались различные союзные и республиканские министерства.

Так, например, Постановление Совета Министров РСФСР № 220 от 13 июля 1989 г. «О мерах по созданию необходимых условий для проживания в областях РСФСР турок-месхетинцев, вынужденно покинувших постоянное место жительства в Узбекской ССР» определило области Российской Федерации для размещения турок-месхетинцев, а также льготы, которые предоставлялись семьям переселенцев на новом месте жительства, виды

пособий и компенсационных выплат. Соответствующим облисполкомам поручалось обеспечить туркам-месхетинцам компактное поселение в сельской местности, «создание необходимых жилищно-бытовых и социально-культурных условий и их трудовое участие в общественном производстве».

В Постановлении Совета Министров СССР № 1100 от 11 декабря 1989 г. «О мерах по оказанию помощи семьям беженцев, вынужденно покинувшим место жительства в Гурьевской области Казахской ССР» устанавливался размер денежного пособия «на хозяйственное обзаведение, которое выплачивалось за счет резервного фонда Совета Министров СССР, а также порядок выплаты компенсации стоимости имущества, «утраченного в результате противоправных действий», осуществляемой Советом Министров Казахской ССР.

Постановлением Правительства РФ № 135 от 3 марта 1992 г. «О мерах по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам» определялся размер и порядок выплаты единовременного пособия беженцам и вынужденным переселенцам; организация пунктов их приема и временного размещения; система льгот; организация строительства комплексных поселений граждан, вынужденно покинувших места прежнего постоянного проживания.

Значительные изменения в начале 90-х годов произошли в миграционном обмене России с бывшими союзными республиками. Прежде всего, увеличился более чем в 3 раза миграционный прирост населения России. Приток поселенцев в Россию из государств нового зарубежья составил к 1994 году 1146 тыс. человек, почти в 5 раз превысив отток населения из России в эти государства.

Всего за период с 1989-1994 год миграционный прирост составил 2380 тыс. человек. Половина всех прибывших — это жители Казахстана и Средней Азии, пятая часть — Украины, 17% — государств Закавказья. [9] Показательно, что в регионах с наиболее напряженной внутренней политической обстановкой (Закавказье, Таджикистан) выезд русского населения сопровождался оттоком в Россию также и представителей титульных национальностей. Межгосударственная миграция в этот период носила ярко выраженный вынужденный характер. Поэтому практически четверть всех прибывших (260 тыс. из 1 млн) получила статус вынужденного переселенца или беженца.

В первой половине 90-х годов возникла еще одна проблема, заключавшаяся в фактическом исчезновении контролируемых внешних границ и свободном проникновении на территорию России иностранных граждан, не получивших для этого законного разрешения. Большинство ученых - демографов и социологов - оценивает число незаконных мигрантов в России примерно в пределах 4-5 млн. [4] Бесконтрольные миграционные потоки приводили к росту социальной напряженности, повышению криминальной активности лиц, мигрирующих на территорию страны. Многие специалисты отмечают, что «незаконная миграция — явление, которое несет угрозу экономической, демографической, национальной безопасности любого государства». [5]

Таким образом, изменение миграционной ситуации в России в начале 90-х годов потребовало корректировки миграционной политики, выдвинув на первое место вопросы приема и обустройства на своей территории огромных масс людей, которые вынуждены были покинуть постоянное место жительства. Формирование правовых основ миграционной политики необходимо было направить на создание иммиграционного контроля, паспортно-визового режима, на упорядочение системы регистрации иностранных граждан и лиц без гражданства, их централизованный учет.

Литература

1. Апольский Е.А., Калинин В.В. Миграция как социально-экономический фактор: плюсы, минусы, перспективы // Вестник СевКавГТИ. – 2011. №11. С. 89.
2. Воробьева О.Д. Миграция населения. // Миграционная политика. Выпуск шестой. М., 2001. С. 33–34.
3. Воронина Н. Правовое регулирование миграции в России // Вынужденные миграции: интеграция и возвращение / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1997.
4. Красинец Е., Кубишин Е. Иностранцы мигранты в России. М., 2002. С. 56.
5. Красинец Е., Кубишин Е. Тюрюканова Е. Нелегальная Миграция в Россию. М., 2002. С. 37.
6. Миграция и безопасность в России / Под ред. Г. Витковской, С. Панарина. М., 2000. С. 57–59.
7. Морозова Л.А. Миграционная деятельность современного Российского государства / Миграция, права человека и экономическая безопасность современной России: состояние, проблемы, эффективность защиты. М., Нижний Новгород, 2004. С. 320.
8. Петров В.Н. Миграция населения и этнические мигранты в современной России. Краснодар, 2004. С. 69.
9. Спиридонов А.Н. Миграционная политика в России, ее эволюция и пути совершенствования. Дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. С. 70.
10. Саруханян А.Р., Долгополов К.А., Обеспечение прав субъектов предпринимательской деятельности мерами уголовно-правового характера. – Бизнес в законе. – 2010. - №4. – с.81.

УДК 340

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
CONSTITUTIONAL BASIS OF MIGRATION POLICIES OF SUBJECTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Федан М.А., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», магистрант 3-го года обучения.

Fedan M.A., Rostov (Rostov-on-Don) Law Institute (branch) of VPO «Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation», the 3rd year graduate student.

e-mail: ruy@aanet.ru

Аннотация: в статье рассмотрены конституционные основы миграционной политики субъектов Российской Федерации.

Annotation: the article deals with the constitutional basis of migration policies of subjects of the Russian Federation.

Ключевые слова: миграция, политика, субъекты Российской Федерации, Российская Федерация.

Key words: migration, policy, subjects of the Russian Federation, the Russian Federation.

Практически все регионы Российской Федерации затронули проблемы миграции. При этом расселение мигрантов по территории страны происходит неравномерно, свыше половины всех вынужденных мигрантов оказалось сосредоточено в центральных и южных районах страны либо с благоприятными природно-климатическими условиями, либо с относительно высоким уровнем социально-экономического развития (Белгородской, Калининградской, Липецкой областях, Краснодарском, Ставропольском краях).

Проблемным аспектом формирования нормативно-правового регулирования в сфере миграции является параллельное формирование федерального законодательства и законодательства субъектов Федерации.

В Конституция Российской Федерации 1993 года было закреплено разграничение компетенции и ответственности Российской Федерации и ее субъектов посредством выделения «предметов ведения». При этом Конституция определяет лишь предметы ведения Российской Федерации (ст. 71) и предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72). Поскольку в нормах Конституции нет прямого указания на то, относится ли сфера миграции к исключительному федеральному предмету ведения, это позволило некоторым субъектам сформировать собственное миграционное законодательство.

Органы государственной власти регионов России, осуществляя свое право на так называемое опережающее законодательство (принятие субъектами РФ законодательных актов до урегулирования этих же отношений на федеральном уровне), столкнулись с начала 90-х годов прошлого столетия с изменившейся миграционной ситуацией и стали формулировать свои подходы к миграционной политике, приступив к самостоятельному правовому регулированию отношений в этой области. В тех регионах, где естественная убыль населения превышала его прирост и где с мигрантами связывались надежды на социально-экономическое развитие регионов, политика по отношению к мигрантам оставалась достаточно либеральной. [2]

Избыточное количество мигрантов в регионах проводило к политике ограничения их притока. Нормативные акты, принятые в гг. Москве и Санкт-Петербурге, Московской, Ростовской, Калининградской областях, Краснодарском и Ставропольском краях, Республике Адыгея, Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республиках в той или иной степени касаются регистрации лиц по месту пребывания и жительства.

В Ростовской области, например, был принят областной Закон «О мерах по усилению контроля за миграционными процессами на территории Ростовской области», в Карачаево-Черкесской республике — Постановление Правительства КЧР «О комиссии миграционного контроля при Правительстве КЧР» от 26 января 2001 г., в Ставропольском крае — «Иммиграционный кодекс Ставропольского края» от 21 декабря 1996 г., в Краснодарском крае — Закон «О порядке регистрации пребывания и жительства на территориях Краснодарского края» от 23 июня 1995 г., который стал модельным для подобных правовых актов в других субъектах Российской Федерации.

Таким образом, Южный федеральный округ, имея большое количество вынужденных мигрантов на своей территории, стал отличаться развитостью системы регулирования миграционных процессов в субъектах Федерации этого округа, хотя преимущественно с ограничительным уклоном. [3]

Однако следует заметить при этом, что в конституциях и уставах субъектов вопросы миграции не регламентируются, хотя в некоторых из них допускается возможность ограничения на законодательном уровне свободы передвижения и выбора места жительства. Например, действовавшая ранее редакция Устава Краснодарского края декларировала: «Настоящий Устав и законы края могут предусматривать для граждан Российской Федерации в качестве условия пользования ими отдельными правами постоянное проживание на территории края». [1] Причем под постоянным проживанием законодатель подразумевал «отметку в паспорте о постоянной регистрации (прописке)».

Разрешительный режим регистрационного учета в законодательстве Краснодарского края диссонировал с либеральным характером федерального законодательства. Однако в условиях активного миграционного притока и необходимости обеспечения общественной и государственной безопасности временное ограничение прав человека в целях поддержания порядка и повышения эффективности государства являлось в 90-е годы XX в. обоснованной

мерой. Именно последнее десятилетие прошлого века явилось периодом наибольшей миграционной активности в Краснодарском крае.

В отличие от общероссийской тенденции, как считают В.А.Карасев и М.А.Фомина, численность населения края с 1989 по 2002 г. не сокращалась, а даже выросла на 529355 человек (11,5% населения). Увеличение произошло, в основном, за счет миграции из-за пределов края. [4] Краевое законодательство позволило минимизировать негативные последствия обвальной миграции после распада СССР, что в тот период имело позитивное значение. Более того, активное развитие законодательства Краснодарского края по вопросам миграции явилось ориентиром для некоторых тенденций в развитии федерального законодательства: выравнивание правового статуса иностранных граждан «ближнего» и «дальнего» зарубежья, квоты на прием мигрантов, введение натурализационного периода и др.

В рассматриваемый период в отдельных субъектах Российской Федерации принимались нормативные акты, которые были призваны регулировать миграционные процессы. Принятие таких актов нередко было связано с необходимостью восполнить пробелы в федеральном законодательстве. В некоторых субъектах Федерации законы ограничивали права и свободы мигрантов, хотя и содержали реальные механизмы решения миграционных проблем и пресечения нелегальной миграции.

На федеральном уровне указанный период отличается отсутствием системного подхода к регулированию миграционных отношений. Наиболее острые проблемы правового регулирования миграционных процессов того времени: неопределенность правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, отсутствие правового механизма предоставления им вида на жительство и права проживания на территории российского государства.

Таким образом, к концу рассматриваемого периода выявились основные направления развития миграционной политики:

- противодействие незаконной иммиграции; решение конкретных управленческих задач в области привлечения и использования иностранной рабочей силы;
- предоставление полномочий субъектам Федерации в вопросах целесообразности расселения мигрантов, исходя из потребностей в трудовых ресурсах и плотности населения;
- регулирование порядка и механизма обустройства переселенцев, принимая во внимание специфику различных категорий мигрантов;
- стимулирование притока мигрантов на определенные территории исходя из интересов государства.

Литература

1. Устав Краснодарского края (в ред. Закона Краснодарского края от 18.07.1997) // Кубанские новости. 1997, 11 сентября.

2. Зайончковская Ж. Миграционная ситуация в современной России // Человек и труд. 2005. № 6. С. 31–37.

3. Иванов В.П. Иммиграционное законодательство: проблемы становления // Журнал российского права. 2002. №8. С. 3–8.

4. Карасев В.А., Фомина М.А. Анализ миграционных процессов на территории Краснодарского края // Миграционные процессы на Юге России: реалии, проблемы, перспективы. Вып. 1. Ростов-н/Д., Изд-во СКАГС. 2008. С. 207.

УДК 347.998.72

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
CURRENT PROBLEMS OF ARBITRATION COURTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Царик А.С., Ростов-на-Дону, заместитель Председателя постоянно действующего Третейского суда «Южный региональный Арбитраж» при НП «Союз правовой поддержки пациентов и медицинских работников», студент 2 курса магистратуры Ростовского юридического института (филиала) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Минюста России»

Tsarik A.S., Rostov-on-Don, Vice-Chairman of the permanent Court of Arbitration "Southern Regional Arbitration" in NP "Union legal support to patients and healthcare professionals", 2-year master's student in Rostov Law Institute (branch) of VPO "The Russian legal Russian Academy of Justice "

e-mail: arbitrazh61@mail.ru

Аннотация: В статье на основе изучения судебной практики по выдаче исполнительных листов на решения третейских судов анализируются актуальные вопросы функционирования третейских судов в Российской Федерации.

Abstract: In this paper based on the study of judicial practice of issuing writs for arbitration awards analyzes topical issues of functioning of arbitration courts of the Russian Federation.

Ключевые слова: третейский суд, третейское разбирательство, стороны третейского разбирательства, решение третейского суда, исполнительный лист.

Key words: arbitration, arbitration, the parties of the arbitration proceedings, the decision of the arbitration court, a writ of execution.

Гарантируя государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина, Конституция Российской Федерации одновременно закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. К числу общепризнанных в современном правовом обществе – способов разрешения гражданско-правовых споров, проистекающих из свободы договора, которой наряду с автономией воли участников предпринимательской и иной экономической деятельности обуславливаются диспозитивные начала гражданско-правовых и гражданско-процессуальных отношений, относится обращение в третейский суд – международный коммерческий арбитраж или внутренний третейский суд (постоянно действующий третейский суд или третейский суд, образованный сторонами для решения конкретных споров) [1].

Возможность разрешения гражданско-правовых споров посредством третейского разбирательства закреплена в гражданском законодательстве и соответствующих процессуальных нормах.

Так, в силу пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет в соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством, суд, арбитражный суд или третейский суд.

В части 6 статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации закреплено право передачи по соглашению сторон подведомственного арбитражному суду спора, возникающего из гражданских правоотношений, до принятия арбитражным судом судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, на рассмотрение третейского суда, если иное не установлено федеральным законом.

Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (далее – Закон о Третейских судах) является основным правовым актом, регулирующим порядок образования и деятельности третейских судов в России. В то же время законодательство о третейских судах и третейском разбирательстве состоит и из иных федеральных законов, регулирующих те или иные вопросы третейского разбирательства и порядка исполнения решений, принимаемых третейскими судами на территории Российской Федерации. К таким законам, прежде всего, относится Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – Кодекс).

Согласно пункту 2 статьи 1 Закона о Третейских судах в третейский суд может по соглашению сторон третейского разбирательства передаваться любой спор, возникающий из гражданских правоотношений, если иное не установлено федеральным законом.

Ссылка на гражданско-правовой характер спора как критерий его возможного разрешения посредством третейского разбирательства означает, что в системе действующего правового регулирования не допускается передача на рассмотрение Третейского суда споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, а также дел, рассматриваемых в порядке особого производства, не отвечающих традиционным признакам споров о праве (дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, о несостоятельности (банкротстве) и другие).

Закон предусматривает следующие формы судебного контроля за решениями третейских судов: либо при оспаривании решения третейского суда, либо при производстве по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение такого решения (глава 30 Кодекса).

В случае если арбитражный суд установит, что спор не может быть предметом третейского разбирательства в силу отсутствия компетенции третейского суда на рассмотрение такого спора, то указанные обстоятельства в силу пункта 3 части 2 статьи 233 и пункта 3 части 2 статьи 239 Кодекса являются основанием для отмены решения третейского суда или отказа в выдаче исполнительного листа.

В настоящее время обсуждаемым является вопрос о возможности рассмотрения третейскими судами споров, вытекающих из корпоративных правоотношений. Эта проблема,

прежде всего, связана с характеристикой «специальной подведомственности» корпоративных споров государственным арбитражным судам.

Арбитражными судами, в том числе Федеральным арбитражным судом Волго-Вятского округа, занята твердая позиция о том, что предметом третейского разбирательства не могут быть корпоративные споры, поскольку в силу статьи 33 Кодекса эти споры отнесены к специальной подведомственности арбитражных судов.

Так, по одному из дел, при рассмотрении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, арбитражный суд установил, что спор между сторонами относится к корпоративным спорам, так как связан с неисполнением обязательств по договору об уступке доли в уставном капитале общества. Государственный суд счел не подлежащим рассмотрению третейским судом данного спора в силу специальной подведомственности этих дел арбитражному суду, в связи с чем отказал в удовлетворении заявления.

Упоминание в статье 33 Кодекса о специальной подведомственности корпоративных споров не только свидетельствует о разграничении компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов, но и означает, что подобные споры не могут быть переданы на разрешение третейских судов в силу характера и специфики правоотношений, порождающих такие споры, поэтому суд кассационной инстанции счел правомерным отказ арбитражного суда первой инстанции в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда [2].

Аналогичной позиции придерживаются Федеральные арбитражные суды Поволжского и Московского округов [3].

В то же время позиция о неподведомственности корпоративных споров третейским судам выглядит уязвимой с точки зрения нормативно закрепленного права по соглашению сторон третейского разбирательства передавать любой спор, вытекающий из гражданских правоотношений на рассмотрение третейскому суду. Для установления четкой определенности для сторон, подписавших соглашения о рассмотрении возникших между ними споров в третейском суде, по обращению с возникшим спором в третейский суд, а также непосредственно для третейских судов необходимо разъяснить данный вопрос в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

Федеральный арбитражный суд Волго-Вятского округа рассматривал и иные споры, которые наглядно показывают, какие категории дел могут (не могут) быть предметом третейского разбирательства.

Третейский суд не вправе рассматривать требования кредитора по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, предъявленных к должнику, в отношении которого арбитражным судом определением введена процедура о несостоятельности (банкротстве) – наблюдении.

Рассмотрев заявление об отмене решения третейского суда, государственный суд пришел к выводу об отсутствии оснований для отмены решения третейского суда, предусмотренных статьей 233 Кодекса, и определением отказал в удовлетворении заявления.

Не согласившись с позицией арбитражного суда первой инстанции, суд округа отменил обжалуемое определение и удовлетворил заявление, отменив решение третейского суда на основании пунктов 1 и 2 части 3 статьи 233 Кодекса. Суд кассационной инстанции установил, что на момент обращения кредитора в третейский суд с иском о взыскании денежных обязательств в отношении должника введена процедура наблюдения. Данное обстоятельство в силу статьи 33 Кодекса и статьи 63 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» исключает право Третейского суда на рассмотрение указанного спора [4].

Третейский суд не вправе рассматривать спор с участием третьего лица, не являющегося стороной третейского соглашения, при отсутствии согласия сторон спора и третьих лиц на участие в третейском разбирательстве.

Предметом третейского разбирательства являлся иск о признании постановки на кадастровый учет земельного участка и признании отсутствующим права собственности на данный земельный участок. В процессе рассмотрения спора третейский суд привлек к участию в деле третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора. Третейский суд решением прекратил производство по делу в части требования о признании постановки на кадастровый учет земельного участка и отказал в удовлетворении остальной части иска.

Не согласившись с решением третейского суда, истец в порядке, предусмотренном в статьях 230- 233 Кодекса, обратился в арбитражный суд с требованием об отмене решения третейского суда.

Арбитражный суд определением, оставленным без изменения постановлением суда кассационной инстанции, отменил решение Третейского суда на основании части 3 статьи 233 Кодекса.

Суды пришли к выводу о том, что земельный участок, являющийся предметом спора, принадлежит Российской Федерации, которая не является стороной третейского разбирательства. Для привлечения указанного лица к разбирательству в третейском суде в качестве третьего лица требовалось его согласие, выраженное в письменной форме. В рассмотренном случае сведения о согласии сторон спора и третьего лица на участие в третейском разбирательстве третьего лица отсутствовали [5].

Третейский суд уполномочен рассматривать требования нового кредитора, которому при уступке прав требований (цессии) перешло право требования по договору, содержащему третейскую оговорку.

Третейский суд взыскал с должника в пользу нового кредитора долг по кредитным договорам и обратил взыскание на заложенное имущество по договорам залога. Право

требования нового кредитора к должнику основано на договоре цессии, заключенном новым и прежним кредиторами.

Неисполнение должником решения третейского суда в добровольном порядке явилось основанием для обращения нового кредитора с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Арбитражный суд выдал исполнительный лист на принудительное исполнение решения третейского суда.

Рассмотрев доводы должника об отсутствии у нового кредитора прав на обращение в третейский суд, арбитражный суд кассационной инстанции, сославшись на положения статей 382 и 384 Гражданского кодекса Российской Федерации, указал на то, что право на защиту интересов конкретным способом и в конкретном суде, избранном первоначальными сторонами, также переходит к цессионарию; специального указания о переходе прав по третейской оговорке в тексте договора уступки прав не требуется, в связи с чем к новому кредитору перешло право обратиться в третейский суд [6].

По общему правилу решение Третейского суда является окончательным для сторон и не может быть пересмотрено в порядке, установленном для пересмотра судебных актов государственных судов, то есть государственный суд не наделен полномочиями по пересмотру решений третейских судов [7]. Важно подчеркнуть, что в отличие от решения арбитражного суда, приобретающего обязательность в силу его властного характера как акта органа судебной власти, свойство обязательности решение третейского суда приобретает в силу договора сторон.

Третейское соглашение считается надлежащим образом оформленным, если стороны согласовали условие о возможности рассмотрения возникших между сторонами споров в третейском суде в подписанном ими договоре.

Арбитражный суд удовлетворил заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Не согласившись с принятым судебным актом, должник обратился в суд округа с кассационной жалобой, в которой указал на отсутствие между сторонами заключенного в соответствии со статьей 5 Закона о Третейских судах третейского соглашения.

Суд кассационной инстанции учел положения статей 5, 7 и 17 Закона о Третейских судах, принял во внимание факт согласования сторонами третейского соглашения, подписанного в рамках заключенного между юридическими лицами договора (третейское соглашение оформлено в виде пункта договора поставки) и признал вывод суда первой инстанции о наличии соглашения о передаче спора в третейский суд обоснованным [8].

Если по соглашению сторон решение третейского суда является окончательным и оспариванию не подлежит, то арбитражный суд прекращает в соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 150 Кодекса производство по заявлению об отмене решения третейского суда.

Арбитражный суд также прекращает производство по заявлению об обжаловании решения третейского суда или по кассационной жалобе на определение арбитражного суда о

выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, если с заявлением (жалобой) обратилось лицо, не являющееся лицом, участвующим в третейском разбирательстве, и обжалуемым судебным актом не затрагиваются права и законные интересы заявителя [9].

Решение Третейского суда в любом случае не может быть отменено в процедуре его обжалования, если был выдан исполнительный лист на принудительное исполнение обжалуемого решения.

Суд первой инстанции определением прекратил производство по заявлению об обжаловании решения третейского суда. Прекращение производства по делу обусловлено наличием соглашения сторон об окончательности и отсутствие прав на обжалование решения третейского суда.

При рассмотрении доводов кассационной жалобы суд округа установил, что до процедуры обжалования решения третейского суда определением арбитражного суда, вступившим в законную силу, был выдан исполнительный лист на принудительное исполнение обжалуемого в рамках рассмотренного спора решения третейского суда. При этом суд кассационной инстанции обратил внимание заявителя на то, что решение третейского суда, на принудительное исполнение которого был выдан исполнительный лист, становится окончательным, не подлежит пересмотру по экстраординарным основаниям и не нарушает основополагающих принципов российского права. Суд округа учел данные обстоятельства, указав на отсутствие у суда первой инстанции правовых оснований для отмены решения третейского суда [10].

У арбитражного суда не имеется правовых оснований для отказа в удовлетворении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, если до рассмотрения этого заявления арбитражный суд отказал в удовлетворении заявления об отмене третейского решения по аналогичным основаниям.

Не установив оснований для отказа в выдаче исполнительного листа, предусмотренных статьей 239 Кодекса, арбитражный суд удовлетворил заявление и выдал исполнительный лист на принудительное исполнение решения третейского суда.

При рассмотрении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда было установлено, что возражения относительно выдачи исполнительного листа аналогичны возражениям, исследованным при рассмотрении заявления об отмене решения третейского суда в рамках иного дела.

Суд кассационной инстанции пояснил, что при рассмотрении заявления об отмене решения третейского суда и заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда арбитражный суд устанавливает основания для отмены решения и отказа в выдаче исполнительного листа, предусмотренные статьями 233 и 239 Кодекса. Анализ данных норм позволяет сделать вывод о схожести оснований для отмены решения и отказа в выдаче исполнительного листа. При рассмотрении заявлений суд фактически дает оценку одним и тем же обстоятельствам дела.

При указанных обстоятельствах суд округа не усмотрел оснований для отмены обжалуемого судебного акта [11].

Нарушение должником условий частично исполненного мирового соглашения, утвержденного решением третейского суда, не является препятствием для обращения кредитора в арбитражный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Не усмотрев оснований для отказа в выдаче исполнительного листа, предусмотренных статьей 239 Кодекса, государственный суд удовлетворил заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, которым было утверждено мировое соглашение, заключенное между кредитором и должником.

Суд округа согласился с позицией суда первой инстанцией, указав на то, что частичное исполнение должником мирового соглашения не является обстоятельством, препятствующим к выдаче исполнительного листа. Сославшись на определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13.10.2009 № 1286-О-О, суд округа пояснил, что факт выдачи исполнительного листа на утвержденное решением Третейского суда мировое соглашение не свидетельствует о том, что мировое соглашение будет исполняться не в соответствии с его указанными условиями в этом соглашении и в решении третейского суда. Суд округа счел обоснованным указание арбитражным судом в резолютивной части определения о выдаче исполнительного листа на общий размер задолженности и порядок оплаты, зафиксированные в мировом соглашении, так как исполнительный лист выдается в соответствии с резолютивной частью судебного акта, которым утверждено мировое соглашение [12].

Зачастую при обращении в суд кассационной инстанции с жалобой на судебные акты, принятые судом первой инстанции в соответствии с главой 30 Кодекса, заявитель обращается с ходатайством о приостановлении исполнения принятого судебного акта в порядке статьи 283 Кодекса, где предусмотрено право арбитражного суда кассационной инстанции на приостановление судебных актов, принятых арбитражными судами первой и апелляционной инстанций.

Федеральный арбитражный суд Волго-Вятского округа, несмотря на процессуальную неопределенность в данном вопросе, при установлении возможности приостановления исполнения решения третейского суда, придерживается такой позиции, что при обращении с ходатайством о приостановлении исполнения решение Третейского суда суд округа вправе рассмотреть данное ходатайство на основании статьи 283 Кодекса [13].

Аналогичной позиции придерживаются Федеральные арбитражные суды Уральского, Северо-Западного, Центрального и других округов.

Несмотря на единообразие в возможности рассмотрения судом округа ходатайств о приостановлении исполнения решения третейского суда, Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа придерживается иной точки зрения, согласно которой приостановление исполнения решений Третейского суда не входит в полномочия суда кассационной инстанции [14].

Процессуально неопределенным является и вопрос, касающийся рассмотрения кассационной жалобы на определение об отказе в пересмотре определения об отмене решения третейского суда по вновь открывшимся обстоятельствам. Позиция Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа заключается в том, что заявление о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам судебного акта, принятого судом по правилам главы 30 Кодекса, подлежит обжалованию в суде апелляционной инстанции.

Сославшись на положения статей 317 (частей 1 и 5) и 188 (частей 3 и 5) Кодекса, суд кассационной инстанции прекратил производство по кассационной жалобе на определение суда об отказе в удовлетворении заявления о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам определения об отмене решения третейского суда, указав на то, что судебный акт не обжалован в арбитражный суд апелляционной инстанции.

При рассмотрении жалобы, поданной по правилам статьи 291 Кодекса, на определение о прекращении производства по кассационной жалобе суд округа обратил внимание заявителя на то, что положения Кодекса и пункт 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28.05.2009 № 36 «О Применении Кодекса при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» не предусматривают специального порядка обжалования определения арбитражного суда об отказе в пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам, вынесенного в рамках рассмотрения дела об отмене решения третейского суда. Следовательно, при обжаловании определения об отказе в пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам определения об отмене решения третейского суда применяется общий порядок, то есть через апелляционную инстанцию [15].

Данной позиции придерживается в своей практике и Седьмой арбитражный апелляционный суд [16].

В практике Федеральных арбитражных судов Западно-Сибирского и Поволжского округов существует отличная точка зрения по рассмотренной проблематике [17].

Литература

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.05.2011 № 10-П [Электронный ресурс]// Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.06.2012 по делу № А17-8372/2011 [Электронный ресурс]// Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 19.09.2012 по делу № А12-8323/2012; постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 10.10.2011 по делу № А40-35844/2011 [Электронный ресурс]// Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.05.2012 по делу № А29-9573/2011 [Электронный ресурс]// Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 19.09.2012 по делу № А39-2143/2012 [Электронный ресурс]// Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13.12.2012 по делу № А82-4252/2012 [Электронный ресурс]// Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25.03.2013 по делу № А82-8061/2012 [Электронный ресурс]// Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 06.11.2012 по делу № А11-4823/2012 [Электронный ресурс]// Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 09.11.2012 по делу № А38-2794/2012; определение Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.07.2012 по делу № А38-1389/2012 [Электронный ресурс]// Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.02.2013 по делу № А38-7148/2012 [Электронный ресурс]// Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13.11.2012 по делу № А31-99/2012 [Электронный ресурс]// Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12.12.2012 по делу № А39-4187/2012 [Электронный ресурс]// Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Определения Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15.08.2012 по делу № А43-13004/2012 и от 31.07.2012 по делу № А38-749/2012 [Электронный ресурс]// Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Определение Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12.05.2012 по делу № А32-10861/2010 [Электронный ресурс]// Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Определения Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 03.04.2012 и 12.11.2012 по делу № А79-9393/2009 [Электронный ресурс]// Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 22.06.2012 по делу № А27-9702/2010 [Электронный ресурс]// Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Определение Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.10.2010 по делу № А45-2221/2008; постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 19.10.2010 по делу № А72-1702/2009 [Электронный ресурс]// Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.546

**ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛОВОЙ ЗРЕЛОСТИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 134, 135
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
THE PROBLEM OF ESTABLISHING SEXUAL MATURITY QUALIFICATIONS FOR
CRIMES STIPULATED IN ARTICLES 134, 135
CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

*Потапкин С.Н., Саранск, Средне-Волжский (г. Саранск) филиал ФГБОУВПО
«Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса, кандидат юридических наук, доцент*

*Potapkin S.N., Saransk, Middle-Volga (Saransk) branch FGBOUVPO «The Russian Law
Academy of the Russian Federation Ministry of Justice», head of the Department of criminal law and
process, candidate of law, docent*

e-mail: criminallaw_svf@mail.ru

*Сычугова Н.Е., Саранск, Средне-Волжский (г. Саранск) филиал ФГБОУВПО
«Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»,
студентка 4 курса*

*Sychugova N.E., Saransk, Middle Volga (Saransk) branch FGBOUVPO «The Russian
Law Academy of the Russian Federation Ministry of Justice», student of 4th year*

e-mail: nat-sychugova2009@yandex.ru

*Аннотация: В данной статье поднимается на рассмотрение дискуссионный вопрос об
установлении половой зрелости лиц мужского и женского полов при квалификации таких
преступлений, как половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не
достигшим шестнадцатилетнего возраста и развратные действия.*

*Annotation: This article raises the discussion to the issue of establishing a maturity of males
and females in the classification of crimes such as the sexual intercourse and other sexual acts with a
person under the age of sixteen and indecent assault.*

*Ключевые слова: половая зрелость, несовершеннолетние, преступления сексуального
характера, лицо мужского пола, лицо женского пола.*

Keywords: sexual maturity, juveniles, sexual offenses, a male person, a female person.

Федеральным законом от 29 февраля 2012 года №14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» в ст.ст. 134, 135 УК РФ были внесены

изменения, в силу которых обязательным признаком потерпевшего, не достигшего 16-летнего возраста, стало недостижение им при этом половой зрелости. Понятие «половая зрелость» не использовалось в УК РФ 1996 г. с момента его введения в силу и до принятия указанного выше федерального закона. Однако в советском уголовном законодательстве данное понятие использовалось в УК РСФСР 1960 г. и в ряде УК других союзных республик. Понятие «половая зрелость» относится к категории оценочных. Установление половой зрелости в каждом конкретном случае определяется по результатам судебно-медицинской экспертизы. Судебно-медицинская экспертиза половой зрелости относится к категории судебно-медицинских экспертиз, устанавливающих определенные половые состояния. Установление достижения или недостижения потерпевшим лицом половой зрелости необходимо в связи с производством по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 134, 135 УК РФ, только в тех случаях, когда потерпевшее лицо не достигло 16-летнего возраста. Таким образом, законодатель констатирует, что достижение лицом 16-летнего возраста априори означает достижение им половой зрелости независимо от уровня фактического развития лица. С учетом этого возникает вопрос о том, какие признаки могут свидетельствовать о достижении либо недостижении лицами как мужского, так и женского пола половой зрелости. Необходимо сразу отметить, что в рамках данной статьи мы попытаемся выявить проблемы установления половой зрелости у лиц в возрасте от 12 до 15 лет включительно, так как достижение лицом 16-летнего возраста исключает уголовную ответственность по ст.ст. 134, 135 УК РФ, а недостижение потерпевшим 12-летнего возраста в силу примечания к ст. 131 УК РФ предполагает его беспомощное состояние и квалификацию содеянного с ним только по ст.ст. 131 либо 132 УК РФ.

Нормативной основой установления половой зрелости являются два правовых акта, изданных еще в СССР: «Правила судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы Минздрава СССР» от 07.01.1966 г. (далее – Правила 1966 года) и «Правила судебно-медицинской экспертизы половых состояний мужчин» от 18.10.1968 г. (далее – Правила 1968 года). Указанные правовые акты определяют как понятие «половая зрелость», так и признаки, при наличии которых может быть сделан вывод о достижении или недостижении исследуемым лицом половой зрелости. В настоящее время названные правовые акты не отменены и продолжают действовать.

Половая зрелость лиц женского пола. Правила 1966 г. следующим образом определяют, что «... под состоянием половой зрелости следует понимать окончательное формирование женского организма, когда половая жизнь, зачатие, беременность, роды и вскармливание ребенка являются нормальной функцией, не расстраивающей здоровья, и освидетельствуемая способна к выполнению материнских обязанностей» [1]. Исходя из этого, Правила 1966 года приводят следующие признаки, которые характерны для развития женского организма и готовности его к функциям материнства:

1. Общее развитие организма.
2. Развитие половых органов и способность к совокуплению.
3. Способность к зачатию.

4. Способность к вынашиванию плода.
5. Способность к родоразрешению.
6. Способность к вскармливанию.

Следует заметить, что каждый признак в отдельности сам по себе не является достаточным для установления половой зрелости потерпев. Поэтому половая зрелость лица женского пола устанавливается по совокупности всех вместе взятых признаков.

Для установления перечисленных признаков Правила 1966 года предписывают при проведении судебно-медицинской экспертизы исследование следующих характеристик подэкспертного лица:

- веса
- роста (стоя и сидя)
- окружности грудной клетки при вдохе и выдохе
- окружности правых плеча и голени на уровне средней трети
- ширины плеч
- размера таза
- количества зубов и наличие зубов мудрости
- начала менструаций, характера менструального цикла
- выраженности вторичных половых признаков, развития молочных желез
- состояния наружных и внутренних половых органов (исследуется как их развитость, так и их функциональность).

При этом, на наш взгляд, Правила 1966 года в числе прочего используют ссылки на признаки, наличие или отсутствие которых весьма спорно свидетельствуют о достижении лицом женского пола половой зрелости. Так, в качестве одной из характеристик половой зрелости лица женского пола Правила 1966 года называют количество зубов мудрости и окружности правых плеча и голени на уровне средней трети, что является сугубо индивидуальным показателем у каждой женщины, и учет этих характеристик может быть лишь субсидиарным.

Половая зрелость лиц мужского пола. Правила 1968 года определяют, что «... половая зрелость у лиц мужского пола характеризуется таким состоянием общего физического развития и формирования половых желез, при котором половая жизнь является физиологически нормальной функцией, не вызывает расстройства здоровья и не наносит ущерба дальнейшему развитию организма» [2].

Исходя из этого, Правила 1968 года приводят следующие признаки, которые характерны для развития мужского организма и готовности его к осуществлению производительной функции: общее физическое развитие организма, развитие наружных и внутренних половых органов, способность к половому сношению и оплодотворению. Перечисленные признаки также учитываются в совокупности. При этом изучается информация о перенесенных заболеваниях, влияющих на половую функцию, вредных привычках и о половом развитии лица мужского пола (время возникновения интереса к половому вопросу, появление эрекции полового члена и поллюций, онанизм).

На достижение половой зрелости лица мужского пола указывают выраженные вторичные половые признаки и достаточное развитие наружных и внутренних половых органов: растительность на лице (губах, подбородке) выражена хорошо, оволосение в подмышечных впадинах занимает всю их поверхность, оволосение в лобковой области распространяется на мошонку и внутреннюю поверхность верхней трети бедер; щитовидный хрящ хорошо заметен при глотательных движениях: тембр голоса низкий; половой член развит правильно, кожа мошонки пигментирована, морщинистая, яички нормальные по размеру, эластичные, с четко отграниченными придатками, отчетливо прощупываются границы предстательной железы, срединная бороздка и доли, железа имеет эластичную консистенцию. При необходимости перед экспертом может быть поставлен вопрос о способности подэкспертного лица к оплодотворению, для чего исследуется семенная жидкость.

По результатам проведенных исследований может быть дано заключение о том, что: 1) лицо мужского пола половой зрелости не достигло и половых актов совершать не может, либо 2) лицо половой зрелости не достигло, но половые акты совершать может, либо 3) мужчина половой зрелости достиг полностью.

Представляется возможным сделать вывод о том, что введение в диспозиции ч. 1 ст. 134 УК РФ и ч. 1 ст. 135 УК РФ указания на недостижение половой зрелости потерпевшим, не достигшим 16-летнего возраста, однозначно осложнило процесс доказывания по делам данной категории.

В результате этого в большей мере оказались учтены и защищены интересы гетеросексуальных пар, состоящих из совершеннолетнего лица и лица, не достигшего 16-летнего возраста, но достигшего при этом половой зрелости, зачастую имеющих при этом и совместного ребенка.

Параллельно возникает и узконаправленный уголовно-правовой вопрос о том, насколько должно охватываться умыслом виновного недостижение потерпевшим лицом не только 16-летнего возраста (о чем, в принципе, при желании виновный мог получить информацию), но и о недостижении партнером (партнершей) половой зрелости (о чем, в принципе, может не знать и сам потерпевший или потерпевшая).

Кроме того, нельзя не отметить, что физическое развитие современных подростков существенно отличается от аналогичных показателей подростков советской эпохи, и, соответственно, медицинские критерии определения достижения лицом половой зрелости должны быть определены уже с учетом современного развития российского тинейджерства.

Литература

1. Правила судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы Минздрава СССР от 07.01.1966 г. [Электронный ресурс] // Сообщество русскоговорящих судебно-медицинских экспертов. – Режим доступа: <http://forensicmedicine.ru>. (дата обращения: 31.10.2013 г.).
2. Правила судебно-медицинской экспертизы половых состояний мужчин от 18.10.1968 г. // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис».

УДК 343

**ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ
ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ
THE ISSUES OF PREVENTING CERTAIN CRIMES AGAINST PUBLIC ORDER**

Саруханян А.Р., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук, доцент

*Sarukhanyan A.R., Rostov-on-Don, Rostov Law Institute within Russian Law Academy of Ministry of Justice of Russian Federation, candidate of legal sciences, associate professor
e-mail: pppu@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена проблемам предупреждения отдельных преступлений против порядка управления

Annotation: The article is devoted to issues of preventing certain crimes against public order

*Ключевые слова: предупреждение преступлений; порядок управления; субъекты управленческой деятельности; объект преступления; субъективная сторона преступления
Key words: crime prevention; order management; subjects of management activities; object of the crime; mental element in crime*

Одной из проблем, возникающих при предупреждении и квалификации преступлений, является особенность объекта преступления и оценка направленности умысла виновного. В рамках данной статьи я остановлюсь на самостоятельном блоке преступлений против порядка управления, который составляют посягательства на субъектов управленческой деятельности (ст.ст. 317-321 УК РФ).

По поводу того, что признавать непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ в теории уголовного права не сложилось единой точки зрения. Жизнь сотрудника правоохранительного органа является необходимой предпосылкой нормальной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Возникает вопрос, что следует рассматривать в качестве основного, а что в качестве дополнительного объекта этого преступления. С одной стороны, жизнь как провозглашенная высшая ценность не может быть сравнима по качеству с вышеупомянутой деятельностью указанных лиц, что является весомым аргументом в пользу признания жизни основным объектом. С другой, нормальная деятельность лиц должна рассматриваться в качестве основного [1, с.138], а их личные блага – в качестве дополнительного объекта

уголовно-правовой охраны. Безусловно разделяют концепцию двухобъектного состава этого преступления Ю.А. Красиков [2, с. 458], Е.А. Сухарев [3, с. 352, 359], А.В. Кладков [4, с. 448] и другие авторы.

Однако в литературе встречаются суждения, отрицающие двухуровневый характер объекта такого преступления. Еще в начале 80-х годов Н.И. Панов вполне определенно высказался по данному поводу: «Обеспечение нормальной деятельности органов милиции и народных дружинников по охране общественного порядка вызывает необходимость обеспечить неприкосновенность жизни и здоровья субъектов этой деятельности... Поэтому уголовно-правовая охрана жизни и здоровья указанных лиц в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка, одновременно означает и защиту от преступных посягательств нормальной деятельности органов милиции и народных дружин, и наоборот. Следовательно, жизнь и здоровье работников милиции и народных дружинников – составная часть другого непосредственного объекта – общественных отношений, обеспечивающих нормальную деятельность органов милиции и народных дружин, находятся с ними в отношениях соподчинения» [5, с. 109-110]. Эту позицию разделяет В.С. Ткаченко [6, с. 75], а также З.А. Николаева, в частности, указывающая, что здесь нарушитель воздействует не на два общественных отношения, а на два элемента одного и того же отношения – порядка управления [7, с. 4].

Мне представляется интересным признание составного объекта. Однако здесь обнаруживается уязвимое звено, заключающееся в следующем. В диспозиции ст. 317 УК РФ сказано: «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности либо из мести за такую деятельность». Законодатель вводит цель – «воспрепятствование законной деятельности» и мотив – «месть за такую деятельность» в качестве обязательных признаков субъективной стороны, отсутствие которых влечет отсутствие состава преступления [8, с. 191].

Воспрепятствование, по мнению З.А. Незнамовой, означает попытки предотвратить, не допустить выполнение этой деятельности в будущем [9, с. 671]. Цель заключается в том, чтобы изменить характер деятельности по охране общественного порядка или полностью ее прекратить. Посягательство на жизнь сотрудника (военнослужащего), совершенное с другой целью или без нее, не может быть квалифицировано по ст. 317 УК РФ [10, с. 16].

Очевидно, что виновный, преследуя цель воспрепятствовать законной деятельности сотрудника (военнослужащего), считает обязательным именно посягнуть на его жизнь. В данном случае лишение жизни является необходимой составляющей воспрепятствования законной деятельности. Понятно, что тут схема составного (синтезированного) объекта вполне приемлема.

А если виновный мстит за законную деятельность, то выходит, что фактически эта деятельность была реализована потерпевшей стороной. И уже по логике вещей не получается

каким-либо образом нарушить прошлую деятельность. Таким образом, логически справедливо указать на то, что жизнь – составляющая, осуществляемой в настоящий момент законной деятельности или предполагаемой в будущем, а не уже реализовавшейся в прошлом нормальной, законной деятельности. В подтверждение нашего обоснования можно привести слова П.В. Замосковцева. Критикуя своих оппонентов, он подчеркивает, что их утверждения «...лишены логики», в таких случаях «отношения управления как непосредственный объект анализируемого преступления не могут претерпевать реального ущерба или ставится в опасность причинения вреда, поскольку в этот момент они в силу дискретного характера не имеют реального наличного существования в объективной действительности» [11, с. 11].

Поскольку посягательство на жизнь сотрудника из мести, осуществляется после какого-либо акта законной деятельности, с разрывом во времени, то логично предположить, что мотив мести сопровождает прямой, заранее обдуманый умысел. В течение этого промежутка времени у виновного формируется и крепнет намерение совершить насильственное преступление. Причем жертва посягательства уже известна виновному. Следовательно, виновного уже интересует больше личность потерпевшего, их связывает скорее межличностный характер взаимоотношений.

В контексте исследования вопроса об объекте, считаем актуальным рассмотреть проблему влияния признаков потерпевшего на уголовно-правовую оценку посягательств в отношении их. Для многих преступлений личность потерпевшего приобретает такое же уголовно-правовое значение, как и предмет преступления [12, с. 154]. «Определение участников или, что одно и то же, субъектного состава отношения, их социальных функций в нем, – пишет В.Я. Таций, – во многих случаях позволяет определить те общественные отношения, которые выступают объектом того или иного преступления...» [13, с. 25].

Еще более точной в пределах поставленной задачи следует признать точку зрения Б.Я. Блиндера, который, говоря о посягательствах на личность, отмечает: «Под непосредственным объектом преступления, на наш взгляд, следует понимать конкретные общественные отношения, неотъемлемой частью которых является субъект общественных отношений – потерпевший» [14, с. 88]. Поэтому необходимый комплекс мер предупреждения здесь нельзя получить без учета потерпевшего, без детального выявления всех признаков, всесторонне его характеризующих.

Уголовно-правовое содержание термина «потерпевший» означает участника общественных отношений, носителя охраняемых под угрозой наказания уголовным законом интересов, выполняющего определенные социальные функции, испытывающего в связи с этим преступное посягательство и являющегося составной частью объекта преступления. Содержание социальных функций прямо влияет на характер и степень общественной опасности преступления. Прав В.С. Ткаченко, утверждая следующий тезис: «Особо следует отметить убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга. В этом случае законодатель обозначает повышенную общественную

опасность преступления, значимость объекта уголовно-правовой охраны через указание на социально, требующую особой защиты деятельность потерпевшего» [15, с. 105].

Обращая особое внимание к ранее замеченному содержанию социальных функций, замечу, что охрана «общественного порядка» и «общественной безопасности» стала, на мой взгляд, основным и решающим признаком для выделения именно такого преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ. Общественная значимость жизни сотрудника изменяется в зависимости от того, находится ли это лицо при исполнении своих обязанностей по охране общественного порядка или нет [16, с. 81]. Справедливо по этому поводу рассуждение С.Л. Скутина: если не будет этих элементов (имея ввиду общественный порядок и общественную безопасность), то изменится и непосредственный объект преступлений [17, с. 88]. В противном случае, наверное, все подобные деяния можно было бы квалифицировать по п. «б» ч.2 ст. 105 УК РФ.

Возвращаясь к вопросу о потерпевшем, отметим, что в литературе проблемно представлена такая категория потерпевших как «близкие». К близким потерпевшему, наряду с близкими родственниками, могут относиться иные лица, состоящие с ними в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье, и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений. Здесь большой интерес представляет элемент, заключающийся в заведомом для виновного характере взаимоотношений между близкими. Поэтому в деле предупреждения большую сложность будут вызвать вопросы оценки содержания интеллектуального момента умысла виновного.

Вместе с тем, устойчивость эмоциональных связей между потерпевшим и иным лицом, для признания последнего «близким», может оценить только суд по фактическим обстоятельствам конкретного уголовного дела. Допущение судебного усмотрения, полагает А.Б. Сахаров, является результатом несовершенства законодательной техники, не соответствует принципу законности [18, с. 9-11].

Несколько иначе думает П.Е. Кондратов, считающий, что усмотрение правоприменителя при принятии уголовно-правовых решений необходимо рассматривать не как отступление от принципа законности, а как нужный и социально оправданный элемент правоприменительной деятельности. Требуется не отказ от него, а введение в практику определенных регуляторов, не допускающих перерастания допустимого усмотрения в произвол [19, с. 28-29].

Полагаю, в данном случае имеется прямая зависимость между потенциальной оценкой уровня предупреждения преступления и степенью расширенности толкования диспозиции ст. 317 УК РФ: потенциальная оценка уровня предупреждения будет тем ниже, чем шире толкование диспозиции, и, наоборот. Здесь же предлагаю авторам, проанализировать возможность упразднения формулировки «либо из мести за такую деятельность» и такого качества общественно опасные деяния квалифицировать по п. «б» ч.2 ст. 105 УК РФ, а законодателю внести соответствующие корректировки.

Субъективная сторона этого преступления характеризуется умышленной формой вины. Это преступление может, как считает Г.Ф. Поленов, совершаться только с прямым умыслом [20, с. 43]. Полагают возможность прямого или косвенного умысла И.Н. Манцев [21, с. 101], М.И. Якубович [22, с. 428] и некоторые другие авторы. Учитывая занятую позицию, считаю, что в целом преступление может совершаться как с прямым умыслом, так и с косвенным.

Признаки умысла приобретают свое предметное содержание в зависимости от характера деяния и объекта уголовно-правовой охраны. Иначе говоря, виновный: осознает, что его действия создают реальную угрозу для жизни сотрудника правоохранительного органа или вовсе направлены на лишение жизни последнего и одновременно представляют собой противодействие его законной деятельности; предвидит возможность наступления смерти сотрудника, а тем самым и причинение вреда его управленческой деятельности; желает наступления смерти сотрудника и нарушения его законной деятельности, или если не желает смерти, то сознательно допускает ее либо относится безразлично к ее наступлению.

При предупреждении необходимо иметь ввиду, что по уголовным делам, возбужденным по ст. 317 УК РФ, важно доказательство, прямо или косвенно подтверждающее, что виновный твердо знал, на кого он совершает посягательство [23, с. 12]. Источник осведомленности не имеет значения. Об этом может свидетельствовать форменное обмундирование, удостоверение личности сотрудника, устное предупреждение виновного об этом или то обстоятельство, что потерпевший известен виновному как сотрудник правоохранительного органа.

Если виновный не осознает указанных обстоятельств, то ответственность должна наступать по ст. 105 УК РФ как за преступление против личности. Если же виновный, желая причинить смерть сотруднику, по ошибке причиняет смерть другому гражданину, его действия следует квалифицировать по правилам об ошибки в объекте. Поэтому окончательная квалификация будет по ч.3 ст. 30 и ст. 317 УК РФ. Конечно, очень трудно бывает доказать желал ли виновный посягнуть на жизнь именно сотрудника правоохранительного органа, а не какого-либо другого лица. Виновный, справедливо замечает А. Лохвицкий, «...может привязаться для вида к чему-нибудь, чтобы подвести свое преступление под более мягкий разряд. Но это – трудность следствия, а не понимания закона» [24, с. 373].

Обязательным признаком субъективной стороны состава рассматриваемого преступления, который иногда представляет проблему при квалификации, является специальная цель – воспрепятствовать законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Именно цель становится решающим моментом в смысле выделения в УК РФ специальной нормы, регламентирующей уголовную ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, и позволяет говорить о ст. 317 УК РФ как о справедливо созданном и функционально подготовленном уголовно-правовом механизме охраны общественных отношений.

Ст. 318 УК РФ содержит две части, в первой из которых, говорится о применении насилия неопасного для жизни и здоровья, либо угрозе применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с выполнением им должностных обязанностей; во второй, о применении насилия опасного для жизни и здоровья, в отношении лиц указанных в части первой статьи. Непосредственным объектом этого преступления является общественные отношения, обеспечивающие здоровье представителя власти как залог осуществления последним должностных обязанностей.

В соответствии с примечанием к ст. 318 УК РФ представитель власти – это должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости.

Исследуя категорию «представитель власти», в уголовно-правовой теории полемизируют по вопросу о том, всякий ли представитель власти является должностным лицом [25, с. 16-17; 26, с. 53-54]. Однако я считаю, что решающее значение для признания лица представителем власти имеет не его должностное положение, а фактическое наделение его властными полномочиями, присущими органу государственной власти. Сфера велений представителей власти в отличие от прочих должностных лиц не ограничивается рамками государственного органа, а находится и вовне его. Распорядительные полномочия реализуются в праве должностного лица отдавать в пределах своей компетенции указания, обязательные к исполнению другими должностными лицами и гражданами.

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины. Здесь возникает следующая проблема. Практика свидетельствует о случаях применения насилия в отношении представителя власти, повлекшего смерть человека. В данном случае мы имеем дело с двойной формой вины. Понятно, что умыслом виновного не охватывалось такое последствие, как смерть потерпевшего, но оно все же требует отдельной юридической оценки.

На основании анализа уголовных дел при предупреждении необходимо учесть то, что правоохранительные органы избирают два варианта квалификации: а) по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 318 УК РФ и ст. 109 УК РФ («Причинение смерти по неосторожности»); б) по ст. 317 УК РФ.

Преступление, предусмотренное ст. 319 УК РФ, посягает на честь и достоинство представителей власти, то есть на совокупность нравственных качеств, проявляющихся в выполнении служебного долга и повседневной деятельности, признанных социально значимыми общественным мнением, а также осознание ими своей значимости и профессиональной принадлежности. «Честь, – пишет А.К. Тихонов, – является этическим благом, так как направляет деятельность личности на достижение положительной оценки со стороны общества и доставляет ей этим удовлетворение». Поэтому права М.Е. Матросова говоря, что это преступление, будучи непосредственно направленным на унижение чести и достоинства представителей власти, приводит или может привести к нарушению нормальной

деятельности компетентных органов в целом, которые они представляют, либо причинить ущерб их авторитету [27, с. 189].

Надо сказать, что понятие оскорбление является оценочной категорией, поскольку неотъемлемым его признаком является неприличная форма выражения унижающей информации. Неприличная форма может выражаться в резко противоречащей принятой в обществе манере поведения, цинизме, нарушении этических норм и правил поведения, унижающих честь и достоинство личности [28, с. 45; 29, с. 71]. Однако обязательно, чтобы эта субъективная оценка основывалась на реальных фактах и отражала требования закона.

Оскорблением будет являться не всякая отрицательная оценка личности представителя власти, а лишь такая, которая выражена в неприличной форме, причем для квалификации не будет иметь значения соответствует ли подобная унижительная оценка действительности или нет. Только в таких случаях будет налицо неприличное обращение с потерпевшим, являющееся необходимым признаком объективной стороны данного преступления.

При этом для предупреждения рассматриваемого преступления нет необходимости учитывать, направлено ли будет унижительное обхождение непосредственно на представителя власти или же виновным будет дана такая же, то есть унижительная оценка его служебной деятельности, однако без ссылок на конкретные факты.

Субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ч.1 ст. 320 УК РФ характеризуется виной в форме прямого умысла. Это подтверждает наличие специальной цели – стремление виновного воспрепятствовать служебной деятельности соответствующих лиц. Таким образом, виновный осознает, что разглашает сведения о мерах безопасности, и желает, чтобы эти сведения стали известны другому лицу.

Утрата же носителя информации, содержащего важные сведения (документ, кассета), возможна исключительно ввиду неосторожного обращения с ним. Непонятно, как можно умышленно что-то потерять. Другое дело, умышленно выбросить вещь или утаить ее. Если говорить о бесконтрольном оставлении документа, то и здесь виновный, подозревая, что именно в таких, а не иных условиях с ним могут ознакомиться другие, умышленно оставляет документ без контроля, что свидетельствует о его активном поведении. А за утрату носителя информации, который содержал сведения о мерах безопасности, возможно, в зависимости от последствий и статуса лица, владеющего им, привлечь к ответственности за халатность по ст. 293 УК РФ.

Ст. 321 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Непосредственный объект имеет сложную структуру. Я склоняюсь в пользу его двуединой структуры, аналогичной структуре объекта состава преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, проанализированной ранее. Структурными единицами этого элемента состава являются: общественное отношение, обеспечивающее нормальную деятельность учреждений, предназначенных для изоляции от общества лиц, осужденных за совершение преступлений; и

общественное отношение, обеспечивающее безопасность, жизни и здоровья сотрудников данных учреждений, а также осужденных.

Законодатель устанавливает уголовную ответственность для обеспечения нормального функционирования учреждений, в ведении которых находится изоляция отдельных лиц от общества. Именно в этом заключается смысл введения такой уголовно-правовой нормы.

Обращает на себя внимание категория потерпевших, указанных в диспозиции рассматриваемой статьи. Законодатель отнес сюда: а) сотрудника места лишения свободы; б) сотрудника места содержания под стражей; в) осужденного.

При предупреждении следует принять во внимание то, что субъективная сторона преступления здесь представлена только виной в форме прямого умысла. Если названные действия совершаются в отношении осужденного, то обязательно наличие либо специальной цели – воспрепятствовать его исправлению, либо мотива – мести за оказанное содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы (например, осужденный помог охранникам колонии разнять осужденных в специально затеянной драке). Действия в отношении сотрудника учреждения или его близких должны быть в связи с осуществлением служебной деятельности.

В заключение хочется заметить, что предупреждение преступлений против порядка управления фактически является одной из составляющих предупреждения вообще как цели уголовного наказания. Поэтому качественная проработка этого вопроса имеет существенное значение в целом для уголовного права и криминологии, а не только в отдельно взятых их областях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Это вытекает из смысла правила: «Основными последствиями следует считать те, именно для предотвращения которых установлена данная правовая норма». – Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960.
2. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1995.
3. Советское уголовное право. Часть особенная / Под ред. М.И. Ковалева. М., 1983.
4. Советское уголовное право. Особенная часть / Под ред. П.И. Гришаева, Б.В. Здравомыслова. М., 1988.
5. Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков, 1982.
6. Ткаченко В. С. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность. Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1998.
7. Николаева З.А. Уголовно-правовая охрана здоровья, чести и достоинства лиц, участвующих в охране общественного порядка. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Свердловск, 1986.

8. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974.
9. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. М., 1998.
10. Морозов В.И., Скутин С.Л., Сумачев А.В. Преступления против порядка управления. Лекция ЦииНМОКП МВД России. М., 1999.
11. Замосковцев П.В. Ответственность за посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника // Проблемы борьбы с преступностью. Сборник научных трудов. Омская ВШ МВД СССР, Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова. Омск, 1979.
12. Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996.
13. Таций В.Я. Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву. Харьков, 1988.
14. Блиндер Б.А. Объект преступлений и потерпевший в преступлениях против личности // Проблемы советского государства и права. Ташкент, 1980.
15. Ткаченко В.С. Уголовно-правовая характеристика потерпевшего и ее значение для квалификации преступлений против личности // Особенности развития уголовной политики в современных условиях. Труды Академии МВД РФ, М., 1996.
16. Козельцев Е.А. Преступления против деятельности работников милиции и народных дружинников по охране общественного порядка. Дисс. ...канд. юрид. наук. Саратов, 1967.
17. Скутин С.Л. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступными посягательствами на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, охраняющих общественный порядок. Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1995.
18. Сахаров А.Б. Планирование уголовной политики и перспективы развития уголовного законодательства // Планирование мер борьбы с преступностью. М., 1982.
19. Кондратов П.Е. О пределах усмотрения правоприменителя в процессе принятия уголовно-правовых решений // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства в деятельности органов внутренних дел. Труды Академии МВД СССР. М., 1987.
20. Поленов Г.Ф. Ответственность за преступления против порядка управления. М., 1966.
21. Уголовное право. Особенная часть. Часть 2 / Под ред. Н.А. Беляева, Д.П. Водяникова, В.В. Орехова. СПб., 1995.
22. Советское уголовное право. Часть Особенная / Под ред. В.А. Владимирова, Н.И. Загородникова. М., 1979.
23. Болотин Б., Годунов Н. Ответственность за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников // Советская юстиция, 1976. № 10.
24. Курс русского уголовного права. Соч. А. Лохвицкого. СПб., 1867.

25. Так, Трайнин А.Н. полагает, что всякий представитель власти – должностное лицо, но не наоборот. Не всякое должностное лицо – представитель власти. // Должностные и хозяйственные преступления. М., 1938.

26. Возражая этому, Кириченко В.Ф. считает, что нельзя автоматически относить всех представителей власти к числу должностных лиц, так как рядовые работники различных органов власти являются должностными лицами, только тогда когда они выполняют свои функции в отношениях с гражданами, то есть за рамками данного органа. В отношениях же с другими сотрудниками рядовых работников должностными лицами признавать недопустимо, так как в таких случаях они не вправе принимать обязательные для всех решения и требовать их выполнения. // Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву. Общие вопросы. М., 1956.

27. Матророва М.Е. Защита чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Дисс. ...канд. юрид. наук. М. 1997.

28. Владимиров В., Боровиков В. Оскорбление работника милиции или народного дружинника // Советская милиция. 1985. № 1.

29. Марогулова И.Л. Защита чести и достоинства личности. М. 1998.

УДК 343

**ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ОТДЕЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ
THE ISSUES OF AWARDING PUNISHMENT FOR CERTAIN CRIMES AGAINST
PUBLIC ORDER**

*Долгополов К.А., НОУ ВПО «Северо-Кавказский гуманитарный институт»,
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин*

*Dolgoplov K.A., North-Caucasus Humanitarian Institute, candidate of legal sciences,
head of the criminal law department*

e-mail: nadal06@mail.ru

*Саруханян А.Р., Ростовский (г. Ростов-на-Дону) юридический институт (филиал)
ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской
Федерации», заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, кандидат юридических
наук, доцент*

*Sarukhanyan A.R., Rostov-on-Don, Rostov Law Institute within Russian Law Academy of
Ministry of Justice of Russian Federation, candidate of legal sciences, associate professor*

e-mail: pppu@mail.ru

*Аннотация: Статья посвящена проблемам назначения наказания за отдельные
преступления против порядка управления*

*Annotation: The article is devoted to issues of awarding punishment for certain crimes
against public order*

*Ключевые слова: назначение наказания; категория преступлений; преступления
против порядка управления*

Key words: awarding punishment; grade of offense; crimes against public order

Проблема назначения наказания всегда была в центре внимания ученых в области уголовного права. Интерес к данной теме не ослабевает и сегодня. Наоборот, эти вопросы становятся более актуальными в свете изменяющегося законодательства. Конечно же, мы имеем ввиду, прежде всего приведение в действие механизма принудительных работ с 1 января 2014 года.

В данном номере журнала мы начинаем серию статей, посвященных проблемам назначения наказания за преступления против порядка управления. Для удобства ознакомления предлагаем читателям следующую таблицу и краткий ее анализ.

Таблица санкций за преступления против порядка управления и их категорий

Статья	Часть, категории преступлений	Вид наказания	Сроки и размеры наказаний
317 Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа	особо тяжкое	лишение свободы	от 12 до 20 лет
		+	
		ограничение свободы	до 2 лет
		пожизненное лишение свободы	-
318 Применение насилия в отношении представителя власти	1 средней тяжести	штраф	до 200 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев
		принудительные работы	до 5 лет
		Арест	до 6 месяцев
		лишение свободы	до 5 лет
	2 тяжкое	лишение свободы	до 10 лет
319 Оскорбление представителя власти	небольшой тяжести	штраф	до 40 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 месяцев
		обязательные работы	до 360 часов
		исправительные работы	до 1 года
320 Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица	1 небольшой тяжести	штраф	до 200 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев
		Арест	до 4 месяцев

правоохранительного или контролирующего органа	2 средней тяжести	принудительные работы	до 5 лет
		лишение свободы	до 5 лет
321 Дезорганизация деятельности и учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества	1 средней тяжести	лишение свободы	до 5 лет
	2 средней тяжести	лишение свободы	до 5 лет
	3 особо тяжкое	лишение свободы	от 5 до 12 лет
322 Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации	1 небольшой тяжести	штраф	до 200 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев
		принудительные работы	до 2 лет
		лишение свободы	до 2 лет
	2 средней тяжести	Штраф	до 300 тысяч рублей
		принудительные работы	до 4 лет
		лишение свободы	до 4 лет
	3 средней тяжести	лишение свободы	до 4 лет
322.1 Организация незаконной миграции	1 средней тяжести	штраф	до 300 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев
		обязательные работы	до 420 часов
		исправительные работы	до 2 лет
		принудительные работы + или без такового	до 3 лет
		ограничение свободы	до 1 года
		лишение свободы + или без такового	до 5 лет

		ограничение свободы	до 2 лет
	2 тяжкое	лишение свободы + либо без такового штраф + либо без такового ограничение свободы	до 7 лет до 500 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет до 2 лет
323 Противоправ ное изменение Государстве нной границы Российской Федерации	1 небольшой тяжести	ограничение свободы	до 2 лет
		арест	до 6 месяцев
	2 средней тяжести	лишение свободы	до 2 лет
324 Приобретени е или сбыт официальны х документов и государствен ных наград	небольшой тяжести	лишение свободы	до 4 лет
		штраф	до 80 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев
		исправительные работы	до 1 года
325 Похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия	1 небольшой тяжести	Арест	до 3 месяцев
		штраф	в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев
		обязательные работы	до 480 часов
		исправительные работы	до 2 лет
		принудительные работы	до 1 года
	2 небольшой тяжести	Арест	до 4 месяцев
лишение свободы	до 1 года		
	2 небольшой тяжести	штраф	до 80 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6

			месяцев
		обязательные работы	до 360 часов
		исправительные работы	до 1 года
		Арест	до 3 месяцев
	3 небольшой тяжести	штраф	до 200 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев
		принудительные работы	до 2 лет
		лишение свободы	до 2 лет
326 Подделка или уничтожение идентификац ионного номера транспортно го средства	1 небольшой тяжести	штраф	до 80 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев
		обязательные работы	до 360 часов
		исправительные работы	до 1 года
		ограничение свободы	до 2 лет
		принудительные работы	до 2 лет
	2 небольшой тяжести	лишение свободы	до 2 лет
		обязательные работы	до 480 часов
		исправительные работы	до 2 лет
		ограничение свободы	до 3 лет
		принудительные работы	до 3 лет
	327 Подделка, изготовлени е или сбыт поддельных документов, государствен ных наград, штампов,	1 небольшой тяжести	лишение свободы
ограничение свободы			до 2 лет
принудительные работы			до 2 лет
2 средней тяжести		Арест	до 6 месяцев
		лишение свободы	до 2 лет
		принудительные работы	до 4 лет
		лишение свободы	до 4 лет

печатей, бланков	3 небольшой тяжести	Штраф	до 80 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев
		обязательные работы	до 480 часов
		исправительные работы	до 2 лет
		Арест	до 6 месяцев
327.1 Изготовлени е, сбыт поддельных марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия либо их использован ие	1 небольшой тяжести	штраф	от 100 тысяч до 300 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 года до 2 лет
		принудительные работы	до 3 лет
		лишение свободы	до 3 лет
	2 средней тяжести	Штраф	от 100 тысяч до 500 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 года до 3 лет
		принудительные работы	до 5 лет
		лишение свободы	до 5 лет
328 Уклонение от прохождени я военной и альтернатив ной гражданской службы	1 небольшой тяжести	штраф	до 200 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев
		принудительные работы	до 2 лет
		Арест	до 6 месяцев
		лишение свободы	до 2 лет
	2 небольшой тяжести	Штраф	до 80 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев
		обязательные работы	до 480 часов
		Арест	до 6 месяцев

329 Надругательство над Государственным гербом Российской Федерации или Государственным флагом Российской Федерации	небольшой тяжести	ограничение свободы	до 1 года
		принудительные работы	до 1 года
		Арест	до 6 месяцев
		лишение свободы	до 1 года
330 Самоуправство	1 небольшой тяжести	Штраф	до 80 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев
		обязательные работы	до 480 часов
		исправительные работы	до 2 лет
	2 средней тяжести	Арест	до 6 месяцев
		принудительные работы	до 5 лет
		лишение свободы	до 5 лет
330.1 Злостное уклонение от исполнения обязанностей, определенных законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента	небольшой тяжести	штраф	до 300 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 2 лет
		обязательные работы	до 480 часов
		исправительные работы	до 2 лет
		лишение свободы	до 2 лет

Как видно из таблицы, по удельному весу преступления против порядка управления по категориям распределены следующим образом:

- небольшой тяжести – 55% (18 преступлений);
- средней тяжести – 33% (11 преступлений);

- тяжкие – 6% (2 преступления);
- особо тяжкие – 6% (2 преступления).

Интерес к проблеме назначения наказания вызван еще и высокой степенью ранжирования видов наказаний от наименее до наиболее суровых, от штрафа до смертной казни. Законодатель предусмотрел такие виды наказания за преступления против порядка управления как:

- штраф – 52% (для 17 преступлений);
- обязательные работы – 30% (для 10 преступлений);
- исправительные работы – 30 % (для 10 преступлений);
- ограничение свободы – 15 % (для 5 преступлений);
- принудительные работы – 48 % (для 16 преступлений);
- арест – 39% (для 13 преступлений);
- лишение свободы на определенный срок – 82% (для 27 преступлений);
- пожизненное лишение свободы – 3% (для 1 преступления);
- смертная казнь – 3 % (для 1 преступления).

Таким образом, лишение свободы на определенный срок является наиболее популярным основным видом наказания из числа предусмотренных в главе 32 УК РФ. В случае его отсутствия в качестве более суровых видов наказаний законодатель предусмотрел в санкциях арест и исправительные работы соответственно в 15% (для 5 преступлений) и 3% (для 1 преступления) случаях.

В качестве дополнительных такие виды наказаний как штраф и ограничение свободы предусмотрены соответственно в 3% (для 1 преступления) и в 12% (для 4 преступлений) случаях.

Продолжение в следующих номерах.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORICAL SCIENCE**

УДК 94 (47)

**АВАНТЮРА ХВОРОСТИНИНА И БУТУРЛИНА В ДАГЕСТАНЕ
MILITARY VENTURE OF KHVOROSTININ AND BUTURLIN IN DAGESTAN**

*Боровиков С.В., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
исторический факультет, кафедра музеологии и краеведения, аспирант*

*Borovikov S.V., P. G. Demidov Yaroslavl State University, department of history, chair of
museology and region study, postgraduate*

e-mail: sergey.borowikow@yandex.ru

Аннотация: В статье показан ход боевых действий, которые велись русскими войсками на Северном Кавказе в конце XVI – начале XVII века.

Annotation: The article shows the course of the fighting, which were conducted by Russian troops in the Northern Caucasus in the end of XVI – the beginning of XVII century.

Ключевые слова: Хворостинин, Бутурлин, Дагестан.

Key words: Khvorostinin, Buturlin, Dagestan.

История отношений России с Кавказом всегда отводила место как мирным контактам, так и постоянным вооруженным конфликтам. В этих столкновениях обе стороны, не считаясь с потерями, стремились добиться своих целей – для одних это была экспансия, для других – независимость. Расширялись ведущие колониальные империи. Для Московского государства, в XVI веке ведущего непрерывные войны на юге, западе и востоке, жизненно необходимым стало присоединение новых территорий, учитывая конфронтацию с соседними странами и собственные запросы, год от года только увеличивавшиеся. Борис Годунов, фактический правитель России при Федоре Ивановиче, принял решение укрепиться в Дагестане, на который претендовали Персия и Османская империя.

В качестве исполнителя был выбран князь Андрей Хворостинин по прозвищу Старко. Он прославился, прежде всего, как участник героической обороны Пскова от польского короля Стефана Батория в 1581–1582 гг.

В 1594 г. Федор Иванович, по просьбе кахетинского царя Александра II, двинул 5000 войско из Астрахани и Терского городка в Дагестан, против Газикумухского шамхальства, на берегу реки Сулак русские построили крепость Койса (Койсинский острог), где был оставлен гарнизон в 1000 стрельцов с воеводой князем Владимиром Долгоруковым [1]. Персидский шах Аббас I также просил помочь в борьбе с горцами, совершавшими набеги на иранские земли. Тогда же намечалось основать второй форпост близ Тарки, но сыновья правителя

Чубан-шамхала, собрав ополчение из черкесов, кумыков и дагестанцев, воспрепятствовали этому [2].

Еще 25 сентября 1589 г. терский воевода Хворостинин писал царю, что шамхал («шевкал») послов присылает только с «бездельем» высматривать город и людей ратных, а казачьи отряды успешно боролись с «горскими людьми». По просьбам грузинских послов, в конце 1589 г., Хворостинин послал на шамхала воеводу князя Григория Засекина. Шамхал был ранен в битве и с большими потерями отступил в горы, оставив реку Сулак. Русскими войсками был сожжен Эндрий (Эндирей) и захвачено большое количество пленных.

Тем не менее, в 1590–1592 гг. не представлялось возможным отправить на Северный Кавказ крупные военные силы: шла русско-шведская война, и был отражен опасный набег крымского хана Газы II Герая на столицу.

В 1592 г. в Москву прибыло грузинское посольство. Александр в своей грамоте уверял царя Федора, что для умирения шамхала и открытия жизненно важных путей, необходимо занять Тарки и назначить туда «государевых людей». Для этого снаряжалось грузинское войско, во главе с сыном, царевичем Юрием (Георгием). В Тарки предполагалось прислать править свата – Крым-Шамхала из Кабарды.

К концу XVI в. наиболее значительными, часто независимыми от шамхала, владениями Кумыкии были Эндирейское, где утвердился Солтан-Мут (Солтан-Махмут), Карагачское, Тарковское, Буйнакское, Карабудахкентское, Таркаловское, Эрпелинское и Дженгутайское [3].

Грузинские послы князь Арам и архимандрит Кирилл в июне 1593 г. уехали с известием о том, русский царь посылает рать с предложением одновременно ударить со стороны Грузии. По сведениям терских воевод, шамхал в союзе с другими князьями Дагестана мог выставить до 15000 всадников. Список вражеских отрядов предоставил участник похода, проводник Аллаги (Уллу-Агъай) из Дербента. Однако там отсутствовали аварские ханы и некоторые даргинские союзы, так как считалось, что они враждебно настроены к шамхалу, в подчинении которого находились, и теперь служат России, что было роковой ошибкой.

В этих условиях началась авантюра Андрея Хворостинина. Ему надлежало закрепиться в Тарках и дойти до Кумуха, куда должны были прибыть войска царевича Юрия из Грузии. Из 5000 ратников почти половина были конные, с учетом 1000 терских (гребенских) казаков, 1000 волжских и 500 яицких. В поход с Хворостининым пошли некоторые мурзы Больших Ногаев и кабардинцы. Город, расположенный амфитеатром по скату скалистой горы близ берега Каспийского моря, не имел особенно сильных укреплений, и Хворостинину не стоило большого труда взять Тарки. Шамхал ушел в горы собирать главные силы, не вступал в переговоры и, следуя дагестанскому правилу «ловить скорпиона за хвост», нарушил тыловое сообщение неприятеля.

Хворостинин приступил к укреплению крепостных стен в Тарках и тщетно ожидал подкреплений и снабжения. Тем временем, шамхал, при поддержке аварского хана,

блокировал русские войска в городе, не давая покоя стрельцам и казакам ни днем, ни ночью. Нехватка продовольствия поставила осажденных в тяжелое положение и вызвала среди них голод и болезни, свирепствовала лихорадка. В строю оставалась половина ратников [4].

Удерживать Тарки становилось все труднее. Потеряв надежду на грузинскую помощь, после решения военного совета, Андрей Хворостинин дал приказ начать отход под прикрытием ночи, оставив добычу. Отступавшие стрельцы сбились с пути и зашли в болото устья реки Шураозень. Хотя им удалось выйти на дорогу, их ряды основательно поредели под ударами преследовавших шамхальских и аварских войск. Нападение оглашали муллы, зачитывавшие строки из Священного Корана, благословляя правоверных на битву с гяурами. Каждый переход устилался трупами с обеих сторон. Русские бежали, бросив снаряжение и обоз, больных и раненых. В бою были убиты И. В. Измайлов, И. П. Федоров и многие дворяне и стрелецкие головы, ратных людей пало около 3000. Воеводы, включая Хворостинина, с оставшимися воинами смогли уйти через Сулак [5]. До Терека дошла лишь $\frac{1}{4}$ часть всего отряда [6]. Из терских и гребенских казаков вернулось домой не более 300 человек [7].

Первая попытка завоевать Казикумухское шамхальство не увенчалась успехом. Ответственность за провал этой кампании была возложена Россией на грузинского царя Александра, который не выполнил предложенных ему условий, не послал сына и свата на помощь союзнику. С таким обвинением отправились в Грузию русские послы Савин и Плуханов. Александр объяснил задержку непроходимостью Дагестанских гор, на что ему заметили, что если шамхал находит путь в Грузию, то и кахетинское войско могло добраться до земель противника [8]. Воеводы основали новые крепости на берегу Сулака, чтобы стеснить врага и загладить неудачу князя Хворостинина [9].

Было ясно, что Московское государство в конце XVI в. еще не могло поддерживать таких отдаленных владений [10]. Тем не менее, царский титул увеличился прибавкой «государя земли Иверской, Грузинских царей и Кабардинской земли, Черкасских и Горских князей». Персидский шах Аббас Великий, желая привлечь Федора Ивановича к союзу против турок, отказывался от своих притязаний на Кахетию. Но переговоры с ним о союзе были бесплодны [11]. Андрей Хворостинин в 1598 г. был назначен воеводой в Большом полку войск, выставленных против крымцев; затем до 1602 г. состоял первым воеводой в Цареве-Борисове. Умер 24 апреля 1604 г. после продолжительной болезни в Москве.

После этого разгрома правительство Бориса Годунова не оставляла мысль взять реванш и закрыть «шевкальскую проблему». Уроки прошлого поражения так и не были извлечены. Попытки договориться с соседями ни к чему не привели. Военная миссия на Кавказе приобрела характер «русской рулетки». Идея добиться успеха в общих делах с помощью локальной авантюры всегда являлась рискованной, если не самоубийственной. Шамхал отказал в присяге, поставив условие сноса Койсинской крепости. Однако трагедия голода 1601–1603 гг. и восстание Хлопка опять не позволили совершить решающий южный поход. Смутное время давало о себе знать. В 1603 г. объявился человек, назвавший себя

«чудом спасшимся царевичем Дмитрием», сыном Ивана Грозного, законным наследником престола. 15 августа 1604 г. войска Лжедмитрия пошли на Москву.

В феврале 1604 г. обсуждалась возможность нового удара в Дагестане. В Посольском приказе подробно выясняли у кахетинского посла Кирилла о Тарках, ближайшем соленом озере Тузлук и Буйнаке, откуда ведут дороги к Дербенту, Шемахе и Баку. В Грузию прибыло посольство М. П. Татищева для переговоров о совместных действиях против Казикумухского шамхальства. С царем Александром опять условились на том, что грузинские войска помогут русским в их трудном деле. Результат оказался очевиден.

Исполнителями на этот раз выступали окольный воевода Иван Бутурлин, участник сражения под Венденом 1578 г., астраханский наместник Осип Плещеев и служивший на Тереке Иван Полев.

В августе 1604 г., через 10 лет после Хворостинина, Бутурлин с тремя полками начал свой поход. В нем принимали участие московские, казанские, астраханские и свияжские стрельцы, насчитывавшие 10000 человек, терские, донские и яицкие казаки, кабардинцы под началом Сунчалей-мурзы, чеченцы-аккинцы, руководимые Батаем Ших-мурзой, и ногайцы. В Большом полку находились Бутурлин и Плещеев, письменные головы Демид Черемисинов и Калинин Зюзин, в Передовом – Владимир Бахтеяров-Ростовский и Иван Полев, в Сторожевом – Петр Головин и Владимир Кольцов-Масальский. В стрелецких головах числились Смирной Маматов и Тимофей Савин [12]. На содержание войска было выделено более 300000 рублей [13].

В условиях конца XVI в. отношения чеченских князей и союзов аулов с русскими царями нередко носили союзнический характер. Правовое оформление являлось не только целью, но и средством на пути полного включения народов Северного Кавказа в состав Русского государства и было одним из методов борьбы с Ираном и Османской империей.

Вместе с тем, русско-чеченские контакты отнюдь не протекали исключительно в мирных формах. Во-первых, горские князья не получали от царя земли за службу и им было нечего терять в случае отказа от верности Москве, во-вторых, русские в XVI–XVII вв. неоднократно подвергали Кавказ широкомасштабным военным нападениям, в-третьих, местные владетели заручались аналогичными соглашениями «покровительства» со стороны крымского хана, турецкого султана, персидского шаха. В-четвертых, в то время, данный регион являлся объектом международных соглашений Сефевидского Ирана и Османской империи, Россия являлась на вторых ролях [14].

По приказу Бориса Годунова были заложены крепости в Тарках (Новый город), Таркалах и Эндирее. Казачьи отряды, при поддержке стрельцов, сожгли Эндирей, взяли Исти-Су и заняли Качкальковский хребет. Таким образом, в их руки перешла вся Кумыкская плоскость. Около Эрпели и Карабудахкента кумыки потерпели поражение. Тарки брали двумя колоннами: Бутурлин шел со стрельцами, Плещеев с детьми боярскими и казаками. Перед штурмом воины целовали крест и слушали речь о памяти и чести погибших в походе Хворостинина. После приступа Тарки были усеяны трупами защитников.

Подкрепление, обещанное Грузией, так и не появилось. Шамхал отступил, но как Митридат VI Евпатор, на которого не нашлось Помпея Великого, все время уклонялся от открытого сражения. Руководство сопротивлением перешло к Солтан-Муту, славившемуся военными способностями. Горцы убедились, что цель Бутурлина – создать форпост на реках Акташ и Сулак, отрезать их от равнинных пастбищ. Это вызвало большую поддержку шамхалу не только от его подданных, но и у аварских владетелей. Ненависть к русским вызывали и грабежи местного населения, захват заложников отрядами Бутурлина. Поэтому к сопротивлению присоединились аварцы и даргинцы.

Овладев Тарками, Бутурлин стал возводить новую крепость. С точки зрения фортификации, место было вполне подходящее: с трех сторон возвышались скалы, образуя естественную преграду, следовало только укрепить отлогий скат в виде амфитеатра в сторону моря, покрытый лесом, садами и нивами. В горах били ключи, от которых шли трубы, снабжая город водой, на случай осады устроены мельницы и большие каменные резервуары. На возвышенности, где стоял дворец шамхала с двумя башнями, воеводы приступили к строительству укреплений. На скате перед морем стояли две башни, окопанные рвами, с этой позиции артиллерия могла простреливать весь периметр. На озере Тузлук дагестанцы добывали не только соль, но также серу и селитру для изготовления пороха. Рядом с озером русские поставили заставу. На Буйнак уже не хватило времени. Наступившая зима свела на нет все строительные работы [7].

Недостаток продовольствия заставил отослать около 5000 воинов за Терек: ногайцев и половину стрелецких полков в Астрахань, а часть терских казаков на побывку в их селения, с обязательством вернуться весной. Солтан-Мут узнал об этом и, собрав значительные силы, вместе с братьями, устроил на пути следования русских засаду. Однако отряд шел наготове, в боевом положении, и кумыкам не удалось уничтожить врага, хотя бой длился целый день и только к ночи горцы отступили, потеряв 3000 человек. Оставшийся в Тарках на зиму русский гарнизон испытывал большие трудности. Приходилось довольствоваться остатками толокна и вяленым мясом. Каждый день число больных увеличивалось. Бутурлин и военный совет еще не знали, что в Кахетии сменилась власть и помощи ожидать неоткуда.

Весной 1605 г. объединенные силы шамхала, крымского хана, кумыкских мурз, аварцев и даргинцев осадили крепость на Сулаке. Воевода Долгорукий, не имея сил для обороны, сжег острог и морем отплыл на Терек. Такая же судьба постигла гарнизон на Акташе. Султан Ахмед I прислал отряд турецких янычар с пашой из Шемахи. Борьба приобрела характер Священной войны против неверных.

Солтан-Мут с 20 тысячным войском блокировал крепость в Тарках и потребовал от Бутурлина сдаться. Русский воевода сначала отказал, несмотря на свое безвыходное положение, тогда начался штурм, часть крепостной стены была разрушена, а недостроенная башня, после подкопа, взорвана вместе с находившимися в ней стрельцами, лучшими из тех, что имели оборонявшиеся. Мусульманская пехота пыталась ворваться в Тарки. Тем не менее, все приступы не дали результатов. Обе стороны понесли ощутимые потери и были истощены.

Тогда второй раз пришло предложение о сдаче. Никто не хотел оставлять город, но Бутурлин объявил воеводам царский приказ о прибытии стрельцов в Москву и вступил в переговоры. Его рати разрешили свободный выход из Тарков за Сулак: «Покиньте нашу землю, идите совсем, куда хотите». Однако это условие не было выполнено. Выход без кровопролития гарантировал турецкий паша. Шамхал обязался взять на попечение тяжелобольных и раненых русских, которых приходилось оставить в Тарках, а по выздоровлении отпустить их на Терек, но потребовал, чтобы Бутурлин дал ему в аманаты (заложники) сына Федора и поклялся, что русские никогда больше не пойдут войной на Тарки, эти последние условия были отвергнуты. Зато Бутурлину выдали аманата, которым числился сын шамхала. Подлог обнаружился позже.

В день ухода русских из Тарков состоялась свадьба казикумухского шамхала Сурхая II, женившегося на дочери аварского хана. Кроме того, отмечалось окончание Рамадана. На торжестве раздавались сотни тулуков с бузой. В шамхальском стане целое утро раздавалась пальба, возносились молитвы «Исми-азам». Многие требовали мести. Улемы сочли приличным украсить великий праздник достойным для правоверных делом. Оказалось, что клятву, данную кафирам на Коране, соблюдать не обязательно. Тем более, что они беспечно шли с песнями и звоном бубнов в сторону Сулака. С объявлением этой дагестанской индульгенции последовал приказ взамен военных игр напасть на неверных на первом же привале и вырезать их до ночи.

Несколькими подвижными частями мусульмане внезапно окружили стрельцов и казаков за Озенскими болотами, в устье реки Шураозень, и атаковали со всех сторон, не позволив противнику прийти в боевой порядок и использовать огнестрельное оружие. Началась Караманская битва. Горцы волнами накатывались на стрельцов, изолированных друг от друга. Иван Бутурлин, не желая в старости изменить своей храбрости и верности государю, бился насмерть. На удивление врагам, мужественно сражался и пал его сын Федор [5]. Разгоралась рукопашная, секлись сабли, один дрался с тремя, боясь не смерти, а плена [9]. Все воеводы и ратные люди решили, что никто не сдастся живым и будут биться до последнего. Бутурлин, видя неминуемую гибель войска, собственноручно изрубил аманата шамхала на куски, но им оказался подставной человек, преступник, приговоренный к виселице и только этим подлогом купивший себе помилование. Такие подмены совершались часто. Адская схватка продолжалась несколько часов благодаря упорству русских.

Трагедия была шокирующей. Убиты воеводы Иван Бутурлин с сыном Федором, Осип Плещеев с сыновьями Богданом и Львом, Иван Полев; письменные головы Калинин Зюзин, Демид Черемисинов, Иван Исупов и другие головы, стрельцы, сотники, атаманы и казаки. Князь Владимир Масальский, с небольшим числом детей боярских и казаков на конях с трудом сумели прорвать кольцо окружения и уйти на Койсу, где Петр Головин должен был ожидать подкрепления, а оттуда на Терек. В плен взяты изнемогшие от ран князь Владимир Бахтеяров, сын Бутурлина Петр и стрелецкие головы Афанасий Благой и Смирной Маматов. Тяжелораненые добиты на месте. При отступлении русские понесли большие потери – до 7

тысяч человек, но и дагестанцы лишились значительного количества воинов. Сунженский и Койсинский остроги пришлось оставить [1].

Голландский путешественник и дипломат Исаак Масса сообщал, что большая часть войска погибла от татар и турок, от лишений и дурных дорог и немногие вернулись назад [15].

Оставшиеся в Тарках больные и раненые русские погибли мучительной смертью от местных жителей, терзаемые по улицам не только мужчинами, но даже малыми детьми и старыми женщинами. Владимир Бахтеяров был передан турецкому султану и находился в тюрьме в Кафе (Генуэзская крепость), но затем освобожден и вернулся на Терек. Смирной Маматов в плену принял ислам, но это не спасло его от турецкой казни [16].

Вторая попытка захватить Казикумухское шамхальство окончилась неудачей. Поражение под Тарками на долгое время остановило экспансию в Дагестане. Более того, русские войска ушли к своей основной базе – Терки [8]. Московское правительство стремилось ослабить позиции Оттоманской Порты на Северном Кавказе, но отсутствие согласованности со Священной лигой и поддержки кахетинского царя и иранского шаха способствовало тому, что русская рать была разбита [17].

В России уже некогда было думать об отмщении шамхальцам за кровь Бутурлина и обиду Московскому царству. Даже казацкая вольница, перешедшая на службу к самозванцам и не встречавшая в царе грозного карателя, от гнева которого приходилось скрываться, забыла о Кавказе, и только те казацкие поселения, которые возникли там прежде, стойко держались не только на Тереке, но даже за его пределами, откуда никакие силы чеченцев и кумыков не могли их выбить. Так продолжалось почти до Петра I [6].

Два катастрофических поражения, которые напоминают ситуацию с 5 и 7 крестовыми походами, когда для европейских рыцарей в Египте пропастью стали города Дамьетта (Думьят) и Эль-Мансура, повлекли для правителей Кахетии и России тяжкие последствия. 12 марта 1605 г., во время государственного переворота, были убиты Александр II и его сын Георгий. 13 апреля 1605 г. умер Борис Годунов. Смута не пощадила никого из руководителей кавказской авантюры. Обмен пленными произошел лишь в 1607 г., при посредничестве Ирана.

Литература

1. История Дагестана. Т. 1 / отв. ред. В. Г. Гаджиев. – М.: Наука, 1967. – 432 с.
2. Бакиханов, А. К. Гюлистан-и Ирам / А. К. Бакиханов. – Баку: Элм, 1991. – 304 с.
3. Кушева, Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века) / Е. Н. Кушева. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 372 с.
4. Шишов, А. В. Схватка за Кавказ. XVI–XXI века / А. В. Шишов. – М.: Вече, 2007. – 480 с.
5. Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, издан по списку князя Оболенского. – М.: Университетская типография, 1833. – 274 с.

6. *Потто, В. А.* Кавказская война. В 5 т. Т. 1. С древнейших времен до Ермолова / В. А. Потто. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. – 672 с.
7. *Потто, В. А.* Два века терского казачества / В. А. Потто. – Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. – 383 с.
8. *Маршаев, Р. Г.* История лакцев / Р. Г. Маршаев, Б. Бутаев. – Махачкала, 1992. – 210 с.
9. *Карамзин, Н. М.* История Государства Российского. Т. 10 / Н. М. Карамзин. – СПб.: Типография Н. Греча, 1824. – 461 с. Т. 11. – СПб.: Там же, 1824. – 477 с.
10. *Соловьев, С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 2. Т. 7 / С. М. Соловьев. 2-е изд. – СПб.: Изд. Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1896. – 1726 с.
11. *Иловайский, Д. И.* История России. Т. 3 / Д. И. Иловайский. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1890. – 719 с.
12. Разрядная книга 1559–1605 гг. / отв. ред. В. И. Буганов. – М.: Институт истории АН СССР, 1974. – 436 с.
13. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного архива Министерства иностранных дел Сергеем Ал. Белокуровым. Вып. 1. 1578–1613 гг. – М.: Университетская типография, 1889. – 715 с.
14. Чеченцы: история и современность / под ред. Ю. А. Айдаева. – М.: «Мир дому твоему», 1996. – 352 с.
15. Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. – СПб.: Типография К. Замысловского, 1874. – 371 с.
16. ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси. Новый летописец. – СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. – 154 с.
17. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1 / отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 288 с.

УДК 930.85

**ОБЫЧАЙ ДЕФОРМАЦИИ ЧЕРЕПОВ В АРХАИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ
CUSTOM OF DEFORMATION OF SKULLS IN ARCHAIC CULTURES**

*Пикалов Д.В., НОУ ВПО «Северо-Кавказский гуманитарный институт», доцент
кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат исторических наук
Pickalov D.V., NOU VPO "North Caucasian Institute for the Humanities," Associate Professor
of humanitarian and socio-economic disciplines, Ph.D.*

e-mail: skgi_institut@mail.ru

Аннотация: В статье автор рассматривает обычай искусственной деформации и трепанации черепов, характерный для ряда архаических культур.

Annotation: In article the author considers custom of artificial deformation and trepanation of skulls, characteristic for a number of archaic cultures.

Ключевые слова: деформация, череп, история

Keywords: deformation of the skull, history

В своей последней монографии «Мифологемы неолитической революции» [1], мы мельком затрагивали вопрос об обычае деформации и трепанации черепов, характерном для архаических культур. Сейчас бы нам хотелось рассмотреть эту проблему более пристально.

Обычай деформации черепов встречается уже эпоху палеолита и распространяется почти повсеместно. Как отмечает исследователь М.А. Балабанова «У древнего населения восточноевропейских степей обычай преднамеренной деформации головы появляется и становится массовым атрибутом дважды. Впервые искусственно деформированные черепа фиксируют на материалах катакомбной культуры, и после длительного перерыва (около двух тысяч лет) приобретает модную окраску в первые века нашей эры». В некоторых районах Афганистана и Средней Азии, обычай деформации черепов существует и по сей день.

Изменение формы черепа, как и трепанации, оказывают влияние и на различные области коры головного мозга, что способствует изменению определенных признаков и навыков человека [3]. Причем есть основания предполагать, что деформация черепов носила еще и дополнительные смыслы: подчеркнуть избранность «своих» и их отличия от «чужих» или обособленность элитарного слоя. Причудливая форма головы становится знаком для выделения отдельных лиц из группы себе подобных, но занимающих в обществе иное — престижное положение. Так же можно говорить и о важной ритуальной составляющей поверхностного «трепанирования» как возможного испытания и символа перехода из одной социальной категории в другую [4].

«О благородном положении людей, использовавших макрокефальный тип деформации, свидетельствует Псевдо- Гиппократ (О воздухе, водах и местностях, фр. 21): «...они считают самыми благородными тех, у кого наиболее длинная голова» и, возможно, софист II в. н. э. Зенобий (сокращения из сборника пословиц, V, 25) «сираки дают царский венец самому рослому или по словам некоторым имеющему самую длинную голову». Известно, что в некоторых группах североамериканских индейцев (салиши, чинук и др.) свободнорожденные отличались от рабов деформированной головой... Социальный статус у коренных американцев определялся и степенью деформации. Недеформированную голову имели рабы. Слабой деформации подвергалась голова детей не знатного происхождения. Очень сильная деформация достигалась у детей из богатых и знатных семей. Максимальная степень деформации практиковалась в семьях вождей. У гавайцев, таитян и африканского племени монбуту деформация головы практиковалась лишь в семьях вождей. Хорошо известны монетные изображения эфталитских царей с деформированными головами. Череп царицы из Теля-Тепе, как и головы эфталитских правителей, был искажен лобно-затылочным типом деформации. Таким образом, у многих народов, практиковавших обычай искусственной деформации головы, недеформированная голова — знак зависимости, а деформированная — знак престижа» [5].

На основании целого ряда исторических исследований, ряд ученых придерживаются взгляда, что деформация черепов в архаичных культурах была связана с символической или престижно-знаковой функцией [6]. Такого же взгляда придерживается и М.А. Балабанова «Большинство культурных инноваций возникают как утилитарные приспособления, и только некоторые из них, в дальнейшем утрачивая свою утилитарность (практичность), приобретают престижно-знаковое значение. Разумеется, изменение формы головы с помощью различных деформирующих приспособлений не имеет никакой практической полезности, как, впрочем, и деформация стопы в Китае и Японии, выпиливание и инкрустация зубов, татуировка и нанесение шрамов на тело...» [7].

Не отвергая концепцию символической и престижно-знаковой функции, нам бы хотелось обратить внимание на вызванные деформацией черепов психо-эмоциональные изменения личности. Специальные исследования 70-х г. в Военно-медицинской академии в Ленинграде древних сарматских и среднеазиатских деформированных черепов, показали, что влияние деформирующей конструкции на физиологические функции незначительное и не приводит к серьезным психическим нарушениям, что отвергает ряд предположений о сниженных интеллектуальных способностях и тяжелых психических заболеваниях у подвергшихся деформации черепов индивидов [8]. Однако отмечено, что «небольшое изменение угла наклона турецкого седла, где располагается гипофиз, при наличии генетической предрасположенности, могло приводить к легкой эпилепсии» [9]. Стоит отметить, что эпилепсия в Античном мире носила название «божественной болезни», «Геркулесовой болезни», а симптомами ее являются агрессивность и повышенно-экстатическое настроение, иногда сопровождаемое бредом и галлюцинациями. Учитывая эту

симптоматику, осмелимся сделать предположение, что практика деформации черепов в культурах поздних сармат, алан и некоторых групп североамериканских индейцев была связана с воинскими культами. То, что общества поздних сармат, алан и североамериканских индейцев были предельно военизированы, подтверждается многочисленными свидетельствами. Усиление агрессивности, торможение инстинкта самосохранения, характерные для больных эпилепсией, отлично вписываются в воинскую модель данных обществ. И возможно сам обычай деформации черепов, приводивший к возникновению легких, контролируемых форм эпилепсии – «божественной болезни», усиливал те качества личности, а именно агрессивность и бесстрашие, которые были особенно востребованы в культурах воинского типа.

Однако истоки обычаев деформации и трепанирования черепов, на наш взгляд стоит искать в культурах шаманского типа, где особая роль отводится факту так называемой «шаманской болезни». Так у эханзу, племени в центральной части Танзании, одним из общепринятых способов обретения необходимых для знахаря умений считают доведения себя до сумасшествия в лесу. Так же поступают и жители Андаманских островов [10]. В измененных состояниях сознания, в снах и обмороках, в безумии, религиозное сознание первобытного человека пытается найти те силы и истины, которые не могут быть получены в результате осознанных действий. Сам феномен «шаманской болезни» о котором постоянно упоминает М. Элиаде, так же основан на представлении о том, что шаманскую силу может получить только тот, кто может выйти из под контроля своего разума [11].

По определению О.М. Фрейденберг, мир, в котором обитал мысленно «первобытный» человек, не имел решительно ничего общего с реальностью: «Это был ни тот свет, ни этот» [12]. Первобытное мышление, основанное в большей степени на диплазии (*если это вообще можно назвать мышлением*), и на древней метафоре, действительно к нашему «здравому смыслу» отношения не имеет. Сама О.М. Фрейденберг так реконструировала древние представления о потустороннем мире: «Это не жизнь и не смерть, а метафорически «страна», «местность»; быть может, всего лучше назвать его «место появления» (и «место исчезновения» тем самым). Если присмотреться, такое «место появления» представляется в мифе небом, светилом. В мифе, я сказала. Но в быту, в жизни это неизменно оказывается могилой, кладбищем, которые и возникают благодаря такой метафористике. Наши планы не совпадают. То, что мы называем смертью, то у первобытного человека нечто такое, что соответствует нашему жизненному плану. Можно с известными оговорками сказать, что мифотворческое сознание конструирует *мир на том свете* и смерть принимает за план жизни. Это было бы почти верно, если б мы не говорили на современном языке, каждое слово которого (жизнь, смерть) есть отвлеченное понятие, и понятие вполне ограниченное. Это совершенно неприменимо к нерасчлененным, конкретным образам первобытного сознания. Вот только с такими оговорками и можно говорить, что миф строит природу и человека в виде нерасчлененного целого где-то на горизонте неба-земли, с сильной окраской того, что мы называем хтонизмом» [13].

Именно эта тотальная ориентация на потусторонний мир и есть то основное отличие архаических культур от современных. Дошедшие до нашего времени древнейшие мегалиты и дольмены, мастабы, пирамиды и храмы наглядно демонстрируют то колоссальное напряжение древнего социума, ориентированного в первую очередь на потусторонний мир. И соответственно, контакт с потусторонним, являлся основой всей духовной традиции архаики. Этнография приводит множество свидетельств дошедших до нас архаических техник достижения контакта с потусторонним, будь то ритуальные танцы, музыка, галлюциногенные вещества природного происхождения. Вполне возможно, что трепанация и деформация черепов, возникшие еще в эпоху палеолита и вызывавшие небольшие психо-эмоциональные изменения в личности, так же были связаны с поиском контакта с потусторонним.

Литература

1. Пикалов Д.В. Мифологемы неолитической революции. LAP LAMBERT Academic Publishing - Издат. Дом: LLAP, 2013 – С. 241.
2. М.А. Балабанова Обычай искусственной деформации головы у поздних сарматов: проблемы, исследования, результаты и суждения // Нижневолжский археологический вестник. - Вып. 4. Волгоград – 2001. – С. 107.
3. Медникова М. Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. - М., 2004. – С. 206.
4. Медникова М. Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. – С. 201-223.
5. М.А. Балабанова Обычай искусственной деформации головы у поздних сарматов: проблемы, исследования, результаты и суждения – С. 110.
6. Арутюнов С.А. Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность. - М., 1985.
7. М.А. Балабанова Обычай искусственной деформации головы у поздних сарматов: проблемы, исследования, результаты и суждения // Нижневолжский археологический вестник. - Вып. 4. Волгоград – 2001. – С. 109.
8. Маклецова Н.П. Рентгенологическое изучение искусственно деформированных черепов древних эпох из Средней Азии и Поволжья // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. - Л., 1974.
9. М.А. Балабанова Обычай искусственной деформации головы у поздних сарматов: проблемы, исследования, результаты и суждения – С. 109.
10. Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. - М., 2000. – С. 143-144.
11. Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. [Электронный ресурс] // Элиаде М. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/okkultizm/Eliade/06.php
12. Фрейденоберг О.М. Миф и литература древности. — М., 1978. – С. 29.
13. Фрейденоберг О.М. Миф и литература древности. – С. 30.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ
POLITICAL SCIENCE**

УДК 66.2 (2Рос)

**ТЕОРИИ ЭЛИТ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ
THEORIES OF ELITES IN POLITICAL SCIENCE**

Орешкина Ж.Ю., Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, аспирант
Oreshkina Zh.Yu., Southern Russian institute-branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, graduate student
e-mail: Jane891@yandex.ru

Аннотация: В статье приводится обзор теорий элит, ставших фундаментом элитологии, в Европейской и Российской политической науке с периода древности до начала XIX в.

Annotation: The article provides the overview of the theories of elites that have become the foundation of elitology in European and Russian political science from the period of antiquity to the beginning of the XIX century.

Ключевые слова: Политическая элита, политическая теория, элитология.

Key words: Political elite, political theory, elitology.

Вопросы, связанные с функционированием политической элиты и ее лидеров, занимали мыслителей с древних времен. Интерес к высшим слоям политических управленцев вполне объясним: они играют важную роль, оказывают сильнейшее влияние на жизнь людей. Не одну сотню лет человечество понимает, что его развитие и функционирование зависит от решений, принимаемых небольшой (относительно всего населения) группой людей, держащих в своих руках властные рычаги. Кроме того, большинство социальных, философских и политических течений схожи во мнении о том, что наличие высшего слоя управленцев – обязательная составляющая любой социальной структуры, которая выстраивает и определяет вектор общественного развития.

Политическая мысль и, в частности, размышления о правителях уходят в глубь веков и начинают свой путь в VIII-VII вв. до н.э. в Древней Греции, с момента создания демократического полиса. Элитарное мировоззрение в античности было сформировано преимущественно Платоном. Однако, он не был приверженцем демократии и противопоставлял ей свое «идеальное государство», в котором властвуют немногие – самые достойные, определяемые природным талантом и многолетним опытом.

Концепция Платона, сформировав основы элитаризма, прошла свой путь через века и оказала большое влияние на воззрения элитаристов XX в. Однако, введению в научный оборот термина «элита» в конце XIX в., предшествовали труды и других мыслителей разных эпох.

Наиболее ярким представителем эпохи Возрождения, внесшим существенный вклад в обоснование и описание деятельности правителей, был Никколо Макиавелли (1469–1527). Он разделил понятия политики с этикой и религией, создал, своего рода, руководство достижения успеха политическим лидером в трактате «Государь». Макиавелли оправдывал применение жестокости и аморализма во власти, но это было продиктовано обстоятельствами и политической обстановкой, присущей тому времени.

Впрочем, европейские идеологи эпохи Просвещения, такие как Томас Гоббс (1588–1679), Джон Локк (1632–1704), Шарль Луи Монтескье (1689–1755), Жан-Жак Руссо (1712–1788) смотрели на проблему государственного управления уже иначе. Их осуждение тирании и деспотии, установка нужд, потребностей и естественных прав народа во главу угла, во многом воплотились в договорной теории государства. На месте правящей элиты просветители видели аристократов, подчиняющихся праву, и законодателей, ограничивающих деспотию власти законами. К слову сказать, что не только европейцы ратовали за народовластие. Известный американский политический деятель Томас Джефферсон (1743–1826) так же развивал идеи демократии и реализовывал их.

Конечно, влияние на сформировавшиеся только в конце XIX в. идеи элитаризма оказали и другие деятели политической мысли. Среди них Томас Карлейль, Артур Шопенгауэр, Джон Мильтон, Александр Гамильтон и др.

Между тем, последней ступенькой на пути к созданию элитологии стали идеи Фридриха Ницше (1844–1900). Взгляды Ницше о подавляющей силе власти аристократии относительно народа, о наличии пропасти между господами и рабами, которую власть предрержащие должны поддерживать и расширять, в дальнейшем изменились внешне, приобрели более «гладкий» вид, но суть их осталась такой же.

В конце XIX – начале XX в. элитология выходит за рамки социально-философских концепций и начинает свой самостоятельный научный путь. основоположниками элитологии признаны Вильфредо Парето (1848–1923), Гаэтано Моска (1858–1941).

Моска выделил элиту, как самостоятельный объект исследования, проанализировал ее структуру, функции, законы существования. Основным трудом, принесшим Г. Моске мировую известность, стала его книга «Элементы политической науки» (англ. вариант «Правящий класс»). Согласно взглядам, изложенным в этой книге, политика являет собой фундамент общественного развития, а политология призвана исследовать элиту. Именно разделение общества на массу (зависимое большинство) и элиту (господствующее большинство) является основополагающей идеей концепции Моски.[1]

Итальянский социолог и экономист Вильфредо Парето зачастую сходится во взглядах с Г. Моской. Эти совпадения даже породили спор о приоритетности одного автора над

другим. Парето так же выделяет элиту – правящее меньшинство, но вводит статистический метод. Согласно этому методу, способности каждого человека можно оценить по шкале от 0 до 10. Обладатели максимального балла и составляют элиту. Причем, абсолютно неважно, в какой сфере проявляются и оцениваются эти способности. Другими словами, те люди, которые в борьбе достигли вершины, есть элита.

Согласно иерархическому делению индивидов, зависящему от неравных способностей, образуется верхушка коммерческая, политическая, военная, религиозная – это элита в широком смысле. А в узком смысле, элита – это те, кто оказывает реальное влияние на принятие управленческих, политических решений, т.е. правящая элита. Таким образом, согласно Парето, социальная структура выглядит как пирамида, верхушку которой занимает правящая и неправящая элита, а основанием является масса. Данная система стремится к равновесию, которое достигается путем циркуляции элит. Благодаря этому процессу, правящее меньшинство обновляется, система продолжает стабильно функционировать.

Наряду с вышеперечисленными основоположниками элитологии, можно так же назвать ряд социальных мыслителей конца XIX – начала XX в., внесших существенный вклад в развитие элитологической мысли. Среди них Роберт Михельс (1876 – 1936), Макс Вебер (1864–1920), Жорж Сорель (1847–1922), Зигмунд Фрейд (1856–1939) и др.

Таким образом, элитологи первого поколения систематизировали накопленные знания о правлении меньшинства, сформировали основные мысли и идеи элитологии, вычленили объект и предмет, описали законы функционирования, структуры и смены элит.

Тем временем, русские мыслители так же развивали взгляды об управляемых и управляющих. Это разделение, по мнению российских авторов, происходит благодаря двум силам: с одной стороны – это божественная воля; с другой – «естественный закон», т.е. общественные отношения, основанные на высоких нравственных нормах. По соотношению двух этих сил, можно выделить три исторических периода русской мысли в области элитологии.[2]

Первый период можно отнести к концу XVII – началу XVIII вв. До периода просвещения, правление элиты, в основном в лице лидера государства – царя, – рассматривается, как божественный порядок, предначертанный свыше. И это неудивительно, ведь основными трансляторами политической мысли являлись церковные деятели: Илларион (первый Киевский митрополит русского происхождения, XI в.), Филофей (монах Псковского Елизаурова монастыря, конец XV – начало XVI вв.).

Второй период начинается с приходом XVIII в. – века Просвещения. Идея божественного предназначения власти не ушла из воззрений политических мыслителей, однако, она уже идет рука об руку с «естественным законом».

Известный российский государственный и научный деятель Василий Никитич Татищев (1686–1750) усматривал разделение на управляющих и управляемых со времен Адама и Евы. Серьезное влияние на его взгляды оказал Феофан Прокопович (1681 – 1736) – епископ Православной Русской Церкви. Будучи членом «ученой дружины» Петра I, он

всячески доказывал и обосновывал неограниченное самодержавие и был сторонником цезаропапизма (глава государства выступает главой церкви). Разделение на властвующих и подчиненных, существование державной власти Феофан Прокопович объяснял процессом столкновения «естественного закона», олицетворяющего собой любовь и боязнь Бога, почитание отца и матери, доброту, с людской злобой.

Во время *третьего периода* (конец XVIII – начало XIX в.) божественное участие уступает главенствующую, определяющую роль «естественному закону». Так Павел Иванович Пестель (1793–1826) и Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860) схожи во мнении о том, что при разделении людей на управляющих и управляемых Бог не принимает никакого участия. Разделение это опирается исключительно на человеческую природу. Вместе с этим, в работе Аксакова «О внутреннем состоянии России» (1855 г.) проявляется русская национальная специфика, влияющая на властные отношения. Известный христианский и политический философ Николай Александрович Бердяев (1874–1948) так же придерживался мнения о том, что управление меньшинства естественно и будет возникать при всех формах правления, в любом обществе. Однако, в отличие от П.И. Пестеля и К.С. Аксакова, Н.А. Бердяев отводил Богу в этом процессе, хоть и второстепенную, но свою немаловажную роль: формирование аристократического типа личности.

Существенный вклад в развитие русской политической мысли внесли и другие деятели. Анархист Михаил Александрович Бакунин (1814–1876) – любую форму управления сводил к рабству. Борис Николаевич Чичерин (1828–1904) – высказал идею об объединении государственного и общественного управления. Василий Осипович Ключевский (1841–1911) наиболее полно описал понятие «правлящий класс». Работы М.Я. Острогорского (1854–1921), К.А. Скальковского (1843–1906), П.А. Сорокина (1889–1968) и других выдающихся социологов, философов, политологов внесли существенный вклад в развитие политической мысли России и оказали большое влияние на русскую элитологию. [3]

Таким образом, можно заключить, что политическая мысль, формировавшая теории элит на протяжении веков, в России и за рубежом шла по своему пути, однако это не помешало сформировать схожие мнения, общие тенденции и взгляды на взаимоотношения между управляющим меньшинством и управляемым большинством.

Литература

1. Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187–198.
2. Основы политической элитологии: учебное пособие / Г.К. Ашин, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Ростов н/Д. : ОАО «Дониздат». 2012. 608 с.
3. Элитология: история, теория, современность : монография / Ашин Г.К. М. : МГИМО – Университет, 2010. 600 с.

**ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ
PEDAGOGIS AND PSYCHOLOGY**

УДК 159.9

**САМООРГАНИЗАЦИЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА
В ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ
SELF-ORGANIZATION OF PRIMARY SCHOOL STUDENT
IN STUDENT-CENTERED LEARNING**

*Горбушина И.А., Ставропольский государственный педагогический институт, доцент
кафедры психологии, кандидат психологических наук, доцент*

*Gorbushina I.A., Stavropol State Pedagogical Institute, Associate Professor of Psychology,
PhD, Associate Professor*

*Анисимова Н.В., Ставропольский государственный педагогический институт,
студент 5 курса*

Anisimova N.V., Stavropol State Pedagogical Institute, a 5th year student

e-mail: irinagorbushina@mail.ru

*Аннотация: Статья посвящена процессу формирования, умений самоорганизации
учебной деятельности младших школьников в личностно-ориентированном обучении.*

*Abstract: The article is devoted to process of formation of skills of self-organization of
educational activity of younger schoolboys in a student-oriented teaching.*

*Ключевые слова: самоорганизация, умение, обучение, учебная деятельность,
личностно-ориентированное обучение.*

Keywords: self-organization, ability, training, learning activities, student-oriented teaching.

В Ставропольском крае в условиях модернизации и обновления содержания образования реализуется программа развития обще учебных умений школьников.

В образовательном стандарте начального общего образования (2004 г.) определено, что важнейшим приоритетом остается формирование обще учебных умений, навыков и способов познавательной деятельности младших школьников. Овладение умениями самоорганизации учебной деятельности у младших школьников является обязательным минимумом. Высокий уровень освоения умений самоорганизации учебной деятельности в значительной мере определяет успешность обучения на последующих ступенях непрерывного образования и в данном контексте проблема формирования умений самоорганизации, являющихся основой обобщенного способа организации учебной деятельности школьников, приобретает особую актуальность.

В условиях лично ориентированного начального образования актуально формирование именно умений самоорганизации учебной деятельности у младших школьников как личностного, субъектного образования, так как они выступают средством продуктивного усвоения элементов содержания образования, обеспечивают развитие ключевой образовательной учебно-познавательной компетенции, влияют на воспитание инициативности, самостоятельности, организованности и способствуют становлению рефлексивной деятельности школьников.

Предмет нашего исследования был определен процесс формирования умений самоорганизации учебной деятельности в младших школьников.

В основу исследования положена была гипотеза, согласно которой процесс формирования умений самоорганизации учебной деятельности у младших школьников возможно осуществлять успешно, если:

- определено содержание и взаимосвязь умений самоорганизации учебной деятельности;

- применяется программа по формированию умений самоорганизации учебной деятельности.

База проведения опытно - экспериментальной работы исследования выступила школа № 2 с. Ладовская Балка в 1 и 2 классах. Исследованием было охвачено 44 учеников начальных классов.

На первом этапе - диагностическом - было изучено состояние проблемы на теоретическом и практическом уровнях.

На втором этапе - осуществлялся формирующий этап эксперимента по проверке эффективности программы по формированию умений самоорганизации учебной деятельности, осуществлялась обработка полученных результатов.

На третьем этапе - проводилось описание полученных результатов, составлялись рекомендации для учителей начальных классов.

В результате наблюдения отметили, что большое количество детей испытывают неустойчивые, дискомфортные состояния, затрудняющие выполнения школьных требований, испытывают трудности в общении с педагогами и сверстниками.

Анкетирование учащихся первого класса выявило, что дети чаще опекаются взрослыми, а именно бабушками которые планирую, их деятельность после школы, поэтому друзей вне школы почти нет. 10% детей отметили, что они могут рассказать о школьных новостях только бабушке. 18% детей вне школы занимаются в кружках (английского языка, танцы и т.д.). Анкетирование учащихся второго класса было подобным, 15% детей школьные новости могли говорить всем членам семьи. 14% делают самостоятельно уроки. Было проведено анкетирование родителей учащихся 1-2 классов, которое выявило общепринятые взаимоотношения между детьми и ими.

В ходе констатирующего эксперимента было определено следующее: что все дети заинтересованы в социальных контактах со взрослыми, ждут от них помощи, не проявляя

свою самостоятельность. Имеют исполнительский уровень развития учебных умений.

Полученные эмпирические данные подтолкнули нас к созданию программы обучения младших школьников основам самоорганизации.

Цель программы: формирование у младших школьников основ самоорганизации (научиться адаптироваться в окружающем мире, рационально мыслить, справляться с жизненными обстоятельствами, самосовершенствоваться, научиться учиться).

В связи с этим решались следующие задачи:

1. Обучать учащихся умениям и способствовать выработке навыков самоорганизации.
2. Создать условия для развития у учащихся самоорганизационных умений.
3. Способствовать сплочению коллектива детей.

1-й класс. Цель: помочь детям открыть самих себя свои силы, свойства, способности познакомить с путями их совершенствования и развития; сформировать интерес к самоорганизации как условию и средству Дискуссия разностороннего развития и активности личности; выработать у всех детей уверенность в наличии у них сил и способностей к успешному учению и саморазвитию.

2-й класс. Цель: увлечь детей процессом самоорганизации; сформировать психологическую установку к учению как к решающему средству развития всех качеств своей личности; закрепить уверенность в наличии способностей к самоорганизации своей личности, деятельности, к самоуправлению своим поведением.

Анализ результатов эффективности предложенной нами программы по формированию основ самоорганизации младших школьников и для отслеживания результативности развития основ самоорганизации учащихся проводилась с помощью диагностики О.В. Щепиной «Лист индивидуальных достижений».

В результате проведенного формирующего этапа эксперимента исследования можно констатировать, что уровень самоорганизации учащихся после использования разработанной нами программы повысился,

Так же было констатировано изменение в умениях самоорганизации учащихся 2 класса, где высокий уровень показали восемь учащихся (36,3%), средний – двенадцать (54,5%) и низкий уровень остался только у двоих учащихся (9,2%).

В связи с полученными исследовательскими данными мы составили ряд рекомендаций для учителей по формировании самоорганизации младших школьников.

Итак, современное образование должно быть направлено на развитие личности человека. Личностно ориентированное обучение предполагает, что в центре обучения находится сам обучающийся - его мотивы, цели, его неповторимый психологический склад, т. е. ученик как личность.

Личностно ориентированное обучение позволит:

- повысить мотивированность учащихся к обучению;
- повысить их познавательную активность;
- построить учебный процесс с учетом личностной компоненты, т.е. учесть

личностные особенности каждого учащегося, а также ориентироваться на развитие их познавательных способностей и активизацию творческой, познавательной деятельности;

- создать условия для самостоятельного управления ходом обучения;
- дифференцировать и индивидуализировать учебный процесс;
- создать условия для систематического контроля (рефлексии) усвоения знаний учащимися;

- вносить своевременные корректирующие воздействия преподавателя по ходу учебного процесса;

- отследить динамику развития учащихся;

- учесть уровень облученности и обучаемости практически каждого учащегося.

Таким образом, подводя итог данной работы можно сказать, что цели, задачи и гипотеза исследования были реализованы.

УДК 159.9

**ОСОБЕННОСТИ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
ПСИХОЛОГА ДЕТСКОГО ДОМА
THE PECULIARITIES OF PSYCHOGNOSTIC WORK OF THE BOARDING
SCHOOL PSYCHOLOGIST**

Бобкова Т. С., Сызрань, филиал Самарского государственного экономического университета, доцент кафедры экономики и управления, кандидат психологических наук

Bobkova T. S., A branch of «the Samara state economic university» Syzran, associated Professor of the Department of Economics and Management, a candidate of psychological sciences

E-mail tsbobkova@mail.ru

Аннотация: в рамках проблемы социального сиротства в статье рассмотрены вопросы психодиагностики воспитанников детского дома, преимущества и недостатки использования проективных и вербальных методов обследования.

Annotation: In the context of the problem of social orphanhood the article considers the issues of psycho-diagnostics of boarding schools pupils, advantages and disadvantages of using projective and verbal examination methods.

Ключевые слова: дети- сироты, детский дом, методы психодиагностики.

Key words: orphans, children's home, methods of psycho-diagnostics.

Сегодня одной из самых острых социальных проблем и по масштабности, и по значимости является проблема воспитания детей, лишенных родительского попечительства. По международным данным около трети всех детей-сирот на земном шаре, проживающих в сиротских учреждениях, приходится на долю России. Данные о количестве оставшихся без попечения родителей и безнадзорных детей в современной России различны - от 730 тыс. человек по данным Минобразования, 180 тысяч из них живут в государственных учреждениях (в стране более 5 тысяч детских домов, приютов и интернатов), от 2 до 3 млн. по оценкам независимых экспертов, но все источники единодушно утверждают, что количество таких детей возрастает с каждым годом на 4-6 тысяч человек. Сегодняшние воспитанники детских домов в большинстве случаев являются социальными сиротами, т.е. имеющими родителей, которых государство лишило родительских прав по причине ненадлежащего ухода и воспитания. За последнее время социальная проблема сиротства получила большой общественный резонанс, вскрылись проблемы международного усыновления наших детей и негативная тенденция ненадлежащего ухода и воспитания со стороны приемных в основном американских родителей с летальными исходами [1]. Государственная политика способствовала увеличению числа устройства детей-сирот в замещающие семьи наших граждан. В настоящее время в данном направлении ведется активная работа, правительство

принимает меры по упрощению процедуры усыновления и устройства детей, лишенных родительского попечительства, в российские семьи. Данное явление имеет свои плюсы - ребенок воспитывается в семейной обстановке; и минусы - в плане неподготовленности приемных родителей к воспитанию ребенка с неблагополучным прошлым, с проблемами в развитии; к тому же имеют место случаи возврата ребенка обратно в детский дом, что является вторичным психотравмирующим фактором [2]. И хотя наилучшей формой устройства детей-сирот сегодня признается семейная, массовая деинституализация воспитания детей-сирот в России пока невозможна. К сожалению, еще долгое время интернатные учреждения, для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, будут оставаться основным институтом социализации детей-сирот. Для таких детей проблемы психологического характера чаще определяются недостатком родительской ласки и любви, ранней депривацией. Этот травмирующий фактор приводит к деформации личности, искажению самосознания и сохраняется у ребенка на всю жизнь [3].

Исследования, проведенные во многих странах мира, свидетельствуют о том, что вне семьи развитие ребёнка идёт по особому пути и у него формируются специфические черты характера, поведения, личности, отличающиеся от детей из обычных семей (И.В. Дубровина, В.С. Мухина, А. М. Прихожан, Н.Н. Толстых, Л.М. Щипицина, Г.В. Семья, Й. Лангмейер, З. Матейчик и др.). Процесс психического развития детей, воспитывающихся в условиях детского дома, замедлен, по сравнению с домашними детьми, что отражается на формировании полноценной личности воспитанников. Факты свидетельствуют, что значительная часть проблем, нарушений и недостатков в развитии личности воспитанников детских домов и интернатов имеет ряд основных причин: врожденно – наследственные факторы и анатомо – физиологические нарушения центральной нервной системы; проблемы внутриутробного развития ребенка; различные виды депривации; средовые влияния; отрыв от семьи и помещение в интернатное учреждение [4]. Изначально пребывая в неполноценной социальной ситуации развития, дети впоследствии испытывают на себе различные вредности социального и биологического происхождения. Проблемы социального характера вытекают из социального статуса ребенка, он «ничей» ребенок. При наличии огромного количества окружающих взрослых, ребенок не имеет близкой привязанности к кому – либо. Кроме того, к этому аспекту можно отнести проблемы, возникающие из-за неприязненного отношения к воспитанникам детей из семей и родителей этих детей.

Проблемы медицинского характера обусловлены патологическими отклонениями в состоянии здоровья детей, связанными с различной патологией, родовыми травмами. Почти у всех детей отмечаются признаки невротизации, у части – выраженные неврозы, обусловленные психическими травмами, связанными с неблагополучием в бывшей семье и потерей родителей. Невнимательное отношение родителей к здоровью детей, антисанитарные условия проживания, несбалансированное питание, а порой полное его отсутствие ведет к огромному количеству соматических заболеваний у таких детей (хронические соматические заболевания до 78%). Психологические проблемы определяются недостатком родительской

любви, ласки, ранней депривацией неформального общения со взрослыми. Педагогические проблемы наиболее часто связаны с социально – педагогической запущенностью детей, поступающих в детский дом [5].

Необходимым условием полноценного воздействия является слаженность системы работы разных служб детского дома, правильно организованная система медико – психолого – педагогического сопровождения. Эти дети нуждаются в особом гуманистическом отношении и профессиональном сопровождении. Ребенку нужен друг, способный к пониманию, - тот человек, который поможет правильно ориентироваться в жизни.

Особая миссия отводится педагогу-психологу детского дома, основным из направлений, деятельности которого является психодиагностическая работа с целью составления социально-психологического портрета воспитанников; определения путей и форм оказания помощи детям, испытывающим трудности в обучении, в общении, психическом самочувствии; выборе средств и форм психологического сопровождения воспитанников в соответствии с присущими им особенностями обучения и общения. Правильно организованная психодиагностика является не только основой, но и залогом успешного построения психокоррекционной и развивающей работы с воспитанниками.

Для разработки и реализации психолого – педагогических программ, нацеленных на обеспечение психического здоровья и полноценного развития воспитанников, необходимо ясное понимание наличного уровня недостатков и нарушений в развитии личности воспитанников в их соотнесенности с позитивной структурой развития ребенка.

Необходимо отметить, что достаточно трудно найти подходящие методы для работы с такими детьми. Проблемы диагностирования детей-сирот связаны в первую очередь, не с методическим обеспечением, а с психологическими особенностями: низкий уровень вербального интеллекта, задержка психического развития, узкий кругозор, недостаточность словарного запаса и т.д. Имеющиеся практические материалы часто не могут быть использованы и работе с детьми, так как они не всегда могут справиться с предлагаемыми заданиями, с которыми хорошо справляются дети из благополучных семей. Нередко воспитанники не понимают смысла предлагаемых заданий, они им не интересны, у них отсутствуют интеллектуальные навыки решения заданий, они не получают удовольствия от сделанной работы, и, как правило, такая работа оказывается малоэффективной [1].

Целесообразность использования проективных методик объясняется их возможностями перевести содержание внутреннего мира человека во внешний, на символическом уровне. В отличие от вербальных методик они открывают человеку более доступный и гибкий канал для воплощения своих образов, представлений, собственного видения мира. Рассмотрим преимущества и недостатки проективного инструментария. Проективные методы основаны на анализе продуктов воображения и фантазии и направлены на раскрытие внутреннего мира личности, мира ее субъективных переживаний, мыслей, установок, ожиданий [2]. Специфические особенности проективных методик заключаются в следующем: относительно неструктурированная задача, допускающая неограниченное

разнообразии возможных ответов; неоднозначные, расплывчатые, неструктурированные стимулы, выполняющие роль своеобразного «экрана», на который испытуемый может проецировать характерные для него личностные черты, проблемы, состояния; глобальность подхода к оценке личности и, прежде всего, к выявлению ее скрытых, неосознаваемых, завуалированных сторон. Общепринятым является мнение о недостаточной объективности проективной техники, о несоответствии многих методик требованиям, обычно предъявляемым к психодиагностическому инструментарию. В число недостатков входят: отсутствие или неадекватность нормативных данных, что приводит к трудностям и субъективизму интерпретации индивидуальных результатов; отсутствие объективности в определении показателей (часто неудовлетворительными являются коэффициенты гомогенности и ретестовой надежности); методические недостатки (плохая контролируемость условий эксперимента, необоснованность статистического анализа, неверное формирование выборки). Однако, несмотря на отмеченные недостатки, популярность и статус проективных методик практически не меняются. Это объясняется, во-первых, наименьшей подверженностью фальсификации со стороны испытуемого, по сравнению с вербальными опросниками; во-вторых, цель проективных техник обычно завуалирована, в связи с чем, испытуемый не может угадать способы интерпретации диагностических показателей и их связь с теми или иными проявлениями личности; в-третьих, эффективностью для установления контакта с испытуемым и проявлению заинтересованности в их выполнении (особенно в работе с маленькими детьми и детьми группы риска). Таким образом, при использовании проективных методик проблема создания и поддержания мотивации на диагностирование не является такой острой, как при применении других типов методов [2].

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать о том, что при использовании проективных методик в работе с детьми-сиротами проблема создания и поддержания мотивации на диагностирование не ставится так остро, как с вербальными методиками. Это ни в коей мере не уменьшает возможность применения различных методов обследования детей, оставшихся без попечения родителей.

Необходимо помнить, что детям, пережившим травмы, стрессы, можно помочь двумя способами: ежедневным обучением необходимым навыкам социальной компетенции и снятием барьеров, мешающих нормальному психическому развитию.

Психолог учреждений социально-педагогической поддержки должен работать не только с детьми, но и со всеми сотрудниками в тесном единстве: с воспитателями, социальными педагогами, педагогами дополнительного образования, медицинским персоналом, администрацией.

Вся деятельность психолога и педагогического коллектива должна быть направлена на формирование внутреннего мира ребенка, на формирование такого уровня его психического развития, который обеспечил бы ему взаимоприемлемые отношения с окружающими людьми и адекватные формы поведения.

Литература

1. *Бобкова, Т.С.* Своеобразие полового самосознания подростков с разной социальной ситуацией развития / Т.С. Бобкова, Г.А. Виноградова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара: СНЦ РАН, 2010. Том 12. №3.
2. *Бобкова, Т.С.* Проективные методы исследования половой идентификации детей-сирот / Т.С. Бобкова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук.– Самара: СНЦ РАН, 2012. Том 14 №6.
3. *Дубровина, И. В.* Особенности психического развития детей в семье и вне семьи /Дубровина И. В., Лисина М. И.// Возрастные особенности психического развития детей. М.,1982.
4. Лишенные родительского попечительства: хрестоматия / Под ред. В.С. Мухиной. М.: Просвещение, 1991.
5. *Прихожан, А.М.* Психология сиротства / Прихожан, А.М., Толстых Н.Н.// СПб.: Питер, 2005.

УДК 159.9

**ПРОБЛЕМА КОММУНИКАТИВНЫХ БАРЬЕРОВ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
THE PROBLEM OF COMMUNICATION BARRIERS
IN PROFESSIONAL ACTIVITY**

Волков А.А., Северо-Кавказский федеральный университет, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии

Volkov A.A., North-Caucasian Federal University, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Psychology

Волкова В.М., Северо-Кавказский федеральный университет, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права

Volkova V.M., North-Caucasian Federal University, PhD, Associate Professor of Theory and History of State and Law

E-mail: volkoffss@yandex.ru

Аннотация. Коммуникативный барьер можно рассматривать как системное образование, определяемое целями существования организации и типом организационной культуры.

Abstract. Communicative barrier can be regarded as a systemic education defined goals of the organization and the type of organizational culture.

Ключевые слова: психологический барьер межличностного общения, социально-психологический барьер личности, коммуникативный барьер, барьер смысловой, статусно-позиционно-ролевая область затруднений в общении.

Keywords: psychological barrier of interpersonal communication, social-psychological barrier personality, communicative barrier, the barrier sense, status, position and role in the area of communication difficulties.

В социальной психологии психологические барьеры рассматриваются с точки зрения общения и включения личности в социальные группы:

коммуникативный барьер образуется, если личность не может усвоить новые образцы делового и неформального общения, принятого в профессиональной среде, в которую входит (А.А. Немцов);

психологические барьеры межличностного общения – осознанные и неосознанные препятствия и трудности, которые возникают между индивидами, вступают друг с другом в психологический контакт (Б.Д. Парыгин, 1999);

новая социальная ситуация обуславливает появление новой роли. Непринятие роли – неадекватное поведение, а во внутреннем плане – образование социально-психологического барьера личности (Р.М. Шамионов, 2003).

По мере возрастания значения нововведений на производстве, в организациях, в образовании и обществе в целом, а следовательно, их научного изучения и трактования, психологические барьеры рассматриваются в рамках инновационной деятельности:

психологический барьер – это последствия, трудности подчиненных (рабочих) при внедрении нововведений на предприятиях (Ф. Генон, 1982);

инновации ведут за собой пассивность, ригидность в поведении, стремление держаться за привычку, придерживание старой профессиональной роли, установок – все это психологический барьер к нововведениям (М.В. Войнич, 2003).

Как видно из вышеизложенного, есть нечто общее в различных трактовках барьера, как например, препятствие, трудность, негативное состояние и соответствующее поведение, изменение ситуации и др. Мы считаем, что понятие социально-психологического барьера должно включать в себя все отмеченные определения. Это и мотив, препятствующий выполнению определенной деятельности, и некое психическое состояние личности; и помеха на пути реализации новых идей; и нежелание приспособиться к новому социально-психологическому климату в коллективе; и стремление сохранить привычные социальные связи, роли; и боязнь, что новая социальная обстановка приведет к уменьшению удовлетворенности работой; и неприязнь к вмешательству в личную жизнь и к лицам, внедряющим нововведения и т.д.

Таким образом, социально-психологический барьер можно рассматривать как системное образование, находящееся в зависимости, с одной стороны, от специфики деятельности, определяемой целями существования организации и типом организационной культуры в рамках которой реализуются эти цели, а с другой – от ценностно-мотивационной структуры личности [1].

В условиях человеческой коммуникации могут возникать совершенно специфические коммуникативные барьеры. Они не связаны с уязвимыми местами в каком-либо канале коммуникации или с погрешностями кодирования и декодирования, а носят социальный или психологический характер.

С одной стороны, такие барьеры могут возникать из-за того, что отсутствует понимание ситуации общения, вызванное не просто различным языком, на котором говорят участники коммуникативного процесса, но различиями более глубокого плана, существующими между партнерами. Это могут быть социальные, политические, религиозные, профессиональные различия, которые не только порождают разную интерпретацию тех же самых понятий, употребляемых в процессе коммуникации, но и вообще различное мироощущение, мировоззрение, миропонимание.

Такого рода барьеры порождены объективными социальными причинами, принадлежностью партнеров по коммуникации к различным социальным группам, и при их

проявлении особенно отчетливо выступает включенность коммуникации в более широкую систему общественных отношений. Коммуникация в этом случае демонстрирует ту свою характеристику, что она есть лишь сторона общения (3,4,5,6,7,8).

Естественно, что процесс коммуникации осуществляется и при наличии этих барьеров: даже военные противники ведут переговоры. Но вся ситуация коммуникативного акта значительно усложняется благодаря их наличию. С другой стороны, барьеры при коммуникации могут носить и более чисто выраженный психологический характер. Они могут возникнуть или вследствие индивидуальных психологических особенностей общающихся (например, чрезмерная застенчивость одного из них (Зимбардо, 1993), скрытность другого, присутствие у кого-то черты, получившей название «некоммуникабельность»), или в силу сложившихся между общающимися особого рода психологических отношений: неприязни по отношению друг к другу, недоверия и т.п.

В этом случае особенно четко выступает та связь, которая существует между общением и отношением, отсутствующая, естественно, в кибернетических системах. Все это позволяет совершенно по-особому ставить вопрос об обучении общению, например, в условиях социально-психологического тренинга, что будет подробнее рассмотрено ниже.

Традиционно в социальной психологии и социальной психологии личности различают коммуникативные барьеры и барьеры смысловые. Если коммуникативный барьер напрямую связан с теми трудностями, которые возникают у личности, прежде всего, при планировании и организации ею актуального акта общения, то смысловой барьер связан с взаимонепониманием между людьми, так как для них одно и то же событие или явление имеет различный смысл. При этом, как правило, значение, например, слов просьбы или приказа понятно обеим общающимся сторонам, но несовпадение смыслов приводит к разрушению взаимодействия, обуславливает непродуктивность контакта, закладывает основы возможного межличностного конфликта. Практически невозможно назвать ту сферу взаимодействия людей, которая была бы гарантирована от смысловых барьеров. В то же время наиболее часто смысловые барьеры возникают в ходе взаимодействия детей и взрослых, а также в отношенческих системах «руководитель – подчиненный» и «подчиненный – руководитель». Понятно, что смысловое недопонимание принимает особо острые формы и приводит к особенно болезненным последствиям в обстоятельствах кардинальной смены социальных ориентиров в социуме, деформации ценностной системы общества.

Одной из сложных проблем психологии являются затруднения, с которыми человек сталкивается в деятельности, общении (3,4,5,6,7,8). Проблема затруднений, или «барьеров» общения, в качестве объекта специального исследования изучается с середины 20 века (Д. Кати, Л. Ли, Г. Лассвелл, М. Андерсен, Е.С. Кузьмин, Б.Д. Парыгин, В.Ф. Ломов, А.А. Коломенский, А.А. Климов и др.)

Кан-Калик В.А. называет затруднения в общении некими «психологическими барьерами», которые препятствуют нормальному общению, влияют на деятельность субъектов (И.А. Зимняя, 1997).

Затруднения, как считает А.К. Маркова, выявляются в форме остановки, перерыва деятельности, самого общения, невозможности его продолжения (И.А. Зимняя, 1997). Затруднения имеют несколько функций. Позитивная функция затруднения (по А.К. Марковой) имеет два значения:

- а) индикаторное (привлечение внимания слушателя-партнера);
- б) стимулирующее, мобилизирующее (активизация деятельности при анализе и преодолении затруднения, приобретение опыта) [2].

В то же время А.К. Маркова фиксирует и негативную функцию затруднения, имеющую два значения: а) сдерживающее (в случае отсутствия условий для преодоления затруднения или наличия неудовлетворенности собой, например, заниженной самооценки); б) деструктивное, разрушительное (затруднения приводят к остановке, распаду деятельности, уходу от общения).

На современном этапе затруднения или «барьеры» общения рассматриваются с разных позиций. В рамках общей психологии они классифицируются как смысловые, эмоциональные, когнитивные, тактические (И.А. Зимняя, 1997). В деятельностном подходе, по мнению Л.А. Поварницыной, выделяются две группы затруднения общения: мотивационные и операционные, которые в свою очередь проявляются в когнитивной, эффективной и поведенческой сферах (Л.А. Поварницына, 1987).

И.А. Зимняя выделяет следующие основные области затруднения человека в общении: этно-семиокультурная, статусно-позиционно-ролевая, индивидуально-психологическая, возрастная, деятельностная, область межличностных отношений [2].

Статусно-позиционно-ролевая область затруднений в общении – эта область обуславливается целым рядом причин: семейным воспитанием, позицией в общности, атрибутами роли, статусом учреждения и т.д. Эти затруднения возникают в условиях асимметрии статусов, позиции комплементарности (взаимодополняемости) прав и обязанностей конвенциональных ролей.

Среди индивидуально-психологических особенностей партнеров, оказывающих наибольшее влияние на общение и вызывающих в случае несоответствия ему затруднения, чаще всего отмечается: коммуникативность, контактность, эмоциональная устойчивость, импульсивность (реактивность), экстра-, интровертированность и т.д.

Наиболее изученным среди индивидуально-психологических факторов, вызывающих затруднения общения, являются экстраверсия-интроверсия. К индивидуально-психологическим факторам, вызывающим определенные затруднения в общении, как с позиции говорящего, так и с позиции слушающего, относится когнитивный стиль деятельности [68]. Это целая система особенностей познавательной, прежде всего аналитико-синтетической деятельности (И.А. Зимняя, С.Л. Рубинштейн, 1997). Когнитивный стиль есть устойчиво проявляемая в меняющихся ситуациях, и в частности в коммуникативных ситуациях, специфика познавательной деятельности. Разграничиваются два полярных стиля – с низкой и высокой дифференциацией. Данные многих исследований свидетельствуют о том,

что субъекты с низкой психологической дифференциацией предпочитают межличностную и групповую деятельность индивидуальной, они более успешны в общении (И.А. Зимняя, Н.П. Иванов, 1997). Люди с высокой дифференциацией когнитивных структур проявляют большее понимание другого человека.

Достаточно большие затруднения вызывает отсутствие или низкий уровень эмоциональной регуляции, проявляющиеся в неконтролируемой реакции партнеров общения друг на друга, на всю коммуникативную ситуацию. Стрессером может быть деятельность, партнер или сам говорящий (Н.В. Витт, И.А. Зимняя, 1997). В зависимости от этого меняется общая тональность общения, интонационная, лексико-грамматическая характеристика текста, невербальные средства.

Соответствие индивидуально-психологических особенностей, включающие интеллектуальные, эмоциональные, поведенческие, личностные проявления, могут, как облегчить, так и затруднить общение.

В ряде работ выделяются такие барьеры, как "барьер темперамента", "барьер акцентуации характера", "барьер манеры общения", "барьер отрицательных эмоций" (страдания, гнева, отвращения, страха, стыда и вины), "барьер неправильной установки сознания" (стереотип, предвзятость, отсутствие интереса, пренебрежение фактами), "барьер речи", "физические барьеры", "социально-ролевые барьеры", "информационно-познавательные барьеры", "социально-психологические барьеры", "организационно-психологические барьеры", которые становятся препятствием во взаимодействии человека с окружающими, существенным препятствием в его личностном и профессиональном становлении.

Литература

1. Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б. Формирование мотивации учения: кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1983.
2. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учебное пособие. – Ростов-на-Дону: изд-во Феникс, 1997.
3. Волков А.А. Профессиональная самореализация сотрудников милиции общественной безопасности: проблема личностных трансформаций. // Российский психологический журнал. Научный журнал. - М., 2010, Т. 7, № 1 - С. 53-64.
4. Волков А.А., Волкова В.М., Волков С.А. Становление современной методологии психологической науки. // Вестник Ставропольского государственного университета. Научный журнал. Выпуск 79(2). - Ставрополь, 2012. - С.141-146.
5. Волков А.А. Современное понимание формирования смысла жизни в индивидуальном развитии. // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. Научно-практический журнал №2. Выпуск 6. - Ставрополь, 2013. - С.380-386.

6. Волков А.А. Личностные трансформации сотрудников милиции общественной безопасности: результаты эмпирического исследования // Российский психологический журнал. Научный журнал. - М., 2009. - Т.6, № 5. - С. 32-40.
7. Волков А.А. Требования оперативно-служебной деятельности к психологической подготовленности участковых инспекторов милиции // «Северо-Кавказский психологический вестник». Научный журнал. Ростов-на-Дону. 2009, № 7/1. – С. 26-31.
8. Волков А.А., Волкова В.М., Волков С.А. Темпоральность правосознания судебных приставов // Ленинградский юридический журнал. Научно-теоретический и информационно-практический межрегиональный журнал. №2(32) – г. Санкт-Петербург, 2013. - С.10-16.

УДК 159.9

**К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КОРРЕЛЯТАХ
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
THE QUESTION OF PSYCHOLOGICAL CORRELATES
WORD-FORMATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE**

Лукьянов А.С., Северо-Кавказский федеральный университет, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии

Lukyanov A.S., North-Caucasian Federal University, candidates of psychological sciences, associate professor, assistant professor of psychology

E-mail: vspikul@andex.ru

Аннотация. Предпочтение того или иного типа словообразования является следствием актуализации конкретных психологических особенностей человека, реализуемых в речевой деятельности.

Abstract. Preference for one or another type of word formation is a consequence of specific mainstreaming human psychological characteristics implemented in speech activity.

Ключевые слова: психология речепорождения, способы словообразования, морфологическое, морфолого-синтаксическое, лексико-синтаксическое, лексико-семантическое, психология профессиональной деятельности личности, трансформация ценностно-смысловой сферы.

Keywords: psychology recheporozhdeniya, methods of word formation, morphology, morphological, syntactic, lexical and syntactic, lexical-semantic, psychology professional activity of the person, transforming value-semantic sphere.

На сегодня проблемное поле речевой деятельности, механизмов её формирования, процессов развития многогранно, многопредметно, и, как следствие, вызывает перманентный исследовательский интерес.

Проблемы происхождения, формирования и развития феноменов областей языка, речи и речевой деятельности субъекта интересовали и интересуют зарубежных и отечественных лингвистов, психологов, социальных мыслителей, философов и др. (М. Арчер, И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.В. Виноградов, Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, А.А. Реформатский, Ю. Хабермас, Н. Хомский, Г. Штейнталь и др.).

Мы, вслед за А.А. Реформатским, считаем, что именно «...слово – наиболее конкретная единица языка... язык... это прежде всего... язык слов...» [4. – С. 60]. Сказанное определило область нашего исследования – лексикологию, и конкретнее – словообразование, и именно психологические корреляты его способов стали предметом нашего интереса.

Исследования в области психологии речепорождения, словообразования в общем случае и касающиеся психологии профессиональной деятельности личности, её трансформаций ценностно-смысловой сферы, в частности (А.А. Волков, М.М. Кольцова, А.А. Леонтьев, Р.Е. Левина, Н.Х. Швачкин и др.) основываются на том допущении, что именно данный субъект и именно с данными характеристиками создаёт конкретные проявления своей речевой активности, что порождает соответствующие смыслы и проявляется в поведении [напр., 1,2]. Однако известно, что всё, что есть в поведении, есть в психике, но не всё, что есть в психике, есть в поведении [3]. Мы исходим из того, что, обобщив, проанализировав и интерпретировав факты речевой деятельности субъекта, можно «выйти» на индивидуально-психологические его характеристики. При этом обратное отношение также будет верно, поскольку обусловлено «вычерпанностью» всех возможных условий для проявления фактов речевой деятельности. В нашем исследовании эти условия – это способы или формы словообразования, взятые из лингвистики, что добавляет к валидности исследования, поскольку критерий – внешний, объективный.

Учитывая сказанное, мы выдвинули следующую гипотезу эмпирического исследования: если те или иные особенности психики, отражаясь в речевой деятельности, определяют выбор того или иного способа словообразования, то возможно обратное, а именно – предпочтение того или иного способа словообразования является ключевым фактором для выявления индивидуальных особенностей психики человека.

Рефлексивный анализ подходов к классификации словообразовательных форм в русском языке (Е.А. Земская, А.Е. Кибрик, В.Н. Немченко, Н.А. Янко-Триницкая и др.) показывает, что можно отграничить следующие виды словообразования: лексико-семантическое, лексико-синтаксическое, морфолого-синтаксическое, морфологическое, включающее в себя сложение, безаффиксный способ, аббревиацию и аффиксацию (суффиксальную, префиксальную, суффиксально-префиксальную и постфиксальную) [напр., 4, 6]. Известны также и такие способы словообразования, как внутренняя и внешняя флексии, их взаимосвязь, перенос ударения, супплетивизм, повтор и другие, однако, по нашему мнению, указанные способы относятся к одному из выше предложенных способов (перенос ударения, флексии), либо нерелеванты представлению о словообразовании (повтор, супплетивизм).

Для выявления особенностей психики человека посредством изучения продуктов его речевой деятельности мы использовали методику, замысел которой в следующем.

Используя лингвистический опыт классификации способов словообразования (отмеченный выше), мы в каждую отдельную ячейку классификации подобрали слова русского языка, наиболее ярко отражающие специфику данной ячейки. При этом формирование стимульного материала основывалось на использовании опыта раскрытия сущности лингвистических критериев словообразования (А.А. Реформатский) и словарной базы современного русского языка (С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова, Д.Н. Ушаков). Так, например, к морфологическому способу словообразования (к подтипу «сложение») относятся

слова «лоботряс», «кашевар», «наркомат», «землеустройство» и др. Эти слова отобраны в связи с тем, что данный способ словообразования отражает создание слов методом сложения корневых основ разных с учётом того, что одна из частей или обе части слова не существуют сами по себе в виде отдельных слов.

Методика состоит из двух частей. Замысел первой части методики исследования в том, чтобы, предложив испытуемому 10 групп слов, объединённых по типам словообразования, выявить ключевые психологические характеристики каждого из предложенных типов. Способ формирования психологического содержания словообразования здесь – разновидность метода ассоциации. Чтобы добиться адекватного замыслу нашего исследования набора ассоциаций, от испытуемого требуется дать ассоциацию не просто на слово, предложенное в стимульном материале методики, а на способ, которым оно образовано. То есть испытуемый как бы пропускает через себя (осмысливает) возникшую ассоциацию, сопоставляя её с заданием на ассоциативную связь. Тем самым результат представляет собой скорректированную ассоциацию на задание инструкции, то есть на «одобрение» сознания, рефлексию, что специфицирует данный вид ассоциации.

Методика также содержит вторую часть, которая, по сути, повторяет первую с той лишь разницей, что участнику исследования предлагается слово или словосочетание, к которому необходимо сформулировать своё собственное определение. Приводимый в этой части стимульный материал, по сути, является лингвистическими критериями словообразования. Ключевой метод формирования психологического содержания способа словообразования здесь – объяснение. То есть испытуемый должен здесь дать определения лингвистическим критериям словообразования таким образом, чтобы эти определения были адекватны, понятны и достаточны для самого испытуемого, что делает результаты исследования также «одобренными» со стороны сознания, т.е. рефлексированными.

Данные обследования испытуемых интерпретируются при сопоставлении результатов первой и второй частей методики.

Исследование проводилось в разное время суток с 11 до 17 часов. В нём приняли участие студенты и преподаватели вузов города Ставрополя. Среди испытуемых – представители и женского, и мужского пола в возрасте от 17 до 54 лет (средний возраст – 35,5 лет). Общее количество респондентов 154 человека; число участников диагностического среза, ответы которых вошли в обрабатываемый массив данных, составляет 77 человек. Время обследования составляло 60 минут. Ответы на вопросы методики в рамках бланков испытуемыми давались в свободной форме.

Анализ результатов обследования испытуемых и формулирование конкретных выводов проводился нами на основании данных, полученных при заполнении бланков методики. Обследование по первой части методики показало, что основными психологическими характеристиками, отнесёнными испытуемыми к тому или иному типу словообразования, стали:

Для лексико-семантического: многосмысловость, многозначность, ситуативность слов, неочевидность, запутанность.

Для лексико-синтаксического: удлинённость говорения, официальность, пафос, сложность и особенность слов, грамотность говорящего.

Для морфолого-синтаксического: ситуативность слова и его открытость, сами слова выступают помощью к основной мысли, будучи зависимыми от неё (от основной мысли).

Для морфологического (сложение): изменение слова, полуслово, ощущение нехватки для полноты ещё чего-то, упрощение говорения, весёлость, забавность, ироничность слова.

Для морфологического (безаффиксный): сокращённость слова, лаконичность и ограниченность говорения, акцент на краткость выражения мысли, строгость букв, грубость, резкость и недлительность слова.

Для морфологического (аффиксация суффиксальная): добавление к слову, его развитие, уточнение к основному слову, усиление его свойства, мягкость и ощущение умиления от слова.

Для морфологического (аффиксация префиксальная): приставка к слову, изменение смысла в виде добавления к нему, предварение основной мысли, размышление над говоримым, над сказанным после, жёсткость слова.

Для морфологического (аффиксация, суффиксально-префиксальная): добавление смысла к слову с двух сторон, богатое слово, максимально информативное, жизненное слово.

Для морфологического (аффиксация, постфиксальная): «добавочка», уточнение, «правочка», лёгкий штрих к смыслу слова, неполные, в целом абстрактные, неопределённые слова.

Для морфологического (аббревиация): механическое сокращение слов в виде набора букв, их составляющих, зашифровка, ощущение серьёзности, громкости слова с поставленным на это акцентом (схоже с «внимание!»).

Обследование по второй части методики показало следующее наполнение ассоциациями способов словообразования:

Одинаковая форма явления: изоморфизм формы, полностью совпадают контуры явления, абстрактно-логически одинаковые явления.

Смысловая схожесть: гомоморфизм, не полностью одинаковые по содержанию явления, тавтология, ситуативность употребления, сначала кажется не то, что на самом деле.

Слияние: сращение, взаимное объединение, взаимопроникновение, процессность, динамичность.

Изменение формы: перемещение частей целого по каким-либо правилам с целью получения чего-то нового, адаптивность (из одного агрегатного состояния в другое, склонение по падежам и т.п.).

Сложение: механическая операция, простая сумма без потери специфики слагаемых, но получается новый продукт, и его функции – просто сумма функций частей.

Вычитание: лишение целого его части (необязательно малоинформативной), оставшееся обладает самостоятельным смыслом, отсутствие, нехватка.

Добавление: существенное (смыслообразующее) присоединение.

Добавление после: не всегда нужно, исправление, корректировка, улучшение, принципиальное временное опоздание.

Добавление до: предупреждение, предвосхищение, сделанное к сроку, коррекция в уже задуманное, но не осуществлённое.

Добавление и до, и после: со всех сторон, беспрестанно, полный цикл, изобилие, может быть, даже больше чем надо.

Добавление-уточнение: конкретизация смысла, модификация, формы, коррекция для нужного эффекта.

Аббревиатура: сокращение, сухость, часто мало гласных.

Описываемая ниже качественная обработка результатов включает в себя анализ обеих частей методики.

Как следует из теоретического обоснования нашего исследования, существуют четыре основные способа словообразования – морфологический, морфолого-синтаксический, лексико-синтаксический и лексико-семантический. Морфологический способ словообразования включает в себя подвиды. Подвид «аффиксация» включает в себя четыре типа, и специфичным для этих типов аффиксации является следующее: для суффиксального: добавление, уточнение, мягкость, усиление свойства слова (мысли); для префиксального: изменение смысла слова, предварительное размышление, жесткость; для суффиксально-префиксального: добавление к слову, информационная полнота, богатство; для постфиксального: добавление к слову, лёгкий штрих, неопределённость.

Таким образом, аффиксация, в целом, наряду с другими подвидами морфологического типа словообразования имеет свою специфику: аффиксация: изменение слова, его смысла, различные добавления к основе (основной мысли); сложение: изменение слова, полуслово, ироничный оттенок; безаффиксный способ: изменение слова, лаконичность, акцент на краткость и ясность мысли; аббревиация: изменение в словах, серьёзные, «большие» слова.

Общим, таким образом, для морфологического типа словообразования является то, что каждый из его подвидов в сути своей – изменение слова через посредство того или иного отношения дополнительных элементов к его основе. Этот тип словообразования характеризуется тем, что слово выступает многофункциональным объектом реальности с многообразными видами и формами своего существования, а также широким арсеналом условий и механизмов функционирования. Это тип с наиболее широкими возможностями словоизменения. Психологически это трактуется как возможность и способность человека производить со словом (с объектом реальности в целом) различные многообразные манипуляции.

Рефлексивный анализ результатов проведённого исследования позволяет выделить ключевые специфичные смысловые психологические элементы, характеризующие основные четыре типа словообразования:

Лексико-семантический: многосмысловость, многозначность, ситуативность слов, неочевидность, запутанность.

Лексико-синтаксический: удлинённость говорения, официальность, пафос слов, сложность и подчёркнутая особенность слов, грамотность говорящего.

Морфолого-синтаксический: ситуативность слова и его открытость, сами слова выступают помощью к основной мысли, будучи зависимыми от неё (от основной мысли)

Морфологический: многофункциональность, многообразие видов и форм существования, а также широкий арсенал условий и механизмов функционирования.

То есть, согласуя с гипотетическим положением о психологических коррелятах словообразования данные выводы, можно сказать, что:

а) преобладание лексико-семантического способа словообразования в речи присуще людям, которые склонны толковать события и факты жизни с различных сторон, разными способами, но в общем контексте актуальной ситуации, не выходя за рамки заданного. Неоднозначные по сути, они переносят это на продукты своей деятельности. Как результат – сформированная неискренность и амбивалентность поведения, подчинение своей жизнедеятельности необходимому активному лавированию в ситуации. Оставляют о себе либо неопределённое, либо поверхностное впечатление.

б) преобладание лексико-синтаксического способа словообразования в речи характерно для людей образованных, грамотных, осознающих это и всегда подчёркивающих свою состоятельность в этом. Сложное изложение несложных мыслей является маркером «особенности» этих людей. Невнимательны к другим людям, оставляют ощущение «заумности».

в) преобладание морфолого-синтаксического способа словообразования в речи характерно для людей, которые открыты обществу, другим людям. Действуют в ситуации, опираясь на чью-либо авторитетную позицию. Всегда думают над совершаемыми поступками, расчётливы. Не склонны к открытию чего-то нового, рискованного. Социально успешные люди. Оставляет ощущение яркого представителя данного общества.

г) преобладание морфологического способа словообразования в речи характеризует человека индивидуально и социально активного и успешного, рискованного и чрезвычайно адаптивного. В зависимости от преобладания подтипов морфологического словообразования к этим характеристикам добавляются следующие: при сложении – упрощение жизнеотношения, ироничность; при аббревиации – серьёзность, солидность, ощущение собственного достоинства; при безаффиксном способе – акцентируемая лаконичность, чёткость и ясность однозначная жизненная позиция; при аффиксации, в целом, – многогранность человека, ситуативная гибкость, креативность. Преобладание того или иного варианта аффиксации добавляет к данной характеристике следующее: при суффиксальной

аффиксации – большая мягкость, чем жёсткость человека, направленность на результат; при префиксальной аффиксации – большая жёсткость, чем мягкость и направленность на процесс; при суффиксально-префиксальной аффиксации: широкая эрудированность человека, богатый жизненный опыт; при постфиксальной аффиксации: лёгкость, легкомыслие, неопределённость жизненной позиции.

Таким образом, существуют психологические корреляты критериев словообразования и типичные психологические характеристики людей, предпочитающих тот или иной способ словообразования. Каждый отдельный тип словообразования содержит в себе принципиальное психологическое отличие от других типов. Более того, подтипы и варианты морфологического типа словообразования также принципиально по психологическому содержанию отличаются друг от друга. Основываясь на результатах проведённого исследования, можно достаточно обоснованно предполагать, что предпочтение того или иного типа словообразования является следствием актуализации конкретных психологических особенностей человека, реализуемых в речевой деятельности. Однако возможности экстраполяции данных результатов требуют дальнейшего критического осмысления.

Литература

1. Волков А.А. Личность в ценностно-смысловой интерпретации.// Гуманизация образования. Научно-практический журнал. №1.- г. Сочи, 2013. - С.22-28.
2. Волков А.А. Профессиональная самореализация сотрудников милиции общественной безопасности: проблема личностных трансформаций. // Российский психологический журнал. Научный журнал. - М., 2010, Т. 7, № 1. - С. 53-64.
3. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. – СПб., 2006. – 323 с.
4. Немченко В.Н. Современный русский язык: Морфемика и словообразование. – 2-е изд., перераб. и доп. – Н. Новгород, 1994. – 225 с.
5. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М., 2012. – 536 с.
6. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. – М.: Индрик, 2001. – 504 с.

УДК 130.3

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
FEATURES OF EDUCATION IN MODERN**

Миронова Е.Н. к.ф.н., старший преподаватель кафедры социально-экономических дисциплин Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России

Mironova E.N., Candidate of Philosophy, a senior lecturer Department of social and economic disciplines of the Stavropol branch of Russian Ministry of Internal Affairs of the University of Krasnodar

e-mail: mironovbor@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы формирования самостоятельной духовно-ценностной позиции молодого специалиста в условиях современного профессионального образования, требования, предъявляемые к выпускнику экономикой и обществом России.

Annotation: The problems of forming an independent spiritual value position young professionals in today's professional education requirements to graduate Russia economy and society.

Ключевые слова: высшее образование, профессиональное образование, образовательный процесс, гарантии трудоустройства.

Key words: Higher education, vocational education, educational process, job security.

Состояние массового сознания российского общества отличается крайней противоречивостью, сегментацией, идейно-политической пестротой. Для него характерны различные проявления и тенденции. И хотя в современной России сегодня провозглашен официальный отказ от признания какой-либо идеологии в качестве государственной, тем не менее, господствующую в обществе идеологию можно легко обнаружить. Через средства массовой информации, через все возможные и доступные методы она внедряется в умы людей, навязывается им с утра до вечера. Это - культ денег, богатства, успеха, агрессивного поведения. В таких условиях идеология как рационально построенная система знаний, включающая в себя элементы науки, утопии и чисто пропагандистские лозунги («голосуй, а то проиграешь»), задает определенное поле, многообразие смыслов, в котором живет подавляющее большинство людей и которые из этого многообразия выбирают свои смысло-жизненные ценности и ориентиры. Следовательно, все зависит от того, какие идеалы, цели и ценности пропагандирует идеология.

В таких условиях образование как социальный институт, имеющий свою многовековую историю, становится особенно уязвимым. Реформа и последующая модернизация привели к разрушению базовых принципов, на которых строилось российское образование. В связи с этим, произошла подмена целей и мотивов получения образования в особенности профессионального.

Основная цель образовательного процесса - тройкая. Это передача знаний, социального опыта и, наконец, умения пользоваться полученными знаниями и опытом. В процессе образования решается много различных задач, но в самой главной части оно связано с трансляцией, передачей духовной продукции от тех, кто ее производит к тем, кто ее, условно говоря, потребляет. Усвоение обучающимися знаний в ходе получения ими образования для общества не менее значимо, чем его производство. Образование выступает главнейшим условием воспроизводства общественной жизни во всем ее многообразии.

Сложность ситуации в современном образовании состоит в том, что существующая система обучения готовила и продолжает готовить не столько личность, сколько специалиста. Процесс дробления науки на множество специальностей, который со все возрастающей активностью продолжается и до сего времени, внес свои коррективы и в образование. Если учесть к тому же, что просветительский взгляд на образование сводится к тому, чтобы посредством разума, главным образом научного знания, просветить людей и тем самым покончить с невежеством и обманом, то получилась довольно стройная система подготовки специалистов. Подготовка специалиста есть главным образом задача информационного характера - передача конкретного знания от преподавателя к студенту и в этом процессе особое место занимает нравственная составляющая.

Важнейшую роль в формировании внутреннего мира будущего специалиста играет философия, этика, искусство, а также изучение культур других народов и цивилизаций, в том числе и иностранных языков. Особую роль в становлении духовных ориентиров играет философия, выполняющая интегративную роль в отношении всех видов знания, которые осваивает студент, с которыми он сталкивается в процессе обучения. Поэтому гуманитаризация образования сегодня, на наш взгляд, дело абсолютно назревшее и своевременное.

Усвоение содержания различных дисциплин, в первую очередь гуманитарных, конечно, расширяет кругозор человека. Но для воспитания полноценной личности этого явно недостаточно. Нередко о человеке с несколькими дипломами говорят - знания есть, а убеждений нет.

Формирование самостоятельной духовно-ценностной позиции, то есть ясных представлений об «абсолютных», высших ценностях - процесс длительный. Одинаково малопригодно и даже опасно знание без смысла и смысл без знания, иными словами, специалист без твердых нравственных убеждений и социальной позиции представляет собой высокоразвитую биологическую машину, которую можно использовать по ситуации. Именно поэтому, годы обучения для студентов – один из важнейших периодов их жизни. Это время

получения образования, приобретения профессиональной квалификации, этап согласования своих желаний, возможностей, ориентаций с условиями и требованиями со стороны общества.

Выбор будущей профессии всегда индивидуален, поскольку он представляет собой часть личностного самоопределения, нахождения будущим специалистом своего призвания. Критерием его эффективности, с одной стороны, оказывается не только удовлетворенность своим делом и положением в обществе, а также местом, занимаемым в профессиональном мире, но и соответствие современным требованиям (культ денег, богатство, успех). В связи с этим, приоритетными являются те специальности, которые максимально быстро позволяют достигнуть этого. С другой стороны, определенная доля незрелости в профессиональном поведении молодежи, особенно до перехода от обучения к профессиональной деятельности, вполне естественна и обусловлена психологически. В годы стагнации и кризиса возникают условия, порождающие широкое распространение среди молодежи социального и профессионального инфантилизма. Здесь уместно будет упомянуть о двух полярно отличных подходах к профориентации, отмеченных Д.Сьюпером (США) еще в 1968г. [1]. По его мнению, теория профессиональной ориентации находится под влиянием экономических и политических факторов. Когда политическая ситуация спокойна, а экономика находится в равновесии, господствует подход, акцентирующий значение способностей и интересов личности в выборе ею профессии. Если же экономическая и политическая ситуация осложняется, то изменяется и политика профориентации, начинает преобладать тенденция, благодаря которой политики и руководители различных рангов склонны относиться к профессиональному самоопределению молодежи не как к проблеме согласования частных и общественных интересов, а как к простому перераспределению рабочей силы. Собственно это явление мы сейчас и наблюдаем.

Работа государственной системы профориентации заметно ослабла, и управление процессами профессионального самоопределения в школах стало носить в большей степени стихийный характер, хотя социологи, психологи и педагоги постоянно говорят о важности школьного периода профессионального самоопределения молодежи.

Все учебные заведения как социальные институты выступают в качестве структур, организующих специфическую среду профессионального самоопределения своих учащихся. Среди них особое место принадлежит вузам, поскольку: они являются учебными заведениями, дающими профессии; они создают более богатую, по сравнению с другими учебными заведениями, среду профессионального самоопределения учащихся; они включают учащихся в свою структуру на достаточно продолжительный срок (от 4 до 6 лет); этот срок приходится на время наиболее интенсивного психологического и социального формирования личности, ее взросления, осознания человеком его роли и его места в обществе.

В сегодняшней России вузы, находятся в сложной ситуации, обусловленной переходом страны к рыночным отношениям. В прошлом любой советский вуз был частью единого народнохозяйственного комплекса и действовал в соответствии с организационными правилами, близкими к принципам работы обычного государственного предприятия,

встроенного в систему планового хозяйства. Если предприятие выполняло утвержденные вышестоящим министерством или главком производственный и финансовый планы, то вуз по аналогичным планам осуществлял прием студентов и выпуск специалистов, проводя обучение в соответствии с государственными учебными планами.

Неукоснительное соблюдение всех этих планов, так же как и планов приема и выпуска, контролировало Министерство высшего и среднего специального образования, а также собственные министерства и ведомства. В большинстве случаев государственная система распределения неплохо решала проблемы трудоустройства молодых специалистов.

Экономические и организационные изменения последних лет повлекли за собой перемены в характере взаимоотношений между высшими учебными заведениями и предприятиями, а также государственным и негосударственными организациями в вопросах подготовки молодых специалистов высшей квалификации. Сегодня отсутствует система государственного распределения выпускников вузов, а предприятия и организации самостоятельно определяют свою кадровую политику. Это сопровождается, с одной стороны, общим сокращением численности работающих, а с другой – более высокими требованиями к вновь принимаемым на работу. Во многих случаях предпочтение отдается специалистам с трудовым стажем и с опытом работы.

Одной из проблем, связанных с изменениями на рынке труда, явилась проблема угрозы безработицы для молодых специалистов, оканчивающих вузы. Современные выпускники вузов стали одной из слабозащищенных в социальном отношении групп населения.

Сегодня можно говорить о существовании следующих групп противоречий на рынке труда молодых специалистов с высшим образованием: между социальными и профессиональными ориентациями молодежи и потребностями предприятий, организаций и фирм в рабочей силе; между задачей повышения эффективности подготовки вузам молодых специалистов и существующей системой вузовской подготовки; между теоретической подготовкой выпускников и отсутствием необходимых навыков практического использования полученных знаний; между жизненными и профессиональными планами выпускников и реальными возможностями их осуществления; между интересами развития отдельного предприятия и интересами общества.

Кроме того, в современных условиях вузу нужно учиться прогнозировать спрос на специалистов того или иного профиля на пять – десять лет вперед и отвечать на него изменениями в учебных планах и программах.

Результаты ряда исследований последних лет свидетельствуют о том, что количество выпускаемых специалистов уже превысило спрос на них со стороны предприятий и организаций. Таким образом, обнаружено, что для большинства выпускников получение дипломов и поиски места работы сейчас почти совпадают по времени.

Социологами выявлена одна и та же общая особенность – отставание в социализации у студентов. Тот факт, что в наших вузах студенты в основной массе пребывают долгое время «в безмятежном состоянии» и не задумываются над тем, что студенческие годы существуют

не для того, чтобы спокойно проводить время, но прежде всего для получения знаний, нужных в последующей практической работе – результат влияния стереотипов, укоренившихся в сознании и студентов, и их родителей еще в советский период.

Этот же факт отмечают в своей статье Кран Х., Лоу А., Черныш Н. И.: «В советском обществе... в общественном сознании, особенно у представителей старшего поколения, укоренилось мнение, что наличие диплома о высшем образовании автоматически обеспечивает высокое положение в обществе, хорошую должность, а главное – освобождает от тяжелого физического труда. Поэтому наша молодежь, преимущественно под давлением родителей, не имея четкой профессиональной ориентации и не определив заранее свой жизненный путь, массово нацеливается на вуз, и, при условии прохождения конкурса, тут же приступает к учебе. К сожалению, распространен случайный выбор профессии, следствием чего становятся слабые мотивации обучения, низкий уровень знаний, намерения в будущем сменить профессию. Этим обуславливается у нас высокий удельный вес с высшим образованием, занятых не своей специальностью» [2]. К этой вполне объективной картине можно лишь добавить, что кроме отмеченной здесь причины (только бы получить высшее образование) имеют место и иные внешние обстоятельства, приводящие к случайному попаданию в вуз (к примеру, отсрочка от призыва на воинскую службу). В целом, в странах с развитой рыночной экономикой личность оказывается способна осуществить сознательный жизненный выбор в более раннем возрасте, чем у нас.

В ходе проведения пробного исследования спроса на молодых специалистов, опрошенным представителям предприятий и организаций было предложено оценить уровень минимальных требований, позволяющих допустить человека к работе. Полученные результаты говорят о достаточно высоком уровне таких требований: к теоретической и практической подготовке молодого специалиста; к способности принимать самостоятельно решения; к умению общаться с людьми; к умению формулировать задачу и находить путь к ее решению.

В целях выяснения характеристик выпускников, наиболее предпочтительных при приеме на работу, был проведен экспертный опрос представителей от организаций, принимающих выпускников. Согласно инструкции эксперт выбирал не более четырех наиболее значимых характеристик. Приоритетными оказались их требования к теоретической и практической подготовке выпускников. Большое значение при приеме на работу стал иметь пол выпускника, причем на работу охотнее оформляют мужчин. Также важным критерием является семейное положение выпускника. Работу все чаще предоставляют женатым (и это требование в первую очередь относится к мужчинам). В то же время понизились требования к ориентациям молодого специалиста на служебный и профессиональный рост. Поскольку наиболее высокие требования со стороны предприятий и организаций, наряду с общим теоретическим уровнем, предъявляются к практической подготовке выпускника, университету целесообразно значительно расширить практическую сторону в учебных программах, оговаривая участие в них студентов. Необходимо заинтересовать организации и

фирмы в таком сотрудничестве, дав им возможность отбирать для себя нужных им студентов, расширяя для этого продолжительность учебной практики в этих фирмах [2].

Достижение соответствия между спросом и предложением на рынке труда требует осуществления достаточно точных прогнозов изменения конъюнктуры рынка и потребности в специалистах, а также переориентации в организации всех сфер деятельности вузов, адекватно отвечающей на эту потребность.

Подводя итоги, можно сказать что: во-первых, изменения в составе студенчества по социальному происхождению и по уровню жизни (а они довольно тесно связаны) указывают на нарастание дифференциации, неоднородности, различий в студенческой массе по вузам, факультетам, профессиональным отрядам. Постепенно приоритет в формировании студенчества переходит к слоям, более адаптированным к экономическим реалиям нашего общества. Если этот процесс будет развиваться и дальше, то доступ беднейших слоев к высшему образованию окажется сильно затруднен.

Во-вторых, стабилизация воспроизводства студенческой молодежи показывает, что интерес к высшему образованию сохранился, что также нашло отражение в «подъеме» его ценности в иерархии инструментальных ценностей студентов. Однако противоречия, возникающие между институтом высшего образования и различными другими сегментами общества приводят к нарастанию дисфункциональных последствий. Они многообразны по своим проявлениям и просматриваются, в частности, в неудовлетворенности студентов качеством получаемой подготовки, деформации отдельных слоев образовательного процесса. И самое главное – происходит неуклонное снижение основного результата функционирования высшей школы – образованности студентов, уровня их профессиональной компетентности.

В-третьих, в решении вопросов трудоустройства выпускников следует сделать акцент на повышении собственной активности и инициативы у молодых специалистов, чтобы они смогли стать реальными субъектами на рынке труда. Задача вуза в этой связи заключается в обеспечении их более раннего и более основательного включения в эту систему. Взаимодействие между предприятиями и организациями, заинтересованными в квалифицированных специалистах – с одной стороны, и вузами – с другой должно стать более тесным и менее формальным, а обучение в вузе – более дифференцированным и адаптированным к интересам организаций.

В-четвертых, самоопределение молодежи, ее включение в экономическую жизнь всегда представляло из себя серьезную социальную проблему. Важность ее изучения будет еще больше нарастать с развитием рыночных отношений, распространением безработицы, ростом уровня экономической дифференциации населения. Возможно и юристы, и экономисты всегда будут в цене, но не стоит забывать и о духовно-нравственном наследии общества.

Таким образом, молодежь стремится получить высшее образование, считая, что «без него в нынешние времена никуда», но не стоит забывать, что диплом перестает быть гарантией трудоустройства и ставит его обладателя в зависимость от спроса и предложения на

рынке труда. Для человека - личности деятельность должна проявляться целостно, в какой бы сфере общества она не осуществлялась [3]. В связи с этим принятое распоряжение правительства РФ об изменениях в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки является своего рода ответом на большинство вопросов осязаемых в данной статье и позволит оптимизировать образовательный процесс в соответствии с требованиями нашего общества [4].

Литература

1. Жукова Т.И. О международной ассоциации школьной и профессиональной ориентации // Вопр. психол. 1973. № 5. с. 140-145.
2. Кран Х., Лоу А., Черныш Н. И. Как живешь, студент? Некоторые результаты сравнительного социологического исследования проблем высшего образования на Украине и в Канаде // Философская и социологическая мысль. Киев, 1992. № 1.
3. Миронова Е.Н., Профессионализм как социальное явление // Развитие инновационных направлений в образовании, экономике, технике, технологиях. Ставрополь: СТИС (филиал) ГОУ ВПО ЮРГУЭС, 2009.- С.203-206.
4. Распоряжение правительства Российской Федерации об изменениях в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки от 30 декабря 2012 г. № 2620-р

УДК 159.9

**НАЧАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ
УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ
THE INITIAL DIAGNOSTICS OF INDEPENDENT WORK OF PUPILS
OF INITIAL CLASSES**

*Горбушина И.А., Ставропольский государственный педагогический институт, доцент
кафедры психологии, кандидат психологических наук, доцент*

*Gorbushina IA, Stavropol State Pedagogical Institute, Associate Professor of Psychology,
PhD, Associate Professor*

*Писаренко Т. В., ГБОУ ВПО «Ставропольский государственный педагогический
институт», студентка 5 курса*

Pisarenko T.V., «Stavropol state pedagogical Institute», 5th year student

e-mail: irinagorbushina@mail.ru

*Аннотация: В данной статье представлены результаты исследования
самостоятельной работы учащихся начальных классов с использованием различных методик*

*Abstract: this article presents the research results of independent work of pupils of initial
classes using a variety of methods*

*Ключевые слова: начальная школа, самостоятельная работа, уровень успеваемости,
интерес к предмету, диагностика*

*Keywords: primary school, independent work, the level of educational attainment, the
interest in the subject, diagnostics*

Изменения современного общества предъявляют новые требования к системе образования.

России нужны люди, способные принимать нестандартные решения, умеющие творчески мыслить.

Начальная школа - важнейший этап интенсивного накопления знаний, умений и навыков, но самое главное - научить школьника овладевать методами добывания знаний, приемами исследования и логикой научного мышления, закономерностями познания. Самостоятельная работа, привлекая современных школьников, вызывает в тоже время у многих из них серьезные затруднения.

За последние годы в отечественной дидактике появился ряд интересных исследований А.Б. Баранова, М.Н. Скаткина, И.Я. Лернера, в которых рассматриваются различные стороны проблемы активности и самостоятельности учеников в процессе обучения. Данная тема

вызвала и наш интерес, что подтолкнуло нас к проведению экспериментального исследования.

В нашем исследовании приняли участие дети, обучающиеся в 3 классах «А» и «Б». Всего 44 учащихся. 22 ученика в 3 «А» классе и 22 ученика в 3 «Б» классе.

Во время проведения, начальной диагностики нами были использованы которого следующие методы: методика Г.Н. Казанцевой «Изучение интереса к предмету». Уровень успеваемости определялся по модифицированной методике рейтинговой оценки уровня успеваемости, предложенной А.Н. Калиниченко и его соавторами. Методика «Оценка уровня усвоения знаний».

Результаты методики Г.Н. Казанцевой «Изучение интереса к предмету» в обоих классах показали средний уровень активности детей, «предмет просто интересен» 15 (34%); «нравится, как преподает учитель» - ответили 12 (27,5%) человек. Большинство младших школьников - 25 (56,8%), дали ответы, что предмет «требует наблюдательности и сообразительности» и 10 (22,7%) младших школьников ответили, что «интересны отдельные предметы», «предмет не занимательный» ответили 7 (15,9%).

По меньшинству младшие школьники поставили ответы на такие характеристики, как «предмет влияет на изменение знаний об окружающем мире» - 2(4,5%), а ответ, что «предмет не заставляет думать» вообще никто не ответил.

Свой интерес к предмету ученики мотивировали в основном «не хочу подводить свой класс» - 10 (22,7%) и столько же «что бы похвалил учитель». Некоторые учащиеся мотивировали интерес к предмету так, как их «заставляют родители или классный руководитель», а вот ответ «хочу добиться полных и глубоких знаний» был отмечен только двумя школьниками (9%). «Самостоятельно хотят научиться работать» - 12 (27,2%) младших школьников. На высказывание «чтобы товарищи со мной дружили» никто из учеников не ответил. Причиной таких результатов можно назвать то, что материалы для индивидуальных заданий берутся из одного учебного пособия, поэтому успевающим ученикам, которые хотят узнать большего, бывает на уроках «Окружающий мир» не интересно.

Следующим измерением было определение уровня успеваемости.

Для определения уровня успеваемости был использован период с 1 сентября по 1 октября 2013 года, всего 23 дня.

По выборке из классного журнала был определен средний балл успеваемости каждого третиклассника, затем в соответствии со шкалой рейтинговой оценки уровня успеваемости по модифицированной методике А.Н. Калиниченко были определены уровни успеваемости каждого школьника.

Процент успеваемости, составляет в 3 «А» классе всего 77,2%, из 22 учащихся, не успевают по предмету 5 (22,7%), больше половины 12 (54,5%) имеют средний уровень успеваемости. Это говорит о том, что традиционная система обучения, не предусматривает разноуровневый индивидуальный подход и с ее использованием практически невозможно повысить знания у школьников по данному предмету.

Процент успеваемости в 3 «Б» классе всего 81,8%, из 22 учащихся не успевает по предмету 5 (22,7%), больше половины 13 (59%) имеют средний уровень успеваемости.

Таким образом, низкие показатели успеваемости по предмету «Окружающий мир», по нашему мнению, связаны с тем, что индивидуальные задания, разработанные, учителем не включают элементы разной сложности для слабых и успевающих учащихся.

Слабым школьникам тяжело справляться со сложными элементами в заданиях, поэтому у них отсутствует интерес к предмету и отсюда низкая успеваемость.

Последним измерением констатирующего этапа было определение усвоения знаний третиклассниками.

Уровень усвоения знаний учащихся определялся по пятибальной шкале, путем вывода среднего балла по всем показателям.

Так, первый показатель усвоения знаний в 3 «А» классе: «вывод из информации» умеет получить от главной мысли до конкретного завершения только 5(22,5%). Практически совсем не умеют делать выводы 3(13,6%), остальные 14 (63,6%) справляются с этим с трудом, средний балл по этому показателю усвоения знаний - 3,3 балла, это показатель немного выше низкого.

«Испытывает непрерывную потребность в получении новых знаний» - всего 2(9%) школьников, 6 (27,2%) - периодически проявляют интерес к новым знаниям и остальные, больше половины младших школьников - 13(59%) почти совсем не проявляют интереса к получению новых знаний, не из учебника.

Такой показатель оценки знаний, как «может охватить большой объем информации владеет умениями систематизации и классификации материала, а также изложения в форме тезисов и конспективной форме» свойственен 3(13,6%). Владеют умениями систематизации и классификации материала, а также изложения в форме тезисов и конспективной форме - 4(18,1%) учащихся, не могут охватить большой объем информации и поэтому не в полном объеме используют свои умения.

Овладевают материалом в том же объеме и порядке, в каком излагается в учебнике без всяких изменений в основном все учащиеся. В случае изменения не испытывают трудности только 3(13,6%), остальные либо затрудняются, но потом овладевают материалом.

Из одной темы в другую легко переносят знания 3(13,6%) младших школьника, испытывают трудности 19(86,4%) - это больше половины класса.

Проанализируем по некоторым показателям оценки усвоения знаний представляющие на наш взгляд наибольший интерес в 3 «Б» классе.

Так, первый показатель усвоения знаний, «вывод из информации» умеет получить от главной мысли до конкретного завершения только 4(18,1%) младших школьников.

Практически совсем не умеют делать выводы 5(22,7%), остальные 13 (59%) справляются с этим с трудом, средний балл по этому показателю усвоения знаний - 3,1 балла, это показатель немного выше низкого.

«Испытывает непрерывную потребность в получении новых знаний» - всего 2(9%) школьника, 6 (27,2%) - периодически проявляют интерес к новым знаниям и остальные, больше половины младших школьников - 14(63,6%) почти совсем не проявляют интереса к получению новых знаний, не из учебника.

Такой показатель оценки знаний, как «может охватить большой объем информации владеет умениями систематизации и классификации материала, а также изложения в форме тезисов и конспективной форме» свойственен 3(13,6%). Владеют умениями систематизации и классификации материала, а также изложения в форме тезисов и конспективной форме - 3(13,6%) учащихся, не в полном объеме используют свои умения.

Овладевают материалом в том же объеме и порядке, в каком излагается в учебнике без всяких изменений в основном все учащиеся. В случае изменения не испытывают трудности только 3(13,6%), остальные либо затрудняются, но потом овладевают материалом.

Из одной темы в другую легко переносят знания 3(13,6%) младших школьника, испытывают трудности 17(77,2%) - это больше половины класса, и совсем практически ничего не усваивают и в связи с этим не понимают следующей темы - 2(9%).

Полученные эмпирические данные по проведенному исследованию, мы пришли к выводу, что необходимо при организации самостоятельной работы учащихся начальных классов создать программу, включающую больше самостоятельных работ, применяемых как на уроках «Окружающего мира», так и различных заданий во внеурочное время. Итак, согласно научным представлениям потребность в самостоятельности присуща каждому ребенку. Он начинает ее проявлять с раннего детства, т.к. самой природой побуждается к изучению окружающего мира с целью успешной адаптации к его требованиям.

При этом самостоятельность детей чаще всего определяется заданным самой природой стремлением к познанию окружающего мира, а не нормами и правилами, которые существуют в обществе с целью приемлемого для окружающих людей проявления самостоятельности.

В практике работы школы широко используются разнообразные формы самостоятельной деятельности учащихся на уроке. Однако, как показывают наблюдения за практикой организации самостоятельной работы и анализ результатов выполнения учениками большого числа таких работ, в учебном процессе есть существенные недостатки в организации самостоятельной работы школьников.

Литература

1. Буряк В.К. Самостоятельная работа учащихся. - М.: Просвещение, 2004.
2. Гаврилычева Г. Воспитание самостоятельности [Текст] / Г.Гаврилычева // Воспитание школьников. - 2008, № 5.
3. Щукина Г.И. Активизация познавательной деятельности учащихся в учебном процессе. - М.: Просвещение, 2009.

УДК 37.013

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ИЗУЧЕНИЕ
ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА УЧАЩИМИСЯ-БАКАЛАВРАМИ
PROFESSIONALLY-ORIENTED STUDY OF FOREIGN LANGUAGE
STUDENTS, BACHELORS**

Пуленко Г.А., кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Ростовский юридический институт Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону.

Pulenko G.A., PhD pedagogical science, the assistant professor of the Chair of humanitarian and social-economic disciplines of The Rostov (Rostov-on-Don) legal Institute (branch) of federal public budgetary educational institution of higher education «The Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation»

e-mail: ruy@aanet.ru

Аннотация. В данной статье раскрываются возможности реализации профессионально-ориентированного и лично-смыслового подходов при изучении иностранного языка в юридическом вузе. Показаны содержание, технологии, формы изучения иностранного языка, определены компетентности будущего юриста.

Annotation. In this article possibilities of realization of professional –reference and personal – semantic aspects in studying of foreign langes in Law institute are considered. Technologies, containing, forms of foreign language’s learning are presented. Competence of future lawyers is defined.

Ключевые слова: профессионально-ориентированное обучение, компетентности бакалавра-юриста, интерактивные технологии.

Key words: professional – reference learning, competence of bachelor- lawyers, interactive technologies.

В условиях модернизации высшего профессионального образования и повышения его качества актуальной становится задача изучения иностранного языка как средства профессионально-личностного становления будущего специалиста. Свободное владение иностранным языком из привилегии лингвистического специального образования становится потребностью каждого специалиста. Изучение иностранного языка позволяет поддерживать общественно и индивидуально необходимый уровень культуры, развитие и совершенствование таких важных составляющих профессиональной компетенции специалиста, как межкультурная, деловая, коммуникативная, профессионально - ориентированная и др.

Изучение иностранного языка в юридическом вузе определяется коммуникативными и познавательными потребностями подготовки специалистов соответствующего профиля. Вузовский курс иностранного языка носит коммуникативно-ориентированный и профессионально направленный характер.

Содержание обучения в Ростовском юридическом институте РПА Минюста России по дисциплине «Иностранный язык в сфере юриспруденции» строится в соответствии с основными видами и задачами профессиональной деятельности будущего специалиста в области юриспруденции:

- а) нормотворческая (участие в подготовке нормативных правовых актов);
- б) правоприменительная (обоснование и принятие в пределах должностных обязанностей решений, а также совершение действий, связанных с реализацией правовых норм, составление юридических документов);
- в) правоохранительная (обеспечение законности, правопорядка, безопасности личности, общества и государства; охрана общественного порядка; предупреждение, пресечение, выявление, раскрытие и порядка; предупреждение, пресечение, выявление, раскрытие и муниципальной и иных форм собственности);
- г) экспертно-консультационная (консультирование по вопросам права; осуществление правовой экспертизы документов);
- д) педагогическая (преподавание правовых дисциплин в образовательных учреждениях, осуществление правового воспитания).

Изучение иностранного языка в юридическом институте проходит по программе, основанной на концепции интегрированного обучения. В связи с этим приоритетными темами являются темы, непосредственно касающиеся будущей профессии студентов. Профессионально - ориентированное обучение основано на учете потребностей студентов в изучении иностранного языка, диктуемого особенностями будущей профессии или специальности. Оно предполагает сочетание овладения профессионально-ориентированным иностранным языком с развитием личностных качеств обучающихся, знанием культуры страны изучаемого языка и приобретением специальных навыков, основанных на профессиональных и лингвистических знаниях. Сущность профессионально-ориентированного обучения иностранному языку заключается в его интеграции со специальными дисциплинами с целью получения дополнительных профессиональных знаний и формирования профессионально значимых качеств личности.

Содержание профессионально-ориентированных текстов отражено в их тематике: Законодательная система. The Law System. 2. Таможенный закон. The Customs Law. 3. Государственная организация. The State Body Structure. 4. Президент Российской Федерации. The President of the Russian Federation. 5. Парламент и правительство. Федеральное собрание. The Country's Parliament and the Government. The Federal Assembly. 6. Государственная Дума. The State Duma. 7. Принудительная система. Law Enforcement System. 8. Роль полиции. Role of Police Force. 9. Прокуратура. Надзор. The Prosecutor's Office. 10. Суды и их функции.

Конституция Российской Федерации. Courts and their functions. The RF Constitution. 11. Улики. Расследование. Evidence. Investigation. 12. Уровни расследования. Stages of Investigation. 13. Преступление. Crime. 14. Состав преступления. The Corpus Delicti of a Crime. 15. Уголовное право. Criminal Law. 16. Категории закона. Categories of Law. 17. Трудовое право. Земельное право. Employment Law. Land Law. 18. Семья и закон. The Law and the Family. 19. Интернационализация закона. Internationalization of Law. 20. Глобализация. The Impact of Globalization.

Студентам предлагается определенный алгоритм актуализации личностных смыслов использования иностранного языка при обсуждении профессионально-ориентированных ситуаций: понимание условий правовой ситуации, анализ правовой задачи, умение соотнести правовую задачу с конкретными правовыми нормативами, умение вынести правильное правовое решение, логическое выстраивание цепочки аргументов (контраргументов), изложение своей правовой позиции, прогнозирование последствий выведенного правового решения.

Основными видами аудиторной работы студентов, обучающихся по программе бакалавриата, являются лекции и практические (семинарские) занятия. Студент, пропустивший одно или несколько практических занятий, не освобождается от выполнения домашнего (самостоятельного) задания, выполнение которого контролируется преподавателем.

В рамках дисциплины «Иностранный язык в сфере юриспруденции» мы предлагаем студентам выполнение следующих видов самостоятельной работы:

- поиск дополнительной информации по теме (например, на сайте <http://www.wikipedia.org/>), подбор, изучение, анализ рекомендуемого преподавателем грамматического материала;
- реферирование и рецензирование статей общей и специализированной направленности, прослушанного материала;
- составление комментариев (подготовка к обсуждению) к прочитанным текстам;
- сбор англоязычного неадаптированного материала и его проработка;
- подготовка к лекции – «пресс-конференции» по предложенной тематике;
- устная оценка конкретных языковых ситуаций;
- письменное изложение своего взгляда на вопросы по рассматриваемой проблематике;
- решение типовых и составление собственных тестовых лексико- грамматических заданий с одним/несколькими правильными ответами;
- разработка тематического словаря;
- выполнение контрольных домашних заданий, предусмотренных программой;
- подготовка сообщений (докладов и рефератов), в т.ч. для участия в конференциях;
- разработка и планирование ролевых игр, диалогов, индивидуальная и групповая подготовка к их проведению;
- самостоятельная проработка предоставляемого аудиоматериала;
- проведение студентами занятий на подготовленную предварительно тему с объяснениями и

заданиями.

Задания по самостоятельной работе студентов могут носить как общегрупповой, так и индивидуальный характер, и в зависимости от ее вида студент может получить более одного задания. Для адекватной реализации указанных выше заданий студенту необходимо постепенно овладевать и совершенствовать навыки: работы со словарем, в т.ч. электронным; работы в среде Internet; распознавания и адекватного перевода грамматических конструкций и оборотов, устойчивых выражений, постоянного пополнения активного вокабуляра; запоминания и воспроизведения рекомендуемых объемов текстов на изучаемом языке, с соблюдением интонационных правил и мелодики речи; восприятия на слух речи носителей языка и ее интерпретации.

Другим видом эффективной самостоятельной работы является кейс - анализ, широко используемый при подготовке юристов. Кейсы (т.е. документированные ситуации) дают студентам основу для дискуссий, в ходе которых молодые люди применяют полученные знания, анализируют факты, делают выводы. Различают оценочные кейсы и кейсы, предполагающие принятие решений. В первом случае студенты проводят анализ проблемы, причин ее возникновения, анализируют логику развития, возможные последствия, высказывают свое мнение. Во втором случае студенты идентифицируют проблему, рассматривают альтернативы ее оценки, обосновывают необходимость принятия тех или иных действий. Эти кейсы наиболее приближены к реальной действительности.

Наиболее популярными стратегиями преподавания становятся методы обучения, сходные с современными видами делового международного общения: деловые и ролевые игры, "круглые столы", диспуты, конференции, проектная деятельность, кейс-анализ, работа с юридическими документами на иностранном языке.

В рамках учебных курсов должны быть предусмотрены встречи с представителями российских и зарубежных компаний, государственных и общественных организаций, мастер-классы экспертов и специалистов.

Удельный вес занятий, проводимых в активных и интерактивных формах, определяется главной целью подготовки бакалавра юриспруденции, особенностью контингента обучающихся, а также содержанием изучаемой дисциплины в целом. В учебном процессе они должны составлять не менее 20 процентов аудиторных занятий. Эффективность применяемых средств и условий обучения студентов иностранному языку обусловлена тем, что профессионально-личностная позиция будущих юристов формируется в коммуникативно-речевом взаимодействии на текстах профессиональной направленности с широким использованием диалоговых ситуаций, ситуаций, имитирующих их профессиональную деятельность.

Коммуникативный подход предполагает вовлеченность студентов в общение через обсуждение профессионально-ориентированных текстов, которое происходит в форме диалогов, дискуссий, ролевых игр. Студенты имеют возможность выразить свою точку зрения на обсуждаемую проблему, предложить собственный способ ее решения, обозначить свое

отношение к проблеме.

В процессе изучения иностранного языка нами широко используются способы педагогической поддержки студентов:

- разработка индивидуальных заданий студентам с учетом уровня их языковой подготовки и уровня развития правового сознания;
- убеждение в необходимости владения иностранным языком для будущей профессиональной деятельности и в жизни;
- обсуждение и решение со студентами проблемных задач, имеющих личностный смысл;
- создание на занятиях атмосферы доброжелательного и конструктивного отношения к обсуждаемым ошибкам, акцентирование внимания на успехах каждого студента;
- организация ситуаций рефлексии и анализ индивидуальных достижений студентов.

Таким образом, обучение иностранному языку в контексте профессиональной деятельности позволяет актуализировать личностные смыслы и функции его изучения в межкультурном и межличностном общении юристов-профессионалов, а профессионально-личностное становление будущих специалистов в области права становится более продуктивным.

В процессе изучения иностранного языка в юридическом вузе студенты осознают необходимость владения иностранными языками для успешной реализации своих профессиональных, творческих социокультурных стремлений.

В результате освоения программы учебной дисциплины «Иностранный язык» выпускник-бакалавр:

- осознает социальную значимость своей будущей профессии, обладает достаточным уровнем профессионального правосознания (ОК-1);
- способен добросовестно исполнять профессиональные обязанности, соблюдать принципы этики юриста (ОК-2);
- владеет культурой мышления, способен к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения (ОК-3);
- способен логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь (ОК-4);
- обладает культурой поведения, готов к кооперации с коллегами, работе в коллективе (ОК-5);
- имеет нетерпимое отношение к коррупционному поведению, уважительно относится к праву и закону (ОК-6);
- стремится к саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства (ОК-7);
- способен использовать основные положения и методы социальных, гуманитарных и экономических наук при решении социальных и профессиональных задач (ОК-8);
- способен анализировать социально значимые проблемы и процессы (ОК-9);
- способен понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества, сознавать опасности и угрозы, возникающие в этом процессе, соблюдать основные требования информационной безопасности, в том числе защиты

государственной тайны (ОК-10);

–владеет основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, имеет навыки работы с компьютером как средством управления информацией (ОК-11);

–способен работать с информацией в глобальных компьютерных сетях (ОК-12);

–владеет необходимыми навыками профессионального общения на иностранном языке (ОК-13);

–владеет навыками ведения здорового образа жизни, участвует в занятиях физической культурой и спортом.

профессиональные компетенции бакалавра (ПК):

а) в нормотворческой деятельности:

–способен участвовать в разработке нормативно-правовых актов в соответствии с профилем профессиональной деятельности (ПК-1);

б) в правоприменительной деятельности:

–способен осуществлять профессиональную деятельность на соответствие с основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры (ПК-2);

–способен обеспечивать соблюдение законодательства субъектами права (ПК-3);

–способен принимать решения и совершать юридические действия в точном соответствии с законом (ПК-4);

–способен применять нормативные правовые акты, реализовывать нормы материального и процессуального права в профессиональной деятельности (ПК-5);

–способен юридически правильно квалифицировать факты и обстоятельства (ПК-6);

–владеет навыками подготовки юридических документов (ПК-7);

в) в правоохранительной деятельности:

–готов к выполнению должностных обязанностей по обеспечению законности и правопорядка, безопасности личности, общества, государства (ПК-8);

–способен уважать честь и достоинство личности, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ПК-9);

–способен выявлять, пресекать, раскрывать и расследовать преступления и иные правонарушения (ПК-10);

–способен осуществлять предупреждение правонарушений, выявлять и устранять причины и условия, способствующие их совершению (ПК-11);

–способен выявлять, давать оценку коррупционного поведения и содействовать его пресечению (ПК-12);

–способен правильно и полно отражать результаты профессиональной деятельности в юридической и иной документации (ПК-13);

г) в экспертно-консультационной деятельности:

–готов принимать участие в проведении юридической экспертизы проектов нормативных правовых актов, в том числе в целях выявления в них положений, способствующих созданию

условий для проявления коррупции (ПК-14);

–способен толковать различные правовые акты (ПК-15);

–способен давать квалифицированные юридические заключения и консультации в конкретных видах юридической деятельности (ПК-16);

д) в педагогической деятельности:

–способен преподавать правовые дисциплины на необходимом теоретическом и методическом уровне (ПК-17);

–способен управлять самостоятельной работой обучающихся (ПК-18);

–способен эффективно осуществлять правовое воспитание (ПК-19).

В заключение особо подчеркнем, что процесс обучения иностранному языку происходит через актуализацию смысложизненных профессиональных ценностей будущих юристов. «Большой мир» юридических ценностей продуцируется через актуализацию личностных смыслов в субъективный, личностный мир личности. Это обстоятельство побуждает нас полнее использовать возможности смыслообразующих технологий изучения иностранного языка как средства воспитания будущих юристов.

УДК 159.9

**ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ ИЗ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ
AN EMPIRICAL STUDY OF PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF
ADOLESCENTS FROM DISADVANTAGED FAMILIES**

*Горбушина И.А., Ставропольский государственный педагогический институт, доцент
кафедры психологии, кандидат психологических наук, доцент*

*Gorbushina IA, Stavropol State Pedagogical Institute, Associate Professor of Psychology,
PhD, Associate Professor*

*Решетникова Д.И., Ставропольский государственный педагогический институт,
студент 5 курса*

Resetnicova D.I., Stavropol State Pedagogical Institute, a 5th year student

e-mail: irinagorbushina@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению и корректировке проявления агрессивных и враждебных реакций детей подросткового возраста из неблагополучных семей в окружающую их действительность.

Abstract: the Article is devoted to the study and adjustment of aggressive and hostile reactions adolescents from disadvantaged families in the surrounding validity.

Ключевые слова: психологические особенности, агрессия, жестокость, профилактико-коррекционно-воспитательная работа

Keywords: psychological features, aggression, cruelty, профилактико - correctional - educational work

Среди значимых для человека ценностей одно из ведущих мест занимает семья. Если говорить о причинах семейного неблагополучия, то и здесь не все обстоит просто, как может показаться на первый взгляд. Резкие перемены в экономике, политике и социальной сфере в России негативно отразились не только на материальной стороне семьи, но и на взаимоотношениях между ее членами, и прежде всего между родителями и детьми.

Цель нашего исследования состояло в изучении психологических особенностей развития детей подросткового возраста, из неблагополучных семей, в интересах оптимизации последующей профилактической работы.

В своей работе мы предположили, что агрессивные и враждебные реакции детей подросткового возраста из неблагополучных семей можно уменьшить, а в дальнейшем и преобразовать их в положительные, если данная социальная категория населения будет:

- вовлечена в систему социально признаваемой одобряемой деятельности;

- иметь возможность лучше узнавать себя, свои сильные стороны, научиться преодолевать неуверенность, страх, повышенное волнение в различных ситуациях, наиболее успешно и полно реализовать себя в поведении и деятельности, утверждать свои права и собственную ценность.

Теоретическими аспектами выступили - психологические исследования об особенностях психического развития ребенка (Л.С.Выготский, Г.Г.Бочкарева, Д.И.Фельдштейн, М.А.Алемаскин, и др.), социологические теории отклоняющего поведения (Я.А.Гишинский, Э.Дюркгейн и др.), особенности игрового взаимодействия и методических подходов к разработке игровых программ (С.В.Титов, И.И.Фришман, А.В.Волохов и др.).

Наше исследование проводилось в с.Сенгилеевском Шпаковского района, так как приток неблагополучных семей из г.Ставрополя и других близ лежащих городов на данный момент является главной проблемой этого села.

Выборку составили 24 подростка, девочки и мальчики от 10-15 лет из семей с хроническим заболеванием.

Экспериментальная работа включала в себя методы исследования: наблюдение, беседа, опросник БАССА-ДАРКИ.

Диагностика форм агрессивных и враждебных реакций детей подросткового возраста, проводилась в три этапа:

На первом этапе были использованы: наблюдение, беседа.

На втором этапе проводилась диагностика агрессивности, форм агрессивного и враждебного поведения. В ходе исследования использовалась биографическая анкета, которая дала основную качественную информацию о детях.

На третьем этапе была разработана и проведена коррекционная программа «Познай себя» с выделенной группой детей, имеющих высокий уровень агрессии.

В процессе работы выяснилось, что у детей 10-11 лет преобладает физическая агрессивность и менее выражена агрессивность косвенная. У подростков же 12-13 лет наиболее выражен негативизм и увеличение физической, вербальной агрессии.

Что касается 14-15 летних подростков, то преобладающей агрессией здесь выступает вербальная агрессия.

Анализ полученных данных позволяет отметить, что физическая агрессия свойственна мальчикам 10-11 лет и 12-13 лет, а у подростков 14-15 лет данная агрессия проявляется и у мальчиков и у девочек.

Косвенная агрессия присуща в своем проявлении так же мальчикам 10-11 лет и 12-13 лет. Подростки девочки 14-15 лет чаще прибегают к косвенной агрессии путем сплетен, злобных шуток. Ярко демонстрируют вербальную агрессию подростки 10-11 лет (61%М, 36%Д) и 14-15 лет (76%М, 58%Д.). Подростки 12-13 лет (54%М, 50%Д) тоже используют данную агрессию, только процент ее немного ниже. Раздражаются все подростки и проценты этой формы агрессии у подростков 10-1 лет (65%М, 55%Д) 12-13 лет (68%М, 64%Д) и 14-15 лет (84%М, 54%Д). Данные результаты констатируют выраженное влияние социальной

ситуации развития, прежде всего семьи, на характер и уровень агрессивности подростков. Дети подросткового возраста особенно зависимы от микросреды и конкретной ситуации.

В связи с этим мы пришли к выводу, что необходимо создать такую программу, которая помогла бы подросткам измениться самим и свою отношение к окружающим их людей (соседей, учителей), родных и близких.

Цель программы - снятие отрицательных последствий и устранение тревожности как устойчивого личностного образования, помочь детям лучше узнавать себя, свои сильные стороны, развить у них чувство собственного достоинства, научить их преодолевать неуверенность, страх, повышенное волнение в различных ситуациях, наиболее успешно и полно реализовать себя в поведении и деятельности, утверждать свои права и собственную ценность, не только не ущемляя прав и ценности других людей, но и способствуя их повышению.

Коррекционная работа проводилась с группой выявленных подростков с высоким уровнем агрессивных, враждебных реакций (17 человек).

Нами использовались следующие приемы и занятия:

«Переинтерпретация» симптомов тревожности. «Настройка на определенное эмоциональное состояние». «Приятное воспоминание». «Использование роли». «Контроль голоса и жестов». «Улыбка». «Дыхание». «Мысленная тренировка». «Репетиция». «Доведение до абсурда». «Переформирование задачи».

Повторное исследование после применения программы «Познай себя», мы провели с использованием одной методики диагностики враждебности (по шкале Кука-Медлей), так как она включает и изучение агрессии и враждебности и получили следующие результаты.

Анализ полученных данных диагностики враждебности (по шкале Кука-Медлей) так же подтвердили предыдущие исследовательские данные:

Из 17 подростков – подростков с высоким показателе по шкале цинизм нет, 3 подростка имеют средний показатель с тенденцией к высокому (17,6%), 9 подростков имеют средний показатель с тенденцией к низкому (52,9%), и 5 подростка имеют низкий показатель цинизма (29,4%).

Шкала агрессивности имеет следующие результаты: из 17 подростков - подростков с высокий и средним показателями с тенденцией к высокому показатель по шкале агрессия нет, 9 подростков имеют средний показатель с тенденцией к низкому (52,9%), подростков (8,3%), и 8 подростков имеют низкий показатель агрессивности (47%).

Враждебность проявляют из 17 подростков, высокий показатель отсутствует, 4 человека имеют средний показатель с тенденцией к высокому (23,5%), 8 человек показали средний показатель с тенденцией к низкому (47%) и 5 подростков имеют низкий показатель враждебности (29,4%).

На основе проведенной диагностической и коррекционной работы нами были намечены пути и формы вовлечения агрессивных подростков в систему социально

признаваемой одобряемой деятельности, а так же составлены рекомендации для специалистов непосредственно работающих с этой социальной категорией.

Таким образом, мы смело можем констатировать, что созданная и проведенная нами программа имеет позитивное изменения поведения подростков к себе и окружающим из неблагополучных семей.

Итак, неблагоприятная семейная атмосфера, жизненные условия, а также ошибки в семейном воспитании формируют противоречивое отношение ребенка к окружающему миру и приводят к значительным отклонениям в его личности. Произошедшие в ребенке перемены родители начинают замечать только тогда, когда он становится не поддающимся педагогическим воздействиям не только в семье, но и за ее пределами, т.е. становится трудновоспитуемым [1].

Литература

1.Холостова Е.И., Янкова З.А. Содержание и организация деятельности территориальных центров социальной помощи семье и детям // Научно-методическое пособие в помощь работникам социальных служб и органов управления. – М.: 2007. - С. 122.

УДК 159.9

**ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ
СРЕДСТВАМИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
FORMATION OF TOLERANCE OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN
BY MEANS OF FICTION**

*Горбушина И.А., Ставропольский государственный педагогический институт, доцент
кафедры психологии, кандидат психологических наук, доцент*

*Gorbushina IA, Stavropol State Pedagogical Institute, Associate Professor of Psychology,
PhD, Associate Professor*

*Сергиенко Н.А., Ставропольский государственный педагогический институт,
студент 5 курса*

Sergienko N.A , Stavropol State Pedagogical Institute, a 5th year student

e-mail: irinagorbushina@mail.ru

*Аннотация: Статья посвящена процессу формирования толерантных отношений у
детей начальных классов средствами художественной литературы. Школа имеет большие
возможности для решения этого вопроса.*

*Abstract: The article is devoted to the process of forming tolerant relations among children
of primary classes by means of fiction. The school has a large possible to resolve the issue.*

*Ключевые слова: толерантность, нравственность, самосознание, агрессия,
жестокость, формирование.*

Keywords: tolerance, morality, self-consciousness, aggression, cruelty, formation.

Формирование толерантности как одной из значимых черт личности стало в последнее время актуальной проблемой на мировом уровне.

Именно в младшем школьном возрасте создаются наиболее благоприятные условия для формирования социально-значимых качеств личности в том числе и толерантности.

Следует отметить, что в последние годы проблема толерантности изучается в сфере негативных положений, как психологами, так и педагогами (агрессия, жестокость, девиации, деструктивность).

Цель нашего исследования заключалась в теоретическом обосновании и экспериментальном изучении толерантных отношений у детей младшего школьного возраста средствами художественной литературы.

Мы предположили, что процесс формирования толерантности у младших школьников будет более эффективным, если:

- разработана система определенного подбора произведений, в которых наличествует

конфликтная ситуация (преимущественно жанр рассказа, поскольку его сюжет строится на изображении поступков и представлены разные точки зрения).

- изучение художественной литературы предполагает возможность организовать читательскую дискуссию, обсуждение произведения.

- уроки литературного чтения будут проводиться с уклоном в воспитании межличностной толерантности при соблюдении таких методических условий, как: реализация расширения смыслового поля понятия «толерантность», уточнение и расширение круга представлений о точке зрения, конфликте; нахождение мотивов поведения героев;

В начале, мы провели теоретический анализ толерантности у младших школьников, рассмотрев понятие «толерантность» в зарубежной и отечественной научной литературе, художественную литературу как средство формирования толерантности, а так же изучили психологические особенности восприятия художественных произведений детьми младшего школьного возраста.

Опытно-экспериментальная работа проводилась на базе муниципального казенного образовательного учреждения средней общеобразовательной школы № 17 ИМР СК п. Солнечнодольск.

В экспериментальном исследовании участвовали учащиеся вторых классов.

Для исследования уровня толерантности у детей младшего школьного возраста были проведены следующие диагностические методики: опрос, проективная методика «Несуществующее животное». Методика Басса-Дарки, Доминика Де Сент Марса.

Приёмы с использованием художественной литературы: «Сочини конец истории». «Любимые книги товарища». «Добрые слова». «Творчество на заданную тему».

В контрольной группе высокий уровень знаний показали 37% учащихся, средний уровень знаний 42% и низкий уровень знаний 16%.

Результаты опроса по сформированности понятий, определяющих термин «толерантность» экспериментальной группы: 40,9 % - детей, имеют высокий уровень знаний, 31,8% детей, имеют средний уровень знаний и 18,1% детей, имеют низкий уровень знаний.

Проанализировав результаты исследования рисунков учащихся, мы выявили, что толерантность не достаточно развита. Наблюдался высокий уровень агрессивности и тревожности. По методики Басса-Дарки мы так же получили не утешительные результаты, что подтолкнуло нас к созданию коррекционно-развивающей программы по формирования толерантных отношений в начальных классах средствами художественной литературы.

Цель данной программы – сформировать и повысить эффективность процесса формирования толерантности младших школьников при изучении художественной литературы в начальной школе.

Программа включала в себя следующие формы организации (см. рис. 4)

Рис. 4 Формы организации работы с детьми младшего школьного возраста по развитию толерантности

Литературным материалом для формирующего эксперимента послужили сказки, былины, басни, рассказы, различные практические приемы с использованием художественной литературы.

Модель работы по постановке сказки, басни, былин и рассказов, сочиненных детьми

После проведенной своей практической работы, контрольный эксперимент проводился по теме же методикам, что и вначале эксперимента.

По полученным данным можно констатировать, что понятия, определяющие толерантность детьми усвоены.

Уровень знаний, определяющих уровень толерантности в группе: высокий уровень повысился на 18,1%, средний остался прежним 31,8%, низкий уровень понизился на 9,1%, детей группы риска нет. По методики «Несуществующее животное» мы так же получили положительные изменения. Высокий уровень тревожности снизился на 22,8%, высокий уровень агрессии так же снизился на 18,2%, а доброе отношение к окружающим, без проявления агрессии повысился на 40,9%. Результаты контрольного эксперимента по методики Басса-Дарки представлены. В экспериментальном классе были получены следующие эмпирические данные подтверждающие эффективность нашей коррекционно-развивающей программы формирования толерантной личности. Физическая агрессия снизилась и ее на сегодняшний момент проявляет только 2 человека, могут поддержать конфликт и вступить в него 7 человек и 13 учащихся решают конфликтные ситуации демократическим путем, поиском различных приемов разрешения конфликтов.

Анализ результатов по методики Доминика Де Сент Марса, обобщенные данные выглядят следующим образом:

13 учащихся, показали высокий уровень в проявлении «толерантности в кругу друзей», 14 человек - «толерантности и окружающий мир», 16 учащихся – «толерантность у себя дома». Средний уровень показали по шкале «толерантности в кругу друзей» - 9 человек, «толерантности и окружающий мир» - 8 человек, «толерантность у себя дома» - показали 6 человек. Низкого уровня не один ученик не оказал.

Все выше полученные данные по контрольному эксперименту были подкреплены нашими наблюдениями за учащимися в процессе их межличностных взаимодействий.

Таким образом, школа как социальный институт имеет большие возможности для формирования у детей толерантности. Эти возможности могут быть реализованы как в процессе учебной, так и во внеучебной деятельности. Именно в школьном сообществе у ребёнка могут быть сформированы гуманистические ценности и реальная готовность к толерантному поведению.

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
PHILOLOGICAL SCIENCE**

УДК 378.147: 82.085

**РЕЧЕВЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ УМЕНИЯ КАК КОМПОНЕНТ
ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В ВУЗЕ
SPEECH COMMUNICATION SKILLS AS A COMPONENT OF THE FORMATION
OF PROFESSIONAL VOICE OF CULTURE IN HIGH SCHOOL**

Попова Е.П., Северо-Кавказский федеральный университет, доцент кафедры культуры русской речи, кандидат педагогических наук, доцент

Popova E.P., North Caucasus Federal University, Associate Professor, Department of Culture of Russian speech, Ph.D., Associate Professor

Белаишова Л. А., Северо-Кавказский федеральный университет, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, кандидат педагогических наук, доцент

Belashova L.A., North Caucasus Federal University, an assistant professor of social and cultural services and tourism, Ph.D., Associate Professor

e-mail: popova.helen@gmail.com

Аннотация: рассмотрены понятия «профессионально-речевая культура», «речевые коммуникативные умения»; определены виды, условия и показатели сформированности речевых коммуникативных умений.

Annotation: the concepts "professional and speech culture", "speech communicative abilities" are considered; types, conditions and indicators of formation of speech communicative abilities are determined.

Ключевые слова: речевая культура, речевые умения, коммуникация, профессиональное общение

Key words: speech culture, speech abilities, professional communication

Речевая культура специалиста служит важнейшим средством профессионального действия для успешной реализации поставленных перед ним задач и представляет собой владение средствами всей системы языка и умение оптимально употреблять их в соответствующих коммуникативных условиях монолога, диалога, полилога, учитывающих цели профессиональной деятельности и коммуникации, культурного, социального и воспитательного аспектов профессионального общения.

Понятие «речевая культура» тесно связано с закономерностями и особенностями развития и функционирования языка, а также с речевой деятельностью во всем ее

многообразии. Оно включает в себя еще и определенную, предоставляемую языковой системой возможность находить для выражения конкретного содержания в каждой реальной ситуации речевого общения новую речевую форму. Речевая культура вырабатывает навыки регулирования отбора и употребления языковых средств в процессе речевого общения, помогает сформировать сознательное отношение к их использованию в узусе [7].

Речевая культура – один из компонентов общей культуры человека. Как и другие слагаемые, она прививается, воспитывается, требует постоянного совершенствования, поэтому практические задачи речевой культуры к настоящему времени стали актуальными задачами лингвистики и профессионального обучения [8]. Профессионально-речевая культура – это важный компонент коммуникативной компетентности, предполагающий соблюдение нормативности речи, умение творчески использовать языковые средства в зависимости от цели и конкретных условий общения с учетом специфики бизнеса и соблюдения этических норм без потери собственного достоинства [6].

Формирование речевой культуры – проблема, решение которой в школе зависит от педагогического коллектива в целом и каждого учителя в отдельности. В вузе формирование речевой культуры, предполагающее совершенствование знаний, качеств грамотной речи и речевых коммуникативных умений студентов, возможно при введении в учебные планы дисциплин, предполагающих развитие речевой культуры, повышение коммуникативной грамотности и в устной, и в письменной формах речи, усиление языкового компонента в преподавании специальных дисциплин.

Операциональный компонент речевой культуры подразумевает формирование речевых коммуникативных умений. Умение – это возможность выполнять действия в соответствии с целями и условиями, в которых человеку приходится ориентироваться. Развитие умений происходит при соблюдении следующих принципов: доступности, постепенности, систематичности, взаимосвязи, преемственности, творческой активности, дифференцированности и др. Кроме того, развитие умений определенного типа приобретает стабильный характер, если осуществляется междисциплинарная связь в организации учебного процесса при целенаправленном обучении [3].

В психологии умение определяется как чрезвычайно сложное структурное сочетание чувственных, интеллектуальных, волевых, эмоциональных качеств личности, формирующихся и проявляющихся в системе мыслительных, мнемонических, волевых, сенсомоторных и других действий, обеспечивая достижение поставленных целей деятельности в изменившихся условиях их протекания. Умение формируется в деятельности и определяется ее объективными и субъективными специфическими особенностями, т.е. умение – это готовность к практическим действиям, выполняемым сознательно на основе приобретенных знаний [1]. Также под речевыми умениями понимают такое практическое владение языковыми средствами, которое позволяет организовать речевое высказывание, оптимально решающее коммуникативную задачу и прогнозировать его воздействие [9].

Речевые коммуникативные умения (далее РКУ) – это умения:

- точно, доступно, без затруднений излагать материал, опираясь на большой лексический запас и знания в профессиональной области;
- владеть логикой как качеством грамотной речи;
- владеть синтаксисом языка;
- использовать необходимые стилистические обороты и словосочетания;
- различать особенности устной и письменной речи;
- находить и реализовывать адекватную форму изложения материала, включая образность и выразительность речи, а также интонационный рисунок, тональность, тембр применительно к устной форме речи [2].

РКУ формируются как стихийно в процессе практического освоения языка, так и целенаправленно в процессе работы по овладению конкретными умениями. Необходимость формирования РКУ в высшей школе несомненна, так как высокий уровень владения ими – это помощь в процессе написания рефератов, курсовых и дипломных работ (развиваются умения письменного изложения материала и создания грамотных, понятных текстов), а также подготовке устных ответов. В будущей профессиональной деятельности речевая культура и РКУ являются неотъемлемой частью компетентности и показателем высокого профессионализма специалиста, так как современному обществу нужен не просто специалист, а профессионал, интегрирующий культуру знаний, речи, чувств, общения, творчества. Недостатки же коммуникативного развития препятствуют профессиональному и личностному росту специалиста

Основными показателями определения сформированности речевых умений являются: знания структуры языка и возможностей их применения в речевой деятельности, осознанность применения данных знаний, оптимальность выбора и использования языковых средств в зависимости от условий и ситуаций общения.

Анализируя операциональный компонент речевой культуры, можно предположить, что в речевых умениях можно выделить два основания:

- умения, основой которых является смысловое восприятие речи других: умение слушать, умение следить за логикой изложения собеседника, умение соотносить услышанное с приобретением знаний, умение осмысливать речевые формы, умение связывать конкретные факты с выводами;
- умения, суть которых составляет выражение собственно речевой деятельности, т.е. излагать свои мысли в устной или письменной форме: умение задавать вопросы, умение размышлять вслух, умение возражать, умение утверждать свою точку зрения, умение доказывать, умение выражать свое отношение к высказываемому [4].

Коммуникативно-деятельностный подход к формированию культуры речи позволил определить следующие РКУ:

- имитативные умения, соотносимые с созданием речевых высказываний по образцам;
- моделирующие умения, позволяющие студентам конструировать тексты в устной и письменной формах;

- спонтанные, определяющие овладение неподготовленной речью в конкретных ситуациях и условиях общения.

Для определения степени развития речевых коммуникативных умений студентов были определены следующие показатели:

- знание структуры языка и возможности их применения в речевой деятельности;
- осознанность применения данных знаний;
- оптимальность выбора и использования языковых средств в зависимости от условий и ситуации общения.

Процесс формирования профессионально-речевой культуры студентов в условиях обучения в вузе обусловлен необходимостью адаптированного и комплексного характера построения учебного процесса применительно к уровням и особенностям речевой подготовки студентов с учетом коммуникативных потребностей личности. Невозможно осуществить полноценное усвоение знаний, развитие умений и навыков по различным дисциплинам, если уровень языковой подготовки студента, т.е. осуществление всех видов речевой деятельности (говорение, письмо, чтение и аудирование), оставляет желать лучшего. При этом студент должен уметь воспринимать и осмысливать научную и научно-учебную речь, которая отличается, как и профессиональная, большим количеством термином, профессионализмов, научной фразеологией, преобладанием абстрактной лексики, сложностью изложения и насыщенностью содержания.

Коммуникативные потребности студентов, не ограничиваясь рамками учебной деятельности, реализуются и в разговорном стиле речи, который, в противоположность научному стилю, отличается простотой и доступностью, спонтанностью высказывания, употреблением бытовой лексики. Кроме этого, расширение международных связей, коммерческая и научно-исследовательская деятельность в области образования требуют знаний официально-делового назначения, что предусматривает определенную стандартность, обязательность использования языковых и речевых средств. И, наконец, важное место в учебном процессе занимают публицистический и литературно-художественный стили, которые нацеливают на дискуссионный, полемический, творческий характер приобретения знаний; предполагают личностную направленность; ценностную ориентацию, что связано с эмоциональностью, побудительностью, эстетичностью речи, оценочным отношением к сообщаемому [5].

Специфика вузовского обучения заключается в том, что студенты будут вовлечены во все виды речевой деятельности, являющиеся составными частями образовательного процесса в целом. Кроме того, будущая профессия также требует овладения всеми видами речевой деятельности, особенно в «лингвоинтенсивных» специальностях, к которым относятся юриспруденция, менеджмент, педагогика, психология, сфера сервиса и туризма, журналистика и др.

Констатирующий эксперимент ставил целью установление исходных показателей развития речевых коммуникативных умений, т.е. изучалась степень выраженности речевых коммуникативных умений в зависимости от ситуаций и условий общения, уровня языковой подготовки студентов, возможности применения коммуникативно-деятельностного подхода, усиления лингвистической основы для развития данных умений.

Для проведения опытно-экспериментальной работы нами были определены контрольные и экспериментальные группы. Участникам эксперимента для определения степени развития речевых коммуникативных умений было предложено выполнить задания, которые включали в себя языковой материал, связанный со всеми речевыми коммуникативными умениями студентов:

- имитативными (расставить ударение, выбрать по образцу точное слово из ряда слов, построить словосочетания и предложения по образцу и др.);
- моделирующими (осуществить трансформацию слова, словосочетания, предложения, найти и исправить речевые ошибки и др.);
- спонтанными (обратиться в условиях конкретной речевой ситуации кому бы то ни было: поздороваться, завязать беседу, выразить сожаление, радость, удивление и др., составить письменный текст и т.д.).

Анализ выполненных заданий показал, что участники эксперимента как контрольных, так и экспериментальных групп испытывают трудности в понимании данных заданий, оценке правильности их выполнения, не обладают необходимым уровнем лингвистических знаний о структуре языка в целом, его коммуникативных возможностях, не всегда умеют соотнести теоретические знания с конкретной речевой деятельностью, особенно в различных ситуациях и условиях общения. Результаты констатирующего эксперимента отражены в сводной таблице 1. Приведенные в таблице цифровые данные показывают, что студенты контрольных и экспериментальных групп обладают средним уровнем развития речевыми коммуникативными умениями имитативного и моделирующего характера, а спонтанные умения у них развиты слабо. Следовательно, есть необходимость осуществлять более целенаправленный процесс развития речевых коммуникативных умений студентов.

Таблица 1 – Результаты проявления речевых коммуникативных умений студентов на констатирующем этапе эксперимента (в %)

Группы	Степень проявления речевых коммуникативных умений			Средний показатель
	имитативные	моделирующие	спонтанные	
Контрольные группы	76,3	61,4	41,8	59,8
Экспериментальные группы	77,1	59,2	40,4	58,9

В условиях обучения в вузе, отличающихся приближенностью к условиям естественной коммуникации, сознательностью обучения, положительной мотивацией студентов к данному процессу, профессиональным самоопределением, развитие РКУ является необходимым для адекватного восприятия и отражения действительности в различных ситуациях общения, использования средств языка для выражения своих мыслей, прогнозирования на основе

оценочного отношения к своей и чужой речи, ее воздействия на слушателя или читателя, что в конечном итоге будет способствовать ускорению коммуникативной адаптации личности [7].

При этом развитие РКУ студентов связано с различным уровнем языковой подготовки, знаний о структуре и системе языка в целом, условиями языкового развития и становления личности, что требует коррекции речевых коммуникативных умений студентов и их развития. В этой связи в осуществлении коммуникативно-деятельностного подхода к развитию РКУ нами была сделана попытка усилить лингвистические основы обучения как базу развития названных умений.

Выделив в структуре коммуникативной деятельности этап отбора языковых средств, выбор слов, построение словосочетаний, предложений и, в целом, текста, взяв его за основу формирования профессионально-речевой культуры, мы поставили целью раскрыть речевую деятельность в коммуникативном и структурно-языковом аспектах. Для этого было осуществлено развитие РКУ в тесной связи с познанием структуры и системы языка, построением, воспроизведением, пониманием и оценкой своей и чужой речи. Усиление лингвистической основы позволило бы развивать РКУ уже более сознательно, с опорой на систему ориентиров, в качестве которых выступали бы знания о структуре языка и особенностях коммуникативного воздействия. Кроме того, лингвистическая направленность развития РКУ строилась бы на основе поэтапного развития, их постепенного усложнения. При этом необходимо учитывать, что сам процесс развития РКУ должен быть максимально приближен к условиям естественной коммуникации, коммуникативным потребностям студентов, возникающим в сфере их учебной, бытовой и будущей профессиональной деятельности.

Усиление лингвистического аспекта должно быть связано с сочетанием изучения языковых единиц разных уровней с развитием РКУ посредством поэтапного их развития: от лексемы к словосочетанию и предложению, организуемым в текст (речь) в тесном взаимодействии с коммуникативной деятельностью студентов в условиях естественной коммуникации.

В контрольных группах развитие РКУ проходило в условиях комплексного овладения данными умениями без учета структурно-языкового состава и условий коммуникативной деятельности. В экспериментальных группах процесс строился также комплексно, но при этом лингвистические основы были реализованы за счет деления выполняемых заданий, упражнений на блоки: 1 блок – «лексема», 2 блок – «словосочетание», 3 блок – «предложение», которые, в свою очередь, организовывались в 4 блок – «текст». Осуществление экспериментальной работы строилось путем постепенного перехода от лингвистического анализа речи к лингвистическому синтезу.

В процессе формирующего этапа экспериментальной работы осуществлялся синтез структурно-языкового состава функционирующих элементов языка и условий коммуникативной деятельности студентов как основы формирования их РКУ, непрерывность, систематичность и поэтапность данного процесса.

В экспериментальных группах в отличие от контрольных формирование профессионально-речевой культуры студентов осуществлялось:

- дифференцированно, с учетом уровня языковой подготовки студентов и индивидуальных особенностей личности;
- с усилением лингвистической основы формирования речевой культуры;
- с использованием различного типа коммуникативных заданий творческого характера (эвристических задач, дидактических игр, разыгрывание ролей, ситуационных и деловых игр, конкурсов, редакторских правок текста, речевых наблюдений и др.);
- с опорой на самостоятельность выполнения заданий;
- на основе коммуникативных потребностей студентов в условиях вузовского обучения.

В контрольных группах формирование речевой культуры студентов строилось:

- менее целенаправленно и поэтапно: с использованием заданий репродуктивного и репродуктивно-продуктивного уровня (карточки-упражнения, традиционные формы заданий к упражнениям, тесты);
- без учета уровня языковой подготовки студентов;
- без опоры на коммуникативные потребности личности;
- вне рассмотрения лингвистического анализа и синтеза;
- в условиях, не связанных с коммуникативными условиями будущей профессиональной деятельности и повседневной жизни.

Подводя в целом итоги рассмотрения процесса развития РКУ студентов как одного из критериев формирования профессионально-речевой культуры студентов, результатов экспериментальной работы можно сделать следующие выводы.

В структуре коммуникативно-деятельностного подхода к формированию профессионально-речевой культуры студентов в системе обучения в вузе важное место занимают РКУ, основу которых составляют имитативные, моделирующие и спонтанные умения, развитие которых осуществляется в процессе коммуникативной деятельности.

Развитие РКУ студентов в процессе обучения в вузе должно быть максимально приближено к условиям естественной коммуникации, коммуникативным потребностям, возникающим в деятельности студентов.

Общность языкового материала, на базе которого происходит развитие речевых коммуникативных умений, реализуется в речи и составляет языковую компетенцию личности. Базой для развития РКУ студентов является системное (осознанное) усвоение необходимых лингвистических знаний. В контексте речевой коммуникативной деятельности студентов необходимо сочетать изучение языковых единиц разных уровней с развитием РКУ. Процесс развития РКУ студентов следует осуществлять в условиях усиления лингвистической основы посредством поэтапного формирования от слова к словосочетанию, предложения и тексту во взаимосвязи с естественной коммуникативной деятельностью.

Литература

1. Дридзе, Т. М. Язык и социальная психология / Т. М. Дридзе. – М. : Высшая школа, 1980.
2. Кузнецова, В. А. Формирование логико-информационных и речевых коммуникативных умений студента в процессе изучения математики [Электронный ресурс] / В. А. Кузнецова. – Режим доступа: http://vestnik.yspu.org/releases/uchenuie_praktikam/15_2/
3. Ладыженская, Т. А. Устная речь как средство и предмет обучения: Учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / Т. А. Ладыженская. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
4. Минеева, С. А. Основы мастерства устного выступления: как подготовить полемиста / С. А. Минеева. – Пермь, 1991.
5. Плещенко, Т. П. Стилистика и культура речи: Учебное пособие для студентов вузов / Плещенко Т. П., Федотова Н. В., Чечет Р. Г. / Под ред. П. П. Шубы. – Минск, 2001. – 544 стр.
6. Попова, Е. П. Формирование профессионально-речевой культуры будущих специалистов по сервису и туризму в процессе обучения в вузе: дис. ... кан. пед. наук: 13.00.08. / Елена Павловна Попова. – Ставрополь, 2003. – 164 стр.
7. Солдатов, В. М. Научные основы формирования речевой культуры у студентов вузов / В. М. Солдатов. – Белгород: Задонье, 2000.
8. Соколова, В. В. Культура речи и культура общения / В. В. Соколова. – М. : Просвещение, 1995. – 190 стр.
9. Шнейдер, В. Б. Моделирование прагматической коммуникации: дис. ... докт. филос. наук: 09.00.01. / Владимир Брунович Фомин. – Екатеринбург, 2000. – 289 стр.

УДК 81'42:32

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ
POLITICAL DISCOURSE AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH**

*Коваленко А. Н., Бердянск, Бердянский государственный педагогический университет,
аспирант кафедры общего языкознания и славянской филологии*

*Kovalenko A. N., Berdyansk, Berdyansk State Pedagogical University, Post-Graduate at
Department of General Linguistics and Slavic Philology*

e-mail: anna84kovalenko@mail.ru

*Аннотация: В статье предпринята попытка анализа политического дискурса,
выделение его разновидностей и основных характеристик.*

*Annotation: The article is an attempt to analyze the political discourse, the allocation of its
varieties and fundamental characteristics.*

Ключевые слова: политика, политический дискурс, текст, манипуляция.

Key words: politics, political discourse, text, manipulation.

Политика – особый вид человеческой деятельности, направленный на борьбу за власть, движущей силой которой, является стремление изменить свой статус в обществе, расширить сферы влияния. Политическая деятельность всегда связана с определенной долей риска, поскольку реальный результат выборов не всегда совпадает с прогнозируемым. Демократизация современной общественной жизни, проникновение политики в различные сферы жизни человека обусловили повышенный интерес к языку политической коммуникации, чем и определяется актуальность нашего исследования.

Целью нашего исследования является определение ключевых характеристик политического дискурса. Достижение цели предопределяет решение следующих задач: изучение трактовок понятия «дискурс»; анализ современных подходов к изучению политического дискурса; попытаться сформулировать собственное определение политического дискурса; выделить характеристики политического дискурса; изучить разновидности политического дискурса.

Проблема разграничения понятий «дискурс» и «текст» в лингвистической науке остается открытой. Единого определения дискурса не существует. Впервые дифференцирует эти понятия Э. Бенвенист. Он называет текстом безлично-объективистское повествование, а дискурсом – живую речь, предусматривающую коммуникативный контакт говорящего и слушающего [3].

В исследованиях голландского лингвиста Т. А. ван Дейка под дискурсом подразумевается сложное единство языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью коммуникативного события или коммуникативного акта. Согласно его теории, дискурс невозможно ограничить рамками конкретного языкового высказывания, поскольку он является сложным коммуникативным явлением, включающим в себя социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщений [4].

По утверждению российского ученого В. И. Карасика дискурс «представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в «сухом остатке» общения, с другой стороны» [5].

Украинский лингвист Ф. С. Бацевич определяет дискурс как «тип коммуникативной деятельности, интерактивное явление, речевой поток, <...> который реализуется в пределах конкретного канала общения, регулируется стратегиями и тактиками участников» [2].

Изучением специфики политического дискурса занимаются не только лингвисты, но и политологи, социологи, философы.

Вопросы исследования политического дискурса лежат в плоскости специфической отрасли языкознания, возникшей на стыке собственно языкознания и политологии – политической лингвистики. Эта отрасль науки фокусирует свое внимание на исследовании лингвистических средств используемых в сфере политической коммуникации, манипулятивном воздействии на общественное сознание в процессе борьбы за власть. Исследования в этой отрасли помогают «лучше понимать происходящие в современном мире политические процессы, научиться видеть подлинный смысл выступлений политических лидеров и используемые ими способы манипуляции общественным сознанием» [10].

Изучение феномена политического дискурса в современных исследованиях реализуется в трех аспектах: социолингвистическом, прагматическом и когнитивном «в пределах которых он отражает весь комплекс взаимоотношений между человеком и обществом, моделирует культурные ценности в языковых коллективах, языковые стратегии говорящих, формирует социальный порядок и концептуальную картину мира» [6].

Повышенный интерес исследователей к изучению политических текстов объясняется рядом определенных факторов. Дихтомия «язык–речь» привлекала внимание лингвистов во все времена. Сегодняшняя действительность не является исключением, поскольку современная научная парадигма характеризуется тяготением к антропоцентризму. На первый план выступают исследования в сферах реального употребления языковых единиц в процессе коммуникации, роль человека в процессе порождения и восприятия речи.

Выявление связи мышления и поведения участников политической коммуникации является одним из важнейших факторов построения прогностических моделей для политологов и политтехнологов. В связи с этим изучение теоретических основ манипуляции

при помощи языковых средств имеет практическую ценность, поскольку политические технологии призваны оказывать манипулятивное воздействие на сознание избирателя, а тенденция демократизации общественной жизни побуждает индивида освободить собственное сознание от навязанных стереотипов поведения и мышления.

Единой общепринятой трактовки политического дискурса не существует. Так, Е. И. Шейгал, называет политическим дискурсом «любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики» [11].

А. Н. Баранов под политический дискурсом понимает «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых, или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [1].

Ф. С. Бачевич отмечает, что политический дискурс характеризуется направленностью на будущий контекст. Выгодность данного контекста обусловлена тем, что тезисы обращенные в будущее сложно отрицать, невозможно в данное время проверить. Исследователь отмечает, что ключевым в политическом дискурсе является образ врага, постоянно виноватого в том, что ситуация не является такой, как планировалось [2].

В своей работе мы руководствуемся следующим определением: политический дискурс – это речевые образования, касающиеся сферы политической деятельности, актуализирующиеся в определенном контексте.

В работе А. В. Рыбакиной представлена классификация разновидностей политического дискурса:

- институциональный (в рамках политической коммуникации используются только тексты, созданные политиками, либо для политиков);
- масс-медийный (тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, интернета);
- официально-деловой (тексты, предназначенные для сотрудников государственного аппарата);
- тексты, созданные "рядовыми гражданами", которые, не являясь профессиональными политиками или журналистами (письма и обращения, адресованные политикам или государственным учреждениям, письма в СМИ);
- «политические детективы», «политическая поэзия» и тексты весьма распространенных в последние годы политических мемуаров;
- посвященные политике тексты научной коммуникации [9].

Сложность и многомерность политическое дискурса не всегда дает возможность четко разграничить указанные разновидности, поскольку в процессе реальной коммуникации, возможно их пересечение.

Коммуникативной целью участников политического дискурса является манипулирование сознанием с одной стороны (политический деятель), и необходимостью распознать истинные интенции с другой стороны (избиратель). Политический деятель видит целью своего обращения к избирателю определенное речевое воздействие, и именно эта цель

является основным критерием отбора лингвистических единиц. Предвыборные агитационные выступления призваны убедить избирателя в правильности той или иной политической позиции, побудить к определенному действию (отдать свой голос на выборах за определенного кандидата). В свою очередь реципиент (избиратель) в процессе политической коммуникации должен уметь распознать истинные коммуникативные намерения продуцента, дабы сделать определенный выбор.

Для политического дискурса характерно преобладание массового адресата, поскольку выступления политических деятелей в большинстве своем, происходят либо перед большой аудиторией (на площадях, в актовом залах предприятий и т.п.) либо опосредованы СМИ (печатные издания, телевизионные трансляции выступлений). Выступление современного политика включает в себя не только вербализированный текст, но и ситуативный контекст. Важной характеристикой является также фактор эмоциональности выступления, некая «театрализованность», необходимость поддерживать определенный образ, политический имидж.

Важнейшими функциями политического дискурса, по утверждению В. Павлуцкого, являются функции убеждения и политической пропаганды [8]. Анализируя функции политического дискурса, Т. И. Никишина приходит к выводу, что «дискурс не воспроизводит структуры окружающего мира, а производит власть в ходе процессов специфической актуализации языка» [7].

Таким образом, из сказанного выше можно сделать вывод, что политический дискурс является сложным многомерным образованием, обладающим определенными разновидностями, функциями, набором характеристик, которые являются дифференцирующими для данного дискурса.

Перспективой нашего исследования является более подробное изучение функций политического дискурса.

Литература

1. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учебное пособие / А. Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
2. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики : [підручник] / Ф. С. Бацевич. – К. : Академія, 2004. – 343 с.
3. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
4. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ванн Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 307 с.
5. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
6. Моїсєєва, Н. О. Політичний дискурс – форма соціальної взаємодії / Н. О. Моїсєєва / Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. – С. 130–133.

7. *Никишина, Т. И.* Функции политического дискурса как основные пути манипуляции политическим сознанием / Т. И. Никишина // Язык. Культура. Общество : сб. науч. тр. : материалы II Междунар. науч. конф. «Межкультурная коммуникация в современном обществе», Саранск, 31.10.2011 г. / МГУ им. Н. П. Огарева, ИСИ, каф. лингвистики и межкультур. коммуникаций [редкол. : Л. М. Лемайкина (отв. ред) и др.]. – Саранск, 2011. – Вып. 3. – С. 119–121.

8. *Павлуцкий, В. А.* Политический дискурс: особенности и функции / А. В. Павлуцкий // Вестник Житомирского государственного университета. Выпуск 39. Филологические науки. – Житомир, 2008. – С. 220–221.

9. *Рыбакина, А. В.* Проблемы политического дискурса [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2009/II/uch_2009_II_00039.pdf

10. Современная политическая лингвистика : учебное пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова ; отв. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2011. – 252 с.

11. *Шейгал, Е. И.* Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : Волгоград : Перемена, 2000. – 367 с.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ INFORMATION FOR AUTORS

Уважаемые авторы!

Журнал «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» приглашает к сотрудничеству преподавателей вузов, научных работников, аспирантов и соискателей. Обращаем ваше внимание на то, что к публикации в Вестнике принимаются статьи, соответствующие заявленным рубрикам и обладающие научной новизной. Решение о включении статей и других материалов в журнал принимает редакционная коллегия, которая не гарантирует публикацию всех предоставленных материалов.

Рукописи и дискеты (диски) как опубликованных, так и неопубликованных материалов не возвращаются.

Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, технических, социологических, психологических и иных данных, имен собственных, цитат и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Статьи, опубликованные или принятые в другие издания, не принимаются.

Максимальный объем статьи (статей) для одного автора или коллектива соавторов составляет 15 страниц, минимальный – 6 страниц: *Всем авторам будет роздан 1 экземпляр журнала.*

Вместе с тем, за рецензирование рукописей, представленных для опубликования, взимается плата в рамках оказываемых редакционной коллегией платных дополнительных образовательных услуг. Оплата производится из расчета 150 (сто) рублей за рецензирование одной страницы рукописи, представленной для опубликования, в соответствии с предъявляемыми редакционной коллегией требованиями. Оплата производится наличными средствами в кассу учредителя журнала – Негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Северо-Кавказский гуманитарный институт» по адресу: г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 312А, либо посредством перечисления безналичных средств по следующим реквизитам:

ИНН 2635044678

КПП 263501001

БИК 040702660

р/счет 40703810860220100699 в Северо-Кавказском банке СБ РФ

кор/счет 30101810600000000660

ИНН банка 7707083893

При перечислении следует указывать ФИО автора рукописи; в наименовании платежа: дополнительные образовательные услуги за рецензирование рукописей, на ___ страницах.

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить лицензионный договор и договор об оказании платных дополнительных образовательных услуг по рецензированию рукописей, которые можно скачать на сайте: www.skgi.ru

Электронную версию печатного издания можно будет скачать бесплатно на сайте: www.skgi.ru

СТАТЬИ АСПИРАНТОВ, ГДЕ АСПИРАНТ ЕДИНСТВЕННЫЙ АВТОР, ПУБЛИКУЮТСЯ БЕСПЛАТНО!

Авторы должны предоставить справку, заверенную по месту учебы аспиранта.

Научные направления журнала:

1. Экономические науки;
2. Юридические науки;
3. Философские науки;
4. Социологические науки;
5. Исторические науки;
6. Политические науки;
7. Физико-математические науки;
8. Технические науки;
9. Педагогика и психология;
10. Филологические науки.

Текст статьи, представленный автором, будет принят редакцией к рассмотрению только в случае соблюдения автором следующих условий оформления:

- **формат бумаги** – А4 (21 см х 29.7 см);
- **ориентация** книжная;
- **поля**: левое – 2,5 см, верхнее, нижнее, правое – 2 см;
- **текстовый редактор** Microsoft Word;
- **шрифт** Times New Roman;
- **размер шрифта** 14;
- **межстрочный интервал** полуторный;
- **абзацный отступ** 1,25.

Название файла содержит номер тематического направления и фамилии всех авторов: например, *Иванов*.

В левом верхнем углу первой страницы печатается **УДК (ББК)** (*шрифт* – жирный), ниже через строку **название статьи** строчными буквами без переносов (*шрифт* – жирный, *выравнивание* – по центру) на русском и английском языках, затем через строку **инициалы и фамилии авторов, город и место работы** (*выравнивание* – по центру) на русском и английском языках, через строку – **аннотация** на русском и английском языках, ниже через строку – **ключевые слова** на русском и английском языках.

Аннотация объемом не более 3 строк должна кратко излагать предмет статьи и основные содержащиеся в ней выводы, **ключевые слова** (3 до 6 слов) должны отражать

проблематику публикации. *Шрифт* – курсив, *форматирование* выравниванием по ширине страницы.

Текст статьи выравнивается по ширине. При наборе текста не следует делать жесткий перенос слов со знаком переноса. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть расшифрованы при первом появлении их в тексте. **Разделы и подразделы статьи** нумеруются арабскими цифрами, выделяются полужирным шрифтом и на отдельную страницу не выносятся.

Необходимо различать в тексте **дефис (-)** (например, черно-белый, бизнес-план) и **тире (–)** (Ctrl+пробел+ «←»).

Если вы используете кавычки, они должны иметь вид так называемых «елочек» (« »). Если в тексте встречаются внутренние и внешние кавычки, то они должны различаться, например: ООО «Издательство “Макрос ”».

Таблицы в тексте должны быть выполнены в редакторе Microsoft Word (не отсканированы и не в виде рисунка). Таблицы должны располагаться в пределах рабочего поля. Таблицу при переносе на следующую страницу не разрывать (не копировать шапку, не делать отступы клавишей Enter). Таблицы нумеруются сверху. **Форматирование номера таблицы и ее названия:** *шрифт* обычный, *выравнивание* – слева. **Форматирование таблицы:** *шрифт* обычный, *размер шрифта* 12 пт, *выравнивание* – по центру, *межстрочный интервал* - одинарный.

Пример:

Таблица 1 – Название таблицы

№п/п			

Рисунки размещаются в рамках рабочего поля. Допускается использование рисунков в форматах JPEG и GIF. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров и быть представлены единым элементом. Используемое в тексте сканированное изображение должно иметь разрешение не менее 300 точек на дюйм. *Положение рисунка* – в тексте. Рисунки нумеруются снизу, **подпись под рисунком** выравнивается по центру.

Пример:

Рисунок 1 – Название рисунка

Количество таблиц в документе **не более 3-х**, количество рисунков – **не более 5**.

Формулы должны быть набраны с использованием формульного редактора Microsoft Equation 3.0 или Math Type, выравниваются по центру, их номера – в круглых скобках по правому краю.

Нумерация страниц и колонтитулы не используются.

Ссылки на литературу в тексте указываются в квадратных скобках с указанием номера источника, например: Текст статьи ... текст статьи ... [1]. Текст статьи ... [2] и т.п.

Список литературы приводится в конце статьи и должен быть озаглавлен «**Литература**» (*шрифт* полужирный, *форматирование* – по центру). Используемые источники должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ 7.1-2003(форматирование выравниванием по ширине страницы).

На отдельном листе прилагаются сведения об авторах

Статьи принимаются по адресу: 355041, г. Ставрополь, ул. Лермонтова 312-А, (Северо-Кавказский гуманитарный институт) или по электронной почте skgi_institut@mail.ru

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Порядок рецензирования рукописей, представляемых для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, представляемых для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» (далее - Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, представляемых авторами для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» (далее - Журнал)
2. Каждая рукопись, представленная в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.
3. Рукопись научной статьи, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет соответствия рукописи научной статьи профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.
4. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии Журнала, имеющий наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Редакция имеет право привлекать внешних рецензентов, как правило, имеющих ученую степень и(или) ученое звание, а также специалистов-практиков.
5. Рецензенты уведомляются о том, что представленные для рецензирования статьи являются частной собственностью авторов и содержат сведения, не подлежащие разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.
6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензии предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.
7. Рецензия в обязательном порядке должна быть предоставлена по соответствующему запросу экспертных советов в Высшую аттестационную комиссию Министерства образования и науки Российской Федерации.
8. Сроки рецензирования рукописей:
 - 8.1. Главный редактор Журнала рассматривает представленную к публикации рукопись в течение десяти дней с момента получения рукописи редакцией.
 - 8.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.
 - 8.3. В сроки, указанные в п.п. 8.1. и 8.2. Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.
 - 8.4. По согласованию редакции и рецензента, рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью включения статьи в ближайший номер Журнала.
9. Содержание рецензии.
 - 9.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:
 - 9.1.1. соответствие содержание статьи ее названию;

-
- 9.1.2. актуальность темы исследования;
- 9.1.3. научная новизна полученных результатов;
- 9.1.4. целесообразность публикации статьи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;
- 9.1.5. подача материала (язык, стиль, используемые категории и обороты).
- 9.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору и редакции по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного и методического уровней рукописи.
- 9.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:
- 9.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати;
- 9.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати с внесением технической правки;
- 9.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати после устранения автором замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту;
- 9.3.4. рекомендовать отказать в публикации статьи в открытой печати по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню Журнала.
10. В случае принятия рецензентом решения, указанного в п.п. 9.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, статья считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.
11. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в п.п. 9.3.2 - 9.3.4 Порядка, текст рецензии в обязательном порядке направляется автору рукописи.
12. В случае отрицательной оценки рукописи в целом, рецензент должен убедительно обосновать свои выводы.
13. В случае принятия рецензентом решения рекомендовать рукопись к принятию к публикации, статья принимается к публикации в Журнале с обязательным уведомлением автора.
14. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение трех лет с момента их подписания рецензентом

THE ORDER OF REVIEWING MANUSCRIPT

The order of reviewing manuscript submitted for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin»

1. This order of reviewing manuscript submitted for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin» (hereinafter – The order) determinates the order of reviewing manuscript of scientific articles submitted by authors for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin» (hereinafter – the Bulletin).
2. Every manuscript submitted to the Editorial staff of the Bulletin must pass a reviewing procedure.
3. Scientific article manuscript received by Editorial staff is considered by the Chief editor for the Bulletin profile adequacy, requirements for registration and then sent to a specialist reviewing.
4. Reviewing is done by the member of the Editorial staff who has the closest scientific specialization with the topic of article. Editorial staff has the right to engage external reviewers, generally with scholastic degree and (or) academic degree, as well as practitioners.
5. Reviewers are notified that the articles submitted for review are the private property of the authors and contain information that is not to be disclosed. Reviewers are not allowed to make copies of articles and pass them to third parties.
6. Reviewing is confidential for the article's authors. Reviews can be passed to the author of the manuscript upon his written request, without the signature and the names, position and job of reviewer.
7. Review must be provided upon request of advisory councils to the Higher Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of Russian Federation.
8. Terms of reviewing manuscripts:
 - 8.1. The chief editor of the Bulletin considers the submitted manuscript within ten days of receipt the manuscript.
 - 8.2. Specialist reviews the manuscript within fourteen days from the moment he gets the manuscript from the chief editor.
 - 8.3. Weekends and holidays established by the legislation of the Russian Federation are not included in the terms mentioned in p.p. 8.1 and 8.2 of the Order.
 - 8.4. According to Editorial staff and reviewer' agreement reviewing can be done in a shorter time to include the article in the next Bulletin edition.
9. The content of review.
 - 9.1. The review must include expert estimation of the manuscript for the following options:
 - 9.1.1. line content of the article to its name;
 - 9.1.2. topicality of the theme;
 - 9.1.3. scientific novelty of the results;
 - 9.1.4. suitability of publishing the article taking into account the previously issued literature on this subject;
 - 9.1.5. presentation of the material (language, style, categories and speed).

9.2. The reviewer may make recommendations to the author and Editorial staff to improve the manuscript. Reviewer comments and suggestions should be objective and based on principles, pointed at improving the scientific and methodological level of the manuscript.

9.3. Final part of the review must contain one of the following decisions:

9.3.1. recommend accepting the manuscript for publication in the press;

9.3.2. recommend accepting the manuscript for publication in the press with technical editing;

9.3.3. recommend accepting the manuscript for publication in the press after removal of the author of the reviewer comment and re-review;

9.3.4. recommend to refuse publishing article in the press because of its non-compliance to requirements of the scientific level of the Bulletin.

10. If the reviewer decides as it mentioned in p. 9.3.3 of the Order modified (revised) author's article must be repeatedly sent to reviewing.

В случае принятия рецензентом решения, указанного в п.п. 9.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. If the reviewer takes the similar decision the article is excluded and is not to be considered any more.

11. In the case the reviewer takes decisions mentioned in p.p. 9.3.2. – 9.3.4 of the Order the reviewer's text must be sent to the manuscript author.

12. In the case the manuscript gets the negative assessment in general the reviewer must convectively justify his conclusions.

13. In the case the reviewer recommends the manuscript to publication the article is to be published in the Bulletin with obligatory notification of the author.

14. The originals of the reviews are stored in the Editorial staff for three years from the moment of the reviewer signing.